

Дмитрий Григорьев

КРОВЬ или СЕМЬДЕСЯТ ДВА ЧАСА

Медицинская мистика

Ондиманд

Художественное оформление автора

Григорьев Д. Н.

Кровь или семьдесят два часа: Роман / Дмитрий Григорьев –
Ондиманд, 2010. – 330 с. Первое издание.

ISBN 1-449-97826-6

Вы скажете – мистика! И ошибетесь! Все происходит на самом деле. Ох, как нелегка жизнь девушки с врожденным недугом! Редкий генетический дефект отнял у нее здоровье, но одновременно наградил необычными способностями. Многие события, происходящие в ее жизни, для окружающих кажутся счастливыми случайностями, но она знает, что без ее вмешательства здесь не обошлось. Однако судьба подвергает ее жестоким ударам, которые непосвященные связывают с ее болезнью, но настоящий источник всех бед лежит намного глубже. Именно с ним она и вступает в неравный бой. Для этой борьбы необходимы знания накопленные знахарями и ведуньями древней Померании. Их опыт, пронесенный через века, помогает главной героине на ее нелегкой стезе. Но силы слишком неравны. На грани поражения, она попадает в реанимацию американской больницы...

Совпадения некоторых мест, названий, событий и персонажей являются случайными.

Пролог

Деятнадцатого августа 1620 года город Штатин был окутан необычайно густым туманом. За сорок лет сознательной жизни диссипатор не мог припомнить такого непроглядного марева. Клубы сырого тумана врывались в столицу Восточной Померании со стороны Балтийского моря и путались под ногами у ранних прохожих. Чуткое ухо диссипатора уловило нервный шепот, донесшийся со стороны обогнавших его горожан:

— Не лучше ли остаться дома? Не иначе, это проделки сатаны!

Но любопытство и тяга самолично лицезреть ужасную казнь брали верх. Размеренная жизнь древней Померании вот уже несколько дней была взбудоражена известием о поимке Сидонии, прозванной в народе янтарной ведьмой.

«Любопытство погубило кошку! — вспомнил диссипатор поговорку своей жены и посмотрел вслед удаляющейся группе. — Хорошо еще, что у них хватило ума не охотиться за детьми ведьмы».

В погоне за неслыханно щедрым вознаграждением многие отравились в прибрежные леса Одера. Диссипатор лучше других знал, что платить было за что. Когда-то отвергнутая младшим сыном правителя Восточной Померании, прекрасная Сидония своими проклятиями стугбила бросившего ее жениха, а вместе с ним и его братьев. Оставшийся без наследников герцог жаждал крови и не скупился на посулы.

«Отдай хоть всю казну, но даже армии добровольцев не хватит, чтобы прошерстить все леса от Пруссии до Польши!» — успокаивал себя диссипатор.

Он отделился от нарастающего потока людей и направился в сторону ближайшего холма, возвышавшегося над городом. Пусть с него не было видно деталей, зато вся площадь, где состоится казнь, была как на ладони. Сегодня, как заявил герцог, здесь будет сделан первый шаг на пути жестокого возмездия за его убиенных сыновей. По планам правителя, главную виновницу несчастий его семьи сегодня наконец-то сожрет священный огонь и избавит землю от этого исчадия ада.

«Хочешь рассмешить Бога — поделись с ним своими планами!» — зло подумал диссипатор, посмотрев в сторону замка герцога, серые башни которого возвышались над густым туманом.

Где-то там, в глубине каменных подземелий держали Сидонию. Диссипатор уселся на вершине холма и стал пристально наблюдать за происходящим. Когда первые лучи солнца с трудом начали про-

бываться сквозь вязкий туман, на городской площади уже собралась внушительная толпа зрителей. Людские ручейки из примыкающих улиц быстро наполняли площадь, и вскоре там уже негде было яблоку упасть.

«Они пришли за одним зрелищем, а увидят совсем другое, еще более незабываемое! — возбужденно подумал диссипатор. — Эти жадные до зрелищ людишки узнают, кто вершит судьбы мира! Сегодня я впервые нарушу клятву ордена, и пусть братство диссипаторов меня покарает, но я не дам Сидонии умереть!»

Появление на площади повозки с осужденной только укрепило его в своем решении. Толпа загудела как встревоженный улей и успокоилась лишь тогда, когда ведьму привязали к столбу. Торговцы разной снедью выныривали то там, то здесь, предлагая свой вкусно пахнущий товар, но к их разочарованию желающих перекусить в ожидании казни находилось немного. Сквозь рассеивающийся туман зрители с неприкрытым ужасом смотрели на ведьму в окровавленных одеждах, и последнее, о чем они думали, так это о еде.

Теплый августовский ветер ласкал черные как смоль кудри Сидонии несущие редкие вкрапления ниточек седины. Она с наслаждением подставляла свое изуродованное пытками лицо влажному дыханию моря, которое в это утро было спокойно. Безмятежность едва видимой сквозь дымку водной глади с каждым вздохом передавалась и ей. Она смотрела в туманную даль единственным глазом, и чуть заметная улыбка играла на ее губах. Ветер донес до нее тихий вопрос, адресованный стражнику:

— Почему ее не ослепили?

Люди прятались друг за друга, боясь попасть под ее цепкий взгляд. Казалось, что она усмехается над ними, и от этого становилось жутко.

— Наш господин приказал не выжигать один глаз, — тихо поведал сведущий стражник и прошептал, оглядываясь на маячившего подле столба герцога. — Он хочет, чтобы вид самой казни приумножил ее мучения.

Повелитель Восточной Померании был неспокоен. Он нервно ходил вокруг кучи хвороста и долго разглядывал приговоренную, пытаясь увидеть хоть какие-то признаки страха. Но, к его великому разочарованию, ни один мускул не дрогнул на ее лице. Сидония смотрела вдаль, ничего и никого не замечая. Ее замутненный взор плыл поверх толпы — в ту жизнь, где она была молода и счастлива...

Еще маленькой девочкой все семейство графа Ван-Борка умилялось ею. Все подворье души не чаяло в этой миленькой и умненькой озорнице. Никто и не сомневался в том, что в один прекрасный день она станет невестой одного из сыновей правителя. И то-

гда богатеи Ван-Борки наконец-то породнятся с могущественным вассалом и займут достойное положение в правящей иерархии.

— Мы давно заслужили это! — не уставала напоминать мужу графиня. — Уже второе поколение нашего рода служит любимому наместнику короля верой и правдой!

— Я даже вспоминать не хочу, сколько нашего золота перекочевало в казну герцога! — сокрушался в ответ граф. — А этот скряга все еще считает нас чужими и не спешит приблизить ко двору!

Для простолюдинов Ван-Борки тоже продолжали слыть чужаками. Никто толком не знал, откуда появились новые обитатели заброшенного замка в дельте Одера. Ходили слухи, что они прибыли из туманного Альбиона: то ли из Шотландии, то ли из Ирландии. Но в тех землях слыхом не слыхивали о династии Ван-Борков, зато знали об одном исчезнувшем семействе, имя которого было строго-настрого запрещено произносить вслух.

Как гласила легенда, глава этой семьи был околдован девушкой неземной красоты, которая была на удивление сердечно принята домочадцами и вскоре родила ему трех наследников. С тех пор семья разрасталась и процветала. Соседние землевладельцы самым чудесным образом уступали им свои бескрайние луга и уголья за ничтожную плату. Их сыновья и внуки женились на самых богатых невестах в округе, получая неслыханное по тем временам приданое. Все было хорошо да ладно до тех пор, пока этот дом не решил породниться с королевской кровью...

Одним ненастным вечером у дверей настоятеля монастыря, ведающего летописями родословной королевской семьи, появилась закутанная во все черное женщина.

— Ваше святейшество! Какая-то черноликая особа просит у вас аудиенции! — доложил удивленный слуга. — Она утверждает, что принадлежит к дому одного из известных пэров Лондона.

— Проси! — не задумываясь, бросил священник.

Он был наслышан о привезенных из-за морей чернокожих красавицах, но лично лицезреть их ему еще не доводилось.

— Вы очень правильно сделали, что решили меня выслушать! — без церемоний, не обращая внимания на высокий сан, обратилась к нему гостья.

Настоятель только открыл рот, чтобы поставить непочтительную просительницу на место, но так и остался сидеть с отвисшей челюстью. Прямой колющий взгляд говорившей нес неприкрытую угрозу. Не менее устрашающими оказались и ее речи.

— Великая беда нависла над тобой! Если дьявольское семя проникнет в кровь благороднейших монархов, тебя, милый друг, обвинят во всех смертных грехах!

Священник пропустил «милого друга» мимо ушей. Необъяснимый страх обуял его.

— Продолжай! — встревожено сдвинулся он на край кресла и уперся огромным животом в резной стол.

— Ветвь одного из древнейших колдовских родов пытается вплестись в непорочное древо королевской семьи! Да хранит бог нашего короля! Чтобы, используя королевскую власть, защитить остальных ведьм от праведного преследования церкви!

— Кто?! — приподнялся священник.

— Их прошение лежит перед тобой!

Настоятель плюхнулся обратно в массивное кресло и посмотрел на только что вскрытый свиток на его столе.

— Откуда ты знаешь об этом прошении?!

Его вопрос повис в воздухе. Черноликой доносчицы в комнате не было...

— Пошлите за бригадиром соглядатаев! — прокричал он. — Сейчас же!

Не дожидаясь утра, группа шпионов настоятеля во главе с его тайным поверенным отправились в процветающее графство...

Вот уже три дня и три ночи предводитель соглядатаев сидел в придорожном трактире и ждал известий от своих помощников. Но никто из них так и не появился на пороге кабачка. Набравшись решимости, он заглотнул еще одну пинту крепкого вина и сам отправился в замок будущей родни короля. На подходе к замку он услышал то, что заставило его остановиться как вкопанного. Шедшие навстречу торговки обсуждали события этого утра.

— Сегодня у ворот замка снова нашли мертвого человека!

— Говорят, что он, как и двое других, был шпионом святой инквизиции!

— Да нет! Все они были любовниками черной вдовы. В ночь перед убийством каждого из них видели в обществе женщины, укутанной во все черное!

— Чего уши развесил! — прикрикнула одна из торговок на застывшего среди дороги прохожего и отодвинула его в сторону своими внушительными формами.

Тайный поверенный смотрел им вслед, переваривая услышанное.

— Как выглядели те трое несчастных? — попытался он остановить торговок, но они и ухом не повели, продолжая громко обсуждать главную новость утра.

— Твои люди не послушались меня! Может быть, ты будешь умнее? — неожиданно раздалось за его спиной.

Посланник настоятеля оглянулся, и сердце его оборвалось. Перед ним стояла стройная женщина, полностью закутанная в черный балахон, который оставлял лишь узкую щель для глаз.

— Черная вдова! — обомлел он.

— Сделаешь, что я велю, и спасешь свою жизнь!

Неизвестно откуда набежавший ветерок колыхнул полы одеяния женщины, открыв на мгновение длинный клинок.

«Боишься запачкаться кровью!» — с ужасом подумал соглашатель, глядя на руку в черной перчатке.

Потеряв от страха рассудок, он даже не понял, что это сама рука, державшая клинок, была черна как балахон женщины...

Докладывая действительно о своем героическом расследовании, тайный поверенный снова вздрогнул, вспоминая холодный блеск клинка. Поминая угрозы черной вдовы, он передал все слово в слово.

— Мать этого семейства несет в себе неисчерпаемую магическую силу. Эта колдовская мощь будет до скончания веков пребывать и приумножаться в их потомках! — с дрожью в голосе докладывал он. — Каждая новорожденная из этого бесовского гнезда таит в себе опасность нашему богоугодному укладу жизни!

Напуганные церковники призвали под свои знамена отборных охотников на ведьм из Эссекса и отправили их в дьявольский замок. Под покровом ночи они проникли в проклятые владения, где их встретили лишь голые стены. Охотники бродили по безлюдному замку, и глазницы пустых бойниц пристально следили за ними, источая невидимые волны черной энергии. Сила ее была настолько губительна, что до епископальных слушаний не дожил ни один из посланных. Не избежал незавидной участи и тайный поверенный. Одной из темных ночей, если верить молве, он был зарезан черной вдовой...

Оставшись без свидетелей, церковь огульно предала анафеме исчезнувшую семью. Было оглашено, что все обитатели проклятого замка провалились в преисподнюю.

— Ворон ворону глаз не выклюнет! — смеялись над глашатаями безбожники. — Может, их и поглотило чрево земное, да, погостив у сатаны, они благополучно вернутся на свет божий, уж и не сомневайтесь!

Ну, да кто будет слушать бредни богохульников, которым скоро самим гореть в геенне огненной? Хотя, как оказалось позже, не такие уж это были и бредни. Церковь держала под строжайшим секретом доносы тех, кто видел членов опальной семьи на огромном галеоне, отплывавшем в новые земли. Однако шло время, а известий о прибытии подозрительного корабля в Америку не приходило. За сим все и успокоилось, решив, что дьявольское семейство пошло ко дну или попало в лапы к пиратам, что, в общем, было одно и то же. И о них вскоре забыли...

С момента появления Ван-Борков в Померании семейная тайна хранилась за семью печатями. Генеалогическое древо перекроили,

а семейные летописи исчезли вместе с главной виновницей гонений.

Перед самым входом в дельту Одера мать семейства с помощью дочери спустила на воду шлюпку.

— Останься, мама! — звучал в ночи голос дочери. — Никто нас здесь не знает.

— Рано или поздно черные сестры снова выследят меня! И поверь, второй раз они нас не упустят! Я делаю это для вас, дети мои! А отцу передай, что я решила стать отшельницей, и он волен привести в дом другую женщину. И чем знатнее, тем лучше для нашего с тобой дела.

— Нет! Не уходи! Мы будем теперь осмотрительнее! — умоляла дочь.

— Запомни! — не слушала мать. — Ты должна забыть про свой дар и оставить его спящим в нашей внучке. Только так мы собьем со следа черных сестер! А о нашей правнучке я позабочусь сама! — обняла она на прощанье дочь...

Глава Ван-Борков так и не женился. Откупив у разорившегося вассала полуразрушенный замок на берегу Одера, он с головой окунулся в создание нового семейного гнезда. Приобретая достаточно окрестных земель и деревень, Ван-Борки получили графский титул. Их новые подданные даже не подозревали о темном прошлом пришедших господ. Благодаря негласному обету молчания старшего поколения никто из молодых Ван-Борков не знал о той черной силе, что таится в их крови, и, уж тем более, не догадывался о сгинувшей прародительнице-ведьме. В счастливом неведении находился и отец Сидонии. Его память, конечно, еще хранила какие-то обрывки детских страхов перед грозной и всемогущей бабкой, которая все видит из лесной чащи, но эти давние легенды ныне не вызывали ничего, кроме недоумения. Кого бы в детстве он ни спрашивал, ответ был всегда один:

— Бабушка была великой знахаркой! Как-то она ушла в лес за травами и с тех пор ее больше никто не видел...

Глядя на озорующую дочурку, граф вспоминал эти пустые разговоры.

«Зачем было пугать нас какой-то лесной бабкой? — думал он, слушая, как нянька страшает разбаловавшуюся девочку злым волком. — Серый разбойник куда как страшнее!»

Его мысли прервал звонкий голосок дочурки.

— А я приручу волка, и он тебя саму схватит за бочок! — заявила Сидония, прыгнув с рук опешившей няньки.

Отец с умилением глядел на маленькую непокорную графиню:

— Бог даст, вырастет в настоящую принцессу!

Однако семья не полагалась только на волю божью и по настоянию бабушки из всех сил помогала providению. Девочку с ма-

лых лет готовили к дворцовому укладу жизни. Няньки и гувернантки муштровали ее денно и ночью. Не отставала от них и одержимая идеей высокого родства бабушка, и лишь в объятиях матери Сидония чувствовала себя не будущей герцогиней, а обычным ребенком. Но даже та не позволяла ей играть с детьми челяди, которые целый день веселой гурьбой носились по двору замка! Никакие правила придворного этикета не могли одолеть ее тяги к сверстникам, и Сидония все чаще убегала на двор. Там она с опьяняющим восторгом носилась, глотая пыль, с ватагой бесшабашных юнцов. За те короткие минуты, что ей удавалось избежать присмотра, она так быстро сливалась с гурьбой сорванцов, что няньке стоило большого труда выудить маленькую графиню из прыгающей и бегающей оравы ребятишек.

— Не пристало будущей придворной даме общаться со слугами на равных! — выговаривала она воспитаннице и тащила ее обратно в опочивальни.

— Я хочу друзей! — требовала упирающаяся девочка.

— Вот когда будешь жить при дворе герцога, тогда и дружи с кем хочешь.

Несмотря на запрет няньки, желание Сидонии все-таки исполнилось, и у нее появился настоящий друг. Незнакомый молчаливый подросток все чаще возникал, словно ниоткуда и всегда одиноко стоял в тени угловой башни замка. Его небесно-голубые глаза притягивали Сидонию всякий раз, когда она вырывалась на свободу пыльного подворья. При виде таинственного незнакомца она забывала все правила хорошего тона, которые в нее вдальбливали с утра до вечера и, нисколько не смущаясь, отвечала улыбкой на его заинтересованный взгляд. Однажды она решилась заговорить с ним. Минув разгоряченную толпу детворы, гоняющую по двору сбежавшего поросенка, она направилась прямо к незнакомцу. Тот сделал короткий шаг назад, потом другой. Он передвигался так, как будто у него на спине были глаза. Не отворачивая чарующего взгляда, он, словно на привязи, вел ее в сторону угловой башни. В это время нянька, потерявшая воспитанницу, по привычке ринулась искать сбежавшую подопечную среди детворы. Сидония оглянулась на нее и побыстрее шагнула в тень башни. Но незнакомца рядом уже не было. Он словно сквозь землю провалился. И неудивительно: рядом с башней, полуприкрытый зеленым мхом, виднелся лаз.

Так она впервые оказалась за пределами замка и узнала тайную тропинку в близлежащую деревню подданных ее отца. Там, вдали от нянек, она могла вволю предаваться своим детским забавам в компании деревенских ребятишек и своего нового знакомого, к которому все больше привязывалась. В те далекие годы она была так счастлива, как только бывают дети, и напрочь забывала о

своем высоком предназначении. Деревенские жители не одобряли этих визитов, боясь гнева графа, они все чаще загоняли своих чад по домам при появлении Сидонии с ее провожатым. Слуги страшились господской немилости не меньше и не докладывали о непонятных исчезновениях своей воспитанницы. Сам же граф не мог нарадоваться на повеселевшую дочь, и знай нахваливал няnek.

Шло время. Юная красавица незаметно взрослела, и вскоре весь замок облетела весть о том, что Сидония стала девушкой. Спустя неделю гордый отец семейства устроил пир, во время которого его ненаглядная красавица правила своим первым балом. В тот вечер она была необычайно возбуждена. Но не обязанности королевы бала были тому причиной. Еще днем ее таинственный незнакомец назначил ей первое в жизни ночное свидание. Она не помнила, как очутилась на их заветной тропинке.словно во сне Сидония со сладостной покорностью следовала за своим кавалером. Это чувство было ново для ее строптивого характера, но сейчас ей почему-то хотелось подчиняться его воле. С той же покорностью она свернула вслед за ним с тропинки раньше обычного. Оставляя деревню в стороне, они углубились в густую чащу. Лунный свет не пробивался сюда, и крошечная тьма мгновенно поглотила их. Не замедляя шага, юноша вел Сидонию сквозь лес. Ее сердце радостно билось от его близости. Она могла бы вечно вот так идти рядом с ним рука об руку. В какой-то момент девушка потерялась в пространстве и времени. Душа ее парила где-то в вышине, а от сладостного замирания в груди кружилась голова. Когда грезы рассеялись, Сидония оказалась на краю опушки, в центре которой стояла ветхая лачуга. Перекосившаяся дверь была распахнута настежь. Юноша ободряюще подтолкнул ее в спину. Неуверенным шагом она подошла к лачуге и заглянула внутрь. Свет лучины выхватывал из темноты дряхлую бабку. На девушку глядело морицинистое лицо со следами былой красоты и на удивление молодыми глазами. Старуха сидела в грубо сколоченном кресле с высокой спинкой, на которой грациозно возлежала кошка, свесив вниз переднюю лапу.

«Интересно! Как она не свалиться!» — подивилась Сидония.

— Тебя ждет еще много удивительного! — будто читая ее мысли, прошамкала старуха. — Подойди ко мне, сестра!

— У меня нет сестры.

— С сегодняшнего дня у тебя будет много сестер! Покажи мне свою ладошку.

Древняя бабка подалась вперед, и в глаза сразу же бросились огромные янтарные бусы, заигравшие в свете лучины. Зачарованная этим великолепием, Сидония машинально протянула вперед руку.

Тонкие пальцы девушки слегка дрожали: «Как этой бабке не страшно одной в такой глуши?»

Она оглянулась, пытаясь разглядеть сквозь дверной проем, стоит ли еще на краю опушки ее прекрасный провожатый?

— Не переживай! Он проводит тебя назад. — Голос отшельницы заставил ее снова повернуться к ней.

В глазах у старухи мелькнул знакомый огонек, несущий материнское тепло. Так светился взор матушки, в покоях которой она частенько скрывалась от ежедневной муштры. На душе у Сидонии сразу потеплело, страхи улетучились, и темные углы лачуги уже не пугали ее.

— Сядь ко мне на колени, — притянула ее к себе старуха. — Поцелуй меня на прощанье. Я передам этот поцелуй твоей бабушке.

— Вряд ли это возможно. Моя бабушка недавно умерла и теперь живет на небесах.

— Наступает пора и мне отправляться вслед за моей дочерью. Так не задерживай же меня. Позволь мне исполнить свой последний долг!

Сидония от удивления открыла рот.

— Так ты моя прабабушка?! — хотела выкрикнуть она, но влажное прикосновение губ старухи не дало ей этого сделать. Что-то горячее и липкое просочилось в рот и стекло под язык. Солонватый привкус заставил Сидонию отдернуть голову. Красный ручеек на подбородке прабабки подтвердил ее страшную догадку. Из прокушенной губы старухи вытекала кровь.

— Волею судеб я не смогла научить тебя нашему искусству, — шептали окровавленные губы. — Но я не могла уйти, не отперев спрятанную в тебе силу!

Словно сквозь сон Сидония слушала слабеющий голос старухи. А та рассказывала о каком-то виккианском сестринстве и многих его представительницах, которые прожили свой век, так и не узнав о своих скрытых колдовских возможностях. О том, что сила эта передается из поколения в поколение и дремлет в телах ее обладательниц. И что только кровь тех, в ком эта сила разбужена, может отворить такую же силу, спрятанную в других.

— Через шесть дней ты познаешь свой дар! — старуха сняла с себя янтарные бусы и надела их на тонкую шею правнучки. — Запомни! Став одной из нас, ты не будешь больше принадлежать себе. Твоя бабушка не зря хотела видеть тебя герцогиней, это была воля сестринства. Ступай же, сестра, и не разочаруй нас!

— А зачем это сестринству?

— Став герцогиней, ты укрепишь наши ряды, защищая своих сестер от гонений невежд и церкви!

— Я постараюсь! — прокричала она, выбегая из лачуги на встречу своему провожатому.

На шестую ночь Сидония проснулась от необъяснимого беспокойства и нехватки воздуха. Она тихо поднялась и прокралась мимо мирно спящей няньки наружу. Пробежав через двор, она поднялась на стену замка и подставила лицо ветру, несущему шум далекого моря. Сами собой закрылись глаза. Чувства и мысли смешались в ее голове. Тело заныло как тогда, когда она упала с лошади: «Какая лошадь?! Я ведь еще ни разу не сидела в седле?! И почему шум моря такой грозный?»

~ ~ ~

Сидония попыталась открыть глаза, но с усилием смогла приподнять только одно веко. Внизу под ней действительно простиралось море. Но не свинцовые волны Балтики разбивались о прибрежные камни, пытаясь достичь одинокую сосну, нависшую над утесом. Клокочущее море людей то и дело напирало на стражников, окруживших одинокий столб, возвышающийся над городской площадью.

«За что?!» — беззвучно вопрошала она толпу, которую видела не с крепостной стены, а с этого самого столба.

Вместо ответа, пробившееся сквозь утренний туман, солнце заставило зажмурить единственный глаз...

Смутное видение исчезло так же внезапно, как и возникло. Боль отступила. Сидония со страхом вновь разомкнула веки. На нее смотрела полная луна, висевшая над серебристым лесом. Неожиданно вихрь эмоций ворвался в нее и закружил в бешеном танце. Радость и печаль, любовь и ненависть сменялись как в калейдоскопе. То она была на небесах от счастья, то на дне моря слез, то в пожаре ярости, то под морозящим дождем грусти.

Когда она очнулась, окружающий мир был иным. Он ошеломил ее новыми красками, запахами и звуками. Даже прозрачный воздух вокруг нее стал осязаем. Повинуясь минутному порыву, Сидония спустилась с крепостной стены и сквозь знакомый лаз устремилась в лес. Она пробиралась сквозь густую чащу и безошибочно находила скрытые просеки, при этом ничуть не удивляясь своим вдруг открывшимся способностям.

«Как же я раньше не замечала, что природа — это открытая книга, которая всегда укажет путь тому, кто умеет ее читать!» — размышляла она, подбегая к обветшалой лачуге.

Свет догорающей лучины выхватывал из мрака старуху, сидевшую все в том же кресле. Надвигающаяся темнота сужала кольцо света вокруг обмякшего тела и спешила погасить отблески

пламени в ее потухшем взоре. Сидония встала на кучу хвороста, сложенную подле кресла, и крепко обняла прабабушку. Она вбирала остатки родного тепла, готовясь исполнить безмолвную просьбу своей виккианской сестры. Прикрыв ее веки, девушка вставила все еще тлеющую лучину в сухие ветки и, не оглядываясь, отправилась в обратный путь. От занимающегося зарева пожара отделились две искорки кошачьих глаз, которые проводили Сидонию до самого замка...

Няньки не переставали удивляться неожиданному преображению юной графини. Из озорной непоседы она за одну ночь превратилась в рассудительную даму. Лишь однажды по старой памяти она сбегала от них к северной башне, но не смогла найти секретного лаза. На его месте была лишь груда зеленых ото мха валунов. Глубокая печаль наполнила сердце девушки. Но это была не детская грусть о веселых играх с деревенской детворой. Она думала о большей потере. О том голубоглазом лесном жителе, имя которого она так и не узнала.

Долгими теплыми вечерами она теперь часто стояла на крепостной стене, вглядываясь вдаль. Сидония искала своего незнакомца среди листвы, и иногда ей казалось, что она видит там его прекрасные голубые глаза...

Наступившие в дочери перемены не прошли незамеченными мимо графа:

— Ну, что красавица моя! Настало время выхода в свет!

В шикарном экипаже Сидония подъезжала к владениям правителя Восточной Померании. Еще издали молодая графиня заметила необычно светлое от изобилия огней небо над замком герцога. Вдоль дороги стояли слуги с факелами. Пляшущие огни пронеслись за окном кареты, выхватывая из глубины экипажа напряженное лицо пассажирки. Но вот, откуда ни возьмись, в мягком свете факелов возник колющий металлический блеск. Он-то и вернул янтарную ведьму в ее последнее утро в этом жестоком мире.

~ ~ ~

Набирающее силу солнце отражалось от серебряных пряжек, которыми изобиловали туалеты местной знати. Несметная стая солнечных зайчиков прыгала вокруг Сидонии. Они прискакали со стороны скопления дорогих экипажей, окруженных цепью стражников. Внутри оцепления выделялось большое пространство с тщательно выметенной булыжной мостовой для королевской свиты, в середине которого был сооружен высокий помост для походного трона его светлости. Прибытие их величества Филиппа Джулиуса из Волгаста ожидалось с минуты на минуту. Благородные подданные восточной окраины его королевства собрались у кареты

герцога и вели светские беседы, неумело скрывая возбуждение от предстоящей казни. Сидония с отвращением посмотрела на это скопление благородных дам и кавалеров, у которых от благородства, если что и осталось, так только титул. Она узнавала многих из них, несмотря на то, что их лица были скрыты полями модных шляп. Все они как один прятали от нее свои взгляды.

«Нет! Не так вы вели себя на моем первом балу у герцога!»

Весь двор откровенно пожирал глазами юную графиню. Немало придворных повес желало потанцевать с ней, но они не знали о планах герцога и боялись перейти дорогу его сыновьям.

— Эрнест с тебя глаз не сводит! — возбужденно шептал ей отец, кивая на самого младшего сына герцога.

Графу было известно, что для двоих из своих семи отпрысков хозяин замка никак не может найти невест. И немудрено. Где, скажите на милость, найти столько девиц, под стать статусу герцога, считавшегося первым по благородству после короля?

Конечно, графы были ступенькой ниже герцогов, но еще задолго до своей смерти мать Ван-Борка убедила его в том, что их богатство и красавица Сидония помогут им сделать шаг наверх.

«Мать была права!» — думал он, глядя на красавицу-дочь.

Его Сидония сияла не только красотой, но и изобилием дорогих украшений, которые отец заставил ее надеть. Особенно цеплял глаз подарок прабабушки. Каждую янтарную бусину населяло какое-нибудь древнее насекомое, что говорило о безмерной цене украшения. Все были в восхищении от драгоценностей и их умопомрачительной хозяйки. Не прошла эта показная роскошь и мимо слуг наместника короля, и вскоре многие из них стали лучшими друзьями Сидонии. Она безошибочно угадывала скрытые слабости челяди герцога и не скупилась на подарки. Теперь обо всем, что происходило в стенах замка, она узнавала из первых рук.

— Сегодня Эрнест снова просил мать поговорить с отцом о помолвке с вами! — с замиранием сердца слушала Сидония нашептывания одной из служанок герцогини.

— А ближе к вечеру прислуга видела, как Отто сцепился с Эрнестом во время трапезы, и отец выгнал обоих из-за стола! — со смехом докладывала повариха.

Отто был старшим из неженатых сыновей герцога. По разумению графа, он уже давно засиделся в женихах и был легкой добычей, но его мутные белесые глаза отталкивали Сидонию. Она понимала, что идет поперек воли отца и сестринства, но ничего не могла с собой поделать и на балах игнорировала знаки внимания Отто. Зато от Эрнеста не отрывала своих прекрасных глаз, чем злила отвергнутого Отто еще сильнее.

«Когда же герцог соблаговолит внять просьбам Эрнеста!» — думала Сидония, выслушивая очередное известие о желании Эрнеста просить ее руки.

Так пролетел год, а герцог все молчал. И тогда Сидония решила взяться за дело сама: «В конце концов, должен же мой дар быть на что-то годен!»

И вот предприимчивая графиня уже выслушивала сплетни и пересуды о самой себе. Юную красавицу не раз замечали в неурочный час около опочивальни Эрнеста. Для многих оставалось загадкой, как она умудрялась проникать в столь хорошо охраняемые покои. А происходило это с молчаливого согласия самого хозяина замка.

— Молодая кровь, — смеялся он в кругу друзей-вассалов. — Пусть для разнообразия потешится с дочкой графа, а то фрейлины уже приелись!

Клауд, слуга его младшего сына, уже давно доложил герцогу об этих тайных свиданиях. Слуга Эрнеста был из семьи оружейного мастера и сходил с ума по старинным клинкам и доспехам. Ради подарков из оружейной палаты господина он был готов на любую низость. Из подслушанных Клаудом разговоров герцог узнавал обо всем, что происходило в опочивальне Эрнеста.

— Она влюблена в него как кошка! — не скупился на эпитеты Клауд, вызывая у герцога слащавую улыбку.

Откуда им было знать, что, оставаясь наедине со своим молодым любовником, Сидония представляла себе того голубоглазого лесного жителя, который навсегда запал в ее девичье сердце. Именно из-за голубых глаз Эрнеста она ослушалась отца и не ответила на притязания Отто. Самолюбие отвергнутого кавалера было задето, и Отто ждал удобного случая, чтобы отомстить любовнице брата. Первым делом он поведал матери о тайных свиданиях Эрнеста. Зная жажду графа до высокого родства, герцогиня попыталась образумить своего младшего сына.

— Будь аккуратнее с этой вертихвосткой, — наставляла его мать. — Ей нужен не ты, а наш титул!

Сидония чувствовала, что Эрнест ускользает от нее, но ничего не могла поделать. Удержать его оказалось намного труднее, чем соблазнить. Она понимала, что, несмотря на юный возраст, ее молодой любовник уже познал не одну женщину. Но она была уверена, что так хорошо, как с ней, ему ни с кем не было, да, пожалуй, и не будет. Полученный по наследству дар помогал Сидонии предугадывать все желания Эрнеста. Она знала наверняка, когда он хочет пить, есть или заняться любовными утехами. Она покидала его, когда чувствовала, что он хочет побыть один, и веселила, когда улавливала первые признаки подступающей хандры.

Сидония читала своего Эрнеста как открытую книгу и потакала ему во всем. Но этого было мало. Дар без умения пользоваться им был бесполезен. Она хотела приворожить его, но не знала как. Прабабка разбудила в ней магическую силу, но не научила, как пользоваться ею. Ей нужен был наставник, и она все чаще вспоминала голубоглазого лесного жителя. Уж он-то наверняка знал секреты колдовства. Не раз она порывалась бросить все и отправиться на поиски тайного друга детства, и каждый раз ее останавливали последние слова прабабки: «Ты должна стать герцогиней во имя сестринства!»

Она вновь возвращалась в замок герцога в надежде, что ее жертва, в конце концов, приведет к намеченной цели. И вот однажды ее чаяниям суждено было сбыться — Сидония понесла от юного герцога. Но не успела новость о внебрачном наследнике облететь замок, как слуга Эрнеста Клауд заявил, что это он отец ребенка.

— Распутным девкам не место в нашем замке! — преградил дорогу Сидонии знакомый стражник.

— Да как ты смеешь так обращаться с дочерью графа! — опешила та от неожиданности. — Я сейчас же пожалуюсь Эрнесту, и он закует тебя в кандалы!

— Не думаю, что наш благородный наследник будет разговаривать с тобой, — ухмыльнулся тот, памятуя приказ герцога. — Он теперь даже не плюнет в твою сторону!

У Сидонии от волнения закружилась голова. Она не понимала, что происходит.

— На, возьми! — В отчаянии девушка сняла браслет и протянула его стражнику.

— Мне ничего не нужно от подстилки для черни, — ответил тот и быстрым движением выхватил у нее серебряную вещицу.

Воровато оглянувшись, он спрятал украшение за пазуху. В вечерних сумерках было незаметно, как лицо Сидонии перекосилось от ярости. Не долго думая, она словно тигрица бросилась на стражника и цапнулась в его ухмыляющуюся рожу. Оправившись от неожиданности, он грубо оттолкнул разъяренную девушку, и та полетела в грязь разъезженной колеи.

К сожалению, эта грязь была не единственная, какая выпала на ее долю. С того злополучного вечера ее жизнь превратилась в крошечный ад. По городу поползли непристойные слухи о том, что дочь графа предпочла высокородному красавцу Эрнесту его слугу. Слухи эти подогревались сальными шутками о мужских способностях сына властителя. Такого поворота событий хитроумный герцог не ожидал и судорожно искал выход из сложившейся ситуации. Его тяжелые размышления были прерваны испуган-

ным *Отто*:

— Разъяренный Эрнест ищет по всему замку Клауда и велит закладывать лошадей! Я думаю, он собрался к Ван-Боркам!

— Еще не наигрался в любовь, паршивец! Заприте его в верхних покоях и дайте ему вина! А я пока решу, что с ним делать!

Сидония пряталась от людской молвы в своем поместье.

— Ну что мне сделать, чтобы ты поверил? — молила она отца. — В моем будущем ребенке течет герцогская кровь!

Граф с горечью смотрел на дочь, не зная, что сказать. В этот момент в окно робко постучали. Сидония глянула на отца и неохотно двинулась к окну. Тот воспользовался возможностью закончить неприятный разговор и поспешил удалиться.

Под окном в темноте переминался с ноги на ногу служка из замка герцога.

— Госпожа, я так рисковал, так рисковал! — протянул к ней руку служка.

— Тебя хорошо отблагодарят! Я позабочусь об этом!

— Госпожа, наверное, будет рада узнать, что завтра Эрнеста тайно отправляют к пруссакам на западную окраину Померании.

Воспрявшая духом Сидония стянула с мизинца перстень и сунула в руку подростка. Тот задохнулся от счастья — плата была немислимой!

— Теперь беги, пока тебя не хватились, да смотри, никому не показывай этот перстень!..

Утром из замка правителя Восточной Померании вышел обоз с дарами для прусского герцога, согласившегося принять Эрнеста. Никто не обратил внимания на необычайно большое количество слуг с пиками и мушкетами. Защита от разбойников была в то время обычным делом. Одетый простолюдином, Эрнест сидел на мягком тюке с парчой и грустно смотрел на удаляющийся замок. Он не верил в распутство Сидонии, но червячок сомнения все же точил его душу. Развеять его подозрения мог только Клауд. Он был не просто слуга, Эрнест считал его другом и доверял ему все свои тайны. Сколько он себя помнил, они никогда не расставались. Этого крепыша из семьи придворного оружейника с раннего детства приставили к младшему сыну герцога. Они росли и мужали вместе. А сейчас опозоренный Эрнест впервые покидал стены замка без своего компаньона. Конечно, он не остался без слуги. Старший брат *Отто*, несмотря на их недавнюю размолвку, благодушно одолжил ему своего верного дворового.

«Неужели мой друг мог предать меня? — терзался в сомнениях Эрнест. — Может, Сидония действительно соблазнилась раз мерами этого верзилы?»

Он вспомнил, как часто она появлялась в его покоях в сопрово-

ждении Клауда. Раньше он не обращал внимания на то, что они были всегда веселы и как-то не в меру разгорячены крутыми подъемами потайных ходов.

«Что происходило между ними в тех узких переходах, никому неизвестно!» — продолжал он травить себе душу.

С такими черными мыслями Эрнест доехал до постоянного двора, где обоз устроился на ночлег. Среди ночи в его дверь тихо постучали. На пороге стояла Сидония. Такая неожиданная встреча вызвала у него бурю эмоций, и не сказать что все они были ликующими. Конечно, он хотел броситься к ней и заключить в свои объятия, но неугомонный червячок сомнения нашептывал: «Смотри — вот она, источник всех твоих злоключений!»

Сидония как будто читала его мысли.

— Твой слуга виноват в том, что случилось! — не дала она ему открыть рот. — Он оклеветал меня перед Богом и людьми за кусок железа из оружейной палаты твоего отца!

Упав ему на грудь, она разрыдалась. Он гладил ее волосы, разбросанные по плечам, и чувствовал знакомый запах ее тела. Она ласкала его в ответ, и неудержимое пламя страсти, разгоравшееся с каждой минутой, вскоре полностью поглотило его. Когда огонь желания помутил его разум, молодая любовница вдруг вырвалась из его объятий. Ничего не понимая, Эрнест наблюдал за тем, как Сидония собирала его одежду и бросала к нему на колени.

— Одевайся! Нас ждут! — скомандовала она.

— Кто? — растерянно промямлил он.

— Мои люди отвезут нас в церковь соседнего герцогства, где мы обвенчаемся.

— Но ни один священник не пойдет против воли моего отца, — начал приходить в себя Эрнест.

— Глупый! Я же сказала, что это в соседнем герцогстве, а потом, твой чопорный отец нажил врагов даже среди духовенства! Давай поторапливайся!

Такая перспектива совсем не улыбалась будущему вершителю судеб Восточной Померании. Его виды на герцогство как самого младшего сына и так были иллюзорными — ничто не помешает деспотичному герцогу отречься от седьмого сына. А в том, что после венчания с опозоренной Сидонией отец так и поступит, Эрнест не сомневался. Конечно, в графском замке он тоже бедствовать не будет, но как долго продлится благополучие Ван-Борков, если отец возьмется за них всерьез?

— Я никуда не пойду, — тихо произнес он.

Чувствуя его нерешительность, Сидония вновь бросилась ему на грудь. Она его умоляла, плакала, угрожала, что наложит руки на себя, а значит, и на их будущего ребенка, но все было без толку.

К утру она всей душой возненавидела этого жалкого папенькиного сына.

«Довольно метать бисер перед свиньями! — вскипела она. — Ради кого все эти жертвы? Ради воли бабушки, которая до самой смерти ни словом не обмолвилась об их семейном даре?! Ради викианского сестринства, которого она в глаза не видела, и которое бросило ее на произвол судьбы?! Может, все это вообще прабабкины бредни! Да гори оно все синим пламенем!»

Злая на весь белый свет и на свою несусветную глупость, она выскочила в темный коридор и с размаху налетела головой на что-то твердое. Свет померк, и душевная буря тут же улеглась. Она уже не чувствовала, как ее обмякшее тело волокли по коридору и запихивали в окно, смотревшее на скотный двор...

Наутро невыспавшийся Эрнест не обнаружил своего нового слуги. Боясь выдать себя расспросами, он молча залез в повозку, уселся на тюки с парчой и погрузился в невеселые мысли о туманном будущем в незнакомом месте. Рассеянно глядя на убегающую вдаль колею, он не обратил внимания на всадников, мелькнувших среди деревьев. Люди графа Ван-Борка тайно следовали за обозом, не подозревая, что дочери их господина в нем нет. Из главных ворот постоянного двора той ночь никто не появлялся, а топоту копыт со стороны скотного двора они не придали значения.

Сидония же в это время лежала связанная с кляпом во рту поперек лошади, несшейся во весь опор к ближайшему охотничьему домику герцогских угодий. Отто с радостью встретил своего слугу с участниками похищения блудницы и отсыпал им полную пригоршню монет. Отверженный жених оставил Сидонию под присмотром похитителей, а сам поспешил в замок с доброй вестью.

Целую неделю пленница провела взаперти, пока на пороге не появилась пожилая знахарка, привезенная по приказу герцога из соседнего графства.

— Давай-ка, детка, я тебя посмотрю, — мягко сказала она и, не мешкая, приступила к делу.

Знахарка закинула длинный подол платья девушки ей на голову и начала ощупывать живот. Быстрые движения старухи становились все медленнее, а вскоре она и вовсе замерла в молчаливом напряжении. Почувствовав неладное, Сидония выглянула из-под подола.

— Со мной что-то не так? — с тревогой спросила она.

— Ты в большой беде, сестра, — услышала она тихий ответ.

Эти слова вернули девушку к жизни.

«Сестра! Так вот у кого я смогу научиться ворожке!» — обрадовалась Сидония, а вслух попросила:

— Возьмите меня к себе в ученицы. — Боюсь, у герцога другие

планы. Но я постараюсь помочь тебе. Не пройдет и дня, как сестры узнают о твоей беде.

— Хватит здесь шушукаться, — ввалился в охотничий домик стражник, привезший знахарку.

Пленница судорожно одернула платье и забилась в дальний угол лавки.

— Давай, старая, шевелись! Тебя ждут в замке!

Снова потянулись долгие одинокие дни заточения. Сидония не ведала о том, что разгневанный сообщением знахарки герцог выставил старуху из замка на ночь глядя, а сам поспешил в Волгаст ко двору короля.

«Избавляться от ребенка уже слишком поздно», — всю дорогу терзали герцога слова целительницы.

Последняя надежда оставалась на чернокожую ворожею, которую недавно преподнесли в дар королю Померании испанские купцы. Ходили слухи, что ее специально привезли из Нового Света для устрашения врагов короны. Герцог вез с собой богатые подарки, чтобы умиловить своего повелителя. Отец Сидонии даже в дурном сне не мог представить, что сила того золота, за которое герцог помог ему получить титул графа, будет когда-нибудь направлена против его дочери. Многие ювелирные украшения, подаренные той ночью королю, отличались тонкой работой золотых дел мастеров графа.

Дорогие побрякушки пришлись королю по вкусу, и он не отказал своему любимому вассалу. И вот разбуженная среди ночи Сидония уже смотрела в страшные глаза Медузы горгоны, как она окрестила чернокожую женщину. Голова заморской гостии была усеяна тонкими черными косичками. Они торчали во все стороны, словно тысячи гадюк, и шевелились при каждом ее движении. Черная ворожея что-то шептала на непонятном языке и пускала клубы резко пахнущего дыма в лицо пленнице.

Страх Сидонии постепенно сменился беззаботностью. Ступка с тлеющей травой под самым носом уже не раздражала ее. Теперь живые косички горгоны вызывали безудержный смех. Сидония бездумно жевала странные пятнистые колоски из рук ворожеи, не обращая внимания на черную плесень, покрывающую пшеничные зерна. Она не чувствовала ни запаха, ни вкуса, а вскоре и вовсе впала в блаженное забытие.

Оставив Сидонию под присмотром старшего стражника, ворожея покинула горницу. Как только она вышла, стражник приблизился к обмякшей девушке, усадил ее и сильно встряхнул за плечи. Она открыла затуманенные глаза.

— Спаси меня! — еле слышно прошептала она.

— Спасти не спасу, а одиночество скрашу! — ухмыльнулся

тот, подсаживаясь к Сидонии на лавку и жарко обнимая ее своими огромными лапищами. — Потерпи, пока гнедая ведьма уедет!

За окном раздался неожиданно громкий цокот копыт. Стражник отпрянул от Сидонии. Оставшись без опоры, девушка завалилась на бок и громко ударилась головой о лавку. Боли не было, лишь сильная тряска от проносившейся за стеной кавалькады подбрасывала ее голову в такт топоту копыт.

Следующим утром герцог внимательно слушал наставления ворожее короля.

— В ночь, когда на небо взойдет полная луна, твои чаяния сбываются, — перевел толмач слова чернокнижницы. — Но если ты упустишь эту ведьму, великая беда опустится на ваше семейство. Я оставила твоим людям кувшин с заговоренным варевом и корзину колосков с отворяющей плесенью. Проследи, чтобы пленница все это съела!

Разрушительное действие снадобий ворожее не заставило себя долго ждать. Одной из душных ночей Сидония проснулась от ощущения горячего и липкого потока, струившегося по ее бедрам. Силы покинули ее — она лежала без движения, глядя в окно. Сквозь застилающую глаза пелену она с трудом различала звездное небо и запутавшуюся в соснах круглую луну. Громкие песни и смех стражников, сидевших вокруг костра, теперь еле доносились до нее. В ушах стоял лишь слабый убаюкивающий звон.

А разгулявшимся воякам было не до пленницы. Сегодня на рынке они поживились замечательной медовухой. Пришлый торговец с наивными голубыми глазами даже не попытался защитить свой товар, когда они с грозным видом потребовали у него разрешение на торговлю. Надавав продавцу тумачов, они отняли полнехонький кувшин и теперь с наслаждением упивались добытым трофеем. Пьяный балаган понемногу стихал, а вскоре напиток, крепко сдобренный маковым отваром, свалил стражников с ног.

Когда Сидония с трудом разлепила глаза, со стен охотничьего домика куда-то исчезли головы лосей и медведей. Вместо них появились бесчисленные пучки сухих трав и корней. Прямо на нее глядели небесно-голубые глаза, обладатель которых давно и навсегда поселился в ее девичьем сердце. Их возмужавший хозяин превратился из нескладного лесного жителя в мудрого бородатого молодца. Его длинные локоны ласкали ее лицо и могли сравниться по красоте с ее собственными. Сидония попыталась что-то сказать, но он приложил пальцы к ее губам:

— Тебе не следует пока разговаривать. Ты еще слишком слаба.

Она откинулась обратно на подушку. От напряжения в висках застучало, как будто кавалькада черной ворожее снова пронеслась мимо...

Однако на этот раз стук копыт не стихал, а лишь усиливался. Сидония открыла глаза. Нет, она была не в избушке своего избавителя. С высоты столба, к которому она была привязана, было хорошо видно, как на городскую площадь въезжал королевский кортеж, разрезая толпу, будто корабль водную гладь.

Стоя на вершине холма, диссипатор раньше других заметил приближение королевской свиты. Время раздумий прошло:

— Наступает мой час!

Он скинул капюшон и достал из глубины своей робы тончайшей работы табакерку. Откинув изящную крышечку, он взял щепотку белоснежного порошка и в неистовом напряжении стал ожидать, пока Филипп Джулиус появится из кареты и вознесет свою светлость на помост, где уже успели водрузить его походный трон.

По толпе пробежал шепот. Наступал волнительный момент.

— Что скажет наш король?! Если он решит помиловать своей монаршей властью осужденную, то все ожидания ужасного зрелища пойдут коту под хвост!

Суровый вид короля успокоил публику. Его ледяной взгляд обещал скорое начало расправы над янтарной ведьмой.

Наступало время действовать, и тут диссипатор заколебался: «Вдруг не получится?! Что, если этот порошок убьет меня? А если не порошок, то братство наверняка расправится со мной!»

Но одного его взгляда на осужденную хватило, чтобы отбросить прочь сомнения. Он глубоко вдохнул и с протяжным выдохом попытался избавиться от черных мыслей.

«Сначала наполни свою душу любовью!» — вспомнил он давние наставления Магистра.

Ему не пришлось долго настраиваться — та, что была привязана к столбу, и была его любовь. Король еще только опускал свои царственные тела на походный трон, когда первые пылинки магического порошка стали растворяться под языком диссипатора. Рот тут же занемел. Спустя мгновение уже было не сглотнуть, а вскоре он уже не чувствовал ни головы ни тела.

Вдруг дикая боль расколола череп, онемение прошло, и голова превратилась в один пульсирующий сгусток боли. Он застонал и схватился за виски. Неукротимая тошнота подкатила к горлу. Но не рвотные массы изрыгались наружу, а плотные сгустки радужной энергии. Сквозь затуманенный болью взор он видел, как они расправлялись, весело переливаясь всеми цветами радуги и, словно мыльные пузыри, неслись в сторону короля.

«В чем вина этой женщины?» — вдруг подумал Филипп, отдавая неизвестно откуда нахлынувшему благодушию.

Смягчились и лица его ближайшего окружения. Даже напряже-

ние стражников, удерживавших толпу на почтительном расстоянии, куда-то улетучилось, и стройное кольцо оцепления превратилось в аморфную амебу.

— Слава всевышнему, что мне не придется испытать эту боль снова! — обессиленный диссипатор осел на землю, его неудержимо клонило в сон.

Однако боязнь возможного возмездия не давало расслабиться.

«Может быть, одиночный выброс останется незамеченным братством!» — надеялся он, содрогаясь от мысли о возможном наказании — ведь, по словам Магистра, боль сыворотки возмездия в несколько раз превышает боль от магического порошка.

— Твой организм будет противиться потере белой энергии! — слышал он слова Магистра диссипаторов. — И будет расставаться с ней с великой болью! Но эта боль ничто по сравнению с той, которую вызовет сыворотка возмездия, если ты нарушишь клятву братства!

Тем временем король расплылся в блаженной улыбке. По толпе пробежал недовольный ропот.

— Неужели он ее помиует!

— Победа! — ликовал диссипатор.

Монарх с недоумением обвел взглядом ропчущих зрителей: «Как глуп мой народ! Разве можно казнить эту женщину лишь за то, что разнузданные отпрыски герцога в пьяном угаре перерезали друг другу глотки?!»

Не успел он насладиться своим умом и благородством, принимая решение о помиловании, как вдруг другая, неизвестно откуда взявшаяся мысль, вытеснила первую.

— Но кто, как ни эта ведьма подсыпала дурманящее зелье благородным сыновьям моего первого вассала! — вдруг осознал он то, чего не смогли вытянуть из осужденной пытками.

Благодушие герцога как рукой сняло. Его лицо вновь окаменело, а в глазах мелькнул хищный огонек.

«Откуда взялся этот вихрь черной энергии?» — не верил своим глазам диссипатор.

С таким трудом и болью добытые сгустки белой энергии уже не окружали радужной сферой Филиппа Джулиуса. Черный поток разбил ее на тысячи маленьких пузырьков, которые теперь хаотично метались над площадью. Диссипатор поднес к лицу табакерку и не смог заставить себя открыть ее. Он был побежден. Убедив себя в том, что ни сил, ни времени на еще один выброс белой энергией просто нет, он сдался. С трудом подняв глаза, диссипатор взглянул на осужденную. В груди у него защемило в преддверии плохой вести, которую он собирался сообщить своей любимой. Совсем как в ту ночь, когда он спас ее из плена и собирался сообщить

о том, что она потеряла своего первенца...

Сидония, казалось, не заметила короткой схватки белой и черной энергий. Она неотрывно смотрела вниз на копошившегося у ее ног палача, который раскладывал орудия своего страшного ремесла. Взяв огромный меч, он стал водить по нему точильным камнем.

Его звук показался Сидонии знакомым. Такое же повизгивание затачиваемых кос разносилось над угодьями ее отца во время сенокоса. Но не благоухание свежескошенной травы висело в воздухе, а резкий запах человеческого страха, исходящий от плотной толпы зрителей.

Чей-то быстрый и колющий взгляд отвлек ее и заставил поднять голову. Обводя глазами площадь, она задержалась на свите короля. В окне одной из карет промелькнула тень заморской ворожеи. На коленях у нее сидел черноволосый мальчик. Горгона придерживала его единственной рукой, не давая ему далеко высунуться из окна. Несмотря на темный цвет кожи, лицо ребенка имело точеные германские черты. Его сверлящий безумный взгляд вобрал в себя всю ненависть своей матери.

В груди у Сидонии похолодело. Вот когда она по-настоящему испугалась. Но не близкая смерть была тому причиной. Будущее ее сестер было в великой опасности. Черные ведьмы уже проростили бесовское семя на их земле, и недалек тот час, когда они оплетут своими корнями весь свет.

Мелькнувший страх в глазах виккианской сестры пролился бальзамом на сердце горгоны. Она до сих пор не могла понять: «Как выжила эта ведьма, лишившая ее руки?»

Во время того далекого визита в охотничий домик она распознала в Сидонии будущую ведунью и наложила на нее связывающее проклятие.

— Мое проклятие должно было навечно запереть твою колдовскую силу! И никто, кроме ведьм нашего племени, не мог его снять! — снова и снова убеждала себя горгона. — Как ты избавилась от моих чар?! Теперь уже никому не узнать твоего секрета. Так умри же вместе с ним!

Источающие ненависть слова матери раззадорили мальчика. Он оскабился и утробно заурчал, пуская слюни. Сатанинскому семейству было невдомек, что эта тайна не умрет вместе с казненной. Жил на свете еще один человек, знавший ее секрет, и находился он совсем рядом. Сидя на близлежащем холме, он вспоминал тот же охотничий домик, что и горгона, и то, как он спас из него Сидонию и как долго выхаживал ее.

Он звал к ней знахарок и ведуний со всей округи, и первой была та, что поведала ему о пленнице герцога. Но никто из них так и не

смог снять порчу.

— Мы не можем распознать энергии этого сглаза, — с удивлением и страхом говорили они знахарю. — Видно, это заморские чары, и они неподвластны нам.

— Время все лечит, — успокаивал он Сидонию. — С годами связывающее проклятье ослабнет, и твоя сила вернется. А пока ты должна познать природу течения черной энергии.

И он открыл ей удивительный мир потусторонних сил. С замиранием сердца Сидония слушала своего спасителя. Он поведал ей обо всем, чему научился у ее прабабки, которая еще ребенком отбила его у разъяренных крестьян. В тот год несметные полчища саранчи уничтожили все посевы в округе, и отчаявшиеся крестьяне обратили свой гнев на семью колдуна. В жестокой ярости они забили палками родителей будущего знахаря, и лишь вмешательство пришедшей ведьмы спасло маленького Пэйтра от такой же участи. Именно ему прабабка Сидонии передала свои знания, и теперь настало время доставить их по назначению.

— Людские порывы, несущие гнев или любовь, печаль или радость, добро или зло, не проходят бесследно. Они изливаются в окружающий мир в виде сгустков невидимой энергии, — рассказывал он Сидонии, охватывая руками небо. — И если белая энергия расплескана везде, только протяни руку, то черная сливается в могучие потоки, и горе тому, кто случайно окажется на их пути.

— Кто владеет искусством управлять этими потоками, тот владеет миром, — продолжал Пэйтр. — Ведьмы издревле используют жертвоприношения и ритуалы для привлечения и направления черной энергии. Придет время, и ты сумеешь обуздать эти потоки. А пока проклятье не падет, тебе нужна помощница. И никто не будет для тебя лучшей подмогой, чем собственная дочь. Здесь он замолчал и взял зачарованную девушку за руку.

— Я полюбил тебя в тот день, когда впервые увидел в поместье твоего отца, — тихо прошептал он. — Твоя прабабка догадалась об этом и предупредила, что смешение крови колдовских ветвей может привести к удивительным свершениям, но может принести и великое горе! Наша с тобой кровь несет два начала — доброе и злое. Мы оба можем, как помогать людям, так и наводить порчу. Но вместе с тем каждая из наших способностей ровно в два раза ослаблена присутствием другой. Ребенку же, который унаследует два одинаковых начала, суждено стать либо великим лекарем, творящим только добро, либо всемогущей ведьмой, способной только на зло.

— Я не против помощницы, — потупив взор, произнесла Сидония. — Будь моим мужем!

Она верила ему и ждала своей избавительницы от чар черной

колдуньи. Шли годы, а предсказания Пэйтра не сбывались. У них было уже пятеро детей, но ни один из них не проявил себя как обладатель двух одинаковых начал.

— Против законов природы ничто не устоит! — каждый раз ободрял ее муж.

Пэйтр и другие знахари еще задолго до монаха Менделя познали основы генетики. Они рачительно скрывали свои знания от всех, а особенно от церкви. Еще в семьях первобытных скотоводов из поколения в поколение передавались навыки скрещивания домашних животных для улучшения выживаемости породы. Свободомыслие отлученных от церкви знахарей позволило им перенести опыт скотоводов на людей, ибо они понимали, что человек хоть и создан по образу и подобию божьему, по сути своей то же животное.

И вера Пэйтра в силы природы не подвела. События стали развиваться стремительно после того, как они с Сидонией явили миру своего шестого ребенка. Их будущее чадо долго отказывалось появляться на свет и пересидело в утробе матери почти целую луну. Родители уже начали волноваться, что природа пытается разрешить Сидонию под самый шабаш. Была середина апреля, и вихри черной энергии уже поджидали своих повелительниц у колдовских горных вершин. Была такая вершина и в Померании. Далеко за речными просторами Эльбы возвышалась Лысая гора. От постоянных визитов темных сил все живое давно покинуло ее зубчатые хребты, и гора красовалась своей гранитной наготой. Ее обнаженные склоны наводили ужас на заплутавших путников. Испокон веков окрестные жители пугали детей этим проклятым местом и обходили его десятой дорогой.

В конце каждого апреля Сидония отправлялась туда на шабаш в надежде, что сила Лысой горы ускорит ее избавление от заклятья заморской ворожеи.

— Гора может убить нашего ребенка! — не отпустил ее в этот раз обеспокоенный муж.

Его тревога только усилила безотчетный страх Сидонии. Сердце матери бешено колотилось под самым горлом, и странное ощущение постоянной морской качки не покидало ее. Она никогда не была на море, но в последние дни снова и снова видела себя на палубе огромного корабля. Могучие волны все сильнее раскачивали тяжелогруженный галеон. Но не просторы бескрайнего океана пугали ее. Глядя на исчезающий за горизонтом берег, она чувствовала, как вместе с родной землей исчезает и ее магическая сила. Клубком скрученной энергии Сидония катилась прочь от родных берегов, разматываясь и уменьшаясь с каждым новым оборотом. Чтобы побороть нарастающую тошноту и отогнать пу-

гающие видения, она окунула голову в бочку с дождевой водой. Распрямившись, Сидония отрешенно смотрела на маленькие круги, расходящиеся от звонких капель, стекающих с ее волос. Когда водная гладь успокоилась, на ней плавно колыхались два отражения. Незнакомая красавица ласково смотрела из бочки глазами ее прабабушки. Когда отражение Сидонии слилось с прекрасной незнакомкой, они уже вместе умоляли капитана галеона развернуть корабль в сторону родных берегов. Мощные волны атаковали беззащитный борт меняющего курс судна, вызывая невиданную доселе качку. Сидонию отделило от молодой прабабки и швырнуло в бушующий океан. Но черная пучина не поглотила ее, а плавно качала, совсем как руки мужа, когда он радостно кружил ее после рождения их первенца. Эти покачивания успокаивали и сладко убаюкивали. Сквозь полудрему она чувствовала, как на плечи ей надели хомут и потянули его вниз, пытаясь сгладить им ее огромный живот.

Неожиданный пронзительный крик вернул ее в светлицу. Она открыла глаза, все еще не понимая, что происходит. На ее груди лежала новорожденная девочка и громко возвещала миру о своем появлении на свет. Как только перерезали пуповину, все тревоги и волнения ее родителей словно рукой сняло. Знахарь со старшей дочерью склонились над малюткой и вместе с измученной роженицей блаженно улыбались. На душе у всех было легко и радостно, как никогда в жизни. Тихие споры за окном неожиданно смолкли. Братья новорожденной разом позабыли о своих детских распрях и с неведомым им прежде наслаждением прислушивались к сердитым крикам долгожданной сестренки.

— Это она! — смешался с криками младенца голос отца.

— Да, это она! — вторила мать. — Моя помощница! Я назову ее Венди, и мы вместе отомстим моим врагам!

Глава 1

ПОЗНАНИЕ СЕБЯ

— Кровь! — испуганно прокричала Ника и резко села в постели: «Только бы муж еще не ушел на работу!»

Электронный будильник в темноте ободряюще высвечивал три шестерки. Ника трянула головой и две последние цифры превратились в знакомые нули. Она уже видела их совсем недавно, когда заворочалась от дискомфорта в груди. Только тогда перед ними светилась четверка, и она еще подумала: «Четыре утра или ночи?»

Понятие это было относительное и зависело от распорядка дня. Для нее, просыпавшейся обычно в десять, это определенно была еще ночь. Но этим утром, а то, что было уже утро, не было никаких сомнений, ее разбудило громкое бульканье в груди. Сердце бешено колотилось, перед глазами все плыло, и нули снова стали превращаться в шестерки.

На прикроватной тумбе зажглась лампа. Сквозь быстро надвигающуюся пелену она увидела, как вскочил муж и, не надевая очков, вылетел в коридор к кислородному агрегату. Последнее время Ника себя неплохо чувствовала и в покое обходилась без кислорода, поэтому аппарат был выключен. Врубив кислородный генератор на полную мощность, муж понесся обратно в спальню.

Жена сидела бледная, пытаясь вставить канюлю от кислорода в свой прекрасный носик. Ее ноздри судорожно раздувались, красные ручейки из них уже достигли верхней губы. Насквозь пропитанная кровью салфетка упала на одеяло. Муж рванул в ванную, где хранились медицинские принадлежности. Щуря близорукие глаза, нашел почкообразный тазик и, вернувшись, всунул его в дрожащие руки жены. Он плохо видел ее лицо, и вся серьезность ситуации до него еще не дошла. На ощупь он отыскал очки, трясущимися руками усадил на вспотевший от волнения нос и невольно выкрикнул:

— Нет!

На подбородок Ники водопадом стекала кровь. Она не успевала откашливать этот алый поток, и тот искал выхода через нос. Кислородная канюля была полностью залита кровью. Давления, создаваемого генератором, уже не хватало, чтобы вытолкнуть забивающую трубку красную массу. Осознав катастрофичность положения, муж подкатил резервный баллон с чистым кислородом. Это был неприкосновенный запас на случай отключения электричества. Он открыл вентиль на полную мощность. Сжатый газ превышал возможности генератора втрое. Сильная струя кислорода вырвала канюлю из рук, и та начала змеей извиваться по кровати воруя драгоценные секунды. Руки действовали быстрее мысли.

Шипящая канюля была поймана и водружена на место.

— Дыши носом! — крик мужа был едва слышен — звон в ушах от нехватки воздуха стремительно нарастал.

— Не могу, — задыхаясь, прошептала она и начала клониться вперед.

Он придержал ее одной рукой, другой схватил с прикроватной тумбы телефон и набрал 911. Разговаривая с диспетчером, он все время прижимал к себе жену, чувствуя, как дрожит ее тело.

— Женщина! Сорок лет! Легочное кровотечение! — по профессиональной привычке отчеканил он.

Пока он называл адрес, Ника перестала трястись и затихла. Ямки над ее ключицами резко запали. Она судорожно пыталась сделать хоть самый маленький, но такой спасительный для нее вдох.

— Умница моя, потерпи. Сейчас все пройдет, — успокаивал он ее и себя. — Я мигом!

Он молнией слетел на первый этаж и распахнул настежь дверь.

Вернувшись, с ужасом увидел, как жена в бессильной ярости бьет своим маленьким кулачком по одеялу. Сил у нее хватило ровно на три удара, после чего она обмякла и завалилась вперед. Он подхватил ее, и жестокая действительность обожгла сердце.

— Быстрее! — заорал он в лежащую на одеяле трубку. — Она уже не дышит!

Кровь больше не хлестала, а тихо вытекала из уголка ее посиневших губ. Из телефона доносился нервный голос диспетчера:

— Положите ее на спину и поверните голову набок, чтобы кровь не попала в легкие, и она не захлебнулась!

— Какое там не захлебнулась! — истерически прокричал он. — Кровь идет из самих легких!

В их разговор ворвалась отдаленная сирена приближающейся машины службы 911.

— Не вешайте трубку, я буду с вами до приезда paramedиков! — пыталась успокоить его диспетчер.

Но он уже не слушал. Переложил бездыханное тело легкой как пушинка жены на пол, обхватил ее губы своими и выдохнул что было сил. Бурлящий поток воздуха вырвался из ее носа, раздувая красные пузыри. Поняв свою ошибку, повторил, зажав ноздри пальцами. На этот раз ее грудная клетка ответила глубоким вдохом.

Минутой позже прибыли paramедики. Они застали пугающую картину. На залитом кровью ковролине лежала хрупкая женщина, почти девочка. Ее золотые кудри были рассыпаны по полу, прикрывая расплзающееся алое пятно. Над ней склонился взъерошенный мужчина в окровавленной футболке с какой-то глупой надписью на спине. Все его лицо было в красных разводах, а с дрожащих губ капала кровь. Он продолжал делать искусственное дыхание,

игнорируя красную клокочущую пену, которая шапкой поднималась из легких женщины.

— Нам нужен аппарат для аспирации жидкости! — закричал первый вбежавший в спальню парамедик.

Упирающегося мужчину силой оттащили от окровавленной жены и увели на кухню. Парамедики суетились вокруг погибающей пациентки. Чувство тревоги росло с каждой секундой. Ощущение непоправимого вызвало у них не то панику, не то злость. Панцирь бездушия, возвращенный ежедневной встречей со смертью, вдруг лопнул. Руки спасателей позабыли годами отработанные движения, а голос старшего по бригаде предательски дрожал.

А Ника ускользающим сознанием чувствовала, что теряет то небольшое количество черной энергии, которую смог накопить ее ослабленный болезнью организм. Она излучала ее всем телом, чего раньше никогда не случалось. Кто-то разрезал на ней сорочку. Отсутствие последнего препятствия только ускорило процесс потери черной силы. Необычайное спокойствие окутало ее, она внезапно испытала неведомое доселе чувство... Тяжесть! Тяжесть в груди исчезла!

* * *

С раннего детства она сроднилась с постоянным ощущением тяжелого кома внутри. Тяжесть эта иногда отпускала, особенно после всплеск неконтролируемой ярости. В такие моменты казалось, что вместе с гневом наружу вываливался и тяжелый ком из груди. Первый раз на ее памяти это случилось, когда она еще ребенком отдыхала с мамой и подругой семьи в Гаграх.

Как-то раз по пути к морю к ним подошел кавказец, который назвался Гоги, и стал рассыпаться перед женщинами в комплиментах. Потом подмигнул Нике и протянул конфету:

— Как тебя зовут, чудо природы?

— Вероника, — гордо отчеканила та и, взяв конфету, потребовала: — А маме?

Гоги рассмеялся и насыпал ей полную пригоршню барбарисок. С этого дня он подкарауливал женщин каждое утро и не давал им прохода. Чтобы не встречаться с назойливым поклонником, женщины искали другие пути к морю. Новые маршруты были длиннее прямого спуска, и маленькая Ника приходила на пляж выжатая как лимон. Раньше она подпрыгивала от нетерпения и рвалась в море еще до того, как взрослые успевали расстелить покрывало и поудобнее устроиться. Теперь же, не дожидаясь подстилки, она плюхалась на гальку и сидела, замерев как налетавшая за день чайка, с тоской глядя на зовущие барашки набегавших волн.

Несмотря на старания женщин, спрятаться от назойливого або-

ригена было невозможно. Он неизменно находил их, и песня про ресторан и все такое прочее начиналась сначала. И вот однажды выдохшаяся от долгого перехода Ника не выдержала. В очередной раз увидев на своем пути Гогу, она отпустила мамину руку и, пыхтя как паровоз, двинулась к нему. Набросившись на опешившего мужчину, она принялась дубасить маленькими кулачками по его надутому животу приговаривая:

— Отстань от нас, дядька, у нас есть папа и сестричка, ты нам вовсе не нужен!

После этого Нику как подменили. На щеках появился румянец, вернулся аппетит, и до конца отпуска она летала как на крыльях.

Совсем другое настроение было у Гоги. В тот вечер он не пошел на охоту за жадными до курортных романов девицами. В расстроенных чувствах он плелся домой по знакомой горной тропинке. Из головы не шла противная девчонка, которая все время путалась под ногами и мешала охмурять двух симпатичных курортниц. Ему даже показалось, что в клубах висевшего над ущельем тумана сверкнули ее рассерженные глаза и словно два буравчика вонзились в грудь. Зло отмахнувшись от назойливого видения, Гоги продолжил свой путь, но вдруг краем глаза увидел, что девочка вовсе не парит над пропастью, а сидит на руках у грациозной длинноволосой брюнетки. Стройная фигура женщины теперь отчетливо проступала сквозь вечерний туман. На ее тонкой благородной шее красовались изумительной красоты янтарные бусы. Гогину злость как рукой сняло. В его масляных глазках загорелся знакомый похотливый огонек.

— Девушка, вы так прекрасны! — выскочила одна из беспронимательных фраз. — Пойдемте ко мне! Выпьем вина, послушаем музыку!

Горячие слова Гоги, похоже, подействовали на женщину. Она поставила девочку на землю и та, весело припрыгивая, убежала вниз по тропинке. Томный взгляд черноволосой красавицы звал к себе. На душе у местного донжуана стало легко. Он потянулся к очередной добыче, но рука провалилась в пустоту, а нога не нашла опоры...

До конца отпуска Гоги больше не надоедал женщинам. Мама с подругой шутили, что их Ника лучше всякого отворотного зелья. Они даже и представить не могли, что навязчивый ухажер исчез не только из их жизни.

Осенью сквозь поредевшую листву односельчанин Гоги заметил на дне ущелья оранжевое пятно. Им оказалась любимая рубашка соседа. Она была теперь явно велика своему хозяину, тело которого сильно усохло со времени падения. Застывшая на мумифицированном лице улыбка не оставляла никаких сомнений в том, что

пострадавший до последнего момента не осознавал происходящего. Об убийстве в курортной зоне не могло быть и речи. Участковый милиционер предложил родственникам все списать на несчастный случай, и те, скрепя сердце, согласились...

Однажды дождливым вечером образ Гоги снова всплыл в памяти подросток Ник. Случилось это в летние каникулы на даче. Ливень разогнал веселую детвору по домам, и Ника вместе со старшей сестрой Яной слушала мамины рассказы о ее нелегком послевоенном детстве.

Во время войны мамины родители погибли, и осиротевшую Эмму отправили жить к родной тетке в небольшой поселок под Ленинградом. У тетки жил кот, и она всем сердцем привязалась к нему. Тот платил тем же и ходил за ней по пятам. Все любили этого худого облезлого прохвоста и при случае подкармливали его, чем могли. Все, кроме самой зажиточной по тем временам соседки. Не проходило и дня, чтобы она не орала через забор:

— Вот же гад! Опять распугал всех моих кур. Да этот шелудивый паразит хуже фашиста! Кто мне теперь заплатит за яйца, которые мои несучки недодали из-за этого паршивца!

— А нечего выпускать своих глупых кур на улицу! — защищала всеобщего любимца маленькая Эмма. — Держите их у себя в огороде, так никто их гонять и не будет!

И вот однажды кот пропал. Девочка искала своего полосатого друга по всему поселку, но его нигде не было. Она уже потеряла всякую надежду, как вдруг среди ночи услышала приглушенное мяуканье. Эмма вскочила с кровати и в одной ночной рубашке побежала на улицу.

Звук доносился из-за забора соседки. Худенькая девчушка легко перепорхнула через ограду и упала прямо в куст смородины. Не обращая внимания на царапины, она поднялась и вновь понеслась на звук. Спотыкаясь в темноте, Эмма, наконец, добралась до высохшего колодца в дальнем углу двора. Сорвав с него крышку, она увидела в глубине колодезного сруба два огонька кошачьих глаз. Она заметалась вокруг в поисках чего-нибудь, что поможет вызвать ее друга. Тусклый отблеск прятанной в облаках луны был плохим подспорьем. Зато белая сорочка девочки ярким пятном светила в ночи.

Со стороны соседского дома послышался скрип открываемой двери. Не замечая приближающейся угрозы, Эмма судорожно шарил руками в траве. Наконец под руку попалась сломанная жердь от старой ограды.

— Тебя-то мне и надо! — Она сунула ее в колодец.

Кот вцепился в спасительную жердь, и та резко потяжелела. От неожиданности Эмма чуть не выпустила ее из рук. Занозы впились

в ладони, но она еще крепче сжала палку и ласково позвала:

— Кис, кис, кис.

— Я тебе дам кис, кис, кис! — прогремело над головой, и как будто огромная оса впиалась ей в ухо. — Нашла-таки своего паршивца!

Но ее любимец уже сидел на руках и радостно мурлыкал. Разгневанная соседка, не отпуская уха девочки, дотащила обоих до каляитки и вытолкала на улицу.

— Чтoб вам пусто было! — неслись вслед истерические крики.

— Чтoб все твои куры передохли! — зло бросила Эмма, трoгая горящее ухо.

Стоит ли говорить, что все соседские куры в течение трех дней передохли. И хоть ветеринар объяснил это птичьей чумкой, с жидличкой из Ленинграда в поселке больше никто не связывался, а дети за глаза прозвали ее ведьмой.

— Так вот почему кошки в нашем доме не переводятся! — улыбнулась Яна и игриво толкнула сестренку в бок.

Ника ничего не ответила. Она никак не могла прийти в себя от услышанного.

«А не навела ли и я какую-нибудь чумку на того Гогу? — с спокойным сердцем подумала она. — Да и не только на него!»

Подчас в ней закипали детские обиды, и она давала им выход, совсем не подозревая о возможных последствиях. В тот далекий вечер ее так и подмывало спросить у мамы: не помнит ли она необычной легкости после перебранки с соседкой. Но так и не решилась. Именно с тех пор у Ники и засела мысль об их семейной способности к сглазу. Червячок-искуситель время от времени просыпался и подталкивал ее проверить свои подозрения, и каждый раз она загоняла его поглубже, ругая себя за такие помыслы. Однако шила в мешке не утаишь, и однажды она сорвалась...

* * *

Приближались майские праздники, молодым комсомольцам поручили выступить на школьном вечере посвященном Дню Победы. Это был год сорокалетия прорыва блокады Ленинграда, и героизм защитников города был главной темой их постановки. Гвоздем программы должны были стать стихи о Савичевой Тане, на глазах у которой от голода умерла вся семья. Эта маленькая девочка нашла в себе мужество вести дневник в то страшное блокадное время. После окончания войны о ее лаконичных записях узнал и содрогнулся весь мир.

Донести эту историю до беззаботных школьников и предстояло Никиному классу. Исполнительницу на главную роль долго искать не пришлось. Ею стала самая худенькая и хрупкая девочка в клас-

се. Ника с гордостью приняла это предложение. С ее стихотворным талантом выучить длинный отрывок из известной поэмы не составило большого труда. И вот настало время генеральной репетиции.

После вступительных слов о начале войны зал потемнел. Участники постановки смолкли и отошли в глубину сцены. С потолка медленно сполз экран и отделил актеров от зрителей. Застрекотал кинопроектор, на белом полотне появились кадры военной хроники. Командующий германскими войсками отдавал приказ о взятии колыбели революции. За его спиной висел портрет Гитлера, который уничтожал своим взглядом врагов третьего рейха.

На задней поверхности экрана та же хроника туманно пропечатывалась в обратном отображении. Немецкие полчища шагали справа налево, а фюрер смотрел не на восток, а на запад. Тихие смешки слышались среди заскучавших без дела актеров. Ника была в середине группы. Экран располагался к ней так близко, что она не могла охватить его взглядом. Уставившись в самый центр, она вдруг заметила, что лицо Гитлера стало почему-то уменьшаться и смуглеть. Сквозь дымку тумана она видела его не в резной раме на стене немецкого штаба, а в золоченом окне кареты, украшенной вензелями.

В глубине экипажа угадывалась черная тень женщины, на коленях у которой и сидел Гитлер-ребенок. В его необычно смуглом лице уже угадывались черты будущего фюрера. Конечно, характерные усики еще не отросли, но знакомую челку и сверлящий безумный взгляд, наполненный вселенской ненавистью, ни с чем нельзя было спутать.

Осознание какой-то всемирной беды ледяной стружкой просочилось в сердце. Одно веко вдруг налилось свинцом и медленно опустилось. Другим глазом она увидела уже не тысячи чеканящих шаг солдат, а серую толпу, которая колыхалась перед ней в ожидании чего-то ужасного.

Отзвуки кованых солдатских сапог напомнили знакомый с детства металлический посвист. Так крестьяне затачивали свои косы перед выходом на графские поля. Но не от трудолюбивых косарей исходил этот звук. Одетый во все красное, палач позабытыми движениями заострял огромный двуручный меч, выполняя работу подмастерья. Осужденная прекрасно знала причину отсутствия юного помощника палача. Она едва заметно улыбнулась и оторвала взгляд от того, кто скоро подарит ей вечный покой.

Заплечных дел мастер ее больше не интересовал. Она отрешенно смотрела в туманную даль в ожидании скорого избавления от мук. Все ее тело ломило, как будто в нем не осталось ни еди-

ной целой косточки. Откуда-то дохнуло морем, ласковый ветерок обдал лицо. На губах появился солоноватый привкус. Пробившееся сквозь туман солнце вдруг ослепило ее...

~ ~ ~

Поднятый экран впустил волну свежего воздуха из зала, и включившийся софит ярким лучом выхватил из темноты сцены школьных артистов. Ника медленно возвращалась из своего видения. Она смахнула капельки моря с губ и с удивлением увидела на пальцах кровь. Ее нижняя губа была прикушена. Быстро облизав губы, она шагнула вместе со всеми вперед и приготовилась к выступлению.

— На берегу Невы... — начала она, позабыв о своем странном видении.

В этот момент она была там, в умирающем от голода Ленинграде, рядом с таким же хрупким подростком, как и сама. Рядом с Таней, которая писала сведенными от холода исхудалыми пальцами свои страшные строки...

Ника задумчиво брела по школьному коридору, все еще под впечатлением от пережитого, когда услышала брошенное в спину:

— Ты зачем ела собак?!

Она обернулась и увидела предводителя шайки старшеклассников. Благодаря родителям-«шишкам» им все сходило с рук, и подростки считали себя королями школы.

— Каких собак? — опешила она.

— Ну как же. Все умерли, а ты осталась в живых, значит, ты ела кошаков да барбосов! — поддерживаемый хохотом своих сотоварищей, заявил он.

— О чем говорить с дебилами? — она покрутила пальцем у виска.

— Ты, наверное, их жарила перед тем, как есть? — раздался новый взрыв хохота.

На следующий день на большой перемене Ника вместе с подругами вышла понежиться в лучах весеннего солнышка. Девочки прогуливались среди начинающих цвести деревьев.

— У нашей математички скоро опять начнется аллергия. Прямо перед экзаменом. Вот будет лютовать! — произнес кто-то.

— Зато будет легче списывать. Она сквозь свои опухшие зенки ничего не заметит.

Их разговор прервала группа старшеклассников, преградившая путь.

— Эй! Бухинвальдский крепыш! Мы тут тебе, как обещали, постель привели! — обратился к Нике главарь.

За его спиной дружки кормили бездомного пса. Это был общий

любимец, который как на работу приходил к школе во время второго завтрака и никогда голодным не оставался. Вот и сейчас он тянул морду к недоеденному бутерброду в чьих-то руках. Подростки окружили девчонок, а их вожак достал зажигалку.

— Ах, да, ты ведь жареное любишь!

Он поймал весело вертящийся хвост псины и щелкнул зажигалкой. Ника почувствовала, как необычайной силы ярость забурлила глубоко в груди и на какой-то момент сковала ее. Жалобный визг и запах паленой шерсти вывел ее из оцепенения. Пес пулей унесся прочь, а живодер со своими друзьями давились от хохота.

— Тебе, безмозглому откормышу, самому надо задницу подпалить! — перекрывая смех подростков, прокричала она.

В ее голосе было столько угрозы и ненависти, что веселье тут же прекратилось. Взбешенная Ника была готова вцепиться в наглую рожу главаря и уже сделала шаг вперед, как раздался звонок. Напуганная шайка быстро ретировалась, как будто важнее следующего урока ничего не было.

Подруги вернулись в класс с мыслями о предстоящем диктанте, и лишь защитницу собак ничто не тревожило. Во всем ее теле появилась та самая легкость из далекого детства.

«Чему бывать, того не миновать!» — решила она и начала списывать у соседки пропущенные предложения.

Домой она шла, думая о случившемся: «Если я владею сглазом, сегодняшняя стычка не должна пройти бесследно!»

А герой дня и его дружки, едва дождавшись окончания занятий, понеслись с тюбиком клея «Момент» к новой многоэтажке с ее чистыми и просторными подвалами. В полутемном подъезде было прохладно и, как и во всех новостройках, пахло свежими бетонными блоками. Поджигатель собачьих хвостов первым спустился в подвал. За ним последовали его верные подпевалы. Где-то на верхнем этаже хлопнула дверь. Заурчал мотор лифта, и подростки тут же нырнули в подвальный полумрак. Потянуло неприятным холодком, и приятели поспешили в давно облюбованную секцию, через которую проходила огромная труба с горячей водой. Знакомый закуток встретил их уютным теплом и едва уловимым запахом «Момента». На полу там и сям валялись использованные полиэтиленовые пакеты с остатками засохшего клея внутри. Как стая воробьев подростки уселись на трубу и с замиранием сердца приготовились к вдыханию токсичных паров. Их главарь занял самое теплое место на стыке труб, где не было изоляции. Он с наслаждением ощутил разливающееся по всему телу тепло. Неторопливыми движениями он выдавил из тюбика клей в заранее приготовленный пакет и, передав тюбик соседу, стал вдыхать испарения.

Спустя минуту он расслабленно откинулся назад и, оторвав но-

ги от бетонного пола, прислонился спиной к стене. Труба под ним мягко качнулась и привычно провисла. Установленные на скорую руку крепежи уже давно расшатались от непредвиденной нагрузки и теперь с трудом выдерживали лишний вес. Но погруженным в мечты подросткам было не до этого. Покачивающаяся под ними труба создавала ощущение божественной невесомости. На одурманенных лицах играла блаженная улыбка, и только губы их вожака были плотно сжаты и нервно дрожали. В токсической полудреме он пытался приподняться, но лишь сильнее раскачивал трубу. Вконец одурманенный, он с ужасом наблюдал за тем, как гладкие бетонные стены подвала начали дрожать, темнеть и трескаться словно чернозем во время засухи. Воздух наполнился агрессивной пылью, которая тут же поглотила тусклый свет подвальной лампочки. Прячась от атакующей его пыли, он еще глубже зарылся лицом в полиэтиленовый пакет. Пыль сдалась и осела гарью от тускло мерцающего факела, открыв стены средневекового каземата.

В дальнем углу пылал кузнечный горн, отбрасывая злоеущую тень на низкий сводчатый потолок. Лицу было невыносимо жарко. Округлые щеки юного подмастерья палача лоснились. Он неотрывно смотрел, как в ярком пламени светится раскаленный добела металлический прут. Подмастерье с нетерпением ждал, когда ему, наконец, прикажут достать из огня его любимое орудие пыток. Он уже представлял, как раскаленный металл будет шипеть в глазу ведьмы, но приказа все не было. Краем уха он слышал какой-то шум за спиной. Сначала куда-то убежал герцог. Потом слышался приглушенный женский шепот и звон цепей прикованной к стене ведьмы.

Движение в пыточной и недовольный голос палача заставили подмастерье оторваться от созерцания раскаленного железа. Он обернулся на шум и не смог ничего разглядеть. После яркого пламени его глаза никак не могли привыкнуть к полумраку подземелья. Один из женских голосов усилился, в нем зазвучали устрашающие нотки. Еще не понимая, что происходит, он инстинктивно отшатнулся и попятился, не замечая упершиуюся в ягодищу горячую ручку раскаленного прута. Сделав два шага назад, он задвинул своим упитанным задом прут в глубь пылающего горна, не чувствуя, как обжигаящий жар стал разъедать его панталоны...

~ ~ ~

Жгучая боль выдернула подростка из страшного видения. Как ошпаренный он соскочил на бетонный пол. Треснувший стык трубы был окутан горячим паром, сквозь который пробивался бурлящий гейзер. Его брюки были пропитаны крутым кипятком, в котором

теперь варился упитанный зад их хозяина. По подвалу разнеслись дикие вопли. Очнувшиеся приятели ничего не могли разглядеть сквозь густой пар и боялись ступить на пол. Они не видели, как их главарь безуспешно пытается стянуть штаны. Пока он судорожно расстегивал модную пряжку, его ягодички благополучно обварились.

Ника в это время задумчиво брела в свою хрущевскую пятиэтажку. Мимо промчалась «скорая» и скрылась в направлении нового микрорайона.

«Как бы я хотела работать на «скорой»!» — мечтательно посмотрела она вслед удалявшейся машине...

Следующим утром вся школа гудела. На переменах только и разговоров было о происшествии в подвале. Несмотря на авторитет среди старшеклассников, к бывшему вожаку хулиганов прилепилась кличка Макака с красной какой...

* * *

Многие годы минули с тех пор. Еще не раз Ника испытывала необычайную легкость после сброса черной энергии. Но та эйфория не шла ни в какое сравнение с тем, что она чувствовала сейчас, лежа в луже крови на полу спальни. Какие-то люди в униформе суетились вокруг нее и встревоженно говорили на знакомом, но почему-то малопонятном языке. Ее любимые собачки забились в угол и полными отчаяния глазами наблюдали за происходящим. Вот их хозяйку пристегнули к носилкам широкими ремнями и подняли в воздух.

Ника оторвалась от земли и безмятежно поплыла по своему дому. Непередаваемая легкость и спокойствие усиливались с каждой минутой. Это ощущение было совершенно ново для нее. Теперь она, конечно же, не побоялась бы спросить об этом маму, но та была далеко за океаном. Да и язык ее уже почему-то не слушался и, похоже, что не только язык...

Хозяин дома видел, как в спешке выносят его жену. Он тоже торопился. Дрожащими руками он собирал ее медицинские справки и показывал бутылочки с лекарствами, перечень которых потребовали парамедики. Реанимационная машина с ревом сирен умчалась в ближайшую больницу. Закончив опись медикаментов, его повезли следом за мелькающими вдали огоньками на второй «скорой».

— Виронику, все еще пытаются спасти, — безрадостно сообщили в приемном покое.

Он не сразу сообразил, что произнесенное на американский манер имя принадлежит его жене. Онемевший от горя мозг плохо воспринимал окружающее. Он сидел в пустом холле и мысленно помогал жене бороться со смертью.

— Давай малыш, возвращайся! — молил он ее. — Я рядом!

Как спасение от жестокой реальности, память вернула его в прошлый декабрь. Ровно год назад он уже сидел в этом приемном покое и терзал себя мыслями о том, что во всем виноват сам. Той декабрьской ночью они попали сюда с похожим, но не таким страшным кровотечением. Наутро он забрал жену домой, несмотря на уговоры врачей. Забрал, чтобы вечером вернуться обратно.

«Как мог я пойти у нее на поводу и отказаться от госпитализации в первый раз?» — упрекал он себя.

Днем раньше, вместо привычного кровохарканья, у жены впервые хлынула горлом кровь. Случилось это в самый неподходящий момент. Пока он на нижнем этаже запускал в дом собак, она захлебывалась кровью в ванной комнате наверху. У нее не было ни времени, ни сил позвать его на помощь, и она в одиночку сражалась с кровотечением. Когда он поднялся на второй этаж, она в полубморочном состоянии висела над полной крови раковиной и шептала:

— Денис, я умираю!

Его имя прозвучало непривычно из ее уст. Она давно его так не называла. С первых их встреч он как-то сразу стал Диней, и в ответ, вместо длинного Вероника, стал звать ее Виней. А потом, добавив солидности, кроме как Дича и Вича они друг друга уже не называли.

— Ничего страшного, Вича! Подумаешь, немного крови, — оттащил он жену от раковины и с наигранным спокойствием произнес: — В первый раз, что ли? А ты тут помирать собралась!

Дича усадил жену на кровать, подпер спину подушками и включил ингалятор с бронхорасширяющим раствором. Вича успокоилась, но каждый вдох давался ей с большим трудом, и синева вокруг губ никак не хотела проходить.

— Вызывать 911? — посмотрел он в ее теряющие фокус глаза.

— Не знаю, — неопределенно пожала она плечами.

Это и был ответ. До этого дня, как бы плохо ей ни было, она всегда стойко сражалась со своим недугом и за все годы жизни в Америке они ни разу не вызвали службу 911. В самых крайних случаях он сажал ее в машину, и они ехали в больницу сами. Но раз Вича не сказала «нет», значит, чувствовала себя совсем плохо.

Вскоре после звонка дом наполнился парамедиками, которые тут же надели на пациентку кислородную маску. Не прошло и двух минут, как порозовевшая Вича спросила:

— А может, не надо никакой больницы?

Когда она услышала, что повезут ее в ближайшую, пользуясь дурной славой лечебницу, то заупрямилась еще больше.

— Ну, давай съездим только на рентген, — уговаривал ее

муж. — Если все нормально, я сразу же заберу тебя домой.

На рентгене ничего страшного не нашли, но и домой тоже не отпустили. Виче всё назначали и назначали бесконечные анализы и тесты, и конца и края им не было видно. Они уже давно привыкли к этой практике вытягивания денег из страховых компаний. Больница, в которую они попали, соседствовала с негритянскими кварталами, где медицинский полис имелся у считанных единиц. В неотложной помощи здесь никому не отказывали. Можешь ты платить или нет, умереть тебе в этой стране не дадут. Поэтому такие больницы еле сводят концы с концами и компенсируют расходы на бесплатных больных за счет тех, у кого есть медицинские страховки. И уж если им попался пациент с хорошим полисом, как у Вичи, то будьте уверены, больница попытается высосать из него все, что можно, а порой и что нельзя.

Наступало утро, а беготня вокруг выгодной больной не прекращалась. В какой-то момент терпение задерганной пациентки лопнуло, и она выдвинула ультиматум:

— Или меня сейчас же переводят туда, где я постоянно наблюдаюсь и где есть специалисты по моему заболеванию, или я одеваюсь и ухожу домой!

Ажиотаж как-то сразу стих, и до утренней пересменки строптивую больную больше не беспокоили.

— Виронику смогут перевести в больницу имени Хопкинса, — с неохотой сообщила новая дежурная врачиха, как только все бумаги будут готовы.

Однако к тому времени Вича уже полностью оклемалась, и загреть в больницу, пусть и родную, ей совсем не хотелось.

— Ну, зачем сейчас туда ехать? — убеждала она мужа. — Посуди сам. Сегодня суббота. Вместо моего лечащего будет только дежурный врач. Так что до понедельника мне там делать нечего!

Слишком легко он дал себя уговорить в тот раз, и это была его первая ошибка, которая потянула за собой цепь последующих событий, которые сегодня, спустя ровно год, вновь привели их в тот же приемный покой. Конечно, прошлой зимой ему и самому не хотелось оставлять жену в больнице, да еще и на выходные. Пойдя у нее на поводу, он позвонил соседу по участку:

— Здорово, Паша! Не спишь?

— Это вы кацапы спите до обеда, а хохлам спать некогда! Деньги считать надо!

— Как посчитаешь, заберешь нас из больницы?

— Что опять случилось?

— Да Вича нас развлекала всю ночь.

Пока он разговаривал, жена демонстративно подписала отказ от госпитализации и быстрым шагом покинула приемное отделение.

ние. Такая бравада не прошла даром. Уже в коридоре она начала ощущать нехватку воздуха, но не показывала виду, что ей плохо.

— Давай пойдем обратно, — предложил Дича. — Меня же не обманешь, я вижу, что тебе нехорошо.

— Ничего страшного, просто я провела всю ночь на кислороде и еще не перестроилась дышать без него. На свежем воздухе должно пройти.

Он посадил ее в инвалидное кресло и вывез на улицу. Пока они ждали соседа, Вича действительно отдышалась и ее щек коснулся легкий румянец.

— Ну что, болячка! — попытался пошутить приехавший Паша, — домой или в «Биби» за очередной кофточкой?

Последнее время «Биби» был ее любимым бутиком. Одежда из него составляла почти весь ее гардероб.

— В следующий раз, — слабо улыбнулась она.

Да, муж ее баловал и, хотя одеваться в «Биби» было недешево, все шкафы в их доме были завешаны нарядами оттуда. Все тот же сосед временами ее подначивал, наблюдая, как она выбирает себе очередную блузку для покупки через Интернет:

— Сколько одному человеку нужно одежды?!

Дича прекрасно понимал, что это расточительство, но отказать своей Никуле не мог. Он видел, как все труднее и труднее дается ей каждый новый день, и не мог лишать ее этих маленьких радостей, которых было не так уж и много в ее нелегкой жизни.

В ту декабрьскую субботу у Вичи были совсем другие планы, нежели болтаться по больницам. Она всю неделю с нетерпением ждала выходных, чтобы поехать за живой новогодней елкой. До католического Рождества оставалось чуть больше недели, и пока еще был выбор, она хотела найти самое красивое деревце. Но самой поехать в тот день сил уже не осталось, и она отправила мужа с соседом, полагаясь на их вкус.

Когда мужчины вернулись с добычей, их дом наполнился пьянящим духом хвойного леса. Елку положили оттаивать на пол в столовой, и Вича, преодолевая одышку, подошла к ней и стала гладить пушистые ветки, приговаривая:

— Завтра я тебя, красавица, наряжу, и ты у меня будешь самая распрекрасная на свете!

Только в тот год этим обещаниям не суждено было сбыться, как и многим другим планам.

— Значит так! — начала она, когда сосед ушел. — Сегодняшнее приключение ничего не меняет!

— Ага! Ты это называешь приключением?

— Не перебивай! — улыбнулась Вича. — С утра, как всегда по выходным, ты готовишь завтрак, потом мы закинем белье в сти-

ральную машинку и только потом, слышишь, потом мы занимаемся елкой!

— А вдруг дня не хватит?

Работы действительно было много. Отыскать в подвале подставку под елку и вытащить многочисленные коробки с елочными игрушками и гирляндами. Украшений у них было столько, что хватило бы нарядить целый лес – после каждого Рождества Вича таскала мужа по распродажам и скупала самые красивые новогодние украшения, из тех, что остались непроданными и отдавались за бесценок. Каждый год она наряжала елку по-новому. В этот раз она решила, что елка будет серебряной, и ей не терпелось окунуться в свои елочные богатства в поисках подходящих игрушек и мишуры.

К вечеру Виче совсем полегчало, и она даже пригубила свой любимый «Кампари» с апельсиновым соком, после чего отправилась в спальню делать прописанную ей дыхательную гимнастику и ингаляции. Эти процедуры помогали очищать легкие от накопившейся за день мокроты и занимали немало времени. Дича как обычно прилег рядом и подремывал под убаюкивающий говор телевизора и привычный кашель жены. Очнулся он от резкого толчка в бок.

— По-моему, опять кровь! — с испугом произнесла Вича и показала ему алое пятно в контейнере для мокроты.

Не прошло и минуты, как все дно контейнера стало красным. Ослабленная передрыганиями предыдущей ночи, Вича недолго боролась с кровью, которая подходила к горлу быстрее, чем она могла откашлять. В этот раз она ни с кем не спорила и не просилась остаться дома, она просто потеряла сознание.

Вича пришла в себя лишь на пути в ненавистную ей лечебницу, из которой только утром сбежала. Мольбы Дичи отвести их в любую другую больницу, были проигнорированы. С собой парамедиков в этот раз взять отказались. Он не стал спорить и побежал заводить Вичину машину. Сама Вича не водила, но машину купили по ее выбору, поэтому она и считалась Вичиной.

— Чем-нибудь помочь?! — вырос перед капотом Паша.

— Да чем тут поможешь?!

Приехав в больницу, Дича влетел в приемное отделение и нашел свою малышку в одной из смотровых комнат. Его сразу же окружили дежурные врачи и начали наперебой убеждать, что его жене нужно срочно подключать к аппарату искусственного дыхания:

— Мы можем ее потерять! Если снова откроется кровотечение, будет очень сложно установить дыхательную трубку.

— Я попробую с ней поговорить! — испугался Дича.

Разговор получился коротким.

— Как тебе дышится? — бодрым голосом спросил он Вичу,

пытаясь скрыть свой страх.

— Ничего, — сквозь кислородную маску прошептала она.

— Тебя хотят интубировать, чтобы ты не захлебнулась, если кровотечение опять повторится.

В Союзе они оба были фельдшерами, и ей не нужно было объяснять сложный процесс установления дыхательной трубки в трахею, который и назывался интубацией.

— А надо? — тихо спросила она.

— Говорят, что надо.

— Ну, надо так надо, — услышал он на удивление смиренный ответ.

Часом позже он ругал себя за поспешное решение. С чувством вины он смотрел, как Вича порывалась встать и выдернуть раздражающую горло трубку. Умом он понимал, что внутривенный наркотик сотрет это из ее памяти, но его сердце с трудом выдерживало такое зрелище.

«Перед тем как дать согласие на интубацию, нужно было позвонить ее лечащему врачу и спросить его совета!» — ругал себя он.

В его голове роились невеселые мысли: «Как долго она теперь будет на этом аппарате? Как перенесут ее легкие механическое раздувание? Не выбрал ли я из двух зол худшее?..»

Но все это было в прошлом году. А сейчас он сидел в знакомом до ненависти коридоре и думал, с каким бы удовольствием он поменял свои теперешние мысли на те, годичной давности: «Я бы все отдал за то, чтобы стоять сейчас рядом с заинтубированной Вичей, а не сидеть здесь и не ждать сурового вердикта врачей!»

Не зря говорят, что все познается в сравнении. Пусть она опять будет мучительно привыкать дышать самостоятельно, пусть будет долго сипеть как старый курильщик из-за поврежденных трубкой голосовых связок, пусть за ней надо будет ходить как за малым дитем. Пусть! Лишь бы она выжила!..»

Над Вичей в это время колдовали врачи. Их речь была ей непонятна совсем как в далеком младенчестве, когда у нее, еще шестимесячной, остановилось сердце. Тогда никто не мог понять, чем она больна. Ее легкие были забиты вязкой мокротой. Постоянная лихорадка вызывала обильное потоотделение, и ее худенькое тельце покрывалось белым соляным налетом. Тогда врачи еще не знали такой болезни и были в этом смысле недалеко от средневековых знахарей...

В древней Померании эта болезнь была не в диковинку. В народе таких детишек окрестили морскими дьяволятами. Но поскольку эти младенцы долго на белом свете не задерживались, то большого страха не вызывали. Однако церковь зачем-то боролась

с невинными детишками. Как только становилось известно о соляных кристаллах на тельцах малышей, их тут же отнимали у родителей.

— В ваших младенцев вселился дух морского дьявола! — заявляли священники. — Поэтому они и задыхаются на суше.

На глазах у рыдающих матерей несчастных крох бросали в открытое море и оставляли на волю волн.

— Чаще посещайте храм Господень! — слышали в ответ на свои мольбы несчастные матери. — И молитесь денно и нощно!

И те молились. Однако морских дьяволят меньше не рождалось. Глядя на свою новорожденную дочь, Сидония и представить не могла, что в этом розовощеком, несущем умиротворение ребенку затаился смертельный недуг. С появлением Венди мир вокруг нее волшебным образом преобразился. Как только была перерезана пуповина, необъяснимое спокойствие и радость окутали светлицу.

— Чувствуешь, как она впитала плохую энергию?! — восхищался отец. — Смотри, не спускай с нее глаз, пока она не научится ходить. Наша маленькая чародейка еще не может управлять черными потоками, и ее нужно оберегать от их излишков. Когда она подрастет, то сама сможет избегать их, а сейчас ты должна это делать за нее!

Повинуясь мужу, Сидония не расставалась с дочуркой ни на минуту. День за днем пролетали как в прекрасной сказке, и казалось, счастью не будет конца. Но когда Венди начали отнимать от груди, она вдруг принялась хворать. Малышка задыхалась и хрипела по ночам, обливаясь потом, который к утру превращался в соляную корку.

— Похоже, что природа испугалась своего творения, — глядя на мучения малышки, кручинился отец, — и вместе с невиданной силой наградила ее страшной хворобой, чтобы век ее был недолог.

Его не раз звали к младенцам с такими же признаками таинственной и смертельной болезни. Он пытался лечить несчастных детишек и уже научился очищать их легкие от вязкой флегмы, облегчая им дыхание. Но неугомонная церковь не давала довести начатое до конца, забирая поправлявшихся малышей.

— На этот раз никто не помешает мне бороться с твоим загадочным недугом! — шептал знахарь дочурке. — Здесь, в глухом лесу, вдали от церкви и ее соглядатаев ты будешь в безопасности.

— Природа пытается погубить тебя, — любил говаривать отец, держа дочку над парами травяных отваров, — но наши знания помогут тебе выжить!

Ежедневные вдыхания грудных сборов благотворно влияли на маленькую Венди, и она быстро шла на поправку. Сидония уже не сидела дни напролет дома и с выздоравливающей малышкой все

чаще выбиралась в лес. Вот и в тот злополучный день они отправились в близлежащую дубраву. Покрепче запеленав дочурку, она уложила ее спать под большим дубом, а сама начала собирать шапочки от опавших желудей для отворотного зелья.

Она не боялась непрошенных гостей. Местные жители обходили этот дуб стороной, и только самые отчаянные юнцы, несмотря на запрет взрослых, иногда прибегали сюда, чтобы потом побахвалиться своей отвагой перед сверстниками. Стоявший на пригорке дуб был виден издали, и местные суды давно использовали его толстые ветви для назидательных расправ над преступниками. Вешали здесь и пойманных ведьм. Старики поговаривали об их неугомонных душах, посещающих это жуткое место. Сюда даже дикие звери редко заглядывали.

Занятая сбором, Сидония не сразу услышала слабый писк дочурки. Она кинулась к дочери. Корни дуба, среди которых лежала Венди, уже утонули в липкой трясине черной энергии, стекающей из кроны дерева-великана. Личико малышки синело прямо на глазах. Встревоженная мать прижала к себе дочурку и пулей полетела прочь, в сторону оврага. Щупальца черной энергии тянулись вслед за ними. Сидония скатилась на влажное дно оврага и, поднявшись из чавкающей глины, что было сил сжала грудь малышки. Та всхлинула и заилась в отчаянном кашле. Вскоре ее личико порозовело, и она как ни в чем ни бывало зашепеляла и стала играть с выбившейся из-под платка прядью маминых волос.

Счастливая Сидония стала выбираться из оврага, но крутые и скользкие края не выпускали ее. После нескольких неудачных попыток она решила идти к устью оврага. Выбросив промокшие до нитки пеленки, она укутала Венди в свой платок и пошла на шум воды. Вскоре края оврага стали ниже, а слякоть под ногами превратилась в стремительный ручей. Вода уже была выше колен, и Сидония все чаще спотыкалась о подводные камни. Силы ее были на исходе. Споткнувшись в очередной раз, она не устояла и рухнула в мутную воду, выпустив из рук Венди. Звуки леса скрылись за глухим бурлящим шумом. Сидония выдернула голову из воды и, не вставая с колен, начала судорожно шарить в грязном потоке.

— Венди! Венди! — закричала она.

Отчаявшаяся мать вскочила на ноги, чтобы посмотреть, не всплыла ли ее несчастная дочурка ниже по течению...

~ ~ ~

Врачи продолжали бороться за жизнь бездыханного младенца, не представляя, что в это время переживает их крошечная пациентка. А маленькая Ника беспомощно барахталась в воде, перемешанной с грязью, и никак не могла выбраться на поверхность за

живительным глотком воздуха. Ее ручки запутались в тонких нитях водорослей, но страха не было. Эти водоросли несли что-то мягкое, теплое и родное и неудержимо влекли за собой. Черный холод бурлящей воды постепенно отступал назад. Вокруг становилось светлее, голубые проблески безмятежного неба все чаще пробивались сквозь мутное месиво. Наконец, спасительные нити вытянули ее из бурлящего ручья. На свету они оказались вовсе не водорослями, а черными как смоль локонами, за которые Ника цепко держалась своими ручонками. Черноволосая красавица расплылась в улыбке, и вид ее непомерно счастливых глаз заставил сердечко малышки радостно забиться...

* * *

С тех пор сердце Вичу не подводило. Но годы борьбы с инфекциями и постоянным кислородным голоданием взяли свое – наступил момент, когда оно не выдержало. Еще год назад ее сердце из последних сил работало даже тогда, когда легкие уже сдались и перестали дышать. То мизерное количество кислорода, что еще оставалось в циркулирующей крови, было отдано мозгу, и вместе они отстояли свою хозяйку. Но в этот раз истощенные недугом редуты рушились один за другим. Уже шла тридцатая минута, как остановилось сердце пациентки и, несмотря на все усилия врачей, оно никак не хотело заводиться. Наступал момент, после которого успех возвращения больного к жизни равнялся нулю. С приближением развязки напряжение в реанимационном боксе нарастало. Чувство горечи от неминуемой потери такой молодой еще пациентки наполнило комнату.

Вдруг как по мановению волшебной палочки нервное напряжение спало, и воцарилась спокойная рабочая атмосфера. На кардиомониторе появились признаки хаотичных сокращений сердечной мышцы. Воспрянувший духом руководитель реанимационной бригады резко скомандовал:

— Приготовиться к дефибрилляции!

Одного электрического разряда хватило, чтобы завести отдохнувшее сердце пациентки. Ликующий реаниматолог вылетел с радостной вестью в коридор и начал оживленно описывать мужу больной героические усилия всего персонала. Все еще не веря своему счастью, мужчина смотрел на него с глупой улыбкой, по его лицу текли слезы радости. Врач приобнял его одной рукой и повел к жене. Вича лежала в центре комнаты под яркими лучами операционной лампы, два санитары убрали разбросанные по всему полу пакеты и упаковки от одноразовых инструментов и шприцев.

— А почему у нее на глазах липкая лента? — с тревогой спросил Дича, показывая на тонкие полоски скотча, державшие ее веки

закрытыми.

— Чтобы не повредить роговицу во время реанимации. Если хотите, вы их можете уже снять, — добавил врач и быстро вышел.

Дича аккуратно, чтобы не сделать больно, отлепил скотч и тут же почувствовал резкую слабость, его колени задрожали. Он машинально оперся о стол, на котором лежала Вича, и ярко освещенный пол начал уходить из-под ног.

— Только не это! — взмолился он и с силой зажмурился, пытаясь заслониться от увиденного.

Расширенные зрачки жены не реагировали на слепящий свет операционной лампы...

Глава 2

ПРИБЛИЖЕНИЕ

Яркое летнее солнце слепило и не давало заснуть. После бессонной ночи мучивший Нику кашель отступил, и мама отправила ее спать на свежий воздух в беседку. Теплая нега дремоты уже несколько раз пыталась окутать ее, но налетающий порывами ветер качал кроны деревьев, то и дело открывая путь ярким лучам солнца. С каждым пробуждением ночные кошмары всплывали перед глазами. Лица неизвестных парней были такого неестественно вишневого цвета, что нельзя было различить губ. Они судорожно хватали ртом воздух и походили на морских окуней. Их выпученные, налитые кровью глаза довершали сходство.

«Не зря говорят, что рыба снится к болезни», — подумала Ника, крепче сжимая веки.

Она надеялась, что эти морские гады еще крепко пожалеют о содеянном. Ведь именно они помешали ее вечерним процедурам, что и привело к обострению болезни.

Каждый вечер Ника исчезала куда-то на пару часов, но всегда возвращалась к тому времени, когда дачные друзья были готовы к очередным проделкам. Иногда сотоварищи собирались чуть раньше и забегали за ней, но ее комната неизменно была пуста. Поначалу ребята шутили меж собой по этому поводу, делясь глупыми догадками.

— Мы думаем, она потерялась в шкафу и не может решить во что бы одеться, — с нотками зависти начинали девчонки.

— Да нет, зачиталась где-нибудь на озере, — продолжал кто-то, зная ее любовь к книгам.

— А что, если она бежит на свидание к лешему? — засмеялись братья-близнецы, которые как-то видели ее под вечер выходящей из леса.

Сама Ника отмалчивалась или коротко бросала:

— Бродила за вдохновением.

Друзья знали ее склонность к стихоплетству и не горели желанием попасться на ее острый язычок. Про особенно настырных она как-то насочиняла смешных четверостиший, и те теперь предпочитали помалкивать. Так что в их компании дело дальше догадок не шло. И только Яна знала, что в это время ее младшая сестренка изнуряла себя дыхательной гимнастикой, очищая свои больные легкие от накопившейся за день мокроты.

Ника скрывала свою болезнь от друзей и всегда уходила в глубину леса, чтобы никто не слышал ее надрывного кашля. Какофония ее свистящего и хрипящего придыхания отталкивала окружающих, и она не раз испытала это на своем горьком опыте. Только вдали ото всех она могла спокойно освободиться от вечно сопутствующей ее мокроты. Каждая капля выходящей вязкой слизи добавляла ей несколько минут свободного дыхания и активности наступающим вечером. Она давно поняла, что лишь благодаря внутренней дисциплине и постоянному уходу за своими легкими можно держать болезнь в узде.

Вчера же ее целенаправленная борьба с недугом была нарушена пришлыми пижонами, вычурная одежда которых совсем не подходила для лесных прогулок. Ими оказались городские меломаны, прослышавшие о том, что барабанщик одной популярной ленинградской рок-группы отдыхает здесь со всей командой, и решили с ним «поручкаться». Но сначала они ошиблись деревней, а потом и вовсе заблудились. Злые и измотанные, они решили освежиться и спустились к озеру, когда их внимание привлекли странные хрипы. Среди густых зарослей они не сразу заметили сидевшую на корточках девушку.

Ника в это время напряженно прислушивалась к себе. Она делала длинные изнуряющие выдохи, чувствуя каждый свой бронх. Создаваемые в них воздушные потоки медленно продвигали вязкую мокроту наружу. От натуги кровь прилила к лицу, в ушах стоял пульсирующий гул, заглушавший приближающийся хруст сухих веток. В горле уже начинало першить, и она поджала коленки к груди, чтобы помочь подступающему кашлю. Вдруг Ника почувствовала чье-то присутствие и вскочила так стремительно, что в глазах на мгновение потемнело, и она еле удержалась на ногах.

Когда темная пелена рассеялась, перед ней стоял незнакомый парень, от которого сильно разило перегаром.

— Только погляди, как она жарко дышит! — сказал он кому-то сзади, принимая ее одышку за возбуждение. — Девочка явно хочет провести приятный вечерок с нами.

— Ей должно понравиться, — прозвучал невнятный ответ.

Недолго думая, Ника развернулась и побежала в сторону поселка. В глазах снова стало темнеть. Ей не хватало воздуха, и она сбилась на быстрый шаг, замедляя его с каждой секундой. Вскоре она уже едва передвигала ноги, понимая, что добраться до дома вряд ли сумеет. Хруст валежника неотвратимо приближался. Она обернулась и увидела своих преследователей. Их вид заставил предпринять последнюю попытку оторваться. Но видно, в этот день удача отвернулась от нее. Спотыкнувшись о корень большой сосны, она едва успела ухватиться за ее толстый ствол. Девушка медленно осела на усыпанную хвоей землю. Страх куда-то улетучился, и она развернулась в сторону шагов. Сидя спиной к дереву, Ника сквозь пелену в глазах с ненавистью смотрела на приближавшихся ублюдков. Старший из них схватил ее и одним рывком поставил на ноги. Но не успел он открыть рот, как хрупкая девушка вцепилась в его руку ногтями и, еле дыша, прохрипела:

— Только тронь меня, и ты нежилец!

Пораженный неожиданной атакой, парень с удивлением посмотрел на странную форму ее ногтей. Он никогда не видел ничего подобного.

«Это же не человеческие ногти», — проскочила одурманенная водкой мысль.

Ника увидела в его глазах знакомую смесь детского страха и удивления.

Венди часто ловила взгляды деревенских детей на своих руках. Поначалу они побаивались странных, казавшихся непомерно большими на фоне ее тонких пальцев ногтей, необычная выпуклость которых придавала им вид звериных когтей. Но во время игр все тревоги улетучивались. Когда их маленькая подружка бегала рядом, все ссоры и разлады забывались, и казалось, что весь мир наполнен радостью и счастьем. Несмотря на то, что Венди была самая маленькая среди них, она стала настоящей заводилой у деревенских ребятишек, которые каждый день с нетерпением ждали ее прихода. Папины снадобья пошли впрок, и никто не мог даже заподозрить смертельного недуга в этом жизнерадостном бесенке. Любимица детворы всегда появлялась из чащи в сопровождении своих братьев. Подростки отходили в сторону от шумной малышни и, подражая взрослым, важно вели беседы со сверстниками. Младшая же половина лесного семейства весело носилась с деревенскими сорванцами, давно позабывшими о странных ногтях своей лесной гостьи. Однако вскоре подвернулся случай снова о них вспомнить.

Как-то по осени герцог со своей свитой затеяли охоту. Лес был взбудоражен лаем собак, криками загонщиков и мушкетными

выстрелами. Внезапно на опушку, где резвились малыши, выползла раненая волчица. Насмерть перепуганные дети спрятались за спинами взрослых ребят. Старший брат схватил Венди на руки и попятился в лес. Притихшая сестренка крепко обнимала его за шею, пока не увидела что-то в зубах у зверя. На глазах у изумленных ребят Венди соскочила с рук брата и побежала к хищнице.

Волчица приподнялась на передних лапах и злобно ощерилась. Из ее пасти на землю выпал маленький волчонок и жалобно заскулил. Мать лизнула его и из последних сил вновь подняла оскаленную морду. Венди присела подле нее и протянула открытые ладошки к раненой волчице с детенышем. Покачивающийся на некрепких лапках волчонок подозрительно обнюхал кончики ее пальцев и весело заковылял прямо к девочке. У истекающей кровью матери уже не было сил ползти вслед за ним, и она завывала от отчаяния и боли. Венди бережно взяла щеночка и поднесла его к морде матери. Глаза хищницы потеплели. Умиравшая волчица нежно облизала своего детеныша, даря ему последнюю материнскую ласку. Наконец силы оставили ее.

Дети видели, как страшный зверь с благодарностью ткнулся носом в руки их лесной подружке и уронил безжизненную голову. Девочка прижала щеночка к мокрому от слез лицу. Когда из леса показался старший сын герцога в сопровождении ловчего, дети опустились на колени и склонили головы. Золотые кудри Венди закрыли собой волчонка. Не говоря ни слова, ловчий спешился и закинул мертвую волчицу на круп лошади. Сквозь занавес волос девочка с ненавистью смотрела вслед удаляющимся всадникам. Их мерно покачивающиеся тени еще долго маячили среди деревьев.

~ ~ ~

Затуманенный взор Ники стал проясняться, пестрые камзолы всадников постепенно превратились в яркие разводы модных рубашек.

Пьяный подонок все еще держал ее. Наконец он оторвал взгляд от ее странных ногтей и заметил, как глаза девушки стали наливаться яростью. Что-то заклокотало у нее в горле, и комок зеленой тягучей слизи вылетел из ее рта прямо ему на грудь.

— Черт! — он брезгливо попятился.

Отпустив свою жертву, он начал искать глазами, чем бы снять с себя гадкий плевок. Не найдя ничего подходящего, он схватил девушку за волосы и вытерся ими.

— Убить ее за это мало! — сказал его дружок. — Да возиться неохота!

Проходя мимо, он пнул осевшую на землю беглянку и вяло бросил: «Надо где-то помыться».

Это предложение вызвало неожиданную реакцию у его спутника.

— Помыться! Помыться! Во что бы ни стало помыться! — во всю глотку заорал он и начал остервенело чесаться везде, где доставала рука.

Все тело страшно зудело. Хотелось вывернуться наизнанку и почесать себя изнутри. Ошалевший парень безумно припрыгивал и скреб себе лодыжки. Друг схватил его за руку и потащил в сторону озера. Ника сидела в корнях сосны и безучастно смотрела вслед подонкам. По всему ее телу растеклась необычайная легкость, а все случившееся показалось далеким сном, в котором все еще маячили какие-то тени.

Тело мертвой волчицы позади ловчего подпрыгивало в такт лошадиному шагу и терлось о его спину. Вскоре спина начала зудеть, а затем зачесалось и все тело. Ловчий соскочил с коня и с омерзением стянул за хвост мертвую волчицу. Его благородный спутник не возражал, чесотка началась и у него. Не переставая чесаться, всадники понеслись галопом в сторону реки, где был разбит их бивуак. Не успев спрыгнуть с коня, наследник правителя Восточной Померании приказал немедленно готовить походную баню. На песчаной отмели были в срочном порядке собраны прибрежные валуны. Вскоре они уже грели свои гранитные бока в ярком пламени кострища. Не дожидаясь, когда пропадут последние язычки пламени, измученный чесоткой сын герцога велел ставить над камнями походный шатер.

Слуга не переставая поливал раскаленные камни. Вода зло шипела, обволакивая изодранные ногтями тела ловчего и его господина горячим паром. Чесотка их больше не одолевала. Они провалились в блаженное небытие, позабыв обо всем на свете. Даже звонкий грохот выпавшего из рук слуги ковшика не потревожил их сон. Сам слуга с трудом выкарабкался наружу. Он лежал подле шатра, и как выброшенная на берег рыба хватал ртом воздух. Перед его глазами все еще стояло безжизненное и необычайно пунцовое лицо первого наследника Восточной Померании. Угоревший слуга попытался позвать на помощь, но его сильные всхлипывания подняли лишь слабый фонтанчик из прибрежного песка, на который он обессиленно уронил голову...

~ ~ ~

После своих злоключений в лесу Ника сказалась больной и осталась дома.

— Без тебя будет совсем не то, — наперебой уговаривали ее друзья. — Брось хандрить. Айда с нами!

В ответ она лишь грустно улыбнулась. Позабыв о ребятах, Ни-

ка прислушалась к наполнившей ее необычной легкости. Ватага подростков недоуменно переглянулась в ответ на отсутствующий взгляд подруги и отправилась на поиски приключений без нее. Конечно, с их приболевшей заводилой было бы веселей и спокойней. Когда она была рядом, редко кто ссорился, а если ссора успевала разгореться до появления Ники, то после ее прихода напряжение сразу же спадало и обиды забывались. Что ж, сегодня им придется воздержаться от разборок!

Толкаясь и резвясь на центральной улице поселка, подростки чуть не сбили одетую во все черное старуху. Последние годы она все чаще попадалась им на глаза. Еще детьми они знали, что на выселках живет целительница, но никогда ее раньше не встречали. Однако с недавних пор она почти каждый день бродила по поселку, и никто не мог спрятаться от ее цепкого взгляда. Притихшие ребята расступились и пропустили ее, после чего решили поменять место своих игр.

Старуха проводила ребят взглядом. С момента своего приезда сюда она чувствовала, что где-то рядом существует сила, которая до сегодняшнего дня дремала. Похоже, что проявление именно этой силы и предсказывала ее мать, которая издавна знахарила здесь, пока не поплатилась жизнью за свою доброту. В последнем письме она с волнением наметнула о событии, которое может стать переломным в их борьбе со злом, и подробности обещала сообщить при встрече. После смерти матери целительница переняла ее дело. Она безуспешно пыталась понять, что же так растревожило мать. Сегодняшний неожиданный перепад в круговороте черной энергии мог приблизить знахарку к разгадке: «О чем же ты, матушка, пыталась мне сообщить? Уж не эти ли перепады ты имела в виду?»

То, что убывание негативной энергии совпадало с летними месяцами, не оставляло никаких сомнений в том, что ее собирателем является кто-то из дачников. Целительница теперь много времени проводила в поселке и его окрестностях, но ее поиски не давали результатов. Она грешила на свою старость и притупившееся с возрастом чутье. Еще немного, и она уже не сможет найти того, кто владеет этой страшной силой. Подходя к окраине поселка, она увидела в окне худенькую девчущку, которая с грустью смотрела вслед удаляющимся подросткам. Старуха слышала, что та серьезно больна, но ее родители никогда не обращались к ней за помощью.

«Они врачи. Им виднее, — думала знахарка, покидая поселок. — Ну и ладненько».

Ника проводила взглядом укутанную в черное бабку и залезла под одеяло. Несмотря на накотившую грусть и одиночество, на душе было легко и спокойно. В тот вечер она быстро заснула. Однако

среди ночи ее разбудил собственный надсадный кашель, который промучил до самого утра. И вот теперь, вся разбитая, девушка лежала в беседке, деревья безуспешно пытались убаюкать ее своим шелестом. Ближе к полудню солнце перестало заглядывать в беседку, и она смогла спокойно заснуть. Вымотанная за ночь, Ника спала так крепко, что ее не смогла разбудить даже поднявшаяся на улице суматоха. Крики и беготня постепенно переместились к берегу озера, на другой конец поселка. Там кто-то нашел в бане двух мертвых парней.

Приехавшего из ближайшего городка эксперта провели в баню.

— Отравление угарным газом! И к гадалке не ходи! — заявил он, глянув на вишневый цвет голых пострадавших.

— Угу, — хмуро кивнул местный участковый, перебирая «фирмовую» одежду парней в поисках документов. — Вот ведь не знают всех тонкостей деревенской жизни, а туда же. Устроили себе газовую камеру из непрогоревших дров, а мне теперь бумажной работы на неделю!

Тихо вошедшая целительница, кряхтя, подняла валявшуюся в предбаннике рубашку. Ее внимание привлекло иссиня-зеленое пятно на яркой материи. Она провела кончиками пальцев по его краям и тут же отдернула руку. Старуха изменилась в лице, рубашка выскользнула на пол.

Тень в дверном проеме привлекла внимание участкового.

— А, это ты, Матрена, — приветствовал он ее, обернувшись. — Твои травки здесь уже не помогут. Так что ступай с Богом.

Заметив ее мертвенную бледность, участковый поторопился:

— Давай, давай. Это зрелище не для слабонервных!

Знахарка шла по поселку и вглядывалась во встречные лица: «Рано или поздно это должно было случиться. Теперь медлить нельзя. До конца дачного сезона необходимо найти того, кто это сделал!...»

К вечеру отдохнувшая Ника снова веселилась в компании друзей. От них-то она и узнала о краснорожих трупах в чужой бане.

«Неужели я еще обладаю и даром предвидения? — То, что из-за нее могли погибнуть люди, она даже не думала. — Одно дело — обваренная задница живодера, и совсем другое — два трупа!»

Ей вдруг ужасно захотелось поделиться с ребятами своим сном. Но в эту ночь друзья решили пойти на лесное кладбище, и все разговоры были только об этом.

«В следующий раз. А то еще решат, что я все придумала, чтобы их попугать», — промолчала Ника и вскоре поняла, что правильно сделала.

Ведя друзей в царство мертвых, она чувствовала их необычайное возбуждение. Боясь прослыть трусом, никто не выказывал

страха, и честная компания с замиранием сердца углублялась в лесную чащу. Продвигаясь гуськом вслед за Никой, ребята удивлялись, как она может видеть заросшую травой тропинку в такой темноте. Девушка даже не смотрела себе под ноги. Как в забытии, она шла по энергетическому коридору, созданному той скорбью и болью, что годами копилась в вековых елях, окружающих едва заметную тропку. По ней редко ходили, но постоянное давление темной энергии было тяжелее человеческих ног. Даже сорная трава здесь с трудом пробивалась на свет. Ее стебельки встречали нежданных гостей ласковым шуршанием и беспрепятственно стелились под осторожными шагами подростков. Луна все сильнее просачивалась сквозь редеющие деревья, и освещенные ею могильные кресты уже угадывались вдали.

Добравшись до кладбища, ребята уселись в круг среди могил и принялись рассказывать страшные истории. Слушая набившие оскомину страшилки о темном-темном дворе в темном-темном городе, все с нетерпением ждали очереди Ники. Ее истории всегда были новы и поразительно правдоподобны. И не удивительно: столько книг, сколько прочла она, никому даже и не снилось.

— Давным-давно, на берегу большого моря, — начала она злобующим голосом, — жила одна колдунья со своей юной дочерью.

— Уже страшно, — захихикал кто-то.

На него тут же зашикали. Ребята зачарованно слушали про то, как мать-колдунья учила подрастающую дочь лекарским и чернокнижным премудростям.

Совсем юная колдунья уже хорошо разбиралась в травах, кореньях, отварах и настоях, но душа ее лежала совсем к другому. Управление губительной энергией — вот что увлекало ее больше всего. Вместе с матерью они часами бродили по лесу с пустыми корзинками. Но искали не грибы и не ягоды, а сгустки черной энергии страха жертв хищных зверей и разбойников. Корзины же служили для отвода глаз охотников и собирателей лесных даров. Хотя, если бы кто-нибудь и встретился на их пути, то тут же поспешил бы ретироваться. Огромный молодой волк постоянно сопровождал колдуний и готов был разорвать любого, кто попытался бы приблизиться к его юной хозяйке, которая когда-то спасла его от охотников герцога.

— Места, где много черной энергии, — учила колдунья дочь, — люди называют проклятыми. С них-то мы и начнем.

— А что мы будем делать, когда соберем там всю энергию?

— Тогда мы отыщем ее новые скопления. И поможет нам в этом кошка. Завтра ночью я научу тебя как.

С рассветом они отправились к самому высокому холму в их

окрестностях. В руках ведьма снова несла корзину, но на этот раз не пустую. На дне, свернувшись калачиком, уютно дремала черная кошка. Лишь к ночи они добрались до заветного холма. Взорвавшись на его вершину, с наслаждением подставили свои лица морскому бризу. Под продувным морским ветерком необычайно легко дышалось. Насколько хватало глаз, простирались зеленые леса и поля, и только серое пятно замка местного повелителя нарушало природную идиллию.

— Сегодня я научу тебя определять скопления темных сил, — прошептала ведьма, как будто их кто-то мог услышать. — Кошки лучше всех животных чувствуют черную энергию, и по их глазам можно узнать, где она сокрыта.

С этими словами достала из корзины их черную помощницу, и обучение искусству чтения по кошачьим глазам началось.

— Лишь ее левый глаз скажет тебе правду. Запомни, кошка плохо видит вблизи, поэтому твой взгляд в упор не будет отвлекать ее.

Колдунья так близко поднесла кошку к лицу дочери, что нос девушки уткнулся в мохнатое ухо животного. Юная колдунья погрузилась в зеленую пучину кошачьего глаза и с интересом стала искать темные пятна, расположение которых и подсказывало места скоплений черной энергии. Молодой волк ревниво заурчал и недовольно оскалил зубы. Женищина с укоризной глянула на него, и тот сразу же заинтересовался полной луной, как будто он тут был совершенно не причем.

Кошачий глаз указал на огромное скопление черной энергии на кладбище близ замка герцога. Колдунья улыбнулась. Она не сказала дочери, что именно туда она изначально и планировала попасть. Сегодня ее прилежная ученица должна открыть новую страницу искусства черной магии. Накануне ведьма узнала о прибытии в замок герцога француза, славившегося умением вырезать камни из мочевого пузыря. Мало кто догадывался, что своим мастерством он был обязан упражнениям на трупах, украденных из свежих могил. У одной из таких могил мать с дочерью и затаились.

~ ~ ~

Напряженные слушатели начали нервно озираться. Убедившись, что все захоронения вокруг были давнишние, ребята вновь устремили взоры на рассказчицу. А она, никого не замечая, со страстью продолжала:

— В полночь к могиле подкрался десятник стражи герцога в сопровождении помощника. Вынув из мешка лопаты, оба перекрестились и без промедления принялись за дело, — вещала Ника, глядя горящим взглядом на огромную, низко висящую луну.

У слушателей создалось впечатление, что это не юная колдунья, а сама рассказчица была на том средневековом кладбище. Дрожь пробежала по спинам ребят, и они уже не знали, кого им больше бояться — мифических духов или реальную подругу, которая на глазах превращалась в жуткую вещунью. Сидевшие рядом с ней вдруг заерзали и стали потихоньку отодвигаться. Сгрудившись в кучку, они не отрываясь смотрели на силуэт одинокой девушки на фоне полной луны и с ужасом ожидали концовку истории. Они живо представляли себе, как одетая во все черное дочь колдуньи засеменила к разрытой могиле.

Копатели услышали шорох ее одежд и повернули головы в сторону неожиданного звука. О, ужас! Над могильными холмиками на них плыла девичья голова с широко открытым ртом. Животный страх обуял осквернителей могил. Десятник поскользнулся на свежевырытой глине и упал прямо в объятия к покойнику. Падая, он ударился головой о склизкую стену погребальной ямы и распорол себе щеку о торчащий обрубок корня.

Его помощник застыл наверху как истукан. Он смотрел в зеленые девичьи глаза, и липкий холодный пот покрыл все его тело. Затуманенный рассудок вернул его на много лет назад. Такие же точно глаза с ненавистью смотрели на него с перепачканного грязью лица молодой любовницы младшего сына герцога. Девушка пыталась подняться из наполненной жижей колеи, куда стражник ее только что толкнул. Теперь эти изумрудные глаза разрезали его сердце пополам. Задыхаясь от невыносимой боли в груди, стражник рухнул как подкошенный.

Его командир в это время с трудом выкарабкался из сырой могилы. Он перебрался через обмякшее тело подельника и, объятый животным страхом, опрометью кинулся прочь. Последнее, что увидел задыхающийся на краю могилы стражник, был отвисший лоскут щеки и проглядывавшие сквозь зияющую рану зубы десятника.

«Вот мы и в аду!» — шевельнулась гаснущая мысль.

~ ~ ~

— А в те времена умели зашивать раны? — поинтересовался кто-то.

— Не отточив своего мастерства на трупе, француз сделал слишком глубокий разрез и отправил второго сына герцога на тот свет. Так возмездие ведьмы лишило семейство герцога еще одного наследника! — закончила Ника, пропустив вопрос о рваной ране мимо ушей.

Ребята недоуменно переглянулись и осторожно приблизились к

ней. Их подруга часто дышала, а исходящий от нее жар чувствовался на расстоянии.

— Она же бредит! — сказал самый старший из них.

— Наверное, еще не выздоровела, — хором предположили близнецы.

Растолкав задыхающуюся Нику, они всей ватагой отвели ее домой и передали заспанной Яне. Выходные уже прошли, и родители уехали в город. Ника с Яной были оставлены на хозяйстве одни до следующей субботы.

Лежа с градусником в постели, Ника с тоской думала о загубленных каникулах. Приютившийся в ногах пес пытался согреть ее ледяные ноги и преданно смотрел большими карими глазами. Чарлик, всегда ходил хвостом за Эммой, но когда его хозяйка уезжала в город, он отдавал всю нерастрченную любовь своей хрупкой подружке. Ника любила собак, и те отвечали ей тем же. Ни одна даже самая злая из них, не трогала ее. Как-то еще совсем маленькой Ника убежала на чужое подворье, где на цепи сидел здоровенный сторожевой пес. Никто из местных жителей ни за какие коврижки не рискнул бы даже приоткрыть калитку того двора.

Услышав от соседей, куда залезла ее дочка, Эмма спала с лица и нетвердой походкой поспешила на выручку. У забора уже толпились любопытные дачники и с изумлением заглядывали через ограду. Осевшему от удивления на задние лапы псу маленькая Ника деловито пихала в рот палку. Тот лениво отворачивал морду и пытался вильнуть хвостом. Но поскольку он уже давно позабыл, как это делается, то получалось довольно забавное ерзанье на заднице. В заключение к всеобщему восторгу зрителей пес лизнул улыбающуюся девочку в лицо.

— Укротительница растет! — говорили потом Эмме.

После этого случая семья решила завести четвероногого друга.

— Ты ведь тоже не хочешь возвращаться в город? — спросила Ника Чарлика.

Пес внимательно слушал ее, повернув голову набок.

— Конечно, нам на природе веселее, — ответила она за него.

Несмотря на старания Яны и Чарлика, к середине недели Ника совсем слегла. Она все сильнее задыхалась, но сквозь боль и слезы обещала поправиться и наотрез отказывалась ехать в город. Соседи наперебой советовали Яне обратиться к местной целительнице.

— Хорошо, Цыплюха, — решительно заявила Яна. — Мы остаемся здесь до субботы, но при условии: я покажу тебя Матрене.

— Видать, мои дела совсем неважные, — сникла Цыплюха.

Ее давно уже так не называли. В детстве она отставала в росте от своих сверстников, и мама однажды любовно назвала ее Цыплюхой. Это нежное прозвище как-то сразу прижилось. Да и самой

Нике оно нравилось. Пока не подросла, старшие частенько так к ней обращались. Но такое обращение сейчас, когда она уже взрослая, означало, что сестра вновь увидела в ней беспомощного ребенка.

Ника условие приняла. Сосед из дачи напротив отвез сестру на своей видавшей виды «Победе» на высылки. Не успел он докурить и первую Беломорину, как Яна вышла из дома целительницы.

— Что? Отказала? — встревоженно спросил он.

— Я никому не отказываю, — ответила появившаяся вслед Матрена. — А тем более детям.

Через четверть часа она уже осматривала Нику. Выставленные на улицу, Яна с соседом тихо беседовали. Даже Чарлику не разрешили присутствовать, и он с тревогой поглядывал то на Яну, то на закрытую дверь.

А за дверью ошарашенная Матрена никак не могла прийти в себя. Глядя на цвет выходившей из девчушки мокроты, она не верила своим глазам. Он в точности совпадал с пятном на рубахе угоревшего в прошлые выходные парня. Но как эта неокрепшая девчушка, по сути, еще ребенок, могла обладать такой силой? Ника поняла состояние знахарки по-своему и с испугом спросила:

— Что, все так плохо?

— Не переживай, детка, — ответила та и положила ей руку на лоб. — Я тебе помогу, но до приезда родителей ты поживешь у меня.

У больной не было сил возражать, да и старуха ей понравилась. Нике почему-то казалась, что она знала ее всю свою жизнь. От женщины веяло чем-то далеким и знакомым, отчего щемило сердце. Ника смотрела в ее удивительно молодые глаза и, позабыв о боли, мучительно пыталась вспомнить, где она могла их раньше видеть. От высокой температуры мысли хрупкой пациентки спутались, и она впала в спасительное забытие. На короткое время Ника пришла в себя в трясущейся «Победе», узнала, что ее везут в дом удивительной старухи.

К ночи жар спал. Девушка лежала на полотах среди пучков сушеных трав и сквозь них разглядывала застеленную туманом комнату. Она потеряла глаза, но туман не исчез. Он поднимался откуда-то снизу к потолку, окутывая высокие полаты и покрывая пациентку с головы до пят. Взгляд девушки просветлел, на щеках появился слабый румянец. Мешал дышать лишь противный запах тухлых яиц, висевший в густом тумане.

— Ну что, сестра? Как ты себя чувствуешь? — услышала она откуда-то снизу.

Ника свесилась с полатей, пытаясь разглядеть, с кем разговаривает хозяйка дома. Внизу она увидела склонившуюся над русской печью целительницу. Та что-то помешивала в кипящем чугунке,

который и источал зловоние. От этого дурно пахнущего пара в груди заклокотало. Старуха разогнулась, и не успела Ника опомниться, как целительница уже молотила ее по свесившейся вниз спине. От неожиданности девушка закричала, но вместо крика из ее горла вылетел комок сине-зеленой слизи, за ним другой, потом третий. В глазах ее потемнело, а бабка все продолжала проверять ребра пациентки на прочность. Не прошло и минуты, как темнота отступила, и Ника с удивлением смогла свободно и глубоко вдохнуть.

«А не такой уж этот воздух и противный», — подумалось ей.

Девушка снова лежала на полатах и наслаждалась легкостью дыхания. Внезапно она вспомнила, зачем только что заглядывала в комнату. Она же искала сестру целительницы! С опаской Ника вновь выглянула из-под пучков сухой травы. Старуха была одна.

— А где же ваша сестра? — робко спросила девушка.

— Отдыхает на полатах, — озорно глянула на нее Матрена.

— Здесь никого нет, — машинально ответила Ника, одновременно догадавшись, кто имеется в виду.

— Я вижу, ты нашла ее, — улыбнулась в ответ старуха. — Ты моя сестра по духу. И я уже давно тебя ищу. Вот, выпей, — протянула она маленький горшочек с отваром. — Я тебе все расскажу. У нас еще целая ночь впереди.

Девушка поморщилась от горечи, но спорить не стала и, зажмурившись, одним залпом осушила глиняную посудину. Теплая нега разлилась по телу, и впервые за последние годы она заснула без изнурительной дыхательной гимнастики и мучительного кашля перед сном.

В полночь Ника проснулась, словно заново родившись. В груди почти не саднило и дышалось непривычно легко и свободно. Сквозь щелки прикрытых глаз она видела, как целительница размельчает что-то в ступке, тихо бурча себе под нос.

— Ну, рассказывай, — не отрываясь от своего занятия, потребовала она.

— О чем? — удивилась Ника: «Интересно как она догадалась, что я не сплю?!»

— Как ты уморила городских хлыщей.

— Каких хлыщей? Никого я не морила!

— А откуда же тогда взялся твой плевок на их одежде?

После этих слов что-то щелкнуло у нее в голове, и она начала вспоминать тот ужасный вечер. Матрена внимательно слушала про то, как девушку охватила небывалая ярость, и про видение малиновых лиц, похожих на рыб, и про необычную легкость после выплеснутых эмоций. Позабыв о своей ступке, целительница с изумлением смотрела на девушку.

— А когда-нибудь еще ты испытывала приступ злости, кото-

рый сменялся такой вот легкостью? — поинтересовалась старуха, и Ника скорее почувствовала, чем услышала еле уловимое напряжение в ее голосе.

— Один... Нет, два раза! Но от этого никто не умирал!

Тут она запнулась. Ведь о судьбе Гоги она ничего не знала.

Девушка с неподдельной тревогой рассказала о далеком случае в Гаграх.

— Вы думаете, Гоги тоже угорел? — боясь услышать ответ, прошептала Ника.

— Сестры не выкают друг другу, — ласково сказала знахарка, пытаясь отвлечь эту наивную девчушку от пугающих мыслей. — У сестер нет возраста.

Потом Матрена долго рассказывала о человеческих эмоциях и сложном обороте черной энергии в природе. О том, как можно обуздать эту темную силу и кто имеет способности к этому. Увидев, что обессиленная болезнью девушка уже не воспринимает ее объяснений, целительница замолчала и накрыла свою новоявленную сестру овечьим тулупом. Она поменяла чугунок на огне и вернулась к своей ступке. Ника почувствовала, как остатки тяжелого духа тухлых яиц, скопившегося над полатами, стали плавно вытесняться приятным запахом мяты. Отступивший кашель больше не беспокоил ее, и она крепко заснула.

Утром Нику пробудило подступающее удушье. Теперь она уже добровольно висела вниз головой и вдыхала зловонные пары в ожидании болезненных поколачиваний по спине.

К полудню появился первый посетитель.

— Высоко сижу, далеко гляжу! — Яна задрала голову под потолок, где на полатах сидела ее сестренка и весело болтала свешенными ногами. — Ты что, там поселилась?

— Ага! — светилась от радости Ника. — Спускаюсь только в туалет.

— Да уж! В туалете-то, наверное, получше пахнет, чем у вас тут, — нарочито поморщила нос Яна и улыбнулась, видя, что Нике полегчало.

— Давай, дорогая, прощайся! Твоей сестре нужен покой! — начала выпроваживать ее Матрена. — Родительский час закончился.

Выставив гостью за дверь, она спросила свою пациентку:

— Ну, рассказывай о своей болячке. Следствие-то мы подлечим, а вот что делать с причиной?

— А ничего не сделать, — не унывала развеселившаяся девчушка. — Это генетическое.

Матрена с грустью смотрела на это юное создание и постепенно стала постигать значение услышанного.

— Откуда родом твои предки по материнской линии? — еще

не веря своим догадкам, спросила она.

— Кто-то из Прибалтики, кто-то из Польши. А что?

Глаза старухи странно засветились, и она начала беззвучно шевелить губами. Нике показалось, что с них слетело что-то похожее на «не может быть», но она могла и ошибиться. Справившись с волнением, Матрена подошла к окну и выглянула на улицу. Около дома никого не было. Старуха дрожащими от волнения руками задернула занавески и глянула на ничего не понимающую девушку.

— Мы давно ждали тебя, — медленно проговорила она.

— Кто это «мы»?

— Виккианское сестринство, — услышала Ника какую-то белиберду.

— Нет такого слова «сестринство», — вежливо поправила она. — Есть слово «братство».

— Не знаю, к сожалению или к счастью, но природа не дала мужчинам того, чем одарила нас, — усмехнулась старуха. — Поэтому нет таких слов «виккианское братство», — передразнила она смутившуюся девушку.

Затем она, кряхтя, взгромоздилась на полати и положила голову юной сестры себе на колени. Рассказ предстоял долгий...

— В давние-давние времена, когда природа еще была девственной, женское начало было под покровительством луны, — начала она. — Могущественное светило притягивало к себе всю земную воду. Океаны, моря и даже человеческая кровь были в его власти. Раз в месяц, когда на небо восходила полная луна, ее небывалая сила прорывала женские плотины. И все они как одна отдавали природе свою кровь. И только еще не рожденные младенцы могли соперничать с мощью луны. Если младенец был слаб, то луна вытягивала и его, порою убивая этим будущую мать. Но мало кто знает, что в это время отворялись и другие затворы. Для тех, кто имел дар власти над черной энергией, это был главный день месяца. В отличие от белой энергии, черной мы можем завладеть только в полнолуние. В этот день сестры взбирались на самый высокий холм или гору, чтобы приблизиться к ночному светилу. И там они насыщались темными силами.

— Теперь ты понимаешь, почему среди нас нет братьев? — спросила знахарка. И сама же ответила: — Потому, что природа не дала им способности накапливать черную энергию, и в отличие от нас они могут управлять только белой.

— А как же истории про ведьмаков? — возразила Ника.

— Это всего лишь выдумки мужчин, пытающихся потешить задетое самолюбие! А теперь слушай внимательно, — продолжала свой рассказ Матрена. — Только девушки, познавшие первое полнолунное кровотечение, посвящаются в сестры. И это единствен-

ное время, когда скрытая в них сила может быть разбужена. Упустишь его, и мир никогда не узнает новой сестры.

— А как посвящают в сестры? — донесся до Матрены зачарованный шепот.

— Одного глоточка крови взрослой ведуньи достаточно, чтобы отворить заточенную в новой сестре силу.

— Бр-р-р! — скроила рожицу Ника.

— Но иногда среди нас появляются сестры, сила которых отворена с самого рождения, — улыбнулась ее реакции старуха. — Их кровь как губка впитывает черную энергию, не подчиняясь законам луны. Это дает им небывалую власть над злой энергией. Но они платят за это самым дорогим. Избыток черной энергии разрушает их изнутри. К великому сожалению, они уходят от нас слишком рано, — почти неслышно произнесла Матрена.

В доме повисла тишина, и лишь сверчок за печкой пытался перекричать потрескивающие в печи поленья. Ника покосилась на знахарку. Та смотрела куда-то вдаль отсутствующим взглядом, кончики ее выцветших ресниц мелко дрожали.

— Но мы верим, что именно эти сестры смогут совершить великую миссию! — вдруг очнулась старуха.

— Какую миссию? — заинтересовалась Ника.

— Сначала обед! — слезая с полатей, приказала Матрена.

Но после еды уставшая девушка уснула, так и не услышав ответ на свой вопрос. Погружаясь в царство Морфея, она думала об избранных сестрах. Судьба им уготовила яркую, но короткую жизнь. Их особенная кровь дарила им могущество, но одновременно отнимала здоровье.

«Интересно, что по этому поводу сказала бы современная наука?» — размышляла Ника и не заметила, как заснула.

Если бы ученые только знали об исключительных способностях виккианских сестер, то они открыли бы для себя много любопытного. Биохимики бы нашли в крови колдуний неизвестный белок с интересными свойствами. Этот белок был способен разворачиваться в ответ на смену гормонального фона, связанного с началом женского месячного цикла. Генетики бы обнаружили уникальный ген, отвечающий за производство этого белка. В дочерях виккианских сестер они бы обнаружили этот ген спящим до тех пор, пока не случался первый гормональный сдвиг. В этот короткий период ген мог быть разбужен белком, который он и должен был в последствии делать. Поэтому только получение этого белка извне могло активизировать его собственную выработку. На этом бы научные изыскания, скорее всего, и закончились. И лишь настоящие экстрасенсы смогли бы определить, что в развернутом состоянии этот неизвестный науке белок мог излучать или поглощать

негативную энергию человеческих эмоций.

Поправляющаяся Ника спала и не знала, какой особенный белок плавает по ее сосудам. Она даже не догадывалась, что наследственный дефект ее легких притягивает к себе этот белок. Прилипая к ее генетически измененным клеткам, белок виккианских сестер разворачивается и навсегда теряет возможность свернуться обратно. Таким образом, ее легкие превращались в природную ловушку для черной энергии. Она мирно посапывала, не подозревая, что когда ее кровь бурлит от ярости, накопленная энергия выбрасывается через легкие и беда тому, кто в этот момент попадет на пути...

Проснувшись она, когда за окном уже стемнело и наступало время зловонных процедур. Стойко выдержав неприятное лечение, Ника лежала на саднящей спине и с наслаждением вдыхала мятный аромат, наполнявший дом.

— Вы. Ой, ты... не сказала мне, что это за миссия такая? — вдруг вспомнила она.

— Все по порядку, — лениво произнесла уставшая Матрена. — С незапамятных времен существовали племена, знавшие, как подчинить энергию человеческих эмоций. Поначалу они держались вместе. Населяя сердце Африканского континента, эти первобытные жрицы управляли потоками невидимой энергии как доброй, так и злой. Но жестокий закон джунглей вытеснил тех, кто проповедовал добро на окраины древнего мира. Попав в суровые условия северных широт, выживали только те, кто умел помочь другому и объединиться перед лицом холодов и необходимостью добывать пропитание. Именно поэтому жрицы гонимых племен не утратили способности управлять белой энергией. Оставшиеся же воинственные племена не были обременены никакими заботами в джунглях, которые плодоносили круглый год. Предшественницы будущего черного сестринства, как саранча, уничтожали все съедобное вокруг и нападали на соседние племена, вытесняя их с плодородных участков. Доброй белой энергии не было места в их жестоком мире, и с веками черные сестры потеряли власть над ней. Зато они в совершенстве овладели управлением гигантских потоков губительной энергии, превратив ее в свою грозную силу. Шли века, наша планета расцветала, и только место, где вращались потоки черной энергии, чахло и усыхало. Тысячелетние завихрения губительной энергии изменили природу под собой и образовали загадочный «Глаз Африки» с бескрайней пустыней вокруг.

— А что это за глаз-то такой? — прервала ее девушка.

— Это огромные безжизненные кольца земной породы в Сахаре, о существовании которых до недавних пор знали только посвященные. Кольца эти так огромны, что их нельзя распознать даже с

птичьего полета. И лишь из космоса человечество смогло впервые увидеть «Глаз Африки».

— Так вот, — продолжила Матрена, — шли века, менялась природа, менялись люди, возникали новые расы, а вместе с ними и новые виды белой и черной энергии. Под воздействием многих поколений ведуний, шаманов и жриц энергия постоянно видоизменялась. И вот настало время, когда энергия одной части света стала настолько отличаться от другой, что ведуньям одного континента энергия другого стала неподвластна. С тех самых пор наш мир раскололся на две независимые силы: Вуду и Викки. Но однажды баланс этих сил был нарушен. Французские колонизаторы даже не ведали, какие катастрофические последствия вызовет завоевание ими Гаити. Ввоз туда рабов из западной Африки стал роковой ошибкой. Представительницы черного континента основали на Гаити новый центр темных сил. По злой воле рока этот остров оказался на пути огромного поднебесного потока воздуха, текущего по направлению к Старому Свету. Теперь огромное расстояние между виккианскими и черными сестрами перестало быть помехой. С помощью поднебесной струи черные сестры начали посылать через океан свою губительную энергию. Начинаясь на Гаити, она перемешивается с ветрами, сопровождающими Гольфстрим, и летит к матушке Европе. Иногда злая энергия выпадает из струи и несет несчастья оказавшимся поблизости мореплавателям. Многие корабли сгнули в водах, простирающихся к северу от Гаити. И ты, наверняка, знаешь название этого проклятого места.

— Я не очень-то сильна в географии, — смутилась Ника.

— А вот это зря, — пожурела ее Матрена. — Теперь тебе придется подналечь на этот предмет, а особенно на поведение сезонных ветров.

— Хорошо, хорошо, — занервничала девушка. — Ну, так как же называется это место?

— Бермудский треугольник! — И, не останавливаясь, знахарка продолжила: — Основная же часть враждебной энергии долетает до Старого Света и помогает черным сестрам творить свои темные дела. Природа их энергии такова, что нам не дано управлять ею. Когда-нибудь они вытеснят всю подвластную нам энергию, и тогда наступят мрачные времена. Виккианство доживает свой век, и спасения не видно.

— И что? Нет никакой надежды?!

— С открытием Америки мы думали, что она появилась, — на одном дыхании ответила старуха, как будто предвидя вопрос. — Лучшие из наших сестер были среди первых переселенцев. Наше сестринство разрасталось в новых землях и уже начинало преуспевать в обуздании темных сил чужой природы. Почувствовав опас-

ность, черные сестры вторглись на юг молодого государства и облюбовали уютный городок Новый Орлеан. Того, что они превратили некогда цветущий остров Гаити в бескрайнюю пустошь, им показалось мало. Перемещение черных сестер в Новый Орлеан ознаменовалось пожаром, который возник от упавшей с алтаря свечи, и уничтожил весь город.

Предупреждение Всевышнего не было услышано, и отстроенный заново город уже был в полной власти последователей Вуду. Вскоре они покрыли своими щупальцами весь материк, помутили разум первопроходцев и разожгли печально-известную охоту на ведьм. Почти все наши сестры погибли в те страшные времена, а вместе с ними умерла и наша надежда на спасение. С тех пор еще немало храбрых сестер отправлялось в Новый Свет. Они пытались постичь природу враждебной энергии и учились владеть ею. Многие из них исчезли без следа, а те, кто сумел вернуться, навсегда потеряли свою силу и покинули наше сестринство. Мы надеемся, что терпение господне не безгранично, и что скоро этот рассадник черных сил будет смыт с лица земли океаном, что хоть как-то приостановит их шествие к мировому господству.

Ника слушала рассказ старухи как детскую сказку и все ждала счастливого конца. Но он никак не наступал.

— Ну, так кто же, в конце концов, победил черных сестер? — нетерпеливо спросила она.

— До победы еще, ой, как не близко, детка, — невесело произнесла Матрена. — Пока мы можем только защищаться. В далеком-далеком будущем, когда магнитные полюса Земли поменяются местами и Гольфстрим потечет вспять, мы сможем восстановить равновесие сил. Но боюсь, к тому времени будет уже слишком поздно. Если верить предсказаниям Черного Монаха, то нам осталось чуть меньше столетия. Еще в средние века этот провидец предупредил наших сестер. По его предвидению, последняя четверть будущего столетия станет решающей. Смогут ли выходцы из Африки захватить весь мир и поднять черное знамя сатаны, теперь зависит только от нас!

Такая мрачная перспектива не устраивала Нику.

— Не переживай! — успокоила она Матрену. — Сестры что-нибудь обязательно придумают и найдут пути к спасению.

— Я думаю, что мы уже нашли, — многозначительно произнесла старуха. — А пока нам надо тебя поставить на ноги. Теперь твоё здоровье принадлежит не только тебе!

Засыпая, Ника заново переживала услышанную историю. Со всем как в детстве после просмотра очередной сказки, она проигрывала в голове полюбившиеся моменты. Девушка представляла себя бесстрашной сестрой, ступающей на незнакомый враждебный

берег. Только она не собиралась исчезать бесследно, она будет победительницей!

«Не зря же меня зовут Вероника!» — улыбалась она в полудреме, вспоминая как впервые узнала, что у греков ее имя означает «несущая победу».

Следующий день не принес сюрпризов. Те же процедуры, те же долгие рассказы о противостоянии с черными сестрами, наводнившими Европу. Когда Матрена замечала, что ее подопечная начинает слушать вполуха, она неожиданно меняла направление рассказа. Вот и сейчас она резко повысила голос:

— Тебе необходимо скрывать свои способности, чтобы не выдать себя черным сестрам, осевшим тут. Они не могут управлять нашей энергией, но прекрасно чувствуют ее всплески. Надеюсь, что твой недавний выброс заметила только я. Место у нас тихое и неприметное, но в городе бы тебя уже съели с потрохами!

— Сама говоришь, что они не могут использовать нашу энергию! — не на шутку перепугалась Ника. — Значит и навредить никому не могут!

— Ты за них не беспокойся. Наша природа уже достаточно насыщена их собственной энергией. Поэтому сиди тише воды, ниже травы! — строго наказала Матрена.

Вскоре тема рассказа опять сменилась. Матрена предрекала Нике будущую встречу с надежным спутником, добрым и заботливым юношей, с которым они вместе пойдут по жизни в любви и счастье. Он всегда будет рядом и в радостях, и в лишениях, будет ее надеждой и опорой и никогда не оставит ее. Именно с таким помощником она победит свой недуг и добьется успеха в ее нелегкой миссии. Ника не стала снова спрашивать о своем предназначении. Да и не это сейчас занимало ее. Она мечтала о своем суженом. Впервые за последние дни она спала без мучительных хрипов. Дыхание ее было ровным и спокойным. Ей снились цветные сны, и сердце замирало от истомы.

Она лежала в бескрайних полях, и мысли ее были в далекой вышине.

«Дай какой-нибудь знак о моем суженом!» — попросила она небеса и растворилась в недостижимых мирах.

Тут же рядом оказался огромный молодой волк, а вслед за ним появился юноша в камзоле с яркими медными пуговицами. Она не разобрала его лица, но твердо знала, что это и есть он!

Над ними, насколько хватало глаз, простиралось голубое небо. Девушка и юноша лежали, прижавшись друг к другу, и глядели в бездонную высь. Они были парящими птицами среди белых облаков, лениво плывущих в неведомую даль. Неба было так много, что

захватывало дух, и дрожь пробегала по всему телу. Он говорил ей о любви, и она прижималась щекой к его мягкой ладони, замирая от безграничного счастья. Вокруг пахло мятой и дышалось так легко, как будто и не было тех бессонных ночей, когда разбушевавшийся недуг безжалостно душил ее. Она страшно боялась задохнуться, когда никто не придет на помощь, и была рада, что ее страхам и одиноким ночам пришел конец. У нее был он. Его забота и любовь вернули ее к жизни, и даже неминуемая смерть уже не так пугала.

Она любила и была любима. Немногим в этом мире выпадает такое счастье, а ей повезло. И пусть оно будет недолгим, но оно есть, и спасибо небесам за это. Она не хотела просыпаться. Лежа среди полевых цветов, рвалась назад, в свой дивный сон, в те миры, где остался ее любимый...

~ ~ ~

Ника лежала, не открывая глаз. Она еще надеялась вернуться в увиденную сказку к своему Ивану-царевичу и его Серому Волку. В те поля, где дышалось так легко и привольно!

«Зачем жизнь так жестока?» — горько думала Ника, на какой-то момент возненавидев и себя, и старуху с ее бреднями, да и весь этот мир.

Но осознание великой цели впереди вернуло ей силы. За те три дня, что она провела у Матрены, ее легкие почти полностью освободились от удушающей мокроты, и ей стало намного лучше.

Наступила пятница, к вечеру должны были приехать родители. На крыльце уже несколько минут топталась Яна.

— Никому не рассказывай, кто ты есть. Это не только твоя тайна! — провожала старуха свою новую сестру. — И не забудь заглядывать ко мне. Тебе еще многому надо научиться.

Ника вышла из дома и зажмурилась от яркого света. Три дня, проведенные в полумраке, давали о себе знать. Не успев опомниться, она очутилась в объятиях своей любимой сестренки.

— Ну, хватить обниматься. Пойдем, Яна, я дам тебе отвар для сестры, — прервала их тисканья Матрена.

Наливая в глиняный кувшинчик снадобье, знахарка искоса поглядывала на сестру своей подопечной и с горечью думала: «Вот так редееет наше сестринство. Как жаль, что в свое время некому было разбудить скрытую магическую силу ни в этой девушке, ни в ее матери».

В ожидании Яны Ника села на завалинку и прислонилась спиной к бревенчатой стене. Сами собой опустились веки, преграждая путь яркому солнцу, от которого она успела отвыкнуть за эти удивительные дни.

Начало отсчета: час первый

Белоснежный свет операционной лампы вычерчивал ровный круг в центре реанимационного бокса и продолжал ревниво оберегать свои владения от вездесущей тени. Многоокое светило с удивлением заглядывало в глаза хрупкой женщине, которая лежала на операционном столе и, не жмурясь, встречала его слепящие лучи. Еще недавно кипевший энергией бокс опустел, и лишь склонившийся над златокудрой красавицей мужчина не собирался никуда уходить.

«Вот и всё! Нас с Вичей бросили одних на этом маленьком островке из яркого света», — черной тучей хлопотали мысли.

Дрожащие пальцы нежно опустили Вичины веки и начали выбирать кристаллики запекшейся крови из уголков ее полуприкрытых глаз.

Кто-то вошел и встал рядом. Пытаясь оттянуть неизбежное, муж пациентки сконцентрировался на том, что делал, не находя смелости посмотреть на вошедшего.

— Мне сказали, что ты бывший медработник, — прозвучал мягкий голос.

Вместо ответа на убеленного сединами врача посыпались требования:

— Ей нужен щадящий режим искусственного дыхания! Ее легкие все в рубцах и не могут растягиваться как у здорового человека!

— Да, конечно. Мы это учтем, — быстро ответил врач, пытаясь перехватить инициативу, но вновь был перебит.

— Ее надо как можно скорее переводить на самостоятельное дыхание.

Доктор молча кивнул в ответ. В боксе повисла напряженная тишина, сквозь которую врач едва уловил дрожащий шепот:

— Почему ее зрачки не реагируют на свет?!

— Не надо отчаиваться. Виронику только что вернули к жизни. Сейчас она находится в коме, но у нее есть три дня, чтобы выкарабкаться из нее.

— А потом?

— Все будет зависеть от того, сколько рефлексов вернется и восстановится ли самостоятельное дыхание. Сейчас еще рано о чем-то говорить. Нужно просто ждать и надеяться, — сказал врач и тихо вышел.

Черная пелена непомерного горя окружила одинокую пару. Тьма стала пожирать островок из яркого света, пытаясь отнять последнюю надежду на спасение в этом безжалостном океане жизни.

— Нет! Мир, ты не можешь быть так жесток! Чем мы разгневали тебя?! — послышался шепот отчаяния. Их руки слились. — Вича, если ты меня слышишь, пошевели пальчиками!

Эта мольба повторялась все громче и громче, пока не превратилась в крик.

«Остановись! Твои попытки бесплотны, — пробился сквозь крик голос разума. — Вспомни курс реаниматологии».

С наступившей тишиной весь ужас случившегося обрушился ледяной лавиной и смысл остатки надежды с крошечного островка. Все сразу же потеряло смысл. Вся житейская суэта с ее ежедневными проблемами показалась никчемной.

— Любимая! Ради чего теперь жить?

Вича не отвечала. Ее безжизненные пальцы были теплыми на ощупь. Привычная синюшность ногтей куда-то исчезла.

«Как же хрупка человеческая жизнь! — вспомнился опыт работы на «скорой». — Ты помнишь, как мы были счастливы тогда?»

Она продолжала молчать. От ее умиротворенного лица веяло необычайным спокойствием.

«Ничего, — воспоминания уступили место самообману, — сейчас ты отдохнешь от этих страшных событий и обязательно вернешься ко мне!»

Глава 3

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Мужчина все держал руку пациентки, а операционная лампа все смотрела в ее глаза. Он не замечал ничего вокруг, а операционная лампа видела, как от несущегося вдаль потока памяти женщины отделился ручеек ее первой встречи со склонившимся над ней мужчиной...

* * *

Праздничная дискотека уже закончилась, все давно разошлись, а они стояли и никак не могли разнять рук. Его друг уже помог одеться своей девушке и переминался с ноги на ногу. Уборщица недвусмысленно загремела ведром и проворчала что-то про «молодо-зелено». Только тогда они, наконец, очнулись. На улице уже действительно было зелено: весна вовсю заявляла о своих правах.

Эта встреча произошла на вечере, организованном по случаю майских праздников для работников скорой помощи Ленинграда. Гвоздем программы было выступление их земляка и бывшего коллеги по медицинскому цеху, ставшего писателем-юмористом. Дружный смех сблизил и раскрепостил их. Потом была дискотека, где каждый ее танец принадлежал только ему. Их первый неловкий поцелуй случился в окружении разгоряченных и лихо отплясывающих медработников.

«Неужели судьба хочет, чтобы наш недавний поцелуй стал последним?» — мелькнуло у нее.

Это были два таких разных поцелуя. Первый был легким неумелым касанием губ, который вдохнул в нее любовь, последний — настойчивый и требовательный, густо окрашенный ее кровью, который вдыхал в нее жизнь...

...Стремительный ручеек воспоминаний унес в далекую юность. Тогда они благодарили судьбу за то, что она свела их, и не ждали от нее ничего плохого. Стоя на пороге новой жизни, они с радостью смотрели в будущее. Ника только что закончила медучилище и наслаждалась жизнью: теперь не нужны зачеты и экзамены.

Она любила учиться и с удивительным рвением постигала медицинские премудрости. В отличие от своей подруги она ненавидела приходить на занятия неподготовленной и не давала спуска ни ей, ни себе. Конечно, какие-то предметы ей нравились больше, какие-то меньше, но ни один из них не портил настроения так, как фармакология.

С самой первой лекции преподаватель стал оказывать ей повышенное внимание. Он спрашивал ее чаще других и не прощал малейших неточностей. В результате у нее накопилась куча хвостов, которые нежеланный ухажер требовал сдавать вечерами в индивидуальном порядке. На эти отработки Ника шла как на Голгофу.

Обычно в кабинете было несколько должников, но это ее не спасало. Фармаколог начинал опрос с других и, не дослушивая ответы, быстро подмахивал зачетки. Оставшись с ней наедине, он говорил о чем угодно, но только не о фармакологии. Каждый раз этот плешивый павиан расписывал себя как непревзойденного ученого и бога медицинской химии.

— Для меня синтезировать новый препарат — плевое дело! — бахвалился он. — На мне все наше предприятие держится! И они это знают. Так что и зарплата у меня будь здоров, и машина, и шикарная ведомственная квартира!

«Интересно, зачем он преподает у нас за гроши?» — молча удивлялась Ника.

Этот вопрос ему не раз задавали и друзья с коллегами.

— Надо передавать знания молодым! — с апломбом отвечал он, а про себя думал: «Разве могут они понять, что испытываешь, когда перед тобой сидят молоденькие девушки и светят на тебя голыми коленками? Найди к ним подход, и все они твои!»

Только вот эта большеглазая худышка, стоявшая перед ним, нервно переминаясь с ноги на ногу, никак не поддавалась его чарам. Он уже испробовал весь свой арсенал начиная с соблазна роскошью и заканчивая запугиванием провалами на зачетах. Сегодня в бой шла тяжелая артиллерия.

— Одна ночь со мной — и пятерка на государственном экзамене! — открыто предложил он. — А иначе тебе придется заново проходить мой курс. Может в следующем году станешь посговорчивее!

Нике хотелось закрыть уши и исчезнуть из этой комнаты. Ей было стыдно поднять глаза, и она неотрывно смотрела на склянку с металлическими шпателями на столе, которую фармаколог нервно теребил. Девушка ненавидела эти приспособления для взвешивания порошков не меньше, чем своего истязателя, а тот как нарочно дребезжал ими на весь кабинет.

Практические занятия с порошкообразными медикаментами всегда были для нее пыткой. Каждый раз, доставая кончиком шпателя воздушный порошок, приходилось задерживать дыхание, чтобы не сдуть невесомую массу, после чего она долго не могла отдышаться. Ненавистные шпатели прыгали и бряцали перед глазами все сильнее, их вид заставлял по привычке задерживать дыхание. Наконец, весь смысл грязного предложения прорвался сквозь металлический лязг, и необузданная ярость затопила ее. Позабыв о предупреждении Матрены, она выплеснула накопившуюся в ней черную энергию в эту лоснившуюся от похоти рожу.

На душе сразу стало легко и спокойно. И даже приближающиеся выпускные экзамены перестали тревожить. Мир был прекрасен, и она с восторгом растворилась в нем, уносясь ввысь. Классная комната ушла из-под ног. Не в силах больше стоять, она плюхнулась на стул. Ее хрупкое тело с трудом перенесло жесткую посадку на деревянное сиденье, но Ника этого даже не заметила. Яркий свет раздвинул обшарпанные стены класса, и открывшееся пространство наполнилось запахами леса и пением птиц.

Вокруг царствовала весна. Вместе с матерью Венди отдыхала на краю лесного тракта, ведущего в замок правителя Восточной Померании. Присев на пыльную дорогу, она развернула узелок с едой и по привычке отломил кусок лепешки для своего серого друга. Но угощать было некого. Перед тем как покинуть родные места, она вместе со своим питомцем в последний раз углубилась в густую чащу, где они и распрощались. Возмужавший волк лизнул ее напоследок в лицо и отправился на поиски сородичей.

От грустных мыслей Венди отвлек нарастающий шум лязгающего металла. Из-за поворота показалась колонна стражников, которые вели закованных в кандалы преступников на суд герцога. Сидония была уже на ногах. Она помогла дочери подняться, и они поспешили в сторону замка, оставляя унылую процессию позади.

Вскоре мать с дочерью добрались до городишки, который ютился подле замка герцога. На Сидонии было ее единственное дорогое платье, в котором она была спасена из заточения. В этом

наряде женищина выглядела прислугой знатной особы, донашивающей вышедшие из моды наряды своей госпожи. Венди была одета деревенской простушкой и исполняла роль помощницы по хозяйству, таща за ряженной матерью огромную корзину. Она с трудом узнавала в этой чопорной морщинистой бабке свою красавицу маму. Смесь патоки и травяного настоя сделали свое дело. Перед выходом из леса Сидония нанесла это снадобье себе на лицо. По дороге в город маска высохла и стянула кожу, превратив благородное лицо колдуньи в печеное яблоко.

Подойдя к городскому рынку, сморщенная бабка с помощницей сели около входа. Они с наслаждением вытянули уставшие ноги и жмурились на ласковое весеннее солнышко. Сквозь прищур Венди следила за ряженной матерью, то и дело прыскавая со смеху и игриво прикрывая рот ладошкой.

Как только вдали показалась стряпуха герцога, отдых закончился. Путницы смешались с толпой и вынырнули прямо перед величаво шествующей кухаркой. Сидония стала капризно указывать на овощи, и продавцы покорно складывали покупки к Венди в корзину. Когда самовлюбленная хозяйка с хрупкой девушкой прошли мимо кухарки герцога, ту вдруг обуяла неожиданная ревность.

«Мне просто необходима помощница, — пришла ей неожиданная мысль. — И сейчас же!»

— Эй, любезная! — обратилась она к морщинистой тетке. — Чья это служка?

— Ничья, — вежливо ответила Сидония. — Она подрядилась носить мои покупки за ломоть хлеба.

При виде худенькой девчушки ревность стряпухи сменилась жалостью.

— Хочешь жить в замке и есть от пуза? — потрепала она ее за щеку.

— Да, тетенька, — не раздумывая, ответил этот цыпленок в юбке.

— Верни корзину этой сушеной грымзе. Людям герцога не пристало обслуживать простых горожан.

Венди послушно отдала корзину матери, едва сдерживаясь от смеха. Сидония весело подмигнула в ответ, и ее морщинистое лицо тут же растворилось в толпе.

В замке никто не удивился появлению новой помощницы на кухне. Приближалась пора свадеб возмужавших внуков герцога, скоро каждая пара рук будет на счету. Приготовления к торжествам шли полным ходом.

По утрам хрупкая девушка сопровождала стряпуху на рынок и усердно таскала за ней корзину со свежей зеленью. Обитатели замка быстро привыкли к новенькой и перестали замечать эту

серую мышку, которая вечно пряталась под огромным капюшоном своей бесформенной накидки. Однако некоторым милостивое личико Венди не давало покоя. Один из стражников мог поклясться, что уже видел это лицо.

— Где мы могли встречаться? — мучительно пытался вспомнить он, провожая ее взглядом.

При виде девушки его рука сама тянулась к ужасному шраму на щеке, а грудь тоскливо сжималась. Здесь было что-то нечистое, и он решил не спускать глаз с новой обитательницы замка.

Иные чувства разбудила Венди в молодом внуке герцога. Однажды, желая пошутить, он чуть не наехал на Венди. Испуганно отпрыгнув в сторону от коня, помощница кухарки выронила корзину, а низко надвинутый капюшон соскользнул с головы. При виде рассыпанных по плечам золотых кудрей девушки смех застрял у шутника в гортани.

С тех пор Венди стала ловить на себе неприятный взгляд его белесых глаз и старалась реже показываться на улице. Она все так же покорно прислуживала кухарке и вела себя, что называется, тише воды, ниже травы. Никто и не заметил, что с момента ее появления в замке к столу большого герцогского семейства стала подаваться уже не только купленная зелень. В рационе знати теперь неизменно присутствовали сушеные ростки люцерны и лепестки красного клевера. Отвар из тех же трав можно было найти и в вине, которое лилось рекой в трапезных залах. Кухарка же не могла не порадоваться на свою помощницу.

— Доброе у тебя сердце, — говорила она, отпуская Венди на городскую площадь с полной корзиной объедков для нищих.

Откуда стряпнухе было знать, что среди попрошайек толкалась и мать ее помощницы. Кроме трав, предназначенных для семьи правителя, Сидония приносила дочери так необходимые ей грудные сборы. Живя на кухне, Венди не составляло труда готовить себе отвары и украдкой дышать их целебными парами. Вот и сейчас, она затворила ставни и, наклонившись над горшочком с отваром, поглядывала исподлобья на закрытую дверь. И тут произошло что-то странное...

Поднимающийся из горшочка пар вдруг исказил дверной проем, а сама дверь изогнулась, как будто отразилась в морской волне. В кухне все смешалось. С окон исчезли ставни, а сами окна поменялись местами с дверью. Свет теперь лился отовсюду, и нельзя было разобрать, где пол, а где потолок. Она закрыла глаза, но беспорядочная круговерть не прекратилась. Перед ней продолжали кружиться светлые пятна окон. Однако вместо узких проемов с высокими сводами она теперь видела оконные рамы, покрытые обширной белой краской...

Перед Никой сидел напуганный фармаколог. Он смотрел на обмякшее тело студентки с повисшей головой. Ее пустой взгляд исподлобья перепугал его до смерти.

«Убийца! Убийца!» — вдруг застучало в голове.

«Тебя будут судить как извращенца!» — послышалось из дальнего угла.

«Твои портреты появятся во всех газетах. Твои косточки будут перемываться на самых популярных телевизионных шоу!» — зазвучало с другой стороны.

Когда оцепенение прошло, он пулей вылетел из класса, а вслед летело: «Позор, убийца, извращенец!»

Он не помнил, как очутился на своем рабочем месте. Его неожиданное появление в лаборатории застало врасплох персонал, но шеф даже не глянул в их сторону.

— Мне срочно нужен реагент, содержащий очищенный цианистый калий, — бросил он старшей лаборантке и, не поднимая глаз, проскользнул в свой кабинет.

Стоя перед сейфом с высокотоксичными химикатами, пожилая женщина медленно переваривала услышанное. Начальник давно не использовал этот реактив, и ей стоило большого труда отыскать его среди множества однотипных склянок. Чем дольше она перебирала химикаты, тем сильнее ее мучили сомнения. За многие годы совместной работы женщина никогда не видела своего шефа в таком состоянии. Его поведение, странный голос и отсутствие обычной слащавой улыбки на холеном лице обеспокоили ее. Да и сплетни о разладе в его семье не добавляли оптимизма. Жизненный опыт подсказывал, что здесь что-то не так. Она на мгновение остановилась. А потом, рискуя быть отчитанной за невнимательность, достала и принесла начальнику склянку с безвредной калиевой солью. Не глядя на маркировку химиката, тот отсыпал небольшую горку белого порошка на шпатель и, выдохнув как перед стопкой водки, ссыпал порошок в рот. Остолбеневшая лаборантка с ужасом смотрела на оседающего шефа.

— Что с ним? — с неподдельной тревогой спросила она бывшего врача «скорой».

— А хрен его знает! — не заботясь о своей репутации, заявил измотанный за дежурство доктор. — Похоже на обычный обморок. Наверное, решил, что умер, и отключился. Не переживайте. Психиатры разберутся!

«Скорая» отвезла неудавшегося самоубийцу в токсикологическое отделение, где его ожидала долгая и нудная психологическая реабилитация...

Государственные экзамены в тот год принимала вытащенная с

пенсии заслуженная бабуля. Высохшая старушка помнила свой предмет не лучше студентов. Она умно кивала, слушая бодрую чепуху, которую несли будущие фельдшеры, и ставила отметки, руководствуясь исключительно показателями в журнале успеваемости. Счастливые выпускники размахивали зачетками и благодарили судьбу за халюву. Ника, конечно, догадывалась о своей роли в случившемся, но постаралась скорее забыть об этом. Несмотря на то, что потасканный павиан был ей отвратителен, чувство вины не проходило. Нет, она не хотела таких серьезных последствий. Единственным ее желанием было избавиться от его домогательств — и все!

«А что, если бы он и вправду отравился? — пугала ее ужасная возможность. — Как бы я потом жила с таким грузом?! Хватит с меня тех парней, что угорели на даче!»

Она не знала, как управлять своим даром. Не знала этого и Матрена.

— Ты еще не научилась контролировать свою силу, — предупреждала она. — Сразу выплескиваешь весь запас черной энергии, поэтому будь рассудительной и сто раз подумай, прежде чем использовать свой дар! Твой гнев может погубить того, против кого он направлен. Учись сдерживать свои эмоции!

«Он сам виноват!» — оправдывала себя Ника, но на душе легче не становилось. Еще один неприятный осадок навсегда залег в глубине ее сердца.

Но — молодость! — вскоре она позабыла обо всем на свете! Она шла по вечернему Ленинграду под руку со своим кавалером, и недавние передряги казались ей пустыми и далекими. Они любовались огнями праздничного города. На душе было легко и радостно, хотя брэнное тело уже давало о себе знать. Она продолжала весело вышагивать, не показывая вида, что ей нелегко идти в таком темпе. Денис заметил ее тяжелое дыхание и незаметно сбавил шаг. Она была внутренне благодарна ему за это, и с каждой минутой он нравился ей все больше. Его друг с ее подругой маячили далеко впереди, не обращая внимания на их отставание. Пары снова воссоединились на автобусной остановке, где Денис начал расписывать романтику работы на скорой помощи. Она немного знала специфику этой профессии от своей подруги. Ведь та попала на ту же подстанцию, что и Денис, и уже осваивала азы фельдшерского мастерства. Но в ее рассказах романтики и в помине не было.

Самой Нике дали свободное распределение по болезни, и мама устроила ее медсестрой к себе в поликлинику. Эта работа Нику тяготила. Она мечтала спасать людей, работая на передовой медицинского фронта, но дала себя убедить, что «скорая» не для ее здоровья. Работая участковой медсестрой, Ника стала чахнуть. Ей нужно было действие — куда-то бежать, кого-то спасать. Она себя

чувствовала той самой бодливой коровой из пословицы, которой Бог не дал рогов.

«Почему все так несправедливо в этой жизни? — задавалась она горьким вопросом. — Моя работа идеально подходит подруге. Сиди весь день да поддерживай свой избыточный вес плюшками и печенюшками».

Сама же Ника ненавидела сдобу и предпочитала мясо.

— Тигры травку не едят! — говорила она, впиваясь в очередной кусок вырезки.

В их доме никогда не экономили на еде, но на ее упитанности это никак не отражалось. Как говорится, не в коня корм. И было это не потому, что она работала как лошадь, а все из-за того же генетического дефекта. Мутированный ген не только навредил ее легким, но и мешал правильному усвоению пищи. Так что, носи она очки, ее можно было бы смело назвать вечно голодным очкариком. Впрочем, без очкариков в их компании и так не обошлось. Денис и его друг были выпускниками школы для детей с проблемным зрением. И хотя оба носили контактные линзы, к вечеру на их носсах материализовывались ужасного вида очки. Главный ужас состоял не в толщине их стекол, а в отвратительном дизайне оправ. Тонкие изящные золотые и серебряные оправы считались растлевающими атрибутами запада. Толстые и грубые очки, сделанные из пластмассовых отходов непонятного цвета — вот признак наступающего по всем фронтам коммунизма! Да только наступление это было трудно разглядеть даже сквозь очки, любовно сделанные для строителей светлого будущего.

Ну а пока до коммунизма было еще далеко, веселая компания наслаждалась развитым социализмом с его маленькими радостями. Порадовавшись жизни на остановке еще с полчаса, они с трудом втиснулись в автобус.

Проводив девушек до дома, друг Дениса стал торопливо прощаться:

— Нам пора! Пока транспорт еще ходит!

Виновато улыбнувшись, Денис помахал Нике рукой и понуро побрел за нервно подпрыгивающим товарищем, которому, по большому счету, не мешало бы вынуть шило из одного места.

А потом были свидания, цветы и шампанское, мороженое и коктейли, поцелуи и признания в любви, бесконечные разговоры и бессонные ночи. Не прошло и месяца, а Ника уже работала на одной подстанции, с теперь уже своим Диней. Она была на седьмом небе от счастья. Делать любимое дело да еще с любимым человеком — что может быть лучше?! Неужели предсказания Матрены о верном спутнике сбываются?

Но, как и все в этом мире, счастье было недолгим. Ника насла-

ждалась интересной работой лишь до тех пор, пока ее бригада не попала в район пятиэтажных хрущевок. Отсутствие в них лифтов подтвердило правоту мамы и убило Никину мечту о «скорой». На третий вызов, который, как назло, снова был на последнем этаже, врач ее просто не взял. Она сидела в глубине машины и все еще пыхла от гонок по лестничным пролетам. В глазах было темно от горя и нехватки воздуха.

— Я не переживу, если мне придется уйти со «скорой» и потерять сразу все! — тихо всхлипывала она. — Ну почему я такая невезучая?

Страхи ее оказались напрасны. Увольнять ее не стали, а назначили главной по комплектованию медицинских чемоданчиков и посадили в комнату со смешным австралийским названием «Сумочная». Работа, конечно, была не творческая, но зато с людьми, да еще с какими! Что ни врач — то уникум, что ни фельдшер — то самородок, ну а о медбратьях вообще разговор особый. Не зря же один из них стал киноартистом, а другой — режиссером. А самое главное было то, что ее Диня был рядом! Однако радоваться было рано, черная полоса еще не закончилась...

«Похоже, я засветилась с проклятием фармаколога и выдала себя черным сестрам!» — А иначе, как можно объяснить, что вдруг как магнит она стала притягивать неприятности.

Попал под раздачу и ее любимый.

«А еще говорят, что бомба два раза в одну воронку не падает, — сокрушалась Ника. — Ведь мне уже досталось!»

В том, что они с Диней были уже одно целое, она не сомневалась, и поэтому все его неприятности считала своими. Да и на подстанции их иначе как Вича-Дича не называли.

Формально виной неприятностей Дичи стал остаточный принцип финансирования медицины. Их подстанция была единственной в городе, не имеющей цивилизованного туалета. Известная фраза про «удобства во дворе» коротко и ясно описывала забытую на окраине мегаполиса подстанцию-падчерицу. В знак протеста мужской персонал еженощно показывал администрации фигу в кармане. А точнее не фигу и совсем не в кармане. Мужчины подстанции по давно заведенной традиции ночами справляли малую нужду под окнами заведующего. Просто так это делать было скучно, поэтому они соревновались, чья струя выше. Были среди них рекордсмены, которые добивали до самого подоконника, оставляя желтые брызги на окне начальства.

Однажды ночью, вернувшись с вызова, Дича со своим водителем начал обычное соревнование на дальность струй. Молодой специалист так увлекся подбором наиболее эффективного угла атаки, что не обратил внимания на донесшуюся вонь выгребной ямы.

Вслед за тяжелым духом, из туалета показалась такая же тяжеловесная наушница начальства. Более проворный водитель успел шмыгнуть за угол, а беспечный фельдшер остался торчать как регулировщик на перекрестке с палкой в руках.

Утром об этом шушукались все, но как ни странно, пересменка прошла без эксцессов. Дича с Вичей успокоились и ушли домой. Но, как говорят китайцы, огонь под бумагой не спрячешь. Через день Диче позвонил тот самый водитель и сказал, что заведующий рвет и мечет, и что санкции не за горами.

— Тебе лучше здесь не появляться! — посоветовал он. — Скажи, что заболел, и отсидись дома, пока все не уляжется.

— Не переживай, — успокоила Вича. — Как придем на работу, ты иди в водительскую комнату, а я посмотрю, в каком настроении начальство, и дам тебе знать.

Так и сделали. Она выждала, пока заведующий останется один, и вошла к нему в кабинет под предлогом сверки журналов наркотических средств. После этого визита начальник долго не показывался. Из-за его отсутствия начало пересменки задерживалось. Наконец шеф появился, но не проронил ни слова. Без его обычных желчных комментариев бригады быстро отчитались за прошедшие сутки, потерянное время было наверстано. Последняя бригада отрапортовала, и в комнате повисла неловкая тишина. Никто не хотел первым покинуть собрание, все замерли в нервном ожидании. К счастью, по громкой связи прозвучал очередной вызов, и жизнь потекла своим чередом.

Заведующий закрылся у себя в кабинете и просидел там до обеда. Когда он неожиданно возник в комнате отдыха, то на его лице была скорбь всего еврейского народа. Он прервал послеобеденный перекур и попросил одного из врачей сделать ему кардиограмму. Часом позже, сказавшись больным, он оставил подстанцию на самоуправление и уехал домой.

— Что там, на кардиограмме? — пытали на кухне счастливчика.

— Аллергия на работу! — отмахивался тот.

На следующий день их начальник взял больничный. Участковый терапевт поверил коллеге на слово и дал ему недельку отдохнуть. Но ни через неделю, ни через месяц заведующий так и не появился. Забота о собственном здоровье теперь занимала все его мысли. У него началась болезнь третьекурсника мединститута. Каждый день он находил у себя новые заболевания и уже начал подумывать о преждевременной пенсии по состоянию подорванного тяжелой работой здоровья.

Как ни странно, эти события воодушевили Вичу. Она не держала зла на заведующего, поэтому для защиты любимого попыталась использовать лишь часть своей энергии.

«Надо будет рассказать Матрене! — радовалась она своему маленькому успеху. — Может я уже научилась дозировать свое воздействие!»

Второй час

Несмотря на ранний час, жизнь в приемном покое кипела. Парамедики сновали по коридору, доставляя новых больных. Свободные смотровые боксы были наперечет, поэтому вскоре перед Дичей выросли два санитар с каталкой и отвезли только что спасенную пациентку в палату интенсивной терапии.

Проведя поверхностный осмотр, дежурный врач стал тут же оформлять документы по неотложной транспортировке.

— Мы переводим ее под наблюдение вашего лечащего врача в Балтимор. Как только бумаги будут готовы, за ней приедет транспортная бригада из больницы имени Хопкинса.

«Все это очень странно, — забеспокоился Дича. — Откуда взялись такие расторопность и рвение? Ведь я даже не заикался о переводе...»

Он недоумевал, вспоминая, какие препоны им чинили год назад. В прошлом декабре, уже начиная с приемного покоя, дежурный пульмонолог отказывался звонить лечащему врачу Вичи. Сначала он ссылался на занятость, а ближе к ночи — на неурочный час. Тогда Вичу промурыжили до утра, а когда отговорки про неурочный час стали неактуальны, сменилась дежурная бригада.

Новый доктор сказал, что ему про перевод в Балтимор ничего неизвестно, и их мытарства в приемном покое продлились до полудня. Потом Вичу подняли в кардиологическую реанимацию, потому что в пульмонологической якобы не было мест. И лишь спустя два часа они наконец-то попали в палату интенсивной терапии, которая специализировалась по легочным заболеваниям.

«Что за неорганизованность? — удивлялся тогда Дича. — Неужели нельзя было переждать эти два часа в приемном покое и не болтаться из отделения в отделение?»

Ситуация проявилась сама собой, когда стали приходить счета из лечебницы. Как оказалось, это была организованная неорганизованность, в результате которой каждое отделение выставило свой счет за оказание медицинских услуг. И хотя страховая компания покрыла восемьдесят процентов расходов, оставшаяся сумма получилась довольно приличной. Дича решил лишний раз жену не расстраивать и не показал ей пугающие цифры.

— Сколько там? — нервно спросила Вича, увидев почтовый конверт больницы, и грустно пошутила: — Напиши им, что я заплачу, когда пойду работать.

Она всегда переживала за те дыры в семейном бюджете, кото-

рые пробивали ее медицинские расходы. Вича частенько прятала счета из поликлиники, а то и просто выкидывала, благо почту приносили, когда Дича был на работе. А научил ее этому нехитрому трюку сосед.

«Что они тебе могут сделать? Вычесть из твоей зарплаты, которой нет?»

Но в этом конкретном случае зарвавшихся делег от медицины можно было поставить на место и праведным путем.

— Не на тех напали! — успокоил ее Дича. — Не забудь, что мы живем в стране, где права каждого защищены. — В голове он уже прикидывал текст апелляции.

Бумажную войну с потерявшей стыд лечебницей они выиграли. Больнице пришлось признать необоснованность своих действий и поубавить безмерные аппетиты.

«Не иначе эта история сыграла свою роль и нас хотят перевести без задержки», — успокоился Дича, не подозревая, что причина такой расторопности была глубже и гораздо страшнее.

Транспортная бригада из Хопкинса не заставила себя долго ждать. Вичу подключили к портативному аппарату искусственного дыхания и переложили на каталку. На случай проведения реанимационных мероприятий, мягкую подстилку из-под спины больной убрали.

* * *

Жесткие доски неприятно давили на спину и не давали Виче задремать. Она была снова на даче со своим любимым. Они совсем недавно пришли к озеру, чтобы немного позагорать на дощатых мостках. Дича разомлел под лучами ласкового солнца и уже мерно посапывал. А Вича все никак не могла удобно устроиться: ее спину почти сразу же начало саднить. Худенькое тело девушки не выдерживало долгого испытания жестким настилом.

Вича повернулась на бок и положила голову на Дичино плечо. Ее взгляд уперся в жуткий рубец на его груди. Она нежно провела по шраму пальцем и помянула недобрым словом хирурга за топорную работу. Конечно, Вича знала — когда оперируют на открытом сердце, не до заботы о внешнем виде шва. Да и зашивает разрез обычно не кардиохирург, а его ассистенты. Но все равно могли бы быть и поаккуратней!

Дича, как и она сама, успел вдоволь поболтаться по больницам. Наверное, поэтому они так хорошо и понимали друг друга. Их взгляд на жизнь отличался от взгляда здоровых людей. Они не гадали далеко вперед и дорожили каждым моментом настоящего. Однако в частых посещениях больниц были и свои плюсы. Постоянное общение с новыми людьми сделало их кругозор шире и

богаче по сравнению с теми, кто вращался в одних и тех же компаниях. Например, услышанные в больничных палатах истории и анекдоты сделали Дичу настоящим кладом народного фольклора. С ним долгие поездки на дачу не были так изматывающе скучны.

Она вспомнила, как они в первый раз вместе добирались сюда своим ходом. К тому времени она уже давно не ездила на электричках. В их семье появился автомобиль, и пригородные поезда остались в детских воспоминаниях. Но в этот раз они хотели побыть на даче одни и поехали на перекладных. Вича помнила название ближайшего к даче железнодорожного узла, где они и вышли.

Оглядевшись, она поняла, что ошиблась. Их платформа была на пару километров дальше в сторону города Луги. До следующей электрички оставалось еще два часа, и они решили идти пешком. Вича злилась на себя за эту досадную промашку и мужественно шагала по шпалам, не обращая внимания на одышку. Дича давно не видел ее в таком подавленном настроении.

— Поверь, ничего страшного не произошло. Со мной был похожий случай. Между прочим, тоже под Лугой! — начал он. — Я тогда был комсоргом нашей подстанции скорой помощи, и меня отправили на сборы комсомольских лидеров города в один из здешних пионерских лагерей. Поскольку была зима, то лагерь, соответственно, выбрали элитный, с кирпичными корпусами и паровым отоплением. Поселили меня в одну комнату не с кем-нибудь, а с сыном известного певца шансона и эмигрантских песен. Пока его отец ударно развлекал нью-йоркскую тусовку, сын исправно коммисарил на одной из подстанций «скорой» Ленинграда.

Некоторые пытливые умы до сих пор мучаются неразрешимым вопросом: «Как сыну диссидента доверили неокрепшие умы будущих коммунистов?»

— Уж, не про Фрезеровщикова ли речь? — наконец улыбнулась Вича.

— Как ты догадалась? — остановился Дича и сбросил с плеча рюкзак. — Не знаю как тебе, а мне нужен привал!

Теплые рельсы приятно грели ягодицы. Ядреный запах мазута от размолвевших на солнце шпал щекотал ноздри. Они сидели в обнимку, и Дича продолжал:

— Душевные, помню, были политинформации за бутылочкой водочки! Активное участие многочисленной комсомольской братии в этих интереснейших занятиях привело к тому, что все привезенное спиртное как-то очень быстро закончилось, и нависла угроза срыва политического воспитания будущих руководителей страны!

Как это не раз бывало, помощь пришла с загнивающего Запада. Усердное политвоспитание не прошло даром, и сосед Дичи по комнате взялся профинансировать добыче-разведывательную экспеди-

цию за горючим. Отряд спасателей был отправлен в Лугу на рейсовом автобусе.

Километровая очередь за водкой не смутила предводителя добытчиков. Он как нож сквозь масло прошел через толпу ханыг и солидно обменял папину спонсорскую помощь, усиленную мятыми комсомольскими рубликами, на янтарные бутылки с коньяком. Пополнив запасы огненной воды, будущий цвет компартии отправился обратно.

— В предвкушении торжественной встречи с собратями по идеологии с шутками и прибаутками мы завалились на автобусную станцию, — тут Дича сделал эффектную паузу. — Но выяснилось, что никто из нас не знает, куда ехать!

Вича искренне удивилась и подняла бровь, дескать, как же так?!

— На сборы нас везли из города на «мягких» автобусах, и пункт назначения знали только водители, — пояснил Дича. — Зрительно я зафиксировал название ближайшего к лагерю поселка, но вспомнить его не мог, хоть убей. В голове вертелась довольно забавная ассоциация. Было в этом названии что-то связанное со скрещиванием лошадей.

«Конеебицы, возможно?» — поразмыслив немного, предложил я кассирше автостанции.

Та как-то хитро улыбнулась, покачала головой и послала нас на стоянку такси. Но ни один из местных бомбил не слышал о таком поселке. Самый разбитой из них оценил наш метод запоминания названий населенных пунктов и добродушно разложил перед нами карту области. После долгого изучения рассыпанных вокруг Луги деревень комитет комсомола с радостью достиг консенсуса, и лидер отряда ликующе ткнул в карту.

— Нам сюда!

Когда он убрал палец, таксист чуть не умер со смеху. Немного успокоившись, он сел за руль довольно потрепанной «копейки» и отвез потерявшихся добытчиков в поселок Жеребут...

Вича улыбалась своим воспоминаниям.

«Как будто только вчера мы шли по тому железнодорожному перегону. Как летит время! Пролетит и жизнь. А вы будете также беззаботно встречать и провожать новые поколения», — делилась она с проплывающими мимо облаками.

Вича тряхнула головой и разогнала грустные мысли. Садившееся солнце уже не так пекло. Теплый августовский ветерок гнал легкую рябь по воде. Она подставила лицо ласковому дуновению. Ветер играл с рассыпанными по плечам волосами и навевал что-то знакомое и щемящее душу из далекого-далекого прошлого. Приподнявшись на локте, Вича обвела взглядом спокойное озеро. Взор

ее разогнался по зеркальной глади, скользнул по верхушкам прибрежных елей на другом берегу и устремился вдаль.

Она уже не удивлялась тем видениям и чувствам, которые иногда охватывали ее. Матрена давно объяснила ей, что они всплывают из глубин памяти, накопленной предками. И то, что Вича унаследовала не только их силу, но и воспоминания, не пугало. Наоборот, ей было спокойно и радостно, что ее собственные переживания тоже будут пронесены сквозь века.

Лучи заходящего солнца отражались от воды и рассыпались разноцветными зайчиками по прибрежному лесу. Всполох одного из них на красной коре сосны напомнил цвет рубахи пьяного парня, что напал на нее в этом лесу. Тогда она еще не знала о своей силе. Как хорошо, что Матрена вовремя остановила ее и наставила на путь истинный. Если бы не тот случай, Вича еще долго не знала бы о своем месте в этом мире...

Затекшая спина начинала отходить, и она с грустью вспомнила Матренины лечебные колотушки.

«Когда мы еще увидимся? — с тяжелым сердцем думала она, глядя вдаль. — Доживет ли она до моего возвращения? А может, я сама не сумею вернуться?»

О том, что их отъезд скоро станет реальностью, Вича недавно услышала от Матрены. Старуха знала об их попытках уехать к американской родне, но многочисленные препоны делали это почти невозможным. Уже год как они собирали различные справки и документы и носились с ними по инстанциям. Срок годности справок истекал один за другим, и весь процесс нужно было начинать сначала. Советская бюрократия превратила их мытарства в заколдованный круг.

— Могли бы сделать для потомственных коммунистов и поблажку! — грустно шутила Матрена, слушая жалобы своей подопечной.

Женой одного из многочисленных родственников Вичи оказалась коренная американка, чей дед-коммунист приехал в революционную Россию поучаствовать в строительстве всемирного равенства и братства. Полвека спустя, увидев, что эксперимент «великих мечтателей» не удался, потомки революционера-интернационалиста вернулись в заокеанские пенаты. А вслед за ними потянулась и новая родня.

— Научи меня белой магии! — неожиданно попросила Вича, пропустив Матренину шутку мимо ушей. — Может, тогда я сумею повлиять на рассмотрение нашего дела?

— Тебе этого не дано, — ошарашила ее старуха. — Ты обладаешь великим даром управления черной энергией. И этот дар столь велик, что вытесняет любую другую энергию. Но ты не должна

унывать, — продолжала Матрена. — Применяй плохое против плохого и получишь хорошее. Ты скоро в этом сама убедишься. Наступает неспокойное время, и твоя темная сила сможет сослужить добрую службу!

— Когда? — заинтересовалась Вича.

— Ты сама почувствуешь этот момент, — загадочно улыбнулась старуха. — Когда час пробьет, отдай природе все без остатка, и твои проблемы решатся! Как только твой путь за океан будет открыт, ты встанешь на тропу войны с черными сестрами. Мы верим, что именно ты сможешь раскрыть тайну их энергии и научишься ею управлять. Это будет нелегко и нескоро. И не один год пройдет, прежде чем ты достигнешь цели. Тебя ждут великие испытания. Враждебная энергия будет всеми силами выталкивать тебя из своей среды. Но ты не должна отчаиваться. Принимай удары судьбы легко. Знай, что ты наша последняя надежда! — Знахарка немного помолчала и продолжила: — Если станет совсем невмоготу, возвращайся за силой родной природы. Она всегда поможет. И береги своего суженого. Он будет твоей единственной опорой в логове врагов.

— А я бы без него никуда бы и не поехала! — сорвалось у Вичи.

— И что бы ни случилось, помни о нас. За тобой стоит все викианское сестринство! — Знахарка сделала вид, что не заметила откровения своей ученицы.

Встреча с Матреной изменило взгляд Вичи на жизнь. У нее появилась великая цель, не чета ее земному желанию побеждать свою болезнь как можно дольше. Вича сидела над открытой гладью озера, и ей всем сердцем хотелось верить в пророчества вещей старухи. Во всяком случае, ее недавнее предсказание, похоже, начинало сбываться. Она осязала, как невесомые ручейки темной энергии стали покидать прибрежный лес и сливаться в воздушные реки. Подхваченные ветром, они уносились на юг. Все вокруг становилось легким и безмятежным. Ее собственная энергия рвалась туда же.

— Если верить Матрене, то это и есть начало больших перемен для нас, для страны, а может и для всего мира!

Вича понимала, что хотя они с Дичей еще не готовы к этим переменам, и что назревающие события круто изменят их жизнь, другого шанса может и не быть.

В полночь она вышла во двор и, спрятавшись за беседкой, распростерла руки к небу. Направив свой взгляд на полную луну, она сосредоточилась на сердцебиении, как учила Матрена. На шестом ударе Вича широко открыла рот, и запас негативной энергии начал выходить наружу. Девушка замерла от непередаваемого чувства единения с природой. Освобожденная энергия покидала ее тело че-

рез капилляры легких. Она стояла и не верила, что ее маленький организм может хранить столько темной силы. Отдав весь запас без остатка, впала в непередаваемую эйфорию невесомости. Ее лунный силуэт не шел, а плыл по воздуху, едва касаясь земли. Вича тихо впорхнула в дом так, что ни одна половица не скрипнула под ее воздушными шагами. Приземлившись на краешек кровати, она молча глядела на мирно спавшего Дичу.

«Грядут большие перемены, которые, возможно, навсегда убьют твою мечту стать врачом», — внутренне извинялась она.

Вича утешала себя тем, что взамен у ее любимого появится шанс достичь чего-то большего. В ту ночь она поклялась приложить все свое умение, чтобы облегчить ему путь. И это были не пустые слова. Однажды она уже помогла ему поступить в медицинский институт. Тот первый опыт учения Матрены о плохом против плохого можно было назвать удачным.

Тем далеким летом она с болью смотрела, как ее Дича выходил от экзаменаторов после вступительного экзамена по химии. Это была его вторая попытка поступления в этот престижный ВУЗ. С красным дипломом фельдшера ему было достаточно сдать «на отлично» лишь основной предмет. Год назад, когда они еще не были знакомы, он поставил все на ключевую физику. Получи он тогда пятерку, автоматически поступил бы без дальнейших экзаменов. Но люди «со стороны» пятерок не получали по определению. Следующим было сочинение. К нему Дича не готовился и благополучно его провалил.

В этот раз он штудировал все предметы, но химию, которая теперь заменила физику, зубрил особо. Тем больше был шок, когда он вышел из кабинета химии с тройкой. По слабости зрения, он спутал химический знак меди с кальцием в формуле реакции, и ему срезали сразу два балла, а экзаменаторша еще и поиздевалась.

— Если в природе была бы такая реакция, то нельзя было бы кипятить воду в медной посуде. Вода просто разъедала бы котелки! — почти кричала она, красуясь перед присутствующими своим остроумием.

Расстроенный Дича пошел ополоснуть горящее лицо холодной водой. Как только он скрылся за дверями туалета, Вича прошмыгнула в экзаменационную комнату.

— Как твоя фамилия? — спросила женщина, сидевшая у входа.

— Денисова, — не задумываясь, ответила она, обводя комнату внимательным взглядом.

— У меня такой в списках нет.

— Наверное, я что-то напутала, — ничуть не смутилась девушка.

Она сладко зевнула во весь рот и даже не попыталась прикрыть его ладошкой.

— Ворону не проглотить! — съязвила вторая экзаменаторша.

Поведение абитуриентки вывело проверяющую списки из себя.

— Вон отсюда! — сорвалась она. — Какие дебилы только не хотят пролезть в наш институт!

Вича вышла, а вызванная ею нервозность осталась в комнате.

Бодро отвечавший до этого абитуриент вдруг начал запинаться на каждом слове. Но слушавший его заведующий кафедрой этого даже не заметил. Перед ним в это время в общую картину стали складываться мелкие детали поведения жены, которым раньше не придавал значения. Через минуту он уже не сомневался в том, что она ему изменяет. И не с кем-нибудь, а наверняка с молодым ловеласом из нынешних абитуриентов. Его жена была ассистенткой на его же кафедре и вела подготовительные курсы по химии. Именно с тех самых пор он и стал замечать изменения в поведении жены. У нее все чаще по вечерам болела голова, а их и так нечастая близость стала случаться еще реже. Мысли о том, что его жена развлекается с одним из молодцев, посещающих ее занятия, вытеснили все остальное.

«Чему тут удивляться? — желчно рассуждал он. — Одного взгляда на состав учащихся этих курсов достаточно. Сплошь потерявшие стыд санитары, да избалованные слабым полом выпускники медучилищ! Я уже не говорю об отслуживших в армии хлыщах, истосковавшихся по женскому телу. Не удивлюсь, если прямо во время лекций они пожирали ее своими голодными глазами, по которым можно все прочесть, не углубляясь в психоанализ!»

В глазах заведующего блеснул недобрый огонек. Перед ним сидел растерянный молодой человек. Статный красавец, как нарочно при полном параде. Откуда этому дембелю было знать, что гладко отутюженная форма сослужит дурную службу? Взгляд экзаменатора был прикован к его армейским значкам за успехи в боевой и политической подготовке. Воспаленный ревностью мозг рисовал химику одну непристойную картину за другой.

Невеселые мысли зрели и в головах экзаменаторш. Одна думала, что вот такая же тупая и смазливая пустышка отбила у нее жениха.

«Я столько промучилась с ним, пока не сделала из него настоящего мужчину, умеющего обращаться с женщиной! — терзалась она, тупо уставившись в списки на букву «Д». — И все для какой-то вертихвостки, которая пришла на все готовенькое?»

Да, он был благодарен ей за уроки в постели, терпение и заботу и, казалось, любил ее еще больше. Дело шло к свадьбе, подружки на кафедре завидовали ей. Жених встречал ее каждый вечер под дверями как послушный бычок.

«Стоп! — тут ее осенило! — А я-то дура, — она жирно обвела

букву «Д» в чьей-то фамилии, — не могла понять, где он нашел свою нынешнюю при-хе-хе. Конечно! Встречая меня после работы, он терся среди абитуриенток, толпившихся перед кафедрой в ожидании начала подготовительных занятий!»

Позабыв о списках поступающих, она посмотрела на дверь, за которой только что скрылась пустоголовая девица. Бессильная злоба закипела в ней. Теперь в каждой женской особи, входящей в эту дверь, она видела свою разлучницу.

Вторая экзаменаторша не заметила происходящей с ее коллегами метаморфозы. Она сама была поглощена невеселыми думами. Ей вдруг открылось то, в чем никак не хотелось признаваться. Ее молодой любовник просто использует ее, чтобы пропихнуть свою двоюродную сестру к ним в институт. Да и сестра ли она ему вообще? С его слов, они вместе с родственницей поступали к ним в прошлом году, и ему просто больше повезло.

Преподавательница вспомнила, как все у них начиналось. Симпатичный и стеснительный первокурсник пристально смотрел на нее во время лекций и неловко оказывал недвусмысленные знаки внимания на практических занятиях. В глубине души она понимала, что он слишком молод и привлекателен для нее. Сама она была не так красива, чтобы свести с ума столь юного поклонника. Но со временем она убедила себя в том, что ее сексапильность и пышные формы с лихвой компенсируют недостаток красоты и свежести. Находясь рядом с ним, она замечала его волнение и учащенное дыхание. Скоро она сама начала нервничать в его присутствии, ее сердце куда-то все время проваливалось, как будто она качалась на качелях. Это милое юное создание теперь занимало все ее мысли. Сладостная невысказанность между ними копилась и бурлила, как лава в готовом к извержению вулкане. Она вспомнила тот вечер, когда их чувства прорвали плотину условности и затопили их своим всепоглощающим потоком.

«Он был так несмел и застенчив, — с нежностью вспоминала она своего героя. — Он просто боготворил меня!»

В то счастливое время ее одинокое сердце не устояло, и, не смотря на разницу в возрасте, она с головой окунулась в омут любви. Но в последние дни ее избранник вдруг резко охладел к ней и даже начал избегать их пламенных встреч. Теперь-то она поняла — почему. Его холодность появилась сразу же после того, как она до была для него содержание экзаменационных билетов.

«Какая я наивная! — смеялась над собой химичка. — Собственными руками разрушила свое счастье».

Жажда мести наполнила ее разбитое сердце. Неизвестная виновница ее страданий еще крепко пожалеет о содеянном.

«Ничего странного, что мой мальчик не нашел времени пред-

ставить мне свою так называемую родственницу!» — ядовито заключила она.

Откинув унылые мысли, химичка решительно поправила свой поникший бюст. С этого момента все абитуриентки, за исключением свеженьких выпускниц школ, будут ее личными врагами.

Описанный выше химический триумвират превратил остаток экзаменов в кромешный ад. В каждом отвечающем они видели потенциальную соперницу или соперника. Теперь четверки и пятерки получали только те, за кого заранее просили или внесли соответствующую плату. Процент же хороших отметок у тех, кто поступал без «волосатой лапы», приближался к нулю. В результате проходной балл для абитуриентов после медучилищ или отслуживших в армии оказался низким как никогда, а по двойкам химики с лихвой перевыполнили установку приемной комиссии.

Конечно, зверства химической кафедры не остались без внимания. Вскоре ее заведующему пришла посылка с реактивами, которую приняла его лаборантка. Она не могла знать, что биохимической компании, указанной в обратном адресе, в природе не существует. Не смутило ее и предупреждение о том, что из-за особой ценности химикатов открывать коробку должен сам профессор. Вот так плохое воспитание сотрудников спасло заведующего от самодельного взрывного устройства...

«Как давно это было! — Вича продолжала смотреть на спящего мужа. — Этой осенью он у меня пойдет на пятый курс!» — похвасталась она себе и нежно улыбнулась.

Умиrotворенная, она устроилась под теплым бочком у мужа и сладко засопела.

Следующим днем случилось то, что резко изменило спокойный уклад жизни поселка. Да что там поселка — всей страны! Первыми перемены заметили деревенские ребятишки. Вместо очередной серии их любимого мультика про капитана Врунгеля по телевизору показывали балет Чайковского «Лебединое озеро».

Помятые лица отцов в то утро были омрачены какими-то мыслями, настолько важными, что они даже забыли опохмелиться. Хотя, что может быть важнее? Вскоре на экранах телевизоров появились дяденьки с такими же помятыми лицами. Оказалось, что проблемы того утра были совсем недетскими.

Три дня августовского путча сдвинули с мертвой точки процесс рассмотрения многочисленных заявлений на выезд из страны. Приложило ли и тут руку виккианское сестринство — гадать не будем, но у Вичи появился шанс проверить на прочность бастионы черных сестер, а заодно и побороться со своим недугом, используя мощь передовой медицины.

Глава 4

ЛОГОВО ВРАГА

Третий час

Транспортная бригада из больницы имени Хопкинса работала быстро и слаженно. Муж больной едва поспевал за каталкой с женой. Они покидали ненавистную лечебницу через приемный покой. Он чувствовал на себе взгляды уже знакомого персонала, но не мог заставить себя посмотреть им в глаза — безотчетно боялся увидеть там приговор своей малышке.

Огромная реанимация на колесах встретила их распахнутыми дверями, и худенькая пациентка сразу затерялась в ее вместительном чреве. Не прошло и минуты, как они уже выезжали с больничного двора по направлению к балтиморской автостраде. Вокруг стояли голые деревья, которые еще месяц назад радовали жизнерадостный взор Вичи своей разноцветной листвой. Сам он не видел в осеннем лесу ничего особенного, а поэтическая натура его любимой не уставала восхищаться этим великолепием природы.

«Увидит ли она это многоцветие снова?» — подкатила очередная волна черных мыслей.

Машина плавно покачивалась, и лишь шипящий звук аппарата искусственного дыхания ритмично врывается в ровный гул автомобиля.

* * *

Турбины самолета ровно гудели. Вича уже привыкла к их монотонному гулу, и только слабая вибрация под ногами напоминала о ритмичной работе двигателей. Ирландия осталась позади, в Канаде будет вторая дозаправка. Ее попытки задремать были прерваны нарастающим шумом моторов. Двигатели натужно загудели, преодолевая встречный воздушный поток, сопровождающий текущий под ним Гольфстрим. Тучи чужеродной энергии, наполнявшие поток, заключили авиалайнер в свои жесткие объятия. Корпус самолета нервно задрожал. Вича почувствовала признаки морской болезни. Странно, ее никогда не укачивало.

«Это просто нервное», — убеждала она себя.

Но с каждой минутой ее сердце билось все чаще, голова кружилась, и желудок рвался наружу. Борясь с тошнотой, она попыталась сконцентрироваться на голубом океане, простиравшемся под крылом. Безмятежная Атлантика отражала безоблачное небо, а купающееся в ее волнах солнце, казалось, радостно подмигивало. Стекло иллюминатора приятно холодило лоб. Вича, замороженная переливающейся внизу водой, вдруг отчетливо ощутила морские

брызги на своем лице...

...Она стояла на палубе гигантского галеона и всматривалась в бирюзовую даль. События разворачивались как на быстро перематываемой киноленте. Черные тучи на горизонте стремительно громоздились друг на друга. Налетающий порывами ветер вытягивал из нее остатки энергии и уносил к родным берегам. Качка выворачивала наизнанку. Обессилев, она рухнула на накренившуюся палубу и соскользнула в пасть океана. Волны схватили свою добычу и стали кидать друг другу...

Самолет бросало из стороны в сторону. Вича не понимала, что с ней происходит. Все глубже погружаясь в черное месиво враждебной энергии, наполнявшей салон, она начала захлебываться. Плотный губительный поток забивался в нос и горло, разрывая молящие о воздухе легкие. Проваливаясь в темноту, она ухватила за руку спавшего рядом мужа и уронила голову ему на плечо. Последнее, что она видела сквозь мириады черных точек – широко открытые от ужаса глаза проснувшегося Дичи.

Краешек ее гибнущего сознания зафиксировал какую-то радужную мишуру, которая ворвалась во враждебную пелену, разгоняя ее по сторонам. С усилием приоткрыв глаза, она увидела, как салон самолета наполнился непонятно откуда взявшейся белой энергией. Ее было столько, что даже Вича, чья природа не могла управлять белыми потоками, ощутила ее живительную силу. Она чувствовала, как радужные воздушные ручейки затекают внутрь нее, разрушая забившую легкие чужеродную энергию и открывая путь живительному воздуху. Под потолком такие же ручейки сливались в прозрачные сферы, которые уже заняли большую часть салона и выдавливали черную энергию наружу. Сознание постепенно возвращалось к ней, и страх пережитого начал давать себя знать.

— Мне нужно в туалет! — заплетающимся языком прошептала она, пытаясь подняться.

Но непреодолимая сила не давала ей встать. В ужасе Вича все крепче сжимала руку мужа и все яростнее отталкивалась ногами от пола. С трудом разомкнув ее пальцы, Дича расстегнул на ней натянутый до предела ремень безопасности и выбрался в проход между сиденьями, освобождая ей путь. Почувствовав свободу, Вича вылетела вслед за мужем.

— Что случилось? — с тревогой спросил сидевший в соседнем ряду отец.

Его новая жена натянуто изобразила озабоченность. Ничего не ответив, Вича судорожно ухватила за свитер мужа и хвостиком застегнула сзади. Дича еле передвигал ноги, то и дело спотыкаясь и хватаясь за спинки кресел. Странная пара шла сквозь ряды напряженно сидевших соотечественников, пытаясь сохранить равнове-

сие в продолжающейся болтанке. Вича видела, что уже весь салон искрится веселыми отблесками белой энергии, управлять которой она так мечтала. Взор ее просветлел, она снова была сама собой: «Как эти люди не замечают такой красоты вокруг!»

Ее взгляд скользил по напряженным лицам пассажиров. Конечно, они не видели, как непонятно откуда взявшаяся лавина белой энергии, словно гигантский огнетушитель, погасила пожар черного пламени. Хотелось рассказать об этом всем, но ей бы все равно не поверили, да еще и приняли бы за сумасшедшую. Однако эффект от случившегося почувствовали все. Куда-то подевались тревога и страх, которые еще минуту назад переполняли всех пассажиров. Воздушная качка больше их не тревожила. Похоже, общее настроение передалось даже авиалайнеру. Как по мановению волшебной палочки, тот неожиданно перестал трястись, вырвавшись из объятий черного потока. Возобновились прерванные разговоры, то там то сям начал раздаваться беззаботный смех.

«Кто-то из них обладает невиданной силой, способной уничтожить такую массу чужеродной энергии! — думала Вича, скользя взглядом по лицам своих попутчиков. — В чем же тогда моя миссия, если существует такая сила? Не проще ли привлечь на свою сторону ее обладателя?»

Она пыталась поймать взгляд своего неизвестного спасителя: «Неужели неинтересно взглянуть на того, кого ты только что спас от смерти?!»

Но никто не ответил на ее блуждающий взгляд ни по дороге в туалет, ни обратно. Вернувшись на место, Вича никак не могла застегнуть ремень безопасности. Тревожные мысли не давали сконцентрироваться на такой простой задаче. Она не могла понять, свидетелем чему была, и это терзало ее до самой Канады.

В отличие от нее Дича проспал остаток пути, словно после точного дежурства на «скорой», и даже жесткий толчок шасси о посадочную полосу и шум торможения не разбудили его.

«Как же он перенервничал из-за меня! — нежно думала Вича, глядя на мирно посапывающего Дичу. — Как бы мне убедить стюардессу не будить его и разрешить нам остаться в самолете на время дозаправки?»

Но ее волнения были напрасны. В отличие от Ирландии, из самолета их не выпустили. Оказалось, что на предыдущий рейс не вернулась треть россиян, решивших остаться в Канаде. В этой стране существовал странный закон: если ты сумел ступить на канадскую землю, то имеешь право просить вид на жительство. Руководство аэрофлота не хотело наступать на одни и те же грабли и от греха подальше заперло пронырливых россиян на борту. Так что на твердую землю они смогли ступить только в Нью-Йорке, где

Вича продолжила «сканировать» группу прилетевших вместе с ними пассажиров. Но снова ничего примечательного не увидела, если не считать ледяного взгляда из толпы встречающих. Этот взгляд был настолько пристальным, что даже Дича его заметил.

— Похоже, нас встречают из иммиграционного центра, — толкнул он Вичу, показывая на высокого мужчину скандинавской внешности.

— Добро пожаловать на вашу новую родину! — услышали они совсем с другой стороны.

Невысокая черноглазая девушка широко улыбалась им и приглашала за собой жестами на удивление загорелой для зимы руки. Ненадолго отвлекшись на нее, Вича обнаружила, что высокий мужчина бесследно растворился в толпе.

Когда въездные документы на всех четверых были оформлены, прибывшие приготовились к томительному ожиданию. До рейса на Балтимор, где жили их родственники, оставалось без малого двенадцать часов. За эти первые часы пребывания в Америке молодые иммигранты сразу же примерили на себя шкуру недоедающих нищих. У Вичи с Дичей не было с собой ни цента, и только новоиспеченная мачеха имела кое-какую наличность. Однако, когда к ней обратились с просьбой купить что-нибудь поесть, она так изменилась в лице, как будто ее вот-вот хватит инфаркт.

— Я подозревала, что она жадная. Но не до такой же степени! — возмутилась Вича.

— Если она за пять копеек чуть не удавилась, то о каких долларах может идти речь? — ответил Дича. — Ничего, перебьемся как-нибудь.

Упомянутые пять копеек были не фигурой речи. Когда они ездили в Москву на медосмотр и интервью в Американское посольство, их новая родственница попыталась бесплатно проскочить через турникет в метро. Но упитанная нижняя часть новобрачной предательски застряла на полпути, и турникет захлопнулся прямо перед ее носом. Видно, московские турникеты были чуть уже ленинградских, что и сыграло с ней злую шутку.

— Раз уж попалась, так заплати как нормальный человек, — поделилась Вича с мужем.

Но не тут-то было. Мачеха начала истерически орать вслед своему очередному супругу:

— Зосим, сейчас же вернись и дай мне пятак!

— В пята-а-а-к, в пята-а-а-к, — прошептал Дича, подражая эхо.

Они весело рассмеялись, чем привели попавшуюся крохоборку в бешенство...

Так что о покупке съестного на деньги крохоборки да еще в американском аэропорту надо было забыть. Но ситуация оказалась

не такой уж безнадежной. Они припасли выданные в самолете банку пепси-колы и пакетик с арахисом. До балтиморского рейса оставалось еще десять часов, так что по глотку буржуйского напитка и соленому орешку в час должно было хватить, чтобы не протянуть ноги. Позже они с удивлением узнали о том, что изматывающего ожидания в аэропорту можно было избежать. Оказывается, из Нью-Йорка в Балтимор каждые два часа ходили автобусы, и вся поездка занимала не более четырех часов. Какой умник спланировал их переезд, оставалось загадкой. Мало того, что билет на самолет до Балтимора стоил почти в пять раз дороже, чем на автобус, так их еще и промариновали в аэропорту едва ли не половину суток. Не иначе перевозившая их компания имела откат от местной авиалинии.

Но что поделаешь? Приходилось привыкать к капиталистическому ведению хозяйства. Впрочем, когда подали самолет, стало понятно, почему с них взяли столько денег. Полетать на антиквариате не каждому в жизни доведется. Перед ними стояла серебряная «вонючка» с пропеллерами.

— А это что, летает? — саркастически спросила Вича.

Хорошо, что напыщенный капитан воздушного суденышка не знал русского языка, или знал, да не подал виду...

Вича едва улавливала шум мотора, который был на удивление слабым по сравнению с оглушительными турбинами авиалайнера. Она сидела у окна и устало смотрела на отблески ночных габаритных огней в лопастях пропеллера. Вича никогда раньше не летала на винтовых самолетах и была немало удивлена, что их еще используют в Америке.

Плавное покачивание убаюкивало ее, отвлекая от мыслей, не дававших покоя с момента приземления в Нью-Йорке. Она попыталась заснуть. В Питере было уже давно за полночь, и организм уже не просил, а требовал сна. Она задремала на плече у Дичи, но внутренняя тревога не пускала ее в царство Морфея.

«Откуда взялась эта легкость, ощущение полной свободы от присутствия темной силы внутри? — медленно ворочались ее мысли. — Неужели спасшая меня белая энергия вытеснила все, что я накопила на родине! И почему я не чувствую привычной отрицательной энергии вокруг!»

Не сказать, чтобы черной энергии не было совсем. Знакомые, легко управляемые темные потоки были едва ощутимы и терялись в густых и вязких сгустках энергии, которой Вича не знала и никак не могла уловить ее природу.

«Возможно, это скопления липкого безотчетного страха, испытываемого теми, кто путешествует по воздуху», — подумала она.

Ее уставший от многочасовых перелетов мозг не напомнил, что

ни в ленинградском, ни в шеннонском аэропорту в Ирландии такого вида энергии не было. Ошибку своего умозаключения она поняла только теперь, на пути из Нью-Йорка в Балтимор. Чем дальше от столицы мира улетал их маленький самолет, тем меньше ощущалась привычная ей энергетика. В какой-то момент подкрался безотчетный страх. Вокруг стали возникать те самые потоки, в которых она чуть не захлебнулась над Атлантикой. Они устрашающе сгущались и уплотнялись с каждой минутой. Сквозь пугающие мысли краем уха Вича услышала объявление пилота о скором прибытии в Интернациональный Балтиморо-Вашингтонский аэропорт. И тут ее будто током ударило. Она вспомнила тревогу Матрены:

— Тяжело тебе будет, девонька. Уж больно неудачное место вы выбрали!

— Что же в нем плохого? — удивилась тогда Вича.

— Там большинство жителей — выходцы с черного континента. И упаси тебя Бог на первых порах посещать Вашингтон.

— А как же столичные достопримечательности?

— Их главная достопримечательность в том, что на одного белого там приходится два негра, и шансы столкнуться с черными сестрами слишком велики!

Последние слова Вича еле расслышала. Старуха зарылась под подушки и извлекла оттуда старинную книгу в черном кожаном переплете. Края обложки были прошиты тонкими полосками мягкой кожи ягненка. Матрена выплела одну из них и трясущимися руками завязала на левом запястье девушки.

— Этот амулет поможет тебе на первых порах.

По рассказам старухи Вича знала, что эта книга передавалась из поколения в поколение, и что именно из-за нее была убита мать Матрены. Сама Матрена никогда не рассказывала, как украденная книга вернулась к ней.

Будто прочитав ее мысли, знахарка взглянула на девушку и улыбнулась.

— Присядем на дорожку. Я поведаю тебе историю этой книги. Жил в вашем поселке бобыль. Жизнь его не задалась, и он потихоньку спивался. Той страшной осенью, когда дачники разъехались, ему стало совсем плохо — угощать выпивкой стало некому. Но тут через деревню проезжал охотник за иконами. Ему-то бобыль сплавил свой семейный иконостас и на вырученные деньги гулял аж до первых заморозков, пока его опять не скрутило. Тогда-то он и вспомнил, что на одной из дач, где он летом подхалтуривал, есть бутылка спиртовой морилки. Опохмелиться-то он опохмелился, но на следующее утро чуть не спятил.

Проснувшись в нетопленном доме, он синими от холода руками затопил печь. Огонь согрел руки, но синева почему-то не про-

шла. Из засиженного мухами зеркала на него смотрело синюшное лицо висельника. Поход в туалет окончательно добил его: когда он достал свое хозяйство, то обнаружил в синих пальцах сморщенный баклажанчик. Такого его мужская гордость перенести не смогла. Он схватил топор и понесся на выселки к моей матери.

— Я тебе на всю зиму дров наколю! — вбежал он к дряхлой знахарке, — только изгони из меня дьявола!

— Никак морилки опился! — глянув на него, улыбнулась бабуля. — Присядь, милоч. Найдем мы на твоего дьявола управу.

Старушка достала ветхую книгу и начала ее листать, что-то пришептывая себе под нос. И тут в синего дровокола вселился дьявол посерьезнее.

«Будут еще иконы, звони», — вспомнил он напутствие антиквара.

Мужик не сводил глаз со старинной книги: «Куда же я засунул клочок бумаги с телефоном маклака?»

«Место тихое, от деревни далече, — нашептывал ему бес. — Дело верное!»

Недолго думая, тот тюкнул бабулю обушком по голове, да и был таков. На улице сорвал пленку со старого парника и завернул в нее украденную книгу. Спрятал сокровище под ватник и пошел в лес.

«Хоть уже и темно, но в поселок лучше вернуться с другой стороны, — рассудил убийца. — Да и топор надо закинуть куда подальше».

Среди деревьев он не сразу заметил хлопья первого снега. Природа не простила душегуба. В тот год ранний снег занес все пути-дороги. Знакомые тропинки спрятались под пуховым одеялом, а холодный лес стегал его голыми ветвями.

«Ничего! — успокаивал он себя, — пойду на шум дороги».

Но дороги были пустынные, ухо заплутавшего пропойцы улавливало лишь мягкое шуршание необычайно крупных снежинок. Когда он совсем выбился из сил, вдали вдруг появился слабый огонек. Воспрянув духом, душегуб из последних сил побежал на свет. Сердце его готово было выпрыгнуть из груди, в ушах били медные колокола, а поджилки тряслись, как у паралитика.

Он уже еле дышал, когда уперся в частокол забора, за которым светилось одинокое окошко. Обессиленный убийца в поисках калитки поплелся вдоль ограды. Ноги его уже не слушались. Он наступил на что-то острое и неуклюже завалился на бок, не чувствуя пальцев ног. Только теперь разглядел прислоненную к забору косу, лезвие которой было припорошено снегом. Мужик в ужасе поднял кверху ногу и понял, что не чувствует пальцев вовсе не из-за мороза. В свете окна отчетливо была видна нога без половины ступни...

— Прямо под нашим забором я его и нашла, когда сошел снег, —

закончила Матрена страшную историю. — А в книге этой и сейчас есть капельки крови моей матушки. Как раз на странице со сборами от отравлений, — еле слышно прошептала она, и обе сестры прослезились.

— Так что береги эту тесемочку! — уже бодрым голосом напутствовала старуха вступающую на тропу войны виккианскую воительницу.

— Как же я забыла про амулет? — Вича быстро залезла себе под рукав полушубка и нащупала кожаную полоску.

Она высвободила ее и спустила на запястье.

«Не может же такая маленькая тесемочка нести столько белой энергии?! — пыталась она объяснить свое недавнее чудесное спасение. — Неужели Матрена так зарядила ее?»

Глядя на амулет, Вича снова вспомнила слова знахарки о Вашингтоне.

«Так вот почему черной энергии становится все больше. Ничего удивительного — мы приближаемся к вражьему логову».

Ее страхи понемногу улеглись. Чужеродные потоки уже не были такими устрашающими — их присутствие не шло ни в какое сравнение с той лавиной, в которую она окунулась, перелетая Атлантику. Успокоившись, она попыталась поглубже ощутить природу этой незнакомой энергии. Ей показалось, что не такая уж она и незнакомая. Вича изо всех сил старалась вспомнить: «Когда и где я встречалась с чем-то похожим?»

Но усталость вновь окутала голову липкой пеленой, и слабые попытки беспокойных мыслей разорвать ее ни к чему не привели.

«Неужели это и есть те силы, про которые мне рассказывала Матрена?» — думала она, ерзая в кресле.

— Что ты сидишь как на иголках? — поинтересовался Дича и передразнил одного из героев «Двенадцати стульев»: — Ну, дайте же, наконец, поспать!

«Иголки? Иголки. Иголки! Ну конечно! — обрадовалась Вича. — Какой же мой Дича все-таки молодец!»

Она вспомнила, где и когда она встречала похожую энергию. И многие странные вещи, происходившие в то время, вдруг стали обретать смысл.

Случилось это еще во времена работы на «скорой», и началось как-то обыденно и незаметно. Работала с ними добродушная и приветливая девица с кавказским именем Заира, которое означало «гостья». Дича был хорошо с ней знаком, ведь когда-то они учились вместе и оба попали сюда по распределению. Он никогда не рассказывал ей о Заире, но по станции ходили упорные слухи о том, что когда-то они были в довольно близких отношениях. Вича не поднимала этого вопроса: «Зачем ворошить то, что было до ме-

ня? Я и сама ангелом не была!»

Заира спокойно принимала Вичины отношения с Дичей, и девушки частенько непринужденно болтали на кухне о том о сем. Но все изменилось с уходом заведующего. Никому даже в голову не приходило, что его бегство было каким-то образом связано с коротким визитом одной особы, и лишь Заира стала изредка бросать подозрительные взгляды в сторону хозяйки «сумочной». Между ними вдруг выросла плотная стена отчуждения. Теперь их общение ограничивалось только «здравствуй» и «до свидания». У Вичи сложилось впечатление, что Заира ее тайно ненавидит, а порой просто боится.

Как-то незаметно большая часть женского коллектива перестала заглядывать в «сумочную». Даже любительницы посплетничать стали ее редкими гостями. Именно тогда Вича впервые почувствовала какое-то тяжелое облако вокруг себя, которое нельзя было ни впитать, ни стряхнуть. В перерывах между дежурствами это облако постепенно рассеивалось и особенно не докучало. Вича думала, что это были частицы ауры боли и страдания, подхваченные врачами на вызовах.

«Может быть, это и есть мое предназначение, — размышляла она. — Если я могу оттянуть на себя этот негатив и облегчить душу нашим докторам, так можно и потерпеть!»

Оглядываясь назад, только теперь Вича поняла, как обманывалась. Уж больно окружающая ее сейчас энергия напоминала ту ауру из ее далеких воспоминаний. В то время хозяйка «сумочной» пребывала в наивном неведении и единственное, чего она опасалась — оттолкнуть этой аурой своего любимого. А Дича ничего не замечал или делал вид, что ничего не происходит. Но вот однажды он пришел из водительской комнаты сам не свой.

— Нам надо поговорить, — шепнул он ей, оглядываясь.

Они закрылись в «сумочной», и он неприятно удивил ее:

— Сейчас ко мне подошел наш новый шофер и без обиняков сообщил, что у вас с ним что-то было.

— Какой шофер?

— Да тот, который только что вернулся из армии.

— И ты поверил?

— Конечно нет! Но зачем ему это надо?

— Я знаю, откуда ветер дует, — решительно заявила Вича. — Но мне нужно кое-что проверить.

Через свою подругу, которая тайно встречалась с одним из женатых водителей, Вича узнала, что этот голодный до женщин солдатик домогался до многих, но лишь Заира без раздумий прыгнула к нему в постель. Теперь сомнений не осталось.

«Видимо, хорошо спрятанная ревность, в конце концов, взяла

верх, — не удивилась Вича. — Что ж, наступило время ответного удара!»

Она давно заметила, что, когда дежурит Заира, импортное сильнодействующее успокоительное льется рекой. Подозрения ее подкреплялись повторными вызовами к неврастеникам, которых до этого обслуживала бригада Заиры. Хоть этот препарат и обладал свойством усиливать действие алкоголя и наркотиков, к строго контролируемой группе лекарств он не относился. Поэтому криминала здесь не было, и Вича держала свои догадки при себе. Но не зря говорят: знание — сила. Благодаря своей наблюдательности она могла теперь убить сразу двух зайцев: отомстить интриганке, а заодно вывести ее на чистую воду.

Ничего не подозревающая Заира с радостью отправилась на очередной вызов к хорошо знакомому эпилептику. Поднимаясь по лестнице вслед за врачом, она не сомневалась, что пара драгоценных ампул уже у нее в кармане. Доктор взглянул на лежащего без сознания мужчину и тут же назначил инъекцию того самого успокаивающего. Затем плюхнулся в кресло и начал заполнять краткую историю болезни. Жена больного послушно стояла рядом, тихо отвечая на его вопросы. С ее слов, судороги прекратились пять минут назад, этот приступ был уже третьим на этой неделе.

Фельдшерица в это время мило улыбалась и готовила инъекцию. Прикрываясь шуршанием пакета со стерильным шприцем, она отработанным движением скинула две заветные ампулы в карман халата. Доставая шприц, она кончиками пальцев вдруг почувствовала легкое дуновение из пакета. Воздушный ручеек, мягкий и успокаивающий, затек под рукав халата и начал приятной негой разливаться по всему телу. Пока она набирала в шприц обычное снотворное и делала укол, все ее существо оказалась во власти неизвестной стихии. Ей захотелось так же, как врач, развалиться в мягком кресле и в полной мере насладиться накатившим блаженством. Словно во сне она убрала использованный шприц в медицинский чемоданчик и прищемила себе палец, защелкивая замки. При выходе споткнулась о порог и чуть не упала. Озабоченная хозяйка квартиры с удивлением смотрела вслед еле передвигающей ноги фельдшерице. Заира с трудом поспевала за врачом. Как маленький олененок бежит за белой попкой своей мамы, так и она старалась не упустить из виду белое расплывчатое пятно халата своего врача.

«Я что-то забыла!» — крутилась в голове тревожная мысль.

Заира через силу пыталась вспомнить, что? Еле слышное побрякивание добытых ампул в кармане мешало сосредоточиться. Их трели убаюкивали ее, заставляя забыть о непонятной тревоге. Она беззаботно отдалась в их власть и, как только ее обширный зад коснулся кресла в салоне «скорой», тут же отключилась. Но вместо

приятных сновидений ее начал атаковать один из знакомых наркоманов: тянулся к ее карману и хриплым голосом орал что-то нечленораздельное. Вдруг он страшно завизжал и с неожиданной для его изможденного тела силой сбросил ее из кресла на пол.

Открыв глаза, Заира обнаружила себя сидящей на полу салона резко затормозившей «скорой». Из хрипящей рации доносились грубые крики диспетчера:

— У больного, которого вы только что пролечили, опять эпилептический припадок!

Спустив ноги на ступеньку у двери салона, Заира так и ехала обратно, сидя на полу.

— Что же вы не дождались действия лекарства и дергаете нас? — начал выговаривать врач прямо с порога.

— Какого лекарства?! — перешла в атаку женщина. — Вот этого?

Она разогнула пальцы и поднесла свою ладонь к лицу доктора немного ближе, чем полагается по этикету. А попросту говоря, прямо под нос. Стоявшая за его спиной, Заира с ужасом смотрела на предательские ампулы из-под безобидного снотворного.

«Не может быть! — подумала она. — Я не могла оставить подмененные ампулы».

Доктор обернулся и что-то сердито спрашивал, но она его не слышала.

«Я знала, что она ведьма! Знала же! Как я могла так опростоволоситься?» — стучало в голове.

Фельдшерицу переполняла бессильная злоба, от медлительной девушки с заплетавшимися ногами не осталось и следа.

— Какие у вас проблемы?! — бросила она в сторону врача и жены больного.

Заира проворно смела ампулы с ладони опешившей женщины и влетела в квартиру. Ее глаза сверкали ненавистью, готовые пригвоздить к стене вошедших вслед за ней. В комнате вдруг стало душно, лоб врача покрылся испариной.

— Где твои судороги? — прошипела Заира в сторону женщины.

— Они прекратились прямо перед вашим приходом.

— Врешь! Не прекратились!

Заира склонилась над больным так низко, что ее черные волосы коснулись лица еще не пришедшего в себя мужчины. Послышалось тихое шипение. На глазах у врача и хозяйки квартиры пряди разгневанной девушки превратились в несметное количество маленьких черных змей, которые извивались и пытались укусить больного. Его жена вскрикнула и осела вдоль стены. Рядом глухо упала папка с бланками историй болезни. Врач еще держался на ногах, но было видно, что хватит его ненадолго.

— Ты должна это видеть! — вновь зашипела фельдшерица и сунула ватку с нашатырем под нос упавшей в обморок женщине.

Та поморщилась, отдернула голову и открыла глаза. Она с ужасом смотрела, как та же ватка оказалась под носом ее мужа. В следующее мгновение мужчина снова бился в судорогах.

— Чтобы помалкивали в тряпочку! — медленно произнесла взлохмаченная Заира, переводя безумный взгляд с жены эпилептика на врача и обратно. — Иначе изведу!

Вича с нетерпением ждала возвращения оплошавшей бригады. Повторный вызов означал, что обманщицу поймали за руку.

«Ну, теперь-то она оставит нас в покое! Сейчас ей надо думать, как бы удержаться на рабочем месте, а не о мелких пакостях!»

Каково же было ее удивление, когда бригада вернулась безо всякого скандала и Заира легко списала очередные две ампулы с сильнодействующим препаратом. Никто кроме Вичи не обратил внимания на то, что врач был как не в своей тарелке и все оставшееся дежурство тянул одну сигарету за другой. Каждый раз, когда он проходил мимо, Вича пыталась вытянуть из него весь негатив. Однако каждый раз ее попытки разбивались о невидимую стену. У нее создалось впечатление, что врач находится внутри какого-то кокона, сплетенного из неведомой ей энергии.

Облако такой же незнакомой энергии теперь постоянно сопровождало и ее саму. Оно разрасталось и уплотнялось. Не прошло и пары дежурств, как это облако превратилось в плотный кокон. Он уже не рассеивался как раньше. Виче казалось, что это черное облако мешает дышать и хочет задушить ее. В порыве отчаяния она выплеснула часть накопленной ею энергии, пытаясь сбросить с себя ненавистный слой чужеродной энергии. Кокон не исчез, но вроде бы раздвинулся и стал меньше докучать ей.

«Ага! Попался!» — ликовала Вича.

Ночью она вышла на пустынный двор подстанции и, разведя руки в стороны, начала медленно освобождаться от своей черной энергии. Стенки кокона стали отступать. В какой-то момент связующие нити неведомой темной силы разорвались, и надутый до предела кокон лопнул!

Наутро Вича с удивлением заметила, что персонал подстанции перестал ее сторониться, и жизнь в «сумочной» вошла в свое прежнее русло. И все было бы ничего, если бы теперь ее Дича не стал попадать в довольно необычные ситуации. Работая ночами на полставки, он все чаще опаздывал на лекции в институт. То его под утро отправляли с роженицей в специализированный роддом к черту на кулички, то они застревали на правом берегу Невы из-за разведенных мостов, а то перед самой пересменкой где-то за городом ломалась их машина. На подстанции уже привыкли к злключениям

ям студента-недотепы, и поэтому очередной конфуз Дичи ничего кроме дружного смеха не вызывал.

Как-то ночью по дороге на вызов Дича мирно подремывал в салоне плавно покачивающейся «скорой». Вот машина остановилась, хлопнула дверца сидевшего спереди врача. Дича взял чемоданчик с медикаментами и вышел из машины. Секундой позже он с удивлением моргал вслед удаляющейся «скорой».

Забавная картина одинокого, стоящего на ночном перекрестке, человека в белом халате с чемоданом в руке еще долго веселила подстанцию. Бригаде же, которая обнаружила пропажу фельдшера со всеми медикаментами только по приезде на вызов, было не до смеха. Хорошо, что больная оказалась застарелой неврастеничкой и экстренная помощь не потребовалась. А виной всему оказались жареные семечки, которыми Заира щедро поделилась со всей ночной сменой. Остановившись на светофоре, врач просто открыл дверцу, чтобы стряхнуть на улицу шелуху с халата.

— Зато будет что вспомнить на пенсии! — отшучивался Дича, смеясь вместе со всеми.

Но однажды возникла совсем нешуточная ситуация, которая без помощи Вичи могла бы обернуться бедой. В один из воскресных дней, когда Дича работал без врача, у него в машине сломалась рация. С одной стороны, конечно, были лишние проблемы с поиском телефона, чтобы получать вызовы, зато, с другой, меньше дергал диспетчер. Но оказалось, что отсутствие связи таило в себе еще одну, совершенно неожиданную, угрозу.

На подстанции в тот день царил обычная рабочая атмосфера, в которую плавно вписалось появление здорового детины с жалобами на боли в сердце. Так уж легла карта, что на кухне как раз обедала бригада Заиры. Им-то и достался этот больной. Смотрового кабинета на подстанции не было, и приходящих больных обычно осматривали в широкой передней с обшарпанным диваном. Усадив мужчину в центр дивана, Заира с доктором устроились по бокам. Пока детина с трудом описывал характер болей в груди, фельдшерица стряхивала со своего халата падавших мух, настигнутых перегаром больного. Закончив с мухами, она взяла за платье пациента, пытаясь нащупать пульс.

В этот момент глаза детины начали наливаться кровью. Речь стала отрывистой, с нотками раздражения и неприкрытой угрозы. Мужчина весь напрягся, заиграл желваками. Врач быстро оценил ситуацию и резко встал с дивана. Он схватил Заиру за руку и, не обращая внимания на необычный колющий холодок, исходивший от ее пальцев, втянул фельдшерицу внутрь подстанции. Торопливо захлопнув дверь, врач нервно прокричал:

— Вызывайте психиатров!

Диспетчер никак не могла попасть пальцем в диск телефона. Вича услышала отборную ругань в прихожей и удары недюжинной силы в дверь. Сердце ее забилося от волнения. По ее расчетам вот-вот должен был вернуться Дича, без рации его никак нельзя было предупредить. На глазах у удивленных сослуживцев она смело подошла к двери и, дохнув себе в ладонь, взялась за трясущуюся от нервных рывков ручку.

— Ты что делаешь?! — в ужасе выкрикнула главная по смене.

— Он же больной! — обернулась Вича. — А лечить больных — наша работа!

— Это работа психиатров! Они за это надбавку получают!

Сделав вид, что удовлетворена ответом, Вича отпустила ручку и вернулась к себе в «сумочную». В тот же момент пляска святого Витта за дверью прекратилась. В наступившей тишине послышался шум подъезжающей машины. Хлопнула дверца, и в коридоре послышались неторопливые шаги. Дверь вновь затряслась, но вместо нечленораздельной ругани все услышали удивленный голос Дичи:

— Вы чего закрылись?

— Ты там никого не видел? — спросили его пленники поневоле, приоткрывая дверь.

— Нет. А мы что, ждем линейно-контрольную службу? — пошутил он.

— Хуже!

— Санитарно-эпидемиологическую станцию?

— Здесь псих где-то бегают!

А псих действительно бегал, но не здесь. Пугая прохожих, он неся к ближайшему водоему, яростно размахивая рукой. В его воспаленном сознании рука была объята пламенем, и пальцы чернели прямо на глазах.

— Черт меня дернул взяться за раскаленную ручку в этом вертепе докторишек! — орал он, бешено вращая глазами.

Добежав до пруда, он с ходу прыгнул в холодную воду, где и просидел с блаженной улыбкой до прибытия психиатрической бригады. Приехавшие молодцы были мастерами своего дела. Они быстро выловили водяного и затащили его в «скорую».

Столпившиеся зеваки с интересом наблюдали за театром теней на матовых стеклах автомобиля. Выразительная пантомима сопровождалась звуками тупых ударов с отзвуком падающего в слякоть кирпича. Периодически жанр пантомимы нарушался, и из машины доносилось убедительное:

«Это тебе не шутки шутить!» — Подкрепленное очередным сочным компрессом...

Заново анализируя те неприятные события, Вича теперь ругала

себя: «Как слепа я была тогда! Ведь на заднем плане всех наших передряг тех дней постоянно маячила фигура Заиры. И в моем увольнении она тоже, похоже, сыграла не последнюю роль!»

А началось все с визита худосочного типа с отталкивающими белесыми глазами. Вича тогда подменяла ушедшую на обед диспетчершу. Сидя у телефонов, она читала книгу, когда услышала негромкое покашливание. За разделительным стеклом стоял болезненного вида молодой человек и спрашивал у Вичи, где найти кого-то из шоферов. При этом казалось, что ответ его совсем не интересует. Он изучающе смотрел на девушку неприятными выцветшими глазами. Когда их взгляды встретились, Вича вдруг почувствовала отвращение, граничащее с ненавистью. Глаза девушки, похоже, отразили ее чувства, потому что парень невольно отшатнулся. Он пятился назад, губы его беззвучно шевелились.

Стена за его спиной внезапно потемнела, на ней начали набухать огромные почки. В их смутных очертаниях угадывались головы диких животных. Блеск искусственных глаз и навечно открытые пасти чучел вызвали волну дрожи по всему телу девушки. Стеклопанная перегородка диспетчерской растворилась, и Вича очутилась на грязном деревянном полу, пропахшем звериными шкурами и порохом. Перед ней стоял средневековый вельможа и что-то говорил о своем младшем брате.

— Ты совершила роковую ошибку! — с ненавистью и злорадством орал он ей в лицо. — Никто безнаказанно не может пренебречь мною!

Она закрыла лицо руками, прячась от брызжущего слюной выродка. Звонящие в ушах вопли неожиданно превратились в гортанные предсмертные хрипы. Отняв от лица ладони, она увидела, как висящая на стене голова медведицы вдруг ожила и вцепилась в шею высокородного отпрыска...

Хлопнувшая дверь оборвала страшное видение. Сердце Вичи бешено колотилось. Во рту пересохло. Ужасное головокружение приковало ее к стулу. Она продолжала смотреть на то место, где только что стоял призрак из далекого прошлого.

«Был здесь кто-то или мне это привиделось?» — испуганно подумала она.

Ответ на свой вопрос Вича вскоре получила при весьма неприятных обстоятельствах. Спустя неделю после описанных событий на подстанции появилась линейно-контрольная служба, которую совсем недавно поминал Дича. Хотя в обязанности этого подразделения входила проверка работы линейных бригад скорой помощи, в этот раз проверяющие столпились у «сумочной». Приехавший вслед за ними следователь прокуратуры усугубил гнетущую атмосферу на подстанции. Неприятные гости начали дотошную провер-

ку журналов наркотических средств. Но надо было знать аккуратность Вичи, чтобы понять, что проверяющие даром теряют время. Не солоно хлебавши, устрашающая группа оставила хозяйку «сумочной» в покое, но, как оказалось, ненадолго. Не прошло и трех дней, как Вича получила повестку в прокуратуру...

Сидя среди незнакомых женщин, она с удивлением слушала человека в милицейской форме. Пока он объяснял понятным правилам проведения опознания, Вича никак не могла отделаться от мысли, что все происходящее вокруг — дурной сон. Сон развеялся, когда она увидела указывающий на нее палец с грязным обкусанным ногтем. Девушка подняла глаза на хозяина указующего перста и встретила с наглым взглядом белесых глаз.

— Вы знаете этого человека? — прозвучал вопрос.

— Да. Он приходил к нам на подстанцию, — ничего не понимая, ответила Вича.

— Именно там вы передали ему наркотики? — застал врасплох следующий вопрос.

В кабинете повисла тишина. Понятые приготовились ловить каждое ее слово. Подставные замерли у двери и не спешили выходить. Все они смотрели на невозмутимо сидевшую подозреваемую, которая лениво закрыла глаза и сладко зевнула.

— Спать надо было дома! — не терпелось следователю. — Вы слышали мой вопрос?

— Про наркотики-то? — Потягиваясь, переспросила опознанная. — У меня все наркотики в сейфе. Опись, протокол, сдал, принял. Ну, вы знаете. «Бриллиантовую руку» ведь смотрели?

— Хватит ерничать! Отпираться нет смысла! — прозвучало из глубины кабинета.

Вича узнала в нем недавнего посетителя из прокуратуры.

— Вы же сами проверяли мои журналы! — В ее голосе зазвучали нотки агрессии. — У меня комар носу не подточит!

— Это-то и странно. У вашей сменщицы то подпись отсутствует, то даты не проставлены, а у вас все слишком чисто да гладко.

— Хорошо. Завтра же пойду и залью свой журнал анализами! Устраивает?

— Никуда вы не пойдете. До окончания следствия вы отстраняетесь от занимаемой должности. И убедительная просьба — из города не выезжать!

В коридоре ждал напуганный Дича.

— Зачем тебя вызывали? Что там происходит?

— Ничего такого, чего нельзя было бы исправить, — многозначительно произнесла Вича. — Одно плохо. Поездки на дачу придется пока отложить. Но думаю, что ненадолго...

...Владелец белесых глаз летел по городу как на крыльях. Ему

не терпелось сообщить Заире о том, что ее план сработал. Подозрения от него как от поставщика наркотиков были на время отведены, и теперь можно будет успеть спрятать концы в воду. В тот момент он и представить себе не мог, что одним из этих концов суждено стать ему самому.

Компания любителей легких наркотиков решила отметить удачную аферу на речном трамвайчике. Выбрали тот, что был переоборудован в плавающий пивбар, да еще и с живой музыкой. Белые ночи Питера навевали поэтическое настроение. Тихие звуки джаза и плавное покачивание плоского суденышка уносили в зовущую даль. Невесомый наркотический дурман дарил ощущение всепоглощающего счастья. Они плыли по Фонтанке, медленно проходя под ее многочисленными мостами. Когда мосты скрывали белое ночное небо, в наступающей темноте слышались громкие поцелуи и пошлые смешки. Однако почему-то душа лжесвидетеля не могла больше оставаться в этом вертепе. Задыхаясь в замкнутом пространстве бара, он вылетел на верхнюю палубу.

Свет ночного Питера радостно приветствовал его. Он с неописуемым восторгом ощутил, как прекрасен этот город. Красота и грациозность проплывающих мимо зданий завораживали притупленное наркотиком сознание. Растолкав сидящих на корме туристов, невменяемый наркоман вскочил на лавку и распростер руки, пытаясь объять качающийся и уплывающий вдаль город. Не помня себя от счастья, он приподнялся на цыпочки и неистово потянулся к окружающему его великолепию. Он хотел слиться с этими домами и памятниками, воспетыми великими сынами России.

Его душа летела вверх, а тело падало вниз. В своем необузданном порыве он не заметил низко висящий мост, под который уже зашла большая часть суденышка. Крики ужаса окружающих заставили его оглянуться. Ржавое перекрытие моста поцеловало его на прощание в лоб. Одурманенный мозг встряхнулся и зафиксировал громкий всплеск. Звуки ночного города пропали. Сквозь медленно увеличивающуюся толщу воды он вдруг увидел, что перекрытие покрыто вовсе не ржавчиной. Весь нижний край моста был залит кровью жертв этого горбатого, но вместе с тем грациозного палача, исправно служившего своему городу-господину...

Потеряв поставщика развлекательных препаратов, беззаботная компания помыкалась-помыкалась да и втянулась в серьезные наркотики. Не осталась в стороне и Заира...

Вся эта история привела к значительным переменам в жизни подстанции. Вернувшись на работу, Вича попала в немилость к новой заведующей. Хозяйке «сумочной» неприкрыто давали понять, что доверия к ней больше нет. Недолго думая, опальная работница уволилась по собственному желанию. Вслед за ней ушел и Дича.

Позже, из рассказов подруги, Вича узнала о том, что не задержалась там и Заира. На одном из дежурств она потеряла сознание прямо в машине. Пытавшийся ей помочь врач не нашел на ее руках ни одного живого места. После недавнего скандала с наркотиками сор из избы решили не выносить, и Заиру без шума «ушли».

Вича оформила инвалидность и потихонечку подрабатывала медсестрой в местном бассейне. Ходили слухи, что Заира тоже ушла на инвалидность. Полностью опустившись, она как-то ввела себе новый суррогатный наркотик. Через неделю ее нашли без сознания с запущенной гангреной предплечья. Жизнь ей спасли, а вот руку отняли почти по самое плечо...

Заира! Вот кто источал такую же энергию, какую Вича чувствовала сейчас, подлетая к Балтимору. Ее взгляд вдруг как магнитом притянуло к бликам быстро вращающегося пропеллера. Замотанная в черное фигура стояла на крыле и тянула к ней свои корявые пальцы. Равномерные вспышки бортовых огней выхватывали из темноты знакомые черты.

«Легка на помине! — содрогнулась Вича и подумала, глядя на целые руки Заиры: — Видно, слухи о гангрене оказались преувеличенными».

Тут самолет тряхнуло на воздушной кочке. Потерявшая равновесие женщина попыталась ухватиться за край крыла, однако ее рука коснулась не спасительной серебряной поверхности, а лопастей бешено вращающегося пропеллера. Брызги крови заляпали иллюминатор. Вича отдернула голову... и проснулась. За бортом самолета шел дождь. Капли воды разбивались о стекло и стремительно неслись назад, плетя тонкую паутину из ручейков.

«Дождь в дорогу — к счастью!»

— Интересно, а к чему дождь в конце пути? — спросила она у Дичи, который проснулся от ее резкого толчка головой.

— Скоро узнаем, — философски заметил он.

Волнение от разбудившего ее видения улеглось, на смену ему пришла растущая уверенность. То, что она, сама того не ведая, выстояла в борьбе против представительницы враждебного лагеря, вселило в нее надежду. А когда она увидела в зале аэропорта веселую группу родственников, все страхи окончательно отступили.

За разговорами и расспросами новые американцы не заметили, как их привезли в жилой комплекс из хаотично разбросанных трехэтажек. По словам встречающих, здесь-то им и сняли двухкомнатную квартиру. Правда, на самом деле квартира оказалась полуторокомнатной, потому что одна из комнат была просто небольшим кабинетом. Но поскольку туда сумели втиснуть кровать, комната сразу же превратилась в полноценную спальню.

— В тесноте, да не в обиде, — решили Дича с Вичей и начали

распаковывать чемоданы.

Наступала первая ночь виккианской воительницы на чужой земле, и Виче не терпелось испытать свои силы. Однако ей никак не удавалось уединиться. В Питере уже было утро, и расстроенные биологические часы не давали новоселам заснуть. Когда брожение по квартире, наконец-то, закончилось, Вича выскользнула на балкон. Она распростерла к небу руки и закрыла глаза.

— Есть! Вот она!

От волнения и легкого морозца захватило дух. Вича осязала черную энергию! Пусть не так остро, как в самолете, но она определенно чувствовала ее присутствие. Высоко в небе во время полета ее избыток пугал Вичу, здесь же ей ее не хватало. Виккианская воительница вдохнула полной грудью, чтобы принять в себя силу черных сестер, но ничего не получилось. Она стала часто и глубоко вдыхать, пока не закружилась голова. Вича едва успела схватиться за обледенелые перила и чуть не грохнулась на пол балкона.

«Подождем до полнолуния», — расстроилась она и побрела нетвердой походкой в их махонькую спальню.

Когда на родине взошла полная луна, Вича вышла во двор. Здесь только начинало вечереть, и солнце еще не спряталось за высокие лиственницы лесопарка, что маячили вдали. Туда-то и направилась наша воительница. По дороге незнакомые люди улыбались и здоровались с ней.

«Совсем как в деревне», — сияла в ответ Вича.

Не переставая улыбаться, она, наконец, добралась до лесопарка. Скулы от непривычки устали и побаливали. Углубившись в парк, Вича с наслаждением расслабила мышцы лица и облегченно вздохнула. Выбрав полянку поукромней, она подняла к небу глаза. Перед ней предстала необычная картина. Сразу два светила глядели друг на друга. Солнце уже клонилось к горизонту, высвечивая бледный диск луны на противоположной стороне небосвода.

Вича повернулась в сторону луны и потянулась к ней, пытаясь притянуть плавающую в вышине энергию. Ее руки уже затекли, а больные легкие едва справлялись с физической нагрузкой, но ни одна капелька чужеродной энергии так и не подчинилась ей. Уныние и горечь поражения начали подниматься из глубины души. Когда-то в другой жизни она уже испытывала похожую безнадегу. На фоне полного безветрия, вдруг зашумели кроны лиственниц. Метелочки зеленых иголок на глазах рассыпались и, соединившись в пары, разбегались по смолистым веткам. Не прошло и минуты, как Вичу окружили стройные сосны.

Откуда-то появились дети. Девочка-подросток и четверо мальчишек, мал мала меньше, резвились вокруг, не давая ступить

и шаг. Она посмотрела себе под ноги и ничего не увидела, кроме собственного огромного живота. Она с любовью погладила шевельнувшегося в утробе младенца.

Возвращавшаяся с охоты волчица замерла у края опушки и сквозь кусты наблюдала за шумными двуногими. Дети бегали по поляне, не замечая опасности. Вдруг двуногая самка замерла и утавилась на кусты, откуда показалась голова хищницы. Женщина пожирала глазами матерую волчицу, пытаясь отогнать ее своей колдовской силой. Однако взгляд Сидонии не возымел желаемого действия. Беспредельная тоска и отчаяние от собственного бессилия охватили ее.

Она опять видела себя пленницей в охотничьем домике, где ее лишили колдовской силы. Крик напуганной дочери не дал ей погрузиться в горькие воспоминания. В панике она начала хватать детей и подсаживать на молодую сосну. Почуввав запах страха, волчица открыто вышла на поляну. Женщина развернулась и опустилась перед хищницей на колени. Подавшись вперед, она оперлась на одну руку, прикрывая другой живот.

Волчица с удивлением смотрела на дикий оскал двуногой самки и нервно дернула ухом, когда нечеловеческий рык огласил окрестности. Пробившееся сквозь деревья солнце с любопытством наблюдало за противостоянием двух матерей. Колочий взгляд волчицы неожиданно потеплел. Она медленно развернулась и пошла в лес, покачивая набухшими от молока сосками...

~ ~ ~

Пронизывающий холод в ладонях заставил Вичу вздрогнуть. Она стояла на коленях, опершись ладонями о промерзлую землю, ее лицо снова болело от напряжения...

На обратном пути ей опять приходилось раздавать улыбки направо и налево. Когда Вича натыкалась на хмурый взгляд, то не надо было и спрашивать – навстречу шел представитель бывшего социалистического лагеря. Русскоязычных, как их здесь называли, в жилом комплексе было предостаточно, включая и ее родню. Выбор места был неслучаен – их американский родственник жил поблизости. Три километра по здешним меркам, где расстояния измеряются временем езды на машине, считалось совсем рядом. Так что поручителю не составляло большого труда навещать своих подопечных.

Но, как говорится, если выигрываешь в одном, то обязательно теряешь в другом. Поскольку машины у Вичи с Дичей в скором времени не предвиделось, то они оказались в своеобразной изоляции от главного русскоговорящего района Балтимора. Именно поэтому богатый опыт выживания в новых условиях, накопленный

предыдущими эмигрантами, был им попросту недоступен. Многие проблемы, с которыми они столкнулись, имели уже проверенные, более легкие и быстрые пути решения. Но без помощи русскоязычной общины им приходилось набивать шишки.

Много позже они узнали, что не последнюю роль в этом сыграла философия их опекуна.

— Вы все должны были пройти через те же трудности ассимиляции в новой стране, что и мы когда-то, — высказался он как-то на одном из семейных торжеств. — Трудности только закаляют характер!

Услышав это, Вича открыла рот, чтобы съязвить, но поймав взгляд мужа, прикусила язык.

«Я не против закалить свой характер, — молча соглашался Дича, — но зачем подвергать лишнему стрессу больную родственницу?»

* * *

Реанимобиль уже въезжал в Балтимор. Показалось знакомое здание элитного фитнес-клуба. Дича вспомнил, сколько драгоценного времени общения с женой он потерял, подрабатывая по вечерам и выходным массажистом в этом клубе. Он как сейчас помнил разговор с их американским родственником.

— Ника пыталась работать уборщицей в Макдональдсе, но она очень быстро устает и не в силах выдержать целую смену, — надеялся на сочувствие Дича. — Может, ей стоит подать на инвалидность, как в России?

— Даже и не думай! — с негодованием ответил тот. — Государство вас только что приняло и обустроило, а ты хочешь сразу же повесить на него такую обузу? Вас тотчас же выдворят из страны, лишь только узнают, что вы скрыли заболевание Ники во время получения вида на жительство!

Конечно, они скрыли. Американцы страсть как боялись ввозного туберкулеза, а на рентгене легкие Вичи очень походили на туберкулезные. Не зря же все детство ее именно от него и лечили, пока Эмма не вычитала в переводной литературе о настоящем заболевании дочери.

Да! Дича сам научил жену во время флюорографии вместо глубокого вдоха наоборот выдохнуть как можно сильнее, чтобы эмфизема не так бросалась в глаза. То ли врачи-контрактники оказались двоечниками, то ли было дано указание свыше подпустить американкам туберкулез, но Вича медкомиссию благополучно прошла. И теперь выходило, что лучше сидеть и не высовываться.

Много позже Дича узнал, что все это было не совсем так, а скорее совсем не так. Вича на законных основаниях могла беспрепят-

ственно получать пособие по болезни. И пособие это было бы втрое больше его приработков массажистом. Знать бы это тогда! У них было бы больше времени на совместное изучение английского. А мысли о тех вечерах и выходных, которые Вича вынуждена была проводить в одиночестве, навсегда оставили горький осадок в его душе. Вот и сейчас он сидел и думал о том, что изменить уже ничего не в силах. Со злой усмешкой Дича вспомнил чью-то фразу, заученную со школьной скамьи: «Если бы у меня была другая жизнь, я бы ее прожил так же».

— Надо быть полным дебилом, чтобы делать такие заявления! — разозлился он. — Зачем повторять те же самые ошибки?! Я бы многое изменил в нашей с Вичей жизни. Да только кто же нам даст?..

Глава 5.

ВЫЖИВАНИЕ

Четвертый час

Реанимобиль влетел во двор больницы имени Хопкинса и, развернувшись, начал сдавать задним ходом к дверям приемного покоя. Изменение в направлении движения машины отвлекло Дичу от невеселых мыслей. Больница встретила своих привычных посетителей знакомым запахом, который можно было узнать из тысячи. Из тех пятнадцати лет, что они прожили в Штатах, бедная Вича в общей сложности провела в этой клинике без малого год. Когда она попала сюда впервые, то даже не подозревала, что находится в лучшей больнице Америки. Хопкинские врачи не сдали своих позиций и сейчас. Приемный покой встретил их гордым плакатом: «Восемнадцатый год подряд наша клиника признана лучшей в стране!»

* * *

Такой знакомый, но почему-то очень далекий больничный запах вызвал новую волну воспоминаний. Вича видела себя худенькой напуганной девчушкой, которой только что сообщили, что ей необходима госпитализация.

— Не отдавай меня в больницу! — умоляла она как маленький ребенок, вцепившись в мужа обеими руками. — Я здесь одна пропаду!

Она видела, что Дича тоже не был готов к такому повороту событий. Ведь еще не прошло и месяца, как они приехали в Балтимор, где все было ново и пугало своей неопределенностью.

«Смогут ли они здесь прижиться? Сможет ли она получать

столь необходимую помощь?» — переживала Вича, наслушавшись мифов о непомерно дорогой медицине в Америке.

Она не понимала, что происходит, зачем ее хотят забрать в больницу. Ведь она всегда так себя чувствовала. Конечно, на одной ножке не прыгала, но и в лежку не лежала. Откуда ей тогда было знать, что по американским стандартам люди с такой дыхательной функцией как у нее должны находиться в стационаре под постоянным наблюдением?

— Я останусь с тобой, — успокаивал ее Дича. — Я спросил. Мне разрешат как переводчику.

— А разве мы сможем оплатить больницу? — не унималась Вича. — Ведь ты только начал работать, и мы еле-еле сводим концы с концами.

— Не думай об этом. У нас уже есть страховка.

Конечно, страховка будет иметь силу при условии, что он продержится на рабочем месте три месяца, но Виче этого не надо было знать. Да и лоботрясничать он не собирался, так что увольнять его не за что. Лаборатория, куда его устроил опекун, находилась через дорогу, и теперь каждую свободную минутку он прибегал в палату к жене. Ночами, когда его выгоняли из отделения, Вича подолгу не могла заснуть. Безграничное одиночество просачивалось в палату изо всех щелей и терзало ее. Не облегчало больничную жизнь и постоянное чувство голода. Малокалорийный ужин приносили уже в семь, и через пару часов снова хотелось есть. Когда Дича был рядом, он подкармливал ее, чем мог, но сейчас его уже выставили, значит, придется терпеть до утренней каши.

Последнее время им было не привыкать к пустым желудкам. К сожалению, на лечебном голодании в нью-йоркском аэропорту их опыт взаимного сосуществования с мачехой не ограничился. То небольшое пособие, которое они получали на первых порах, было монополизировано «взрослыми», и дети на своем опыте узнали, что такое ведение хозяйства по-плюшкински. Никого не спросив, крохоборка взяла семейный бюджет, а вместе с ним и питание, в свои руки. Тогда впервые в жизни они своими глазами увидели, как выглядит суп, в котором одна картошка гоняется за другой. Но лежа в больнице, Вича была бы рада и такому супу. Однако за три недели госпитализации она не получила с семейного стола даже маковой росинки. Как позже выяснилось, на просьбы Зосима приготовить что-нибудь для дочки звучал дежурный ответ:

— Нечего продукты переводить! В больнице и так трехразовое питание.

Бунт на корабле зрел недолго. После выписки Вичи молодая часть семьи потребовала отделения от общего котла и права самим распоряжаться причитающейся им половиной пособия.

— Смотрите, не пожалейте! — недобро предупредил их Зосим.

— Хуже не будет! — парировала дочь.

Со стороны правящего матриархата процесс отделения сопровождался громким топотом, выразительным хлопаньем дверей и музыкальными этюдами на кухонной посуде. Не прошло и недели свободного хозяйствования, как Дича и Вича с удивлением заметили, что их пособия вполне хватает не только на хлеб, но и на масло с колбасой. А когда к концу месяца выяснилось, что при нормальном питании у них на руках осталось еще и кое-что на мелкие расходы, то стало понятно, почему с таким упорством им отказывали в независимости. После того как бюджет «старших» сократился вдвое, в такой же пропорции участились их скандалы между собой.

— Зачем ты разрешил детям забрать деньги? — пилила Зосима крохоборка.

— Иди и заработай свои! — в сердцах бросал тот.

Этот аргумент на какое-то время затыкал ей рот. Работать она особенно не стремилась. Да и некогда ей было. Аэробика, бассейн, сауна и комиссионки занимали весь ее день. За такой образ жизни она вскоре удостоилась почетного звания приживалки. Взаимной симпатии она к молодым тоже не испытывала, и потихоньку начала разгораться война, свойственная всем коммунальным квартирам.

Теперь Вича не могла спокойно оставаться дома одна.

— Видеть эту рожу больше не могу! — призналась она мужу. — Того и гляди, какую-нибудь гадость выкинет.

И Вича начала целыми днями пропадать у землячки, что жила по соседству.

— Ну и правильно, — согласился Дича. — Там тебе хоть по жизни подскажут, что здесь и как.

Их новая знакомая приехала сюда ненамного раньше них, но уже сумела устроиться на «русский» завод, прозванный так самими работниками, язык общения которых и объяснял название. И хотя в материальном плане жизнь у подружки налаживалась, на личном фронте было все наоборот. Однажды она разоткровенничалась с Вичей и рассказала, что от нее уходит муж.

— А правду говорят, что ты умеешь ворожить? — громче, чем хотелось бы, поинтересовалась она.

Работа в штамповочном цеху давала себя знать, и Вича уже привыкла к громогласности подруги. Но тут она не выдержала:

— Ты еще об этом на весь Балтимор крикни! — и уже спокойней спросила: — Кто говорит?

— Ну, я как-то тут краем уха слышала, — замялась та, — ты же знаешь, что Балтимор это большая деревня. Так ты умеешь привораживать?

— Нет, — сухо ответила Вича. — Но я могу попробовать отво-

рот и сделать твоего мужа неинтересным для его новой пассии.

— Ой, правда?! Пожалуйста, попробуй!

— Дождемся полной луны...

В полнолуние Вича тихо прошмыгнула на темный балкон и, перегнувшись через перила, посмотрела на ночное небо. Помощница луна была спрятана за облаками, но ее незримое присутствие придавало уверенности. Вича закрыла глаза и сосредоточилась. Вскоре она почувствовала присутствие небольшого количества негативной энергии семейного скандала, остатки которой излучали окна одной из соседних квартир. Но дальше этих ощущений дело не пошло. Как она ни старалась, ее организм опять отказался принять чужеродную энергию. И лишь разрозненные частички отрицательных эмоций, живущих в округе эмигрантов-соотечественников, бежали к ней как потерявшиеся детки к своей мамке. Но, увы, их было недостаточно. Отчаявшись, она решилась на ночной визит на кладбище. Вича надеялась, что ей будет легче выловить негативную энергию родственников усопших, застрявшую в кронах кладбищенских деревьев.

Следующим вечером, как только подруга вернулась со второй смены, они залезли к ней в машину и отправились на дело. Для храбрости подруги взяли с собой Дичу. Однако Вича не разрешила ему идти с ними, и он остался в машине, которую сознательно оставили подальше от кладбища, чтобы не привлекать внимания редких водителей, не говоря уже о полицейских машинах, патрулирующих ночные улицы.

Время текло мучительно долго. Сквозь лобовое стекло Дича напряженно всматривался в темноту, пытаясь разглядеть происходящее. На душе у него было беспокойно. Он видел, как две тени исчезли за невысокой кладбищенской стеной, и время потекло еще медленнее. А девушки тем временем пробирались по кладбищу в поисках свежей могилы. Кресты и надгробные камни вызвали у Вичи эффект дежавю.

— Когда-то со мной это уже было! — не то удивилась, не то испугалась она. — Не тогда ли, когда мы ходили на лесное кладбище с ребятами? Нет! Много раньше!

Нервная дрожь пробежала по спине. Чей-то взгляд сверлил ее между лопаток. Пересилив себя, она медленно обернулась.

Тот самый стражник, которого они когда-то с матушкой напугали до смерти у разрытой могилы, не отрываясь смотрел на нее. Страшный шрам на его щеке уже успел зажить и теперь пунцовой змеей вился по изуродованному лицу. В главные ворота замка въехала тяжелогруженная повозка. Куча дров на ней на время скрыла за собой стражника. Когда повозка проехала, страж глав-

ных ворот продолжал неотрывно смотреть на новую помощницу кухарки.

Венди узнала его еще в первые дни своего пребывания в замке, но не подала виду. Вот и сейчас она потупила взгляд, как полагается мелкой служке, и засемила к отдельно стоящему зданию кухни. Каждое утро, проходя мимо ворот на рынок и обратно, она натыкалась на испытующий взгляд этого стражника.

«Вдруг он меня узнает!» — каждый раз переживала Венди.

— Ничего не бойся! — успокоила ее при встрече мать. — Лишь перед самой смертью он сумеет вспомнить тебя и ни днем раньше!

Их тайные беседы среди толпы нищих на городской площади всегда заканчивались расспросами о семействе герцога, в особенности о его младшем сыне.

— Эрнеста женили на дочери герцога из западных земель Померании, куда его на время ссылали от дурной молвы, связанной с какой-то неприглядной историей. — Разузнала для матери Венди.

— Вспоминает ли кто-нибудь мое имя в замке?

— Я ни разу не слышала.

— Ничего! Скоро это изменится! — произнесла Сидония, передавая дочери травяные сборы.

Ежедневные вдыхания паров этих сборов помогали Венди, однако, как она ни старалась, недуг брал свое, и кухарка стала водить девушку к придворному лекарю. Только толку от этих визитов было мало. Эскулап герцога не встречал такой болезни и лечил ее как обычную чахотку, зато там Венди познакомилась с его сыном Дерекком.

Это был тихий и задумчивый юноша, который прилежно постигал семейное искусство врачевания, и редко показывался на улице. Они с отцом тоже появились в замке недавно, и Дерек еще не успел обзавестись друзьями. Ученика лекаря сразу же очаровала эта златокудрая худышка с огромными зелеными глазами. Ему казалось, что они излучают неведомую силу и придают загадочность ее прекрасному лицу. Дерек радовался каждому ее приходу и без конца мог болтать с ней о чем угодно.

Однажды он рассказал Венди о том, что его отец был приглашен на службу к герцогу после побега придворного лекаря.

— Это темная история, — пугающим голосом говорил он, изображая ужас на лице.

— Тогда не надо, — наигранно испугалась девушка, — а то мне будут сниться кошмары!

Он замялся, не зная, продолжать ему или нет. Повисшая тишина разорвалась веселым смехом Венди.

— Отомри! — толкнула она его игриво. — Страсть как люб-

лю темные истории!

И Дерек поведал ей о том, как предыдущий придворный эскулап пригласил погостить своего старинного приятеля. Тот когда-то обучался у французов мастерству вырезания мочевого камня и теперь путешествовал, предлагая свои услуги всем страждущим. Один из старших сыновей правителя уже давно маялся болями в мочевом пузыре, и лекарь порекомендовал ему своего друга.

— Но говорят, что француз был со странностями, — продолжал Дерек. — Как только он появился в замке, герцог зачем-то отправил двух своих верных стражников на кладбище.

— А когда это было? — вдруг заинтересовалась его слушательница.

— Незадолго до нашего приглашения сюда. Около года назад. А что?

— Да так, просто. Ну, что там дальше? — быстро протараторила Венди, пряча свое волнение.

— Той ночью герцог так и не дождался возвращения своих слуг. А под утро крестьяне привели одного из стражников к воротам замка. Он был так напуган, что не мог толком рассказать, что с ним случилось. Половина его лица была покрыта кровавой коростой, сквозь которую зияла рваная рана во всю щеку. Да ты наверняка не раз видела этого стражника на главных воротах замка.

Венди кивнула в ответ и подумала: «Когда-нибудь я тебе поведаю о том, что тогда произошло».

— Этот бедолага до сих пор не может вспомнить, кто его ранил, — продолжил Дерек. — А конец у этой истории грустный. Видно, таинственные зловещие стражники как-то повлияли на француза. Вырезая камень, он что-то там напортачил, и сын герцога умер. Зная о нраве отца знатного пациента, оба эскулапа бежали под покровом ночи, и с тех пор о них никто больше не слышал.

«Как странно устроен мир, — размышляла Венди. — Не будь тех темных событий на кладбище, я бы не встретила Дерек».

Задумчивость Венди озадачила юношу, он подошел к ней и потрепал по плечу. Она вдруг прильнула к нему и спрятала лицо у юноши на груди. Согревающая нежность растеклась по его телу. Он прижал ее к себе и стал гладить шелковистые локоны, приговаривая:

— Успокойся, малыш! Это всего лишь пустая болтовня прислуги.

Ей было хорошо в его мягких и теплых руках. Она была счастлива и боялась, что ее ворожба однажды разрушит это счастье. Пока никто не обратил внимания на то, что ни одна из жениц

семейства герцога не смогла понести за последнее время, но скоро этому неведению придет конец, и тогда первым под горячую руку герцога попадет придворный лекарь, а вместе с ним и его сын!

Наступившая осень тоже ничего хорошего не предвещала. Начавшийся сезон охоты, наверняка, обернется для семейства герцога большой бедой.

«Моя мама что-то задумала! — мысленно обращалась она к любимому. — И наша жизнь уже не будет прежней».

Они с Дерекком сидели, обнявшись в нише огромного окна, и любовались многоцветием ранней осени. Во дворе весело копошились обитатели замка, готовя герцога и его сыновей к походу в дальний лес. Разряженные девушки стояли в сторонке и перешептывались, бросая зазывные взгляды на играющих мускулами молодых. А те с важным видом укладывали тюки с экипировкой, оружием и провиантом на спины нервно фыркающих лошадей. Возбужденная свора охотничьих псов не переставая лаяла на дразнивших их ребяташек. Внизу царил манящая атмосфера праздника, но Венди и Дерек было хорошо здесь, вдали от шумной толчеи. Их уединение нарушал лишь отделившийся ото всех всадник. Один из внуков герцога гарцевал прямо под их окном, то и дело бросая наверх откровенные взгляды. Его выцветшие глаза пожирали наряженную по случаю праздника Венди.

— Пойдем к другому окну, — тихо попросила она.

Дерек взял ее на руки и перенес к окну, что смотрело на дорогу, ведущую к замку. Здесь их уже никто не побеспокоит и не нарушит их тихий и чудесный праздник души. Отъезд хозяев обещал много свободного времени, которое они смогут посвятить друг другу. Счастливые вслух мечтали о ближайших днях, наперебой предлагая, как веселее их провести и чем лучше заняться.

— Мой отец будет сопровождать охотничью экспедицию! — не сумел утаить приятный сюрприз Дерек. — И его покои в нашем полном распоряжении!

— Как же я тебя люблю! — что было сил прижалась к нему Венди.

Они смотрели вслед удаляющейся кавалькаде, и их сердца бились в унисон, замирая от безмерного счастья...

...После двухдневного перехода уставшая и поутихшая высокогородная компания разбила лагерь вокруг того самого охотничьего домика, где когда-то держали Сидонию. Герцог с сыновьями расположились в доме, оставив огромную орду стражников и слуг под открытым небом. Пока кашевар разводил костер, плотники отправились в лес, чтобы осмотреть дощатые настилы, сооруженные в кронах деревьев для удобства охотников. Когда они вернулись, по всей поляне уже разносились зазывные крики кашевара и

аппетитный запах ужина.

— Все площадки подлатаны и почищены! — доложил старший плотник и поспешил присоединиться к своим набивающим утробу товарищам.

Благородные охотники тоже не мешкали и не хуже плебеев уплетали все, что было на столе. Во время трапезы герцог распределял охотничьи места. Самый лучший участок возле водопоя он, как всегда, оставил себе. Сыновья знали, что отец любит выслеживать зверя в одиночку, поэтому не боялись попасться ему завтра на глаза и пировали всю ночь. Молодцы уgomонились только под утро. Но не они мешали герцогу спать.

Лежа в комнате, где много лет назад томилаcь Сидония, он то и дело пробуждался в холодном поту. Бесконечная череда кошмаров мучила его до самого рассвета. В одном из них он увидел юную графиню в волчьем обличи. Хищница раздирала его младших сыновей и бросала куски окровавленной плоти ему под ноги. Сердце герцога заныло от горьких предчувствий, и он решил присмотреть за Эрнестом и Отто.

— Вы едете со мной! — растолкал он недавно заснувших сыновей.

Рассвет чуть брезжил, а ранние птички вовсю распевали в просыпающемся лесу. Полусонные братья еле держались в седлах.

«Черт меня дернул взять их с собой!» — уже пожалел герцог, глядя на клюющих носами сыновей.

Бодрящий лесной воздух на какое-то время привел братьев в чувство, но как только они взобрались на высокую площадку и залегли за своими мушкетами, их глаза снова стали слипаться. Разбудил их оглушительный выстрел отца. Прямо под деревом, в кро-не которого они укрылись, каталась огромная медведица, остав-ляя кровавые следы на пожухлой траве.

— Добейте ее! — кричал в азарте отец, перезаряжая мушкет.

Первым пришел в себя Эрнест — он подполз к самому краю на-стила, пытаясь взять раненого зверя на мушку. С трудом разомк-нувший глаза Отто потерянно оглядывал окрестности.

— В кого это они стреляют? Уж, не в ту ли красавицу?

Спросонья ему показалось, что в глубине чащи стоит строй-ная женщина в черном облачении. Взгляд ее прекрасных глаз не-преодолимо манил его.

— А ведь я тебя знаю! — прошептал себе под нос Отто. — Вот только откуда? Где мы могли встречаться?

Позабыв об осторожности, он подполз к краю площадки, что-бы получше разглядеть таинственное видение. Под весом трех тел край настила угрожающе накренился.

— Назад! — закричал отец и метнулся к стволу дерева.

Поздно! Дощатое сооружение со страшным треском опрокинулось вниз, увлекая за собой охотников. Ближе всех к раненой медведице упал Отто. Перед тем, как могучая лапа зверя обрушилась на него, он снова встретился глазами с той, которую так хотел разглядеть поближе. Хруст ломающихся ребер заглушил крик ужаса, вырвавшийся из его глотки. Леденящий душу взгляд Сидонии разрывал его на куски.

— Помоги ему! Слюнтяй! — герцог толкнул младшего сына в сторону неравной схватки и спрятался за дерево.

— У меня нога! — притворился Эрнест и юркнул за отцом.

Показавшиеся из леса загонщики не мешкая спустили собак. Вожак своры в несколько прыжков оказался возле медведицы. Его огромные клыки вонзились в занесенную над Отто лапу. Не отпуская своей жертвы, хищница потрянула могучего пса. Отлетевший волкодав уже через мгновение снова висел на хищнице, теперь вцепившись в ее бедро. Раненая медведица, наконец, отпустила еле дышащего человека и принялась кататься по земле, пытаясь раздавить назойливого пса.

Быстро приближающаяся свора вселила надежду на спасение. Но вдруг вожак отпустил зверя и, вильнув обрубок хвоста, побежал на другой край опушки. Остальные собаки застыли в нерешительности. Этой заминки было достаточно, чтобы истекающая кровью хищница завершила начатое дело. Как только растерзанный двуногий перестал шевелиться, затихла и медведица. Свернувшись калачиком, совсем как ее осиротевший медвежонок, она жалобно засопела и испустила дух.

Обезумевший герцог в мольбе поднял к небу глаза, но вместо всевышнего увидел свежий распил на балке, крепившей настил к дереву.

— Притащить сюда того негодяя, который проверял эту площадку! — прорычал герцог. — Я повешу его на этих обломках!

— Плотник здесь не причем! — вдруг прозвучало из чащи. — Ты попытался взять у леса то, что тебе не принадлежит, и был наказан за это!

— Кто это смеет тыкать своему повелителю?! Кто бы ты ни был, ты уже покойник!

Загонщики кинулись в чащу, пытаясь отыскать говорившего. Как только они скрылись за деревьями, на другом краю опушки раздвинулись кусты. Из них появилась согбенная женщина, одетая во все черное. У ее ног юлил вожак своры, тыкаясь своей окровавленной мордой ей в руки. Обрубок хвоста волкодава так весело ходил ходуном, что поднимал в воздух опавшие листья.

— Ты зашел в чужой лес, — тихо произнесла она. — Убирайся отсюда и больше никогда здесь не появляйся!

— Это мой лес! — проорал герцог. — Всегда был мой и всегда будет! Мои прадеды владели им, и мои правнуки унаследуют его!

— Я открою тебе маленькую тайну, — злоеюще произнесла незнакомка. — Тебе не доведется нянчить правнуков. Я прокляла все твоё семейство до седьмого колена!

— Ты сама не знаешь, о чем говоришь, сумасшедшая горбунья! — рассвирепел герцог. — У меня пятеро сыновей, так что без наследников я не останусь!

— Ты забыл уточнить, что пятеро сыновей у тебя осталось! Не потому ли что двоих я уже сжила со свету?

Перед герцогом тут же, как живые, предстали его старшие сыновья. Один из которых уже с десяток лет как угорел в походной бане, другой же совсем недавно погиб от руки хирурга-самоучки.

— Кто ты? — в смятении прошептал правитель и потянулся к валявшемуся на земле мушкету.

Вместо ответа женщина распрямилась и сбросила черный балахон. Перед ним стояла Сидония.

— Я снова должна тебя поправить! — с усмешкой произнесла она. — Теперь у тебя осталось четверо сыновей! Или ты думаешь, что этот мешок костей способен дать тебе наследников? Да и тот, кого он тебе уже успел подарить, обречен! Ты упустил свой шанс, — спокойно продолжала она. — Ты собственными руками убил во мне своего будущего внука. Эта часть леса теперь принадлежит его убиенной душе, и кто бы из твоего семейства ни ступил сюда, будет обречен на лютую смерть! Эти куски разорванной плоти уже никогда не смогут творить зло. Забирай их и убирайся отсюда вместе со своими отпрысками!

— Заткнись, мерзкая потаскуха! — в отчаянии прорычал герцог.

Но его голос утонул в пустоте. В кустах уже никого не было, и лишь огромный пес продолжал зачарованно смотреть в глубь леса...

Герцог молча ехал среди понурых сыновей, и тревожные думы не давали ему покоя: «Почему за последнее время ни одна из жен моих сыновей не смогла понести? И что там эта ведьма говорила о проклятии моего рода?»

Погребение Отто состоялось в часовне на окраине города, где находился семейный склеп правителя Восточной Померании. Знать со всей страны посетила это грустное событие. Гостей было столько, что слугам и любопытствующим горожанам пришлось разместиться на прилегающем к часовне кладбище.

«Что же теперь будет? — ежилась от ветра Венди, стоя вместе с челядью герцога среди каменных надгробий. — Не навлекла ли мама беду на всех нас?»

Ответом ей был лишь шум высоких елей окружавших кладбище.

Неожиданный порыв ветра разметал Вичины кудри. Потерянным взглядом она блуждала по рядам могильных плит, медленно возвращаясь в реальность.

— Мы тут одни! — нервно прошептала подруга.

— Хорошо! Нам никто не помешает! — Вича вспомнила, зачем они здесь.

Она незаметно опустила руку в карман и нащупала английскую булавку. Раньше ей никогда не приходилось прибегать к уловкам виккианских сестер. Она надеялась, что в этой стране ей не придется убивать кур, рисовать их кровью пентаграммы и танцевать под полной луной для привлечения темных сил. Вича верила, что однажды она сможет беспрепятственно управлять витающей вокруг энергией, но пока она не могла подчинить себе даже ту, что неподвижно висела в кладбищенских елях.

Вдруг ее сердце радостно забилося. Довольная улыбка появилась на лице.

— Что?! Получилось? — обрадовалась вместе с ней подруга.

— Ш-ш-ш! — не поворачиваясь, прошипела Вича.

Душа виккианской воительницы ликовала. Тягучая энергия сдвинулась с места и начала просачиваться сквозь густую хвою наружу. Вича протянула к ней руки, пытаясь обнять ставшие родными темные силы. Но те не ответили взаимностью. Сгустки черной энергии уходили ввысь. Они неуклонно удалялись от нее в сторону океана. Там, над Гольфстримом, их подхватят могучие ветра и понесут в сторону матушки Европы.

«Что-то здесь неладно! — позабыла о подруге Вича. Все ее мысли были в этот момент на родине. — Черные сестры задумали что-то большое и страшное!» — беззвучно кричала она Матрене, с горечью осознавая, что ее голос не будет услышан.

Все еще глядя в небо, она вдруг увидела маленький радужный шар, показавшийся из-за верхушек елей.

«Опять дежавю?!» — содрогнулась она.

Точно такие же шары она видела в самолете над Атлантикой за мгновение до того как потерять сознание. Но сейчас она терять сознание вовсе не собиралась и, затаив дыхание, наблюдала, как в небо взмыл второй шар, за ним — третий. Они бесшумно сливались с подвижной массой черной энергии, образуя игристую пену внутри губительных потоков. Плавное течение черных воздушных рек на глазах превращалось во множество хаотичных водоворотов. Они сливались в огромные воронки и штопором уходили в землю. Через несколько минут в небе не осталось ни одного враждебного сгустка.

«Здесь ловить больше нечего!» — внутренне ликовала Вича, не

понимая, чему она радуется, ведь именно за черной энергией она сюда и пришла.

Она парила в облаках вместе с той белой энергией, которую она надеялась когда-нибудь покорить. Ее не интересовало, откуда пришла эта неведомая сила. Главное, что ее сестры были теперь в безопасности!

Нервный шепот и толчок в бок вернули Вичу на землю. Не переставая улыбаться, она принялась усердно что-то нашептывать в плотно сжатые ладони.

— Вот! Воткни это в левый лацкан одежды мужа, — сказала она, раскрывая перед подругой ладони, на которых тускло мерцала английская булавка. — Вскоре после того, как он ее обнаружит и выбросит, твоя соперница отвернется от него. Но когда это случится, я не берусь предсказать. Если же он уколется этой булавкой, то их разлука не заставит себя долго ждать.

— А может, сделаем заодно и приворот? — снова попросила подруга.

— Я бессильна в белой магии, — раздраженно ответила Вича, от ее благодушия не осталось и следа.

Она резко развернулась и быстро направилась к выходу. Подруга смогла нагнать ее только у своей машины.

— А где же Дича? — забеспокоилась Вича, не увидев мужа за лобовым стеклом.

В ближайшем переулке раздался шорох. Девушки заглянули за угол и обнаружили там бездомного. Огромного роста детина пытался устроиться в коробке из-под телевизора. Услышав шаги, тот недовольно бросил в их сторону ледяной взгляд.

«Где-то совсем недавно я видела такие же холодные голубые глаза?» — подумала Вича, но на раздумья не было времени, надо было искать Дичу.

— Давай заведем машину и посигналим, — предложила подруга.

Она открыла дверь и вскрикнула от неожиданности — свет в салоне автоматически включился и выхватил из темноты мирно спящего на заднем сиденье Дичу.

— Ну, ты нас и напугал! — радостно толкнула его Вича.

Тот в ответ едва шевельнулся и промычал что-то невнятное.

«Бедный мой малыш, — нежно думала она по дороге домой. — На работе крутится как белка в колесе, так еще и дома я ему покоя не даю!»

Полусонный Дича с шумом завалил вешалку в прихожей и с ужасом уставился на дверь, ведущую в комнату приживалки, ожидая появления черта из табакерки. Вича даже не повернула головы. К конфронтации с приживалкой она старалась относиться философски. На фоне пугающих напутствий Матрены разборки с невос-

питанной истеричкой казались просто мышшиной возней.

Она ждала и боялась чего-то большего. Поэтому после покупки их первой машины Вича довольно спокойно восприняла известие о том, что следующим же утром автомобиль не завелся. Ничего удивительного в этом не было, хотя приятного тоже было мало. Машина была далеко не первой молодости, но зато с автоматической коробкой передач. А после однотипных советских автомобилей внешне она им казалась просто писаной красавицей, и, как подобает всем милашкам, тут же закапризничала.

В сырую погоду, например, машина наотрез отказывалась заводиться. А поскольку весной в Балтиморе каждое утро было сырым, то на работу Дича так и ездил на перекладных. В результате первый месяц после покупки машина провела больше времени в мастерской, чем под их окнами. Думалось, что хуже уже и быть не может, но оказалось, что может. Как-то придя с работы, Дича собрался в очередной раз перегонять закапризничавший автомобиль к механику.

— Поешь сначала, — настаивала Вича.

— Некогда! — на бегу бросил муж. — Мастерская скоро закрывается.

Вича чувствовала шлейф враждебной энергии, тянувшийся за ним, и снова попыталась остановить его.

— Давай ты отгонишь ее завтра утром. Чего горячку пороть?

— А если она опять не заведется? Потеряем день.

— Ну, хорошо. Тогда папа отвезет ее днем! На солнце она наверняка заведется! — не сдавалась жена.

Но Дича ее не послушал и позже крепко пожалел об этом.

— Будь сегодня особенно осторожен! — услышал он, сбегая по лестнице.

За мужем уже давно захлопнулась дверь парадной, а Вича все стояла в раскрытых дверях квартиры. Сердце ее сжималось в предчувствии непоправимой беды. Внизу снова хлопнула дверь. Шагов на мягком ковролине лестницы не было слышно, поэтому внезапное появление доставщика пиццы заставило Вичу вздрогнуть. При виде его шевелюры из сотен черных косичек ее сердце затрепыхалось под самым горлом. В глазах на миг потемнело.

«Точь-в-точь как ты описывала! — Венди смотрела на приближающуюся копну из черных косичек, вспоминая горький рассказ матери о давней встрече с черной ворожеей. — Твой план удался! Мы заманили ее сюда!»

— Мы постараемся убить двух ворон одним камнем! — делилась Сидония с дочерью своими планами накануне охотничьей экспедиции герцога.

Любимая присказка матери в тот момент звучала особенно злоеюще и ничего хорошего не предвещала. После гибели белесоглазого Отто наступил черед второй вороны — черной.

— Что делается в замке? — интересовалась мать по возвращении двора с охоты.

— Дерек под большим секретом рассказал, что герцог, не медля, вызвал к себе его отца, — начала Венди. — Тот даже не успел переодеться и появился в покоях повелителя в походном облачении.

— Закрой поплотнее дверь, — приказал герцог. — И смотри, чтобы ни одна душа не узнала о нашем разговоре!

У смертельно уставшего лекаря не было сил оправдываться, и он безропотно выслушал недовольство хозяина по поводу напавшего на его семью бесплодия.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах, — пообещал лекарь, покидая покои герцога.

Но ни одно из известных ему средств не помогло. Приближалось лето, а новых наследников так и не предвиделось. Опасения герцога начинали сбываться. Обычно после долгих и скучных зим сразу по несколько обитательниц замка обращались к лекарю с первыми признаками беременности. Этой же весной его не позволили ни в одни покои, где бы барышни страдали от утренней дурноты.

— Пора! — поучала Сидония дочь на очередной встрече. — Ты должна как бы между прочим помянуть в присутствии отца Дерек, что один из ловчих обмолвился кухарке о каком-то проклятии семейства герцога.

Венди сделала, как научила мать, и ее слова упали на благодатную почву. Лекарь и сам уже начинал подумывать о загадочности происходящего, и тут же поделился своими тревогами с герцогом. К удивлению эскулапа, хозяин такое предположение не высмеял.

— Держи свои сомнения при себе! — сухо приказал он, заканчивая их короткую беседу, а сам начал в строжайшем секрете готовиться к приезду темнокожей ворожеи короля.

«Уж кто-кто, а она должна суметь снять это проклятие!» — надеялся герцог.

Никто из челяди не знал о предстоящем визите. Естественно, кроме помощницы кухарки. Мать успела предупредить ее о предстоящем визите черной колдуньи.

— Сделай, как мы решили, и ничего не бойся, — напутствовала Сидония дочь. — Я буду рядом!

Тем же вечером впервые за последнее время из рациона благородного семейства исчезли люцерн и красный клевер.

Мистическая гостья появилась в замке после захода солнца. Ворота открыли сыновья герцога, и под покровом ночи проводили прибывший экипаж на каретный двор, где закидали его мешкови-

ной. Убедившись, что вокруг никого нет, заморскую ворожею повели во внутренние покои. Тускло светящийся факел выхватывал из темноты лишь ближайшие ступени, поэтому никто не заметил шипящую служанку, прятавшуюся в одной из ниш второго этажа.

Венди с ненавистью смотрела на убийцу своего не родившегося братика.

«Ну чем не горгона?» — думала она, разглядывая голову с пучком змеевидных косичек, чьи шевелящиеся тени походили на расползающихся от света гадюк.

На середине лестницы обладательница устрашающей копны волос споткнулась и замедлила шаг. С каждой ступенькой гостя чувствовала сгущение темных сил местной природы. Она не умела управлять ею, но это было и ни к чему. Вокруг кружилось достаточно черной энергии, приносимой воздушными потоками с ее родного острова. Там, на другом краю света, бурлило неисчерпаемое облако этой энергии, частички которой посылались сюда для нее и армии ее соплеменниц наводняющих Старый Свет.

«Неудивительно, что первый вассал короля не может дожидаться наследников», — не на шутку встревожилась колдунья.

Поднявшись на второй этаж, она почувствовала резкую слабость, и прыгающее пламя факела начало меркнуть в глазах. Покачнувшись, она опрокинулась назад и упала на руки одного из сыновей герцога. Жар в щечке привел ее в чувство — от близко поднесенного факела немилосердно пекло. Встревоженные лица сопровождающих белели в темноте. Но не к ним был обращен потерянный взгляд ведьмы. Она смотрела в тень ниши за их спинами. Там стояла худенькая девушка в фартуке и смотрела на нее своими огромными, полными ненависти глазами. Как только их взгляды встретились, худышка неестественно широко открыла рот, и чернокожая ворожея вновь начала проваливаться в темноту. К своему удивлению, она вдруг ощутила сгусток знакомой энергии, искусно вплетенный в окутавший ее кокон темных сил. И это была не просто энергия ее племени, это была энергия ее собственного проклятия, с помощью которого она много лет назад отняла силу у будущей ведьмы из этих мест.

«Как наложенное мною проклятье могло попасть в стены этого замка? — ужаснулась колдунья. — Оно должно было сгнуться вместе с той девицей, которая его получила!»

Дождаться ответа, если таковой имелся, она не успела. Поднявшаяся круговерть в голове разогнала все мысли. Колдунья осела на пол и больше уже ни о чем не думала. Прибежавший герцог в сердцах плюнул под ноги лежавшей без чувств ворожеи и послал за лекарем. Вне себя от гнева, он крепко выругался и удалился в свои покои.

Наутро обессиленная заморская гостья в спешке покидала замок. Рассекая толпу нищих и попрошайек, ее карета стрелой вылетела из ворот замка и с грохотом пронеслась по мосту. Чернокожая пассажирка отрешенно смотрела на бросившихся врассыпную неопрятных людишек. Ее внимание привлекла единственная нищенка, которая не шелохнулась. Она в упор смотрела на колдунью. Что-то неуловимо знакомое было в ее взгляде. Где-то ведьма уже видела эти глаза, и непреодолимое желание вспомнить, где подняло ее с парчового сиденья. Экипаж уносился прочь, но взгляд нищенки не отпускал пассажирку кареты. Расстояние между ними росло, и вместе с ним росло беспокойство горгоны:

— Я должна узнать, чей это взгляд!

Толпа исчезла из окна кареты. Не в силах больше сопротивляться, ворожея распахнула дверцу. Теперь она снова видела нестройную группу людей, с любопытством смотревших ей вслед. Глаза укутанной в рубище нищенки вновь нашли ее. Позабыв обо всем на свете, заморская ворожея шагнула в сторону этого притягивающего взгляда. Тут нищенка скинула капюшон и победно улыбнулась. Черная ведьма вспомнила эту улыбку. Она принадлежала юной обладательнице скрытой колдовской силы по имени Сидония, которая должна была истечь кровью много лет назад.

«Так вот чья всепоглощающая аура висит над замком! — с ужасом подумала ворожея. — Какова же ее сила, если она смогла выжить?! Скорее бежать из этого проклятого места!»

Но быстро покинуть наводненный черной энергией замок ей было не суждено. Черная душа ведьмы рвалась прочь, а брненное тело тянуло назад. На глазах у удивленной толпы чернокожая женщина балансировала на пороге кареты. Встречный ветер подтолкнул ее в спину и лишил последнего шанса зацепиться за распахнутую дверцу. Она успела выбросить вперед руки, чтобы смягчить падение, но по чьей-то злой воле одна рука коснулась не пыльной дороги, а спиц бешено крутящегося колеса.

Толпа нищих вздрогнула от страшных воплей и хруста ломающихся костей. Сопровождавшие карету всадники были сброшены наземь вставшими на дыбы скакунами. Подбежавшие зеваки окружили выпавшую из кареты женщину. Они с удивлением смотрели, как какая-то нищенка склонилась над упавшей и что-то зашептала.

— Передай своим черноликим сестрам, чтобы они забыли дорогу в наш мир! — было последнее, что услышала в тот день побежденная ведьма.

Сброшенные всадники уже пришли в себя. Они подняли бесчувственное тело ворожеи и занесли в карету. Подоспевший придворный лекарь нашел лишь следы крови в дорожной пыли. В это время

черная свита со своей страшной ношей уже неслась во весь опор прочь от заговоренного замка...

~ ~ ~

Шестерка черных скакунов в этот момент могла бы даже потягаться с современным автомобилем, во всяком случае с тем, за рулем которого сидел Дича. Он и без предупреждения жены знал, что лучше не гнать и всю дорогу держался в правом, самом медленном, ряду. Но вот начался город, где правый ряд был занят припаркованными машинами. Пришло время перестраиваться влево. Он посмотрел в зеркало заднего вида, но вместо догоняющих машин увидел там пышную шевелюру представительницы Ямайки. От ее извивающихся как змеи косичек нельзя было оторвать взгляд. Боковым зрением он заметил в полумраке сводчатой ниши хрупкую девушку в фартуке. Она тоже смотрела в сторону негритянки. Гибкий стан девушки был наклонен вперед, золотые кудри сыпались на миловидное личико. Когда девушка резко распрямилась и смахнула локоны с лица, на Дичу с тревогой смотрела юная Вича.

— Берегись! — кричали ее глаза.

В последний момент он успел вырвать руль влево, но избежать столкновения не удалось. Ему не хватило буквально нескольких сантиметров. На полном ходу он зацепил припаркованный грузовик. Правая фара и крыло его автомобиля мгновенно превратились в месиво. Теперь пришлось оплачивать не только механические, но и жестяные работы. Денег, которые Дича зарабатывал, на все просто не хватило, и вскоре им пришлось залезть по уши в долги.

После случившегося Вича решила защищаться от черных сестер по старинке. Она купила натуральной морской соли и бросила по щепотке на каждый порог в их квартире, а во все углы положила по медному центу. Но то ли соль должна была быть из Балтийского моря, то ли в одноцентовых монетах было недостаточно меди, беды продолжали сыпаться как из рога изобилия. Механики сдались, и на их первой машине был поставлен жирный крест. Наевшись проблем с подержанным автомобилем, на семейном совете решили приобрести пусть самое дешевое, но новое средство передвижения.

— Мой испытательный срок закончился! — с гордостью сообщил Дича. — И теперь как постоянный работник я имею право на кредит!

Им-то они и не замедлили воспользоваться. Пусть новая машина была безо всяких опций и с механической коробкой передач, их счастьем не было предела. Первую ночь они не могли заснуть и все бегали к окну любоваться своим новым приобретением. Но счастье длилось не дольше суток. Следующим утром Дича отправил свою счастливую половину загорать в местный бассейн под открытым

небом, а сам поехал осваивать ручную коробку передач.

Один из кузенов любезно согласился потратить личное время и побыть его инструктором. Но много времени тратить не пришлось. Обучение оказалось на удивление коротким. Через пять минут по указанию инструктора Дича включил третью передачу, и машина весело побежала по маленькой площадке, стремительно приближаясь к оградительным тумбам. Сквозь опущенное стекло ласковый майский ветерок обдавал лицо счастливого ученика.

Вдруг щеке стало необычайно холодно. Теплый балтиморский бриз сменился свинцовым ветродуем питерской весны. Голова Дичи занемела, как после бессонного дежурства на «скорой». Они как будто спешили на пересменку с последнего вызова и уже подъезжали к подстанции. На пути стояла Заира и безмятежно смотрела на надвигающуюся машину.

«Чего это мой водитель не тормозит? — подумал Дича. — Хочет ее попугать, что ли?»

— Тормози! Тормози! — прорвался сквозь холодный ветер панический вопль кузена.

Онемевшее лицо Дичи налилось жаром. Он с удивлением обнаружил, что его руки почему-то лежат на руле. Он рефлекторно отдернул ногу от педали газа, но машина продолжала неумолимо лететь вперед. Дича попытался выбрать нужную педаль, но его застывшие мысли еле ворочались. Нога не стала дожидаться команды сверху и, словно по чьему-то велению, потянулась к тормозу.

«А вдруг это педаль газа?! Сделаешь еще хуже!» — вмешался голос извне.

Пока он боролся со своей нерешительностью, их новое сияющее на солнце счастье на четырех колесах с ужасным грохотом и лязгом въехало в оградительную тумбу. Таким вот образом его первое знакомство со сцеплением вылилось в кругленькую сумму. От безысходности он уже решил было заявить о случившемся в страховую компанию и переложить все расходы по ремонту на нее, но всезнающие доброхоты наперебой стали отговаривать:

— За каждую аварию по твоей вине цену страховки поднимут на три года! Вот и считай сам!

По их словам выходило, что разбитую морду автомобиля было дешевле починить за свой счет. Конечно, никто из тех всезнаек даже не заикнулся о том, что существовал и другой способ. Живи они в русском районе, их бы научили методу, проверенному годами. Нужно было просто оставить машину у супермаркета, где нет камер видеонаблюдения, а потом голосом знаменитого пересмешника американской действительности возмущаться: «Эти тупые американцы не умеют рулить даже трехколесным велосипедом! Надо же! Въехать в припаркованную машину и даже не заметить!»

А свалить разбитый нос новенького автомобиля было на кого: полуслепых и полуглухих пенсионеров на американских дорогах было хоть отбавляй!

— Остынь! — не раз успокаивала Вича раздраженного мужа, когда они вынуждены были плестись за очередной еле катящейся машиной. — Не видишь, старушка едет на собственные похороны.

Такие вот бабки на своих старинных «танках» могли зацепить слона и не заметить. Но, к сожалению, тогда вся мудрость, копившаяся годами их тертыми жизнью соотечественниками, была новым эмигрантам недоступна.

«Уж лучше бы я, как та бабка, ездил только на второй передаче», — кручинился Дича, не зная, как теперь показаться на глаза счастливой жене.

К его удивлению, Вича стойко перенесла это известие, и читатель уже знает, почему.

Описанные события заставили молодую семью изменить свой взгляд на ведение хозяйства. С момента приезда они экономили на всем, считая каждый цент, а здесь пришлось выложить все сбережения на ремонт, да еще и остались должны. С тех самых пор Дича с Вичей перестали крохоборничать и расставались с деньгами легко. Замечания окружающих о расточительстве они пропускали мимо ушей и по возможности старались избегать знакомых и особенно родственников. При случайных встречах каждый из них считал своим долгом посочувствовать:

— Похоже, вы решили собрать все беды, предназначенные для нашей большой семьи. Как же так?! Разбить две машины за два месяца? Это ж надо так умудриться!

Дича не обращал внимания на пустые сожаления и не унывал. Да и некогда ему было раскисать. Сцепив зубы, он целыми днями пропадал на двух работах и хватался за любые сверхурочные. Зосим пытался помогать им втихаря, чем мог. Но поскольку сам перебивался случайными заработками, то помогать особенно было и нечем. А как только про это прознала приживалка, скудный финансовый ручеек и вовсе иссяк.

— Как она могла догадаться? — сокрушался Зосим. — Ведь у нас разные банковские счета.

— Папа! Какая же это к черту семья? — без обиняков ответила Вича. — Как это у мужа и жены могут быть разные деньги?!

— Разные-то они разные. Но, похоже, что приживалка контролирует все, что шуршит у Зосима в карманах, — съехидничал Дича, когда они остались одни. — А что до их отношений, то слово «семья» тут никаким боком не подходит!

Как-то Вича не выдержала и пристыдила отца:

— Я еле дышу, и то стараюсь хоть что-то заработать, а твоя

здоровая кобыла палец о палец не ударила. Какое она имеет право запрещать тебе помогать дочери?

Накрученный Зосим решил поговорить со своей половиной. Разговор получился недолгим, но результативным. На следующее утро Зосим ходил тигром. В том плане, что все его лицо было в полосу от ногтей приживалки. Тигрица же красовалась фингалом под глазом.

Вечером, дождавшись, когда молодые сели ужинать, она набросилась на Вичу.

— Не смей натравливать на меня отца! — визжала она. — Сопли утри перед тем, как лезть в дела взрослых!

— Это мой отец, — отрезала Вича. — О чем хочу, о том с ним и говорю. А вы вообще тут никто и звать вас никак!

— Да вы не знаете, с кем связались! — перешла на писк приживалка. — Я вам устрою веселую жизнь!

Обещала – сделала. Следующим вечером, когда Вича кормила уставшего мужа, в дверь требовательно позвонили. На пороге стоял полицейский.

— К нам поступил сигнал, что гражданин по имени Дэнис избил свою тещу.

Дича уже привык к американской версии своего имени и не задумываясь ответил:

— Моя теща в Ленинграде.

— Что ты придуриваешься! — заорала выскочившая из комнаты приживалка. — Это он меня только что побил! — обратилась она к представителю власти и показала на свой фингал.

— Посмотрите на цвет этого синяка, — спокойно сказал Дича. — Я как врач вам заявляю, что коричневые разводы по краям указывают на то, что синяк этот застарелый. А кстати, сколько у вас дают за клевету? — как бы между прочим поинтересовался он у полицейского.

Приживалку как ветром сдуло. Блюстителю порядка понимающе улыбнулся и, решив не связываться с сумасшедшими русскими, распрощался. После этой выходки приживалки теперь и Дича стал частым гостем в доме их землячки, с которой Вича ворожила на кладбище. Но, похоже, та ворожба не возымела желаемого эффекта в полной мере. Хотя к новому году ее загулявший муж и ушел от своей любовницы, в семью он так и не вернулся. Виче с Дичей зимние праздники радости тоже не принесли. Несмотря на то, что это был их первый Новый год в Америке, Вича его даже встречать не стала. Из-за кого бы вы думали? Конечно, из-за недовольной подружки!

В тот праздничный вечер они, как и договаривались, пришли к землячке домой с бутылкой шампанского и скромным подарком.

За полчаса до боя курантов появился чернокожий бой-френд подружки и потянул ее в ресторан.

— А как же мы? — недоумевая спросила Вича.

— Ну, давайте по быстренькому выпьем шампанского, да я побегу! — ничуть не смутилась та.

— Пошли, Дича, отсюда! — резко выпалила Вича. — Нам тут делать нечего!

Дома она не раздеваясь плюхнулась в кровать, в сердцах хлопнув дверью спальни. Как Дича ни уговаривал жену, она так и не вышла к столу, и ее фужер шампанского остался нетронутым. С тех пор они лишь изредка сталкивались со своей землячкой на улице или в магазине и каждый раз проходили мимо, как будто никогда не были знакомы.

Конечно, Вича знала, что черные сестры будут стараться выжить ее со своей территории, но к тому, что они будут действовать через друзей и близких, она не была готова. Стоя одиноко на ночном балконе, она посылала немой вопрос в темноту: «Матрена, почему ты не предупредила меня об испытании предательством?»

Пятый час

Из реанимобиля парамедики завезли каталку с пациенткой в больничный лифт. Сияющая стерильной чистотой кабина лифта, как ртуть в градуснике тифозника, стремительно взлетела вверх. Ее серебристые стены отражали тревожные огни перемигивающихся приборов, которыми была обвешана больная. Вот один из проводов фиксирующих работу сердца соскочил, и кардиомонитор тут же забил тревогу. Его пронзительный писк, усиленный металлическими стенами, на время оглушил всех находившихся в замкнутом пространстве лифта...

* * *

По всей квартире разносился выворачивающий наизнанку писк пожарной сигнализации. Он моментально заглушил несущиеся из телевизора звуки аэробики и топот прыгающей толстомясой приживалки. Из-под двери потянуло удушающим запахом подгоревшего молока. Трясущийся пол давно разбудил Вичу. Она приоткрыла глаза и с замиранием сердца посмотрела на мужа. Сегодня была суббота, единственный день, когда ее любимый мог вволю выспаться. Дича настолько был измотан, что его не разбудила даже утренняя разминка приживалки. Хоть в Виче и кипела злость на прыгающую в гостиной гиппопотамиху, она тихонечко лежала под бочком у Дичи, боясь потревожить его сон. Однако возникшая какофония могла поднять даже мертвого.

— Сколько времени? — разлепляя глаза, спросил Дича.

— Шесть часов! — с нотками негодования ответила она.

Ни слова не говоря, он накинул халат и выскочил в гостиную.

Такой отборной и хорошо поставленной ругани Вича от него никогда не слышала. Она знала, что ее Дича всю жизнь прожил в коммуналке и был закаленным бойцом кухонного фронта. Но то, что он, оказывается, умеет столь искусно убеждать, удивило даже ее. То ли его крики разогнали весь дым, то ли нелестные слова в адрес приживалки были слишком крепки для сверхчувствительной пожарной сигнализации, но ее высокочастотный писк вдруг смолк.

— Не понимаешь слов, будем учить тебя рублем! — прозвучало довольно громко в неожиданно возникшей тишине. — Ваша комната в три раза больше нашей. Так вот, если ты не уймешься, мы уменьшим нашу долю в квартплате в эти самые три раза!

Ничто так не убеждает крохоборов, как возможная потеря денег. В квартире наступило временное затишье, совпавшее с неожиданно проснувшейся любовью приживалки к многочисленной родне Зосима. Началось ее паломничество по всем новым родственникам, близким и не очень. Вскоре даже глухие соседи, не понимавшие по-русски, знали, какая нынче пошла неблагодарная и наглая молодежь. Монолог приживалки всегда начинался с одной и той же фразы:

— Они хотят оттяпать нашу комнату, а нас, заслуженных тружеников, запихать в свою живопырку!

К концу недели молодых наглецов не осуждал только ленивый. Закончилось это тем, что ничего не подозревающего Дичу вызвал на ковер опекун.

— Выказывая неуважение к новому члену нашей семьи, ты выказываешь неуважение ко всем нам и ко мне лично! — начал тот без обиняков. — И я этого терпеть не намерен!

— Мы ехали сюда лечить Вичу, а не пухнуть с голоду и плясать под дудку сумасбродной членши вашей семьи, — устало ответил Дича.

Пересказанный разговор привел Вичу в бешенство. Она глядела в упор на торжествующую приживалку, но энергетические запасы виккианской воительницы были пусты, и интриганка безнаказанно порхала по квартире. Если, конечно, коровы могут порхать.

«Когда же мои силы вернутся ко мне? — вопрошала Вича ночное светило. — Не пора ли мне домой?»

Мысли о возвращении все чаще посещали ее, и она исподволь начинала готовить к этому Дичу. Тот был совсем не против. И они втайне от всех начали укладывать вещи, оставляя только то, что было необходимо для повседневной жизни. Им снова пришлось сесть на сосиски с макаронами, а сэкономленные деньги откладывать на обратный билет.

Глава 6

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шестой час

Муж пациентки стоял в коридоре реанимации возле тринадцатого бокса и ждал, пока его жену переложат с каталки на многофункциональную кровать.

«Кто бы сомневался», — грустно улыбнулся мужчина, глядя на номер бокса, в котором шла кропотливая работа.

Подключение к аппарату жизнеобеспечения и различным мониторам занимало немало времени. Дича все еще стоял в коридоре, когда к нему подошел дежурный пульмонолог. Они были хорошо знакомы по совместной научной работе. Тот был специалистом по искусственной вентиляции легких, и Дича был уверен, что его жене будет оказана помощь на самом высоком уровне. Пока вокруг Вичи суетился медперсонал, Дича поведал коллеге их невеселую историю предыдущей ночи.

— Держись, Дэнис! Мы сделаем все возможное, чтобы спасти Виронику, — заверил его врач, подводя к кровати жены, — и начнем с нашей последней разработки по охлаждению тела.

Он вкратце описал новейшие исследования невропатологов, проведенные с пациентами, которые находились в похожей ситуации.

— Было показано, что охлаждение организма в первые сутки защищает мозг, подвергшийся длительному кислородному голоданию, — вселил он маленькую надежду.

— Это как раз то, к чему ты стремилась, малыш, — тихо произнес Дича, склоняясь над женой. — Лучший госпиталь с передовыми технологиями. Уж если они не помогут, то никто не поможет.

— Я не хочу тебя пугать раньше времени, но ты должен знать, — продолжал врач. — Многолетняя практика показывает, что если через трое суток рефлексy не возвращаются, и пациенты не начинают дышать самостоятельно, мы уже ничем не сможем помочь. Ты сам врач и понимаешь, что положение очень серьезное. Держись!

На душе у Дичи было пусто и одиноко: «Что я буду делать в этой чужой стране, если Вичи не станет? Без нее моя жизнь потеряет всякий смысл! Мы и приехали-то сюда только, чтобы она жила, как можно дольше и, по возможности, лучше. И вроде жили уже неплохо. Зачем это все мне теперь одному?»

Из транса Дичу вывела трель мобильного телефона в заднем кармане брюк.

— Да?

— Привет, Денис! Куда вы запропастились? — зазвучал на другом конце бодрый голос Паши.

— Мы в реанимации больницы Хопкинса.

— Что случилось? Опять ребенок с трубкой в горле мучается? — спросил он, вспоминая прошлогодние мытарства друзей.

Тогда главной жалобой Вичи была боль в горле, от ненавистной дыхательной трубки. Конечно, сказать она об этом не могла, и все из-за той же трубки, которая мешала работать голосовым связкам. Но каждый раз, когда спрашивали, что ее беспокоит, она постоянно показывала на горло.

— Боюсь, что сейчас это не самая главная проблема, — чуть не плача ответил Дича. — Наша Вича в коме и вряд ли что-нибудь чувствует.

После длинной паузы прозвучал упавший голос Паши:

— Ну, ты давай не раскисай. Держись там. Я сейчас приеду.

Боясь окунуться обратно в свои черные мысли, Дича ухватился за телефон как за соломинку и позвонил друзьям в Чикаго. Вся научная группа, в которой он когда-то работал, вот уже три года, как перебралась в этот северный мегаполис. Руководитель группы был приглашен туда на высокую должность. Бывшие коллеги Дичи тоже обиженными не остались, получив внеочередные научные звания. Его долго уговаривали ехать с ними, но он тогда думал не о перспективах роста, а о Вичином здоровье. В холодном Чикаго она наверняка бы чаще простужалась, а любая инфекция для нее могла стать последней. Да и доверяла она только хопкинским докторам. А вера больного в своего врача — уже половина успеха лечения. В общем, они остались в Балтиморе, но Дича поддерживал с бывшими коллегами теплые отношения, а особенно с китайцами, без которых сейчас обходится редкая лаборатория. Поскольку научная деятельность в Штатах хоть и почетна, но малооплачиваема, американцы отдали ее на откуп представителям бывшего коммунистического лагеря, где квалифицированный труд и за труд-то не считался.

— Не верите? — убеждал Дича своих коллег во время обеденных разговоров. — Да я фельдшером на «скорой» зарабатывал в три раза меньше своего шофера!

— Забавный анекдот! — смеялись в ответ американцы.

— У нас происходит то же самое! — вступались за него китайцы.

Многие лаборатории уже тогда изобиловали представителями интеллигенции из этой перенаселенной страны. Не стала исключением и бывшая научная группа Дичи. Большинство ее сотрудников прошли схожий путь к самоутверждению в новой стране и хорошо понимали друг друга. Ближе всех Дича сдружился с жизнерадостной китайкой из секции генетиков. Именно ей он и хотел поведать о своей беде. Долгим разговор не получился — бокс наводнил

ся медперсоналом, и ему пришлось быстро распрощаться.

Вслед за бригадой медтехников вкатили аппарат для охлаждения тела. Это был незамысловатый агрегат, гоняющий воду внутри прорезиненных простыни и одеяла, между которыми и уложили хрупкую пациентку. Поставив температуру циркулирующей воды на тридцать два градуса, медсестра оставила их вдвоем.

— Я знаю, как ты не любишь холод, но надо потерпеть, чтобы поправиться, — шептал Дича, глядя волосы жены.

Некоторые пряди были окрашены кровью. Со стороны казалось, будто дьявольский парикмахер искусно сделал ей мелирование. Создавалось впечатление, что сквозь разметавшиеся по подушке волосы прорывались всполохи пламени. Пылала и сама Вича. Несмотря на постоянное охлаждение, температура тела упрямо держалась на тридцати восьми и понижаться не хотела. Через какое-то время пациентку начал бить сильный озноб, и муж вызвал медсестру.

— Так мы не сможем снизить температуру, — посмотрев на трясущуюся пациентку, заключила она. — Надо делать мышечные релаксанты, — и тут же пояснила: — Озноб — это не что иное, как защита организма от переохлаждения. Дрожащие мышцы вырабатывают тепло в больших количествах и не дают человеку замерзнуть.

Дича терпеливо выслушивал то, что сам прекрасно знал и гладил трясущееся плечико жены:

— Конечно, твой организм борется с холодом, он же не знает, что холод ему сейчас необходим!

После инъекции релаксантов мышцы расслабились, и дрожь постепенно улеглась. А вслед за этим и жар пошел на убыль.

* * *

Что такое холод, Вича по-настоящему узнала, когда они с мужем сбежали от отца с приживалкой. Жить со «старшими» было больше не вмоготу, и они стали незаметно собирать свой небольшой скарб для возвращения на Родину. Но пугающие вести оттуда спутали им все карты. Борьба двух ветвей российской власти достигла своего апогея. Буквально в паре шагов от Кремля, у здания парламента, разворачивались непростые события.

В город ввели войска. Нервы противоборствующих сторон были на пределе, и как раз в этот момент лавина черной энергии из-за океана обрушилась на горячие головы. Хотя реакция виккианских сестер была быстрой, один танк все-таки успел выстрелить. Вмешался ли в расчеты черных сестер пугающий своей необъяснимостью инцидент под Балтимором, где значительная часть черной энергии была разрушена неведомой силой, но предназначенный

для Европы губительный поток задержался, и атака черных сестер пришлось на выходные. И как результат – пущенный танком снаряд разорвался в пустом офисе, оставив лишь черную кляксу на фасаде из белого мрамора. Вскоре весь мир облетела новость о так называемом расстреле Белого дома. В то осеннее утро, вся Америка проснулась в шоке. Отовсюду несло истерическое:

— Русские танки обстреляли Белый дом!

Страна шутки не поняла, и настроение капиталистам перед рабочей неделей было испорчено. Не успели они возрадоваться, что правлению демократов пришел конец, как выяснилось, что обстрелян вовсе не их Белый дом, а дом парламента в центре Москвы, тоже прозванный в народе Белым. Так что, молодой американский президент мог беспрепятственно продолжать заигрывать с сексапильными практиканточками, а молодая пара иммигрантов продолжать приспосабливаться к жизни в его стране. Черные сестры, сами того не ведая, дали еще один шанс виккианской воительнице познать секрет их силы. Для Дичи и Вичи эти события оказались знаковыми. Вещи были собраны, решение уезжать принято. Осталось только поменять пункт назначения. Так они очутились на окраине города, во флигеле старинного дома, который по удивительному стечению обстоятельств тоже был белым, как, впрочем, и большинство домов в округе.

Двухэтажный флигель им сдала старушка божий одуванчик, причем за те же деньги, что они отдавали за свою бывшую «конуру». Как ни странно, но теперь в их распоряжении было целых два этажа с тремя небольшими комнатами и огромной кухней. Радости отдельной жизни даже не испортила проблема с отоплением. Паровое отопление здесь не практиковалось, и все дома обогревались газом или электричеством. Чтобы натопить новое жилище, уходило слишком много энергии, и первый счет из электрической компании поверг их в шок. С тех пор они ограничили себя в тепле, и самым уютным местом в доме стала спальня, в которую был куплен масляный радиатор. Пока они обживали свое новое гнездышко, политические страсти на Родине понемногу улеглись, и Вича стала готовить почву для поездки домой.

— Нам просто необходимо навестить родных, чтобы они убедились, что путь назад всегда открыт и что мы здесь не бедствуем!

— Может, подождем пару месяцев до Нового года? Тогда и отпуск будет подлиннее, — предложил Дича, не подозревая, что обессилевшая виккианская воительница остро нуждалась в помощи родной природы.

Для нее это был поход за силой земли русской, совсем как в ее любимых сказках.

— Нет, милый. Тогда будет уже совсем холодно, да и билеты

на самолет в праздничные дни намного дороже!

Последний аргумент перевесил все остальные, и решено было лететь в ноябре. Но у черных сестер на этот счет были другие планы. Опасаясь подпитки виккианской воительницы, они решили нанести упреждающий удар. До отлета оставалось меньше недели...

Был теплый вечер индейского лета (здесь так бабье лето называли). Вича с Дичей только что вернулись из похода по магазинам с очередной партией подарков для питерских родственников и друзей.

— Когда ты будешь паковать чемоданы?! — кричала Вича из кухни на прилегшего отдохнуть мужа. — Что, я должна этим заниматься?

Дича решил, как всегда, дать жене выпустить пар и подождать, пока ее порыв бурной деятельности уляжется. Но вдруг крики оборвались, и в доме повисла гробовая тишина.

— Что случилось? — не подозревая беды, спросил он. — Почему фонтан иссяк так быстро?

Ответа не последовало. Почувствовав неладное, Дича вскочил и побежал на кухню. Вича сидела на стуле, переломившись пополам, и боялась шелохнуться. Она с трудом балансировала на грани сознания. В глазах было темно от боли. Как будто чья-то невидимая рука вонзила ей в бок острый нож и шевелила им во все стороны. Когда терпеть не стало мочи, сознание сжалилось и покинуло ее. Обмякнув, тело уперлось в острые коленки и только благодаря этому не соскользнуло со стула на пол...

Она больше не чувствовала боли, лишь что-то твердое неприятно давило на грудь. Это был каменный подоконник, через который она перевесилась и наблюдала за своим любимым. На заднем дворе замка он разбирал повозку с лекарственными травами. Весь день Дерек объезжал окрестные деревни, забирая собранные для лекаря травы, расплачиваясь с крестьянами микстурами и настоями, приготовленными его отцом. Таская легкие, но громоздкие тюки, он то и дело поглядывал на Венди, выглядывающую из верхнего окна и дарящую ему воздушные поцелуи. Ни усталость, ни хмурое небо не могли испортить ему настроения. Его любила самая лучшая девушка на свете, и счастью Дерек не было предела. Ему не терпелось обнять свою ненаглядную, но нужно было успеть разгрузить все травы до дождя.

Увлеченный работой, он не заметил, как стоявшая на пригорке повозка с бочками ключевой воды сдвинулась с места. Набирая ход, она покатила в сторону Дерекы. Кто-то прошмыгнул через двор, бросив вороватый взгляд в сторону ничего не подозревающего сына лекаря, и скрылся в каретном дворе.

— Дерек! Берегись! — что было сил закричала Венди.

Тот обернулся и увидел несущуюся на него телегу. Отбежать он уже не успевал. Подпрыгнув, юноша завалился в отцовскую повозку и едва успел поджать ноги, как раздался страшный треск. Лежа на дне изуродованной повозки, Дерек увидел Венди, безжизненно свесившуюся из окна. Ее тонкие руки раскачивал ветер. Не обращая внимания на ссадины и ушибы, он ринулся вверх по лестнице. Из глубины каретного двора пара белесых глаз с ненавистью следила за тем, как соперник поднял бесчувственную Венди на руки и исчез из окна.

Увидев запыхавшегося сына, несущего обмякшую девушку, эс-кулап тут же бросил свои опыты с микстурами и склонился над помощницей кухарки.

— Что с ней, отец?!

— У нее все признаки сквозного ранения в грудь, но я не нахожу раны!

До девушки доносились обрывки приглушенного разговора. Мужские голоса становились все сильнее, и вместе с ними сильнее становилась боль...

~ ~ ~

Вместе с болью вернулось сознание. Вича услышала испуганный голос Дичи:

— Что с тобой?!

— Очень больно!

— Где?

— Слева. Не может же это быть инфарктом?!

Нет, это был не инфаркт. В тот вечер у нее впервые порвалось легкое. До этого дня они не подозревали, что при Вичиной болезни бывает еще и такая напасть. Рентген подтвердил неутешительный диагноз пневмоторакса, и они оказались в больнице. Так что в Питер они попали лишь к зимним праздникам.

Город детства встретил их новогодней иллюминацией. Дух наступающего Нового года витал в морозном воздухе. Сердца Дичи и Вичи замирали в предвкушении долгожданного свидания с родными и близкими. И ожидание не обмануло. Их дом ни минуты не пустовал. Приходили друзья и родственники, одноклассники и сослуживцы. Ощущение постоянного праздника превратило отпуск в настоящую сказку. Но, как водится, не обошлось и без ложки дегтя в такой, казалось, полной бочке меда. С радужным настроением они ехали к маме Дичи, которая готовила им царский прием. Она жила все в той же коммуналке, но соседей в этот день не ожидалось, и можно было спокойно отметить их долгожданный приезд.

— Похоже, моя мама чем-то встревожена, — шептал Дича, помогая жене носить тарелки и салатницы со всякой снедью на праздничный стол.

— Не переживай, — гладила его по щеке Вича. — Когда гости разойдутся, вы сможете поговорить без помех.

Мамины подруги, знавшие Дичу с пеленок, не давали им есть и все расспрашивали о заморской жизни. «Американцы» рисовали все в розовых красках, то и дело заставляя всех восхищенно охать да ахать. Но годы берут свое, пожилые женщины вскоре устали от огромного потока информации. Тогда-то Дича с Вичей наконец смогли насладиться кулинарными творениями хозяйки.

Памятуя о перебоях с общественным транспортом и гололедице, гости засветло засобирались домой. Когда дверь за ними закрылась, Вича пошла на кухню мыть посуду, оставив Дичу наедине с мамой. Та долго расспрашивала сына о житье-бытье в Америке и в конце поинтересовалась, не надумал ли он возвращаться. В очередной раз услышав отрицательный ответ, она с сожалением вздохнула и поделилась своими планами:

— Раз ты хочешь там остаться, я решила разменять наши две комнаты на однокомнатную квартиру.

— Ну и правильно. Давно пора!

— Вот только моя подруга передумала и теперь всячески мешает мне с обменом.

Он знал, что сосед-алкоголик, живший в самой большой комнате их трехкомнатной квартиры, продал свою площадь дочери давней маминой подруги.

— Став соседями, мы вместе стали искать желающих съехаться из однокомнатной и двухкомнатной квартир, — продолжала мать. — Но вариантов было мало, и моя подруга начала продвигать идею размена на однокомнатную и комнату в «двушке». Конечно, подразумевалось, что отдельная квартира достанется ее дочери!

— Еще не хватало! — возмутился Дича.

— И я о том же! Я ей так и сказала! Я шило на мыло менять не буду! И стала меняться отдельно. И даже нашла подходящий вариант, но тут вмешался ее сын.

— Это который служит в той самой организации? Да-а-а с ним справиться будет не просто!

— Так он и не церемонится!

Молодой офицер действительно не стал ходить вокруг да около и сразу же припугнул соседку сестры самым дорогим.

— Смотри, соглашайся! — вкрадчиво говорил он. — А то мы твоему сыну в Штатах хвост-то прищемим.

— Руки коротки! — не спасовала перед ним женщина, но на

душе стало беспокойно.

Дича тут же вспомнил, как в последнее время в телефонных разговорах с матерью он все чаще слышал тревогу в ее голосе. Теперь он нашел объяснение ее участившимся вопросам: «У вас там все в порядке?», на которые с удивлением отвечал: «А что у нас может случиться?»

Мать отмалчивалась или уводила разговор в сторону.

Офицер понял, что запугать эту битую жизнью женщину не удастся, и зашел с другой стороны. Выяснив, с кем готовится обмен, он навестил владельцев однокомнатной квартиры. Ими оказались двое только что разведенных мужчин. Оставив одну из квартир женам, они пытались разменять другую на две комнаты. Эти клиенты оказались намного сговорчивее и решили не связываться с представителем тайной власти. Обмен оказался на грани срыва.

— Я что-нибудь придумаю, — заверил мать Дича.

Они втроем попили чаю, и сын с женой ушли спать в свою комнату, где они когда-то провели немало счастливых дней. Диче стоило большого труда уговорить жену остаться до утра. Вича стеснялась своего кашля, особенно при посторонних. Но узнав, что соседей не будет, она не смогла отказать любимому переночевать в родном доме. И вот они лежали, обнявшись на такой знакомой тахте, и Дича рассказывал ей о маминых передрыгах.

— Давай напишем этому офицеру письмо, — предложила она.

На том и порешили. К утру текст был составлен. Взяв конверт, Вича отправила мужа на кухню помогать матери с завтраком, а сама принялась запечатывать их послание. Она еще точно не знала, восстановились ли ее силы за короткое пребывание на Родине, но попробовать стоило. Зная, как всю жизнь ее Дича мыкался со своей мамой по коммуналкам, она должна была помочь разрешить возникшую ситуацию. Через пять минут все было готово. На кухонном столе соседки белым пятном светилось письмо, адресованное ее брату. Оно содержало вежливую просьбу не мешать с обменом и дать заслуженной работнице хоть на старости лет пожить в отдельной квартире.

Прочитав письмо, молодой офицер лишь криво усмехнулся и отработанным движением скормил его уничтожителю документов. Пока наивное послание упертой соседки превращалось в бумажную вермишель, невидимый шлейф черной энергии полностью высвободился из позабытого на столе конверта. Не прошло и пяти минут, как отталкивающая аура вокруг адресата была сформирована. С того самого дня многие в организации стали исподволь замечать, что их постоянная подозрительность почему-то обостряется в присутствии этого офицера. Не осталось это незамеченным и для руководства.

Начальство давно подыскивало козла отпущения в назревающем скандале с одним из агентов в соседней Эстонии. Поначалу впавший в немилость сотрудник не обращал внимания на настороженность своих сослуживцев, но вскоре она начала его раздражать, а потом и пугать. Любые промашки агентства теперь ассоциировались с работой его отдела. На еженедельных планерках он все чаще ловил на себе пристальные взгляды начальства, от которых внутри все сжималось. Однако совсем неожиданно страхи оказались позади. Молодой офицер получил задание курировать деятельность высокопоставленного чиновника в Таллине.

— Наконец-то меня заметили! — радостно хвалился он на очередном семейном торжестве. — Мне доверили серьезное дело. Так что, глядишь, и до внеочередного звания недалеко!

— Ты бы лучше сестре помог, — не разделила его восторгов мать. — А то смотри, вселятся к ней два педика и об обмене можно будет забыть!

— Не переживай! Сейчас вникну в новое дело, а потом попресую этих голубков по полной программе.

Но глубоко вникнуть в новое задание не удалось. События развивались настолько стремительно, что приходилось на ходу менять планы и расстановку сил. Все оперативные действия теперь диктовались не зависящими от куратора обстоятельствами. Его группа с трудом удерживала ситуацию под контролем, что отнимало немало сил и времени. Измотанный офицер дневал и ночевал на работе. Неделями пропадал в Таллине и не виделся с семьей. По телефону проблемы с обменом не обсуждались, да и не до них ему было в то горячее время.

Наступившее лето не принесло ожидаемого спада активности. А к осени ситуация стала критической. Выжатый как лимон, наш офицерик уже не выглядел бравым воякой. Он беспомощно наблюдал, как разворачивается крупный шпионский скандал вокруг его подопечного. Группу срочно отозвали из Таллина, а ее руководителя поселили в режимном санатории. В этом лагере с усиленным питанием он находился все время, пока шло служебное расследование. После долгих проверок и бесчисленных допросов его вины в провале агента не нашли, и все обвинения были сняты. Восстановленный в правах, он готов был вновь заиграть мускулами, но одно маленькое обстоятельство разрушило все его планы. Президент России решил сделать новогодний подарок своему народу и подписал указ о роспуске этой всемогущей организации. Подарок маме Дичи был поскромнее, но не менее ценным. Впервые в жизни она стала обладательницей пусть и крохотной, пусть на окраине города, но зато своей собственной однокомнатной квартиры.

Седьмой час

Убедившись, что охлаждающий пациентку аппарат работает в заданном режиме, медсестра покинула бокс. Дича стоял возле Вичи и гладил ее остывающее плечико. В это время завибрировал его мобильник. Звонили из Чикаго со словами поддержки. Ему передали, что Сю, с которой он недавно разговаривал, сейчас на совещании и что она обязательно перезвонит, как только освободится.

Убирая телефон, он не заметил, как рядом, словно из-под земли вырос невысокий негр в темно-синем костюме с длинным лиловым шарфом на шее.

«Это что еще за клоун?» — вздрогнул Дича от неожиданности.

— Разрешите отрекомендоваться, — как будто услышав его мысли, произнес тот вкрадчивым голосом. — Я семейный адвокат и представляю интересы больных, находящихся в реанимации. Я также являюсь капланом при больничной церкви.

— Во-первых, мы не католики, а во-вторых, здесь некого отпевать! — испугался он и встал перед пастором, закрывая собой жену.

Нашупав, он сжал ее холодную руку: «Не бойся, родная! Я тебя никому не отдам!».

— Вы меня не так поняли, — не реагируя на резкий ответ, монотонно продолжал негр, — у нас универсальный молебельный дом. Мы проводим службы в соответствии с вероисповеданиями всех наших пациентов.

Но Дича уже его не слушал. Неестественно холодная на ощупь рука жены отвлекла его и заставила поежиться. Вича как будто почувствовала и вздрогнула в ответ всем телом.

* * *

«Я, наверное, никогда не смогу привыкнуть к холоду», — думала Вича, одеваясь на улицу.

Пришло время выгуливать собаку, и надо было выходить в эту колючую, обжигающую лицо вьюгу. Конечно, Дича мог бы справиться и сам, но Вича твердо обещала, что когда у них появится собака, то она возьмет все прогулки на себя. А ее слово верное! Уж если она что-нибудь пообещала, то костями ляжет, а сделает. А учитывая, через что им пришлось пройти, чтобы завести четвероногого друга, она была не вправе сидеть дома, пока Дича в одиночку борется с ледяным ветром.

«Слишком дорого досталось нам это счастье», — помнила она.

Вича давно мечтала о песике. Одинокие серые дни сводили ее с ума. И только когда Дича приходил с работы, вместе с ним возвращались покой и уют. По утрам ей не хотелось просыпаться, зная, какая тоска ее ждет впереди.

«Собака! Вот что нам нужно!» — решила она.

Вича хотела померанцевого шпица. Она даже толком не знала, как он выглядит, но было что-то щемящее и давно забытое в этом певучем английском названии породы по-ми-ра-ни-ян.

Однако Дича соглашался только на большого пса.

— Собака не должна убегать, поджав хвост, когда ее кто-то захочет пнуть, — любил говаривать он. — Собака лишь тогда зовется собакой, когда ни у кого и мысли не возникает, что на нее можно занести ногу!

Вича вняла его доводам. Пересмотрев все крупные породы собак, разводимых в Америке, они остановились на большом пиренейце. Это была здоровая пушистая псина, похожая на белого медведя. Она напоминала кавказскую овчарку, но только уши и хвост не были обрезаны.

Поиски начали с газетных объявлений. Каждую пятницу вечером во время еженедельной закупки продуктов они возбужденно перелистывали всю прессу на стойках возле касс супермаркета. Кассирши уже привыкли к странной паре, которая с завидным постоянством перелопачивала ворох газет, но так пока ни одной и не купила.

Шло время. В тех редких объявлениях, где предлагали пиренейцев, к ценам было не подступиться. После длительных и безуспешных поисков они начали подумывать о другой породе. Толчком послужила фотография, которую муж принес с работы. По просьбе своих детей, Сю купила сенбернара и всем хвасталась своим новым питомцем. Увидев этого неуклюжего симпатягу, Дича попросил у новоиспеченной собачницы пару снимков, чтобы показать жене.

— Ой, какая лапочка! — воскликнула Вича, глядя на смешного щенка. — Давай купим такого же!

Поиски возобновились с новой силой и пошли намного веселее. Сенбернаров продавалось гораздо больше, и просили за них в районе трехсот долларов, что было молодой семье по силам.

В первую же пятницу, не успев разгрузить продукты, они позвонили фермерам из Пенсильвании, сын которых разводил этих добродушных великанов. Вича еле дождалась утра. Вооружившись картой, они отправились на поиски затерянной в кукурузных полях фермы и неожиданно потерялись сами. Названий на проселочных дорогах не было, и все развилки выглядели одинаково. Каждый поворот в никуда вызывал у Вичи бурю эмоций.

— Мы так до ночи не доедем! — нервничала она. — Пока мы тут плутаем, всех щенков разберут!

Дича пытался держаться спокойно и с утроенным вниманием сверял их продвижение с картой. Оговоренное время встречи с

фермерами уже прошло, а они все еще кружили по проселочным дорогам среди кукурузных полей.

— Ну почему нам так не везет? — чуть не плакала Вича.

— Если мы заблудились, будь уверена, что другие покупатели тоже потеряются! — успокаивал ее Дича.

Однако в этот день все было против них, даже погода стала портиться. Им бы послушаться знаков природы да вернуться домой — сколько горя можно было бы избежать! Но Дича упрямо колесил по лабиринту проселочных дорог, уже надеясь только на удачу, Вича притихла. Она поняла, что они окончательно потерялись и теперь не то что ферму, а даже дорогу домой будет не отыскать. В довершении ко всему вдали сверкнула огромная молния. Поднявшийся ветер донес угрожающие раскаты грома. Стало темно как ночью, первые капли дождя ударили в лобовое стекло. Вспышки молний выхватывали из темноты бегущие волны бескрайних кукурузных полей. По обеим сторонам дороги Вича видела колышущиеся стены растрепанных стеблей... Нет, не кукурузы, — камышей... И была она уже не в машине, а на плоту из скользких бревен, который в кромешной темноте нес ее по бешеной реке...

А ведь буквально несколько минут назад она мирно сидела на плавающих мостках и любовалась розовым закатом. Ее сердечный дружок, несмотря на все уговоры, полез в холодную реку и теперь плавал в отдалении, фыркая на всю излучину. Здесь обычно купалась челядь герцога, но ранней весной сюда ходили только прачки. Вечерами на мостках было пусто, и Венди с Дерекком без помех наслаждались дыханием засыпающей реки.

Солнце еще не успело спрятаться за дальний лес, как вдруг потемнело, и шквальный ветер вспучил воду. Венди вскочила и начала отчаянно звать Дерекка. К ее радости, он необычайно быстро приближался. Мостки под ее ногами ходили ходуном, и бревна неожиданно стали расползаться. Она оглянулась и не увидела берега. Вспышка молнии осветила прибрежные сосны, которые стремительно удалялись. У дерева, к которому были привязаны мостки, кто-то стоял. В руках у стоявшего блеснул топор, и дикий смех слился с раскатами первого в этом году грома.

Потерявшие привязь мостки несло в камыши. Дерек едва спевал за ними. Венди вцепилась в разваливающийся плот и продолжала звать своего любимого. В кромешной темноте среди камышей ее слабый голос был единственным ориентиром.

Когда Дерек отыскал свою малышку, она была уже в воде и едва держалась за последнее бревно. Он подхватил ее под мышки и начал судорожно оглядываться. Вокруг стеной стояли камыши.

Дна под ногами не было.

— Куда плыть? — вырвался отчаянный крик.

— Туда, — тихо прошептала Венди, с трудом поднимая руку из воды.

Дерек не знал, откуда была такая уверенность, но не мешкая поплыл в указанном направлении. Поначалу Венди пыталась помочь ему, но вскоре затихла. Тело Дерекы занемело в холодной воде, а дна все не было. Силы покинули его. Он перестал грести и в последний раз прижал к себе любимую. Вода уже скрыла их с головой, когда он вдруг почувствовал вязкий ил под ногами. Близость спасительной суши придала сил, и вскоре они были на твердой земле.

Дерек нес Венди вдоль берега, а та что-то шептала и покрывала лицо своего героя слабыми поцелуями. Когда дорогу преградило упавшее дерево, очередная вспышка молнии заставила их зажмуриться, и они не заметили посиневшую руку с топором, торчащую из-под огромного ствола с обрубком каната от мостков...

С восходом весь замок был на ногах. Страшную весть принесли прачки, нашедшие по дороге на реку тело внука герцога.

— Какое несчастье! — причитали они. — Сначала отец, а теперь и сын!

Тело было придавлено вырванной с корнем сосной. Необъяснимое выражение злорадства застыло на лице мертвеца, а его белеющие глаза продолжали остекленело источать ненависть.

Так сбылось еще одно предсказание Сидонии. Слухи о ее возвращении не заставили себя долго ждать. Они росли как снежный ком, наполняясь новыми, пугающими воображение подробностями. Не прошло и недели, как по всей Померании разлетелась весть о проклятии рода герцога. Соседи стали объезжать их замок стороной. Вести о череде смертей и бесплодии обитателей замка расстроили готовящиеся свадьбы, и внуки открыто обвинили деда во всех своих несчастьях. Доведенный до беиенства, глава проклятого семейства объявил открытую охоту на свою обидчицу и назначил немалую цену за ее поимку.

Всего этого Венди не знала. После купания в ледяной воде она слегла, и Дерек оберегал ее от страшных новостей. Она теперь спала не у себя в темной кухне, а в просторных палатах лекаря, предназначенных для больных. Дерек неотступно дежурил подле нее и порой забирался к ней под одеяло, чтобы согреть любимую своим телом. Вот и этим утром Венди проснулась в объятиях своего ненаглядного. Уже в который раз ее разбудил свет огромных окон лекарьских палат. Ночуя в кухонной кладовой, она не привыкла к утреннему свету и сейчас долго смотрела в сторону окна сквозь розовую занавесь закрытых век...

Когда Вича открыла глаза, всюду светило солнце. Вдали блестяла красным огнем мокрая от дождя крыша, плывущая в море курузных усов.

— Дича! Как ты нашел ферму?!

— Ты что, шутишь, что ли? Ты же сама показала в эту сторону, когда я попросил угадать направление!

Подъехав к огромному дому из белого камня, они с облегчением заметили, что их машина здесь единственная. Покупателей встретила мать подростка-собаководы и прямо с порога начала нахваливать своего сына.

— Он у нас никогда не просит денег на карманные расходы! — вздохнула рассказывала она, сопровождая молодую пару к вольеру. — Все свои деньги он зарабатывает сам разведением собак.

— Что она хочет? — тихо спросила Вича, которая в английском была не сильна.

Дича вкратце пересказал ей монолог болтуны.

— И зачем она нам все это рассказывает?

— Наверное, для того, чтобы нам было совестно торговаться.

Если эта догадка и была верна, то трюк сработал, и они заплатили запрашиваемую сумму, не торгуясь. Много позже, когда они сами заделались собаководы, они с успехом использовали эту тактику, подсмотренную у пенсильванских фермеров.

Прощаясь с теперь уже бывшими хозяевами щенка, они не знали, что очень скоро им придется встретиться вновь, и что встреча эта уже не будет столь приятна. Ну а пока счастливая Вича несла на руках шестинедельную «девочку», не замечая ее солидного веса. По дороге домой они с возбуждением перебирали все собачьи клички, какие только знали.

— Какое имя ты выберешь, такое и будет, — сдался Дича. — Только помни, что собаководы советуют иметь букву «р» в кличке.

— Давай назовем ее Чара, — предложила Вича, — в память о нашем щенке.

— Вообще-то щенок был не наш, а Яны. А потом, хорошо ли давать кличку умершего щенка?

— И правда! Вдруг это плохая примета? — согласилась Вича. — Давай лучше назовем ее Кора.

Домой щенок уже приехал с именем, не позабыв на радостях обмочить новую хозяйку, которая всю дорогу не спускала его с рук. Следующие два дня пронеслись в приятных хлопотах по устройству новой жилички. Щенок веселился вместе с хозяевами. Он носился по дому сломя голову, неуклюже падая на поворотах, чем приводил Вичу в неопиcуемый восторг. Но на третий день их «девочка» загрустила, начала тихонько поскуливать и прятаться по углам.

— Это она скучает по матери, братишкам и сестренкам, — звучал в телефоне успокаивающий голос мужа, которому Вича позвонила на работу, не выдержав переполнявших ее страхов.

— Да, но теперь она скулит не переставая и все время высывает язык, как будто ей что-то мешает в горле! — не успокаивалась она.

— Хорошо, как вернусь с работы, отвезем ее к ветеринару, так что прекращай нервничать!

Ветеринар ничего определенного не сказал и предложил оставить щенка в лечебнице для наблюдения. Домой они ехали, не проронив ни слова. Войдя в опустевший дом, Вича дала волю слезам. Казалось бы, прошло всего три дня, как у них появилась Кора, но без ее постоянного цоканья когтями по паркету дом успел стать пустым и неудобным. Всю ночь они проворочались без сна, и Дича ушел на работу не выспавшимся. В течение дня Вича названивала мужу и справлялась, нет ли известий от ветеринара. Он успокаивал ее как мог и обещал, что перед уходом сам позвонит в лечебницу, если до того времени ничего не прояснится.

Прояснилось все после обеда.

— Ваш щенок всю ночь так скулил, что пришлось ему вколоть снотворное, — невесело сообщил ветеринар. — А сейчас, похоже, начали развиваться судороги. Я советую вам поставить в известность собаководов и вместе с ним подойти ко мне.

— Все без изменений, — соврал Дича жене перед уходом с работы, не мог он сообщить такую тяжелую весть по телефону.

Вечером, увидев серое лицо мужа, Вича все поняла без слов.

— Когда? — еле слышно произнесла она.

— Щенок еще жив, но прогноз неутешительный. Я скоро поеду в лечебницу, где должен встретиться с доктором и фермерским сыном.

— Я поеду с тобой! — решительно заявила Вича.

Но вся ее решимость улетучилась перед входом в клинику.

— Я подожду тебя снаружи, — полуспрашивая, полу-моля, выдавила она.

Муж молча кивнул и с тяжелым сердцем вошел внутрь. Помощница ветеринара провела его в смотровую, где уже были сын фермера с каким-то мужчиной. Кора лежала на столе и билась в судорогах.

— Они наверняка ее чем-то стукнули по голове! — закричал подросток, как только появился ветеринар. — Мои собаки никогда ничем не болели!

— Вины ребят здесь нет, — встал на их защиту доктор. — Вы слишком рано продали щенка.

— Да, но закон нашего штата разрешает продавать щенков с

шести недель! — громко парировал мужчина.

«Наверное, это и есть тот самый фермер, который даже не удосужился показаться во время продажи щенка», — с безразличием предположил Дича.

— Я не это имел в виду, — осадил крикунов ветеринар. — Мы обнаружили генетический дефект одного из ферментов печени, который не проявляется, пока щенок сосет мать. Но как только он перешел на сухой корм, печень не смогла перестроиться и начала выделять токсины, которые повредили мозг.

— Лучше послушаем, что скажет наш ветеринар! — не унимался фермер.

— Именно это я и хотел вам посоветовать. Вам как собаководам нужно разобраться, откуда взялся этот дефект, чтобы избежать подобного в будущем...

Вича видела, как понуро Дича вышел из лечебницы и начал искать ее отсутствующим взглядом. Его ладонь жгли возвращенные деньги. Деньги за их бедную Кору, которую они успели полюбить всем сердцем.

«Что могут эти бумажки? — спрашивал он себя. — Конечно, имея их, ты волен завести себе какую угодно собаку, но при этом никакие деньги не купят ее любовь и здоровье!»

Кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел полные горя глаза жены. В них стоял немой вопрос. Ни слова не говоря, он показал ей ненавистные купюры. Ее губы задрожали, по лицу покатались крупные слезы. Они сидели, обнявшись, на поребрике и не скрывая чувств, давали выход своему горю. Вича гладила мужа по голове, и с каждым ее движением на душе у него становилось легче.

Домой они в тот день вернулись поздно. После бесцельного шатания по городу они молча гуляли по темному парку, не разнимая рук. Дича несколько раз пытался с ней заговорить, но Вича отвечала невпопад и снова уходила в себя.

«Неужели собаки болеют и гибнут из-за меня? — внутренне переживала она. — Может, постоянно живущая во мне инфекция им как-то передается?»

Она вспоминала ту холодную питерскую зиму, когда умирала Чара. Она помнила, как все в доме радовались появлению породистого щенка кавказской овчарки, как Яна строила планы и мечтала о выставках, медалях и ораве маленьких кутят. В то голодное время они старались отдать Чаре кусок получше несмотря на то, что сами не жировали. Но ни отменная диета, ни правильный режим не уберегли щенка от вируса чумки со странным спортивным названием «олимпийка». Еще тогда Вича почему-то почувствовала за собой вину и начала задумываться о возможной связи своей бо-

лезни со случившимся. А еще она боялась, что это сидящая в ней черная энергия дает о себе знать таким образом.

Теперь-то она понимала, что живущие в ней темные силы были ни при чем. У нее их сейчас просто нет, а с Корой все равно случилась беда. В этих тягостных думах она провела несколько дней, прежде чем решила поделиться своими опасениями с Дичей.

— Выброси это из головы и даже не думай! — возмутился он. — Если бы щенки заболели бактериальной инфекцией, то можно было бы о чем-то говорить. А то у одной был вирус, а у другой вообще генетический дефект. А как насчет Чарлика, который вырос рядом с тобой во взрослого пройдоху? Насколько я помню, он до сих пор метит все доступные ему места в Питере!

С тех пор они к этой теме не возвращались. Но когда Дича забирал из ателье фотокарточки, то спрятал те, на которых была Кора подальше от Вичиных глаз...

Как известно, время лечит, и к осени Вича вновь заговорила о собаке. И вот ее мечтам суждено было сбыться. Щенок по кличке Лада сидел перед дверью и с нетерпением ждал, когда ее хозяева, наконец-то, оденутся, и он сможет окунуться в веселую зимнюю круговерть за окном. Ладе надо было успеть напрыгаться по свежесвыпавшему снегу, пока тот не успел растаять!

Да, как вы, наверное, успели заметить, в ее кличке отсутствовала буква «р», но она от этого ничуть не страдала. На далекой ферме, где она родилась, у нее вообще не было имени, однако и тогда она была не менее счастлива. Ее счастье еще не было омрачено тем, что скоро ее новые хозяева поедут в неизвестную холодную страну, и ей придется жить в собачьей гостинице. И лишь когда началась погрузка чемоданов в машину, Лада почуяла неладное и забилась в дальний угол комнаты. Будь она маленьким песиком, ее, возможно, и не заметили бы. Но Лада была большой, и не просто большой, а огромной. Не зря же принадлежала к гордому роду больших пиренейцев.

Шестнадцатый час

День прошел в напрасных ожиданиях. Пациентка тринадцатого бокса просыпаться не хотела. Ее муж безотрывно сидел возле нее и смотрел на происходящее как на затянувшийся кошмарный сон. Подстать жене он ни на что не реагировал и лишь изредка вяло отвечал на озабоченные телефонные звонки от друзей и коллег. Медсестра несколько раз пыталась отправить его на обед:

— Вы не должны забывать о себе. Силы вам еще понадобятся.

Но мужчина был глух к советам. Приезжавший днем сосед его не узнал. В боксе сидел сутулый старик с каменным лицом.

— Давай-ка я тебя подменю, — предложил ему Паша. — Схо-

ди, действительно, перекуси.

Дича лишь молча покачал головой. Он так и просидел весь день, уткнувшись в пол, оставив бесплодные попытки растормошить свою Вичу...

В полночь его попросили из отделения. Посетителей провожал семейный адвокат.

— Что это за голубчик? — приехавший за другом Паша кивнул на удаляющегося каплана, который со спины сильно смахивал на женщину.

— Универсальный богослов...

Домой они ехали молча. Паша сидел за рулем и делал вид, что все его внимание приковано к дороге. Ему показалось, что морозный воздух немного расшевелил Дениса, но завести с ним разговор не решался. Он никогда не сталкивался с такой ситуацией и не знал, как себя вести и что говорить. Чтобы невзначай не ранить друга, Паша просто молчал.

Дича отрешенно смотрел в окно. Дороги были чистыми несмотря на то, что по календарю уже три дня как наступила зима. Снег в Балтиморе был редким гостем, а если и посещал город, то долго не залеживался. Поэтому муниципальным службам было невыгодно содержать снегоочистительную технику, и в случае снегопада на весь город с трудом набирался десятков-другой снегоуборщиков. Дича вспомнил, как Вича весело объясняла по телефону сестре, почему снегопад у них приравнивается к стихийному бедствию.

— А потому и приравнивается, что некому чистить улицы! Дороги, конечно, убирают, но начинают с основных магистралей и центра города. А до пригорода, где мы живем, добираются лишь на второй-третий день, так что много не наездишься. Но поскольку все школы и учреждения все равно закрывают, то никто никуда и не ездит. А те, кто работает в жизненно важных отраслях, покупают внедорожники. Именно поэтому мы совсем недавно поменяли нашу спортивную машину на джип. А то в снегопад она постоянно буксовала и садилась брюхом в снег. Улицы в такие дни пустые. Америкашки не умеют ездить в такую погоду и часто бьются! Страховые компании, конечно, возмещают ущерб, но потом поднимают месячную плату как плохому водителю. Так что спокойней и дешевле сидеть дома.

— Да что говорить! Спроси у мамы, — продолжала Вича. — Когда она нас навещала, как раз была такая заваруха. Пусть она тебе расскажет про пустые полки в магазинах! У нас, если прогнозируют сильный снегопад, то в супермаркетах с прилавков сметают все, совсем как в Союзе в годы перестройки. Цирк, да и только!

— Рождаемость зато повышается! — не унималась рассказчица. — Обычно через девять месяцев после таких катаклизмов род-

дома переполнены «детьми снегопада», как их здесь называют!

Потом Вича вспоминала, как ходили друг к другу в гости пить вино и играть в карты, благо жили тогда в комплексе таунхаузов, набитых представителями русскоязычной диаспоры. Как, несмотря на отсутствие высокой обуви, проявляли русскую смекалку: одевали поверх ботинок пластиковые пакеты из супермаркета и завязывали их под коленками.

— Американцы смотрели на нас как на идиотов, не зная, что сказать. У них же нет поговорки «голь на выдумки хитра»! — от души хохотала Вича...

От этих теплых воспоминаний Диче на какое-то мгновение стало легче: «Да, жили мы тогда не богато, но счастливо! Странная штука эта жизнь. Все пытаемся пробиться в люди, начать прилично зарабатывать и чувствовать себя комфортно и независимо. А что в результате? Правильно говорят: ни здоровья, ни счастья не купишь. Казалось, мы только встали на ноги, теперь живи да радуйся. Так нет же!»

Дом встретил пустотой и одиночеством. Даже радостно прыгающие собаки не оживили унылой картины. Без Вичи у дома не было сердца. В каждой мелочи была частичка ее души. Все вокруг напоминало о ней.

— Хватит раскисать! Давайте-ка подумаем, как помочь нашей хозяйшке!

Вьющиеся у ног собаки, которым и предназначалось это нарочито бодрое обращение, запрыгали еще веселее.

Двадцать пятый час

На следующее утро Дича принес в больницу ноутбук и подсоединился к беспроводному Интернету. Выйдя на русский сайт, он включил сериал, который Вича смотрела по утрам во время своей дыхательной гимнастики. Подсунув ноутбук клавиатурой под подушку, он с нежностью поглядел на спокойное лицо жены. Затем сделал звук погромче в надежде вызвать хоть какую-нибудь реакцию.

— Девочка моя, хватит притворяться, — нашептывал он. — Давай, малыш, просыпайся, а то пропустишь свой сериал!

К горлу подкатил ком, в глазах защемило. Горячая слеза упала на ничего не чувствующую щеку Вичи. В его взгляде было столько отчаяния и боли, что даже много повидавшая на своем веку медсестра тяжело вздохнула.

— Вам принести что-нибудь попить? — сдавленно спросила она, проверяя капельницу.

В ответ мужчина отрицательно покачал головой и выдавил:

— Нет, спасибо.

В бокс зашла санитарка. Застыв со шваброй в руках, она с интересом смотрела на пылающие на мониторе страсти, догадываясь о происходящем лишь по интонациям героев.

«Совсем как та собака!» — возникла откуда-то взявшаяся аналогия.

* * *

В голове у Вичи была каша из того множества сериалов, что она посмотрела на своем веку. Голоса и интонации напоминали что-то до боли знакомое, но она никак не могла сосредоточиться.

Русское телевидение вернулось в их жизнь спустя три года после приезда в Балтимор. Тогда на местный кабельный рынок наконец-то прорвался канал из Нью-Йорка, вещающий на русском языке. Хотя многие программы были состряпаны в столице мира и откровенно пахивали местечковостью, прямые передачи из Москвы с лихвой компенсировали эту бредятину.

Вича надеялась, что черная полоса прошла, и жизнь наконец-то наполнится чем-нибудь хорошим. И все пока выглядело именно так. Они только что въехали в просторный двухэтажный таунхауз со спальней и кабинетом наверху и залом и кухней внизу. Сзади примыкал их собственный клочок земли, куда Вича мечтала посадить розы.

За несколько месяцев до новоселья они познакомились с Тимохой, земляком и ровесником, который жил здесь на пару лет дольше них и уже знал все ходы-выходы. Его русская душа требовала свободы, и, перепробовав кучу профессий, он остановился на водителе такси.

— Я теперь сам себе хозяин! — любил бахвалиться он. — Хочу устроить себе выходной, валяюсь на диване. Не хочу — еду бомбить!

Его жена не разделяла такого мировоззрения, и они вот уже как год находились на стадии расставания. Так что Тимохе, как говорится, дома пахло чем-то невкусным, и он частенько проводил время у Дичи с Вичей. В округе нашлось немало и других соотечественников. Вича здесь встретила Лелю — соседку по парте, с которой они вместе изучали английский по приезде в Балтимор. Оказалось, что она живет со своим американским бой-френдом всего через две двери от них. Так что скучать не приходилось. Потом, опять же, русское телевидение. В общем, жизнь налаживалась. И все бы шло своим чередом, если бы не бьющая энергией Леля. Она вдруг решила, что Виче до полного счастья чего-то не хватает, и подложила им свинью в виде кошака.

Однажды Леля принесла к ним котенка гималайской породы, которого только что купила по случаю. У нее уже была гималай-

ская кошка, и она решила их разводить.

— Ты смотри! — предупредила ее продавщица, узнав о кошке. — Некастрированный кот пометит все углы в доме, где есть самка!

Перспектива жизни в парадной советского периода совсем не прельщала, и Леля предложила подруге поучаствовать в кошачьем бизнесе, перекупив у нее котика. Виче ужасно понравился этот комочек меха, напоминающий совенка, но зная холодность Дичи к кошкам, она особенно на этот счет не обольщалась и была права.

— У нас нет свободных денег, — ответил муж на ее просьбу.

Но на этом Вича не успокоилась, и когда к ним вечером зашел Тимоха, который всегда был при деньгах, она прямо с порога жалобно и в картинках обрисовала ему ситуацию.

— Я могу одолжить денег на кота, — не задумываясь, согласился тот.

— А почему бы тебе просто не подарить его нам? — попытался отшутиться Дича, спускаясь из кабинета.

— Любимка, ну, пожалуйста! — канючила Вича. — Я тогда тоже смогу приносить деньги в семью.

Пока они все вместе пили чай на кухне, каждый думал о своем. Вича давно решила на время забыть о своих способностях и заняться традиционной черной магией, и кот здесь мог пригодиться.

«Он станет моим помощником, — думала она, дуя на горячий чай, — и кто знает, не станет ли он той самой опорой, которая поддерживает меня в этом враждебном мире и даст наконец-то подняться на ноги?»

Дича вспоминал, как известный русский шахматист Алехин перед каждой партией выпускал на доску кота.

«Может, и мне кот принесет удачу?! — думал он о крупном шахматном турнире в Филадельфии, куда собирался вскоре отправиться. — Если повезет, то можно выиграть внушительный денежный приз, который придется нам, ой, как кстати!»

И только Тимоха не обременял себя глубокомысленными изысканиями.

«Ща попью чайку и – бомбить по ночному Балтимору!» — думал он, с удовольствием пожеывая сделанные Вичей печенюшки.

В конце чаепития Дича встал из-за стола и потрепал жену по голове. Затем, выдержав паузу, благосклонно сказал:

— Ну, хочешь кота, так покупай! Только я пальцем не притронуся к его лотку с песком, — предупредил он.

Сделка века состоялась. Таксистские деньги и котенок поменяли владельцев, а их семейный бюджет получил еще одну статью расходов. Наступившие выходные были посвящены походам по магазинам за кошачьими игрушками и принадлежностями. Вича

была на седьмом небе от счастья. Она без устали лазила по полкам со всякой кошачьей всячиной, и ее радостного настроения не могло испортить даже недовольное ворчание мужа.

Разбирая покупки на кухне, где, как они решили, и будет стоять кошачий лоток, Вича отправила мужа в зал.

— Ты же сам отказался заниматься устройством нашего котика, — подначивала она его, выпроваживая из кухни.

— Не очень-то и хотелось! — отвечал он, пытаясь скрыть интерес к происходящему.

Пока Дича смотрел хоккей с любимыми «Красными Крыльями», где играла русская пятерка, Вича распаковывала кошачий туалет. Перед тем, как наполнить его искусственным песком, она приклеила на дно давно припрятанную фотографию ненавистной приживалки. Воровато поглядывая на дверь, ведущую в зал, она аккуратно похоронила мачеху под толстым слоем вкусно пахнущего песка.

— Так уж и быть! Иди, полюбуйся! — позвала она мужа, когда все было готово.

Дича сначала проигнорировал ее призыв, но потом любопытство взяло верх. Он появился на кухне и стал с интересом наблюдать за демонстрацией функциональных возможностей совка по вылавливанию из песка кошачьего дерьма. Позже окажется, что в многофункциональности совка не будет никакой необходимости, поскольку кот будет считать выше всякого достоинства зарывать свое благородное дерьмо. Этот породистый недоумок будет усердно скрести стены и панель холодильника, за которым спрятали лоток, и полностью игнорировать песок. Но хуже всего будет то, что вытерпев целый день, он будет оправляться именно в тот момент, когда хозяин с хозяйкой усядутся ужинать...

Вечером пришла подруга проверить обустройство будущего кота-производителя и заодно обмыть покупки. Не преминула она также похвастаться своими наклеенными ногтями, расписанными под яйца Фаберже. Леля собиралась навестить родственников в России и хотела поразить их всем, что было в ее арсенале.

Виче тут же захотелось такие же, но она засомневалась: «А хорошо ли они будут смотреться на мне?»

Ее собственные ногти больше походили на когти тигрицы и часто привлекали внимание окружающих. Накрашенные ярким лаком, они были предметом зависти подруг, которые не знали, что Вича поменяла бы эту красоту на их здоровье, ни на миг не задумываясь. Людям, далеким от медицины, было невдомек, что такая форма ногтей называется «часовые стекла» и является признаком больных легких. Еще в медучилище им объясняли, что с ногтями это происходит из-за хронического недостатка кислорода в кончи-

ках пальцев, хотя ее ученый муж был другого мнения. Он где-то вычитал, что виной всему являются гены, которые отвечают за производство факторов роста. В больных легких эти гены постоянно включены, и излишки факторов роста выбрасываются в кровь. Там они не находят ничего лучшего, чем стимулировать избыточный рост ногтей.

«Послушать моего Дичу, так весь мир держится на генах!» — ласково подумала она.

— Возьмем, к примеру, Черчилля! — заводился он, когда кто-нибудь на вечеринке его подначивал. — Помните его знаменитую фотографию, где он сидит жирный как свинья с сигарой в зубах. Так вот он всю жизнь пил и курил, а прожил более девяноста лет! А теперь возьмем нашего олимпийского чемпиона Гринькова, который с детства соблюдал спортивный режим, а умер в двадцать восемь на тренировке!

Вича знала, что лаборатория мужа проводила посмертный генетический анализ фигуриста, и что мутацию гена, сыгравшего роковую роль в жизни спортсмена, первым нашел именно он, ее Дича.

«Нежели взаправду вся наша жизнь запрограммирована в наших генах?!» — думала Вича, не отрываясь от разрисованных ногтей подруги.

Глава 7

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Двадцать шестой час

Медсестра вернулась в бокс с одноразовым стаканчиком сока для мужа пациентки. Расстроенный мужчина уже убирал ноутбук из-под подушки больной. Медсестра протянула ему сок. Не замечая ее, Дича смотрел на дату в нижнем углу монитора: сегодня они должны были улететь на юг.

«А ведь нам не впервой оказаться в больнице накануне дальнего путешествия», — с горечью подумал он.

Они уже оказывались в похожей ситуации и, как ни странно, всегда перед поездкой в Питер. И если в первый раз у Вичи случился пневмоторакс, то во второй — ее свалил грипп.

«Как же так?! — не мог поверить он. — Ведь мы оба были привиты! Может производители вакцины были разные, и Виче досталась неэффективная вакцина?» — мучился он, пытаясь найти объяснение.

Откуда ему было знать, что эффективность прививки зависела не от торговой марки вакцины, а от медсестры, через чьи руки она прошла. Негритянка, делавшая Виче прививку, принадлежала не

только к медицинскому сестринству, но и к сестринству цвета своей кожи. Не удивительно, что дистиллированная вода, введенная под кожу виккианской воительнице, не смогла защитить от гриппа. Вирус серьезно ослабил иммунитет Вичи, и инфекция в ее легких расцвела пышным цветом.

— Еще денечек, и пройдет! — умоляла она мужа. — Только не надо в больницу! Иначе мы не попадем к Яне на день рождения!

В мучениях проходили дни, а легче не становилось. И вот в очередной раз вместо Питера они поехали в стационар. Их надежда на сколько-нибудь нормальную размеренную жизнь была вновь убита. Потянулись угнетающие больничные дни. Наступил и прошел день рождения Яны, а ее несостоявшаяся гостья все никак не могла побороть инфекцию. Разгулявшаяся бактерия с аппетитом пожирала легкие и сумела-таки прогрызть в них дырку. Сквозь образовавшуюся брешь в плевральную полость ринулся воздух, и с раздражающей грудью болью легкое спалось. Повторный пневмоторакс оказался страшнее первого, и без хирургического вмешательства нельзя было обойтись. В бок пациентке вставили трубку, которая отсасывала из плевральной полости воздух...

Пока Дича снова переживал эти давние события, что-то очень теплое и родное промелькнуло в его подсознании.

«Я упустил что-то очень важное! — встрепнулся он. Что-то такое, что может сейчас помочь!»

Он раз за разом прокручивал горькие воспоминания тех дней, выискивая светлые моменты и связанную с ними ускользнувшую мысль. Грустная улыбка коснулась его лица, когда он вспомнил их импровизированные постирушки.

Увидев, насколько агрессивны Вичины бактерии, ее перевели в отдельную палату. Теперь Дича мог находиться с женой круглые сутки и домой попадал редко. Отсюда возникла проблема со свежим бельем. Решила ее русская смекалка. Дела у них уже шли на поправку, трубку удалили и Виче разрешили ходить. С наступлением вечернего моциона они устраивали променады по коридору. Улучив момент, когда никто на них не смотрел, они, веселясь, прошмыгивали мимо сестринского поста к выходу из отделения. По длинному переходу они попадали в здание, где находилась лаборатория Дичи. Там, в пустынной кухне, они устраивали маленькие постирушки и сушили белье в микроволновой печи.

— Хорошо, что мои коллеги не знают, что готовится в этой микроволновке ночью! — подмигивал Дича жене.

— Если бы им и сказали, они все равно не поверили бы! — смеялась она в ответ. — Да и кому в голову придет такое?

— Без всякого сомнения, наш менталитет отличается от американского! — вторил он ей на обратном пути в палату. — В любой

ситуации мы надеемся только на себя. Не зря же проводимые тесты на выживание показали, что американцы, в большинстве своем, ждут помощи извне. Из нескольких предложенных предметов первой необходимости они обычно выбирают рацию, сигнальные ракеты и дымовые шашки. Тогда как русский человек запасается спичками, консервами и картой с компасом! Облокотившаяся на его руку Вича молча кивала в ответ, и ее лицо светилось спокойствием в полумраке перехода.

«Конечно, такие моменты скрашивали ее жизнь в больнице», — с теплотой думал Дича.

Но это было совсем не то, что он пытался отыскать в своей памяти. Что-то очень важное на миг всплыло из дальних уголков сознания. Но что? Дича с напряжением пытался выудить ускользнувшую мысль. Но чем сильнее он старался вспомнить, тем труднее становилась задача. Наконец, он сдался и прибег к старому трюку, секрет которого заключался в том, что нужно было переключиться на что-нибудь другое. Тогда потерянная мысль обидится, что про нее забыли, и сама вернется. Дича закрыл глаза и начал вспоминать их первую вылазку на балтиморский залив, оставив поиск упущенной мысли своей подкорке...

Это была их первая встреча с частичкой Атлантики. Легкий привкус соли в воде не оставлял никаких сомнений в близости океана. К их удивлению, пляж был забит неграми, которых сюда привезли автобусами из Балтимора. Так что анекдотический афоризм о загорающем негре здесь терял всякий смысл. Негры реально загорали! И не просто загорали, а аккуратно мазались кремом, чтобы загар ложился ровно. Они злорадно посматривали на белое меньшинство, которое, по большому счету, и обеспечило их пребывание на этом пляже.

Внушительная часть налогов, собираемая штатом, уходила на заигрывание с чернокожим населением. Работать они не хотели и годами сидели на шее у государства, прикрываясь протестами против расовой дискриминации. Но этого им показалось мало. Узнав, что Германия начала выплачивать денежные компенсации жителям оккупированных в годы войны территорий, негритянские лидеры стали требовать компенсацию за рабство.

— Вы лишили нас Родины! — кричали они на своих митингах. — Кто заплатит за это?

Как ни странно, желающие нашлись. Многочисленная группа богачей страны объединилась и выступила со встречной инициативой.

— Мы выплатим вам компенсацию, — провозгласили они. — И, более того, оплатим все расходы по возвращению вас на историческую Родину!

После такого заявления страсти как-то незаметно улеглись. Кому захочется уезжать из капиталистического коммунизма в Африку, пусть и с деньгами? В какой стране мира тебя будут вот так собирать по ночлежкам и вывозить к морю на халяву? Может, и существовала такая страна, только Вича с Дичей до этого не было никакого дела. Они просто наслаждались редкой возможностью побыть вместе, да еще и на теплом заливе. Они как дети радостно плескались в воде, осыпая друг друга радужными брызгами.

— Ой! Тут какая-то сопля! — не переставая смеяться, прокричала Вича.

— Сейчас мы ее смоем! — весело ответил Дича и начал брызгаться еще сильнее.

— Нет, правда, что-то обожгло мне ногу! — она продолжала смеяться сквозь выступившие от боли слезы. — Не ходи сюда, здесь медуза! — вдруг скороговоркой выпалила она.

— Где? — близоруко шурясь, спросил Дича и низко наклонился к воде.

— Сейчас за нос укусит, тогда увидишь где! Пойдем.

Морщась от жжения в ноге, она взяла своего слепыша за руку и повела к шезлонгам...

Вместе с воспоминаниями о медузе всплыла и мысль, за которой он так напряженно охотился. Это был щемящий сердце момент их больничных страданий тех дней. Дича вспомнил, как спустя несколько месяцев после выписки Вича поведала ему об одних из самых счастливых минутах своей жизни. Удивительно, но случилось это тогда, когда ей только установили торакальную трубку. Нежная ткань легкого терлась о жесткую трубку, и каждый вдох причинял нестерпимую боль. Обезболивающие приносили лишь незначительное облегчение, к тому же их действие было недолгим. Обессиленная и уставшая от боли, Вича не выдержала и разрыдалась. Дича обнял ее и, скрывая слезы, спрятал свое лицо в ее волосах. Они сидели обнявшись и тихо плакали на плече друг у друга. Он — оттого, что уже не мог смотреть на ее мучения, а она — от счастья, что не ошиблась в нем. В этот момент Вича не чувствовала боли, казалось, все плохое отступило. С ней был он, ее любимый, ее надежда и опора, и с ним ей было ничего не страшно.

«Да, я выиграла джек-пот!» — вспоминала она давний душевный разговор с Яной.

Еще тогда, в такой далекой юности, она уверяла сестру, что замужество — это лотерея, которую нельзя предугадать или выстрадать. Какой бы прекрасный ни был человек на первый взгляд, трудности и лишения возьмут свое. И каким он станет, пройдя горнило жизни, не дано знать никому. Да, ей повезло! Не будь рядом Дичи, даже вера в свое великое предназначение не помогла бы ей.

Она знала, как коллеги по «скорой» отговаривали его:

— Зачем она тебе? Она же вся такая больная!

— А я и сам не сильно здоровый! — со смехом отвечал он.

Муж никогда ей этого не рассказывал, но она узнала об этом разговоре от подруги, которая крутила роман с водителем из бригады Дичи. Вича еще тогда тайком поведала обо всем матери.

— Берегите друг друга, — пряча слезы, говорила Эмма. — Никто о вас не будет так заботиться, как вы сами.

И вот он сидел рядом с ней после стольких трудных, но по-своему счастливых лет. И никуда не сбежал, как пророчили многие.

— Вот увидишь, получит вид на жительство — и ищи ветра в поле! — жужжали они.

Годом позже присказка поменялась:

— Ну, как получит американское гражданство — только его и видели!

Время шло, а он оставался рядом.

«Вот он сидит и обнимает меня, мой хороший! И какая же я сволочь, что не стерпела и показала свою слабость!» — корила себя Вича.

Когда они оба успокоились, Дича превратил все в добрую шутку:

— Хоть у тебя и дырочка в левом боку, как у того ежика из детской песенки, я тебя все равно люблю!..

Прошлые слезы смешались с настоящими. Дича посмотрел на обмякшее тело жены, в котором теплилась едва заметная жизнь, поддерживаемая бездушным аппаратом.

— Давай-ка вернемся в прошлое, и только попробуй не проснуться! — решительно прошептал он, откинув уголок одеяла, склонился и обнял свою Вичу.

Прижавшись щекой к щеке, он стал тихо покачиваться и шептать ей на ушко про ежика и дырочку в колючем боку. С отчаянной безнадежностью он ждал, что вот сейчас ее опавшие руки обнимут его, и все в их жизни будет снова хорошо. В такт покачиваниям на подушку падали капельки слез. Влажное пятно на наволочке разрасталось, а чуда все не происходило. Дича не сразу почувствовал, что его ухо стало мокрым. Когда он, наконец, оторвался от щеки любимой, буйная радость охватила его. Он не верил своему счастью — из левого глаза Вичи текли слезы!

«Неужели получилось?! — возбужденно думал он. — Она чувствует! Мозг работает!»

— Сестра! — позвал он. — Ей, наверное, больно! Давайте сделаем обезболивающее!

Медсестра не возражала. Сделав инъекцию, она вызвала дежурного реаниматолога. Тем временем Дича склонился над женой и

промокал ей лицо салфеткой.

Видишь, я не тру твоё личико, — радостно приговаривал он. — Все, как ты учила!

— Не надо так энергично работать полотенцем! — не раз попадало ему. — Или ты хочешь, чтобы твоё лицо превратилось в печеное яблоко?

В ответ он добродушно поддакивал, но продолжал вытираться, как привык. Зато во время сериалов не забывал повозмущаться вместе с женой. Когда Вича видела, как очередной мачо немытыми руками теревит лицо своей возлюбленной, она с гневом говорила:

— Убила бы за такое!

— Не успела бы! — встревал Дича. — Я бы порешил его быстрее!

— Дай пять! — смеялась она и поднимала ладошку для символического хлопка...

Сейчас же её руки плетью лежали вдоль тела. Он медленно приподнял её обмякшую ладонь и слегка хлопнул по ней:

— Давай, родная, просыпайся! Дай нам полюбоваться твоим веселым личиком!

Держа два пальца на её ладони, он попросил:

— Вичинька, если ты меня слышишь, сожми мои пальцы!

Но её рука даже не шелохнулась.

— Давай, малышка, возвращайся к нам. Тэдди уже соскучился и плачет без тебя!

Волна воспоминаний снова унесла его обратно, в то горько-радостное время. Был день выписки. Вичу отпускали домой. До назначенного часа Дича успел обернуться и купить её любимые розы. А ещё, следуя местным традициям, он раздобыл воздушный шарик и мягкую игрушку. Увидев медвежонка, осунувшаяся Вича вцепилась в него, как маленький ребенок. Плюшевый мишка был небольшим, однако на её фоне он казался просто огромным.

— А как его зовут? — совсем по-детски спросила она.

— Как и всех мишек в Америке, его зовут Тэдди.

— Ну вот, Тэдди. Сейчас мы поедём домой, и я покажу тебе, где ты будешь жить!

С тех пор медвежонок поселился у них в спальне. Каждое утро, выбираясь из объятий спящей жены, Дича подкладывал его вместо себя, чтобы тот охранял её сон...

— Жаль, что в реанимацию нельзя приносить мягкие игрушки. А то бы Тэдди тебя обязательно навестил!

Вича слушала его, и её слезы исчезали, чтобы вновь появиться, но уже на глазах у мужа.

«Ничего, — успокаивал он себя. — Не все сразу. Главное, что уже есть сдвиги!»

Двадцать седьмой час

Пришедший врач выслушал сообщение о появившемся слезотечении без оптимизма и после короткого осмотра отрывисто командовал:

— Больную — на томографию мозга! Срочно!

Прибывшая транспортная бригада спешно переключала пациентку со стационарного дыхательного аппарата на портативный. Когда все было готово, ее прямо на кровати повезли в рентгеновское отделение.

— Вам идти не обязательно, — остановили двинувшегося за ними мужа пациентки. — Мы вернемся через какие-нибудь двадцать минут.

— А вдруг она придет в себя и испугается? Да и по-английски она изъясняется не очень хорошо, — возразил он и зашел в лифт вместе со всеми.

Скоростной лифт резко нырнул, и на мгновение создалось ощущение летящих вниз качелей.

* * *

Их самолет приземлялся в Пулково-2. После выписки Вича быстро оклемалась от последствий гриппа и наперекор черным сестрам летела на Родину. Конечно, день рождения Яны они пропустили, но зато попадали в разгар дачного сезона. Дымчатый горизонт в иллюминаторе напомнил о шашлыках. Самолет пошел на вираж, и вкусный пейзаж уплыл вверх. Иллюминатор захлестнуло море зеленых полей, в котором радостно купалось летнее солнышко.

Глядя на ласковую природу, Вича уже не так боялась посадки. Она осознанно шла на риск, но чувство страха от этого не уменьшалось. Из-за перепада высоты, а вместе с ней и атмосферного давления, ее ненадежное легкое могло в любой момент снова порваться. Весь полет она готовилась к худшему, но в последний момент ее беспокойство сменилось волнением скорой встречи с родными. Да и плавное снижение для нее было не так опасно, как стремительный набор высоты.

В противовес мягкой посадке родина встретила их жестким девизом «Рубль всему голова». Тележки для багажа выдавались только за рубли, причем нового образца. Картинки на тех купюрах, с которыми они уезжали два года назад, пришлось не по вкусу эстетам от казначейства, и они в срочном порядке напечатали другие, поцветастее. Новые произведения искусства еще не успели завестись в кошельках у прилетевших, поэтому Дича тащил все вещи на себе, претендуя на приз рубрики «А вам слабо?»

Дома они тут же окунулись в свою недавнюю юность. Летом Эмма жила на даче, и они в полной мере смогли распоряжаться

своей бывшей комнатой. Лежа на знакомой до каждого бугорка кровати, они смотрели в знакомый до каждой трещинки потолок, как будто и не было этих лет в Америке. За окном щебетали птицы. У соседей орал телевизор. Где-то громко топали. Невдалеке постоянно хлопали дверью, отчего в серванте нежно подрагивали фужеры. В общем, ничего не изменилось и все-таки чего-то не хватало. С первым укусом озверевшего питерского комара картина родных пенатов, наконец, была полностью восстановлена. Эти ностальгические настроения длились недолго. Яна приготовила для дорогих гостей насыщенную увеселительную программу, первым пунктом которой были белые ночи. Еще не успев перестроиться на местное время, Дича с Вичей выглядели самыми бодрыми среди гуляк ночного Питера. И не удивительно. У них-то за океаном был еще ранний вечер.

Давний друг семьи, который совсем недавно навещал их в Балтиморе, вызвался быть водителем-экскурсоводом. Бывший автогонщик, он как бешеный носился по набережным в погоне за разводящимися мостами. В открытые окна врывался невский ветер, и они с наслаждением подставляли лица под его влажное дыхание.

Потом был визит в Петродворец, где Вича с племянницей Дианой фланировали в нарядах придворных дам. Они довольно долго не появлялись из палатки проката средневековых одеяний, но терпение ожидавших было с лихвой вознаграждено.

«А не царских ли Вича у меня кровей?» — думал Дича, глядя на свою преобразившуюся половину.

Он стоял, разинув рот, начисто позабыв о намерении запечатлеть для истории свою королевишну и юлившую рядом принцессу. Наконец, он поднял фотоаппарат:

— Не соблаговолят ли благородные дамы уделить мне чуточку внимания!

Вича не отреагировала. Она не отрываясь смотрела в сторону Финского залива, где над голубыми волнами шумно носились чайки...

Ей было невыносимо душно в этом тяжеленном бархатном платье. Она рвалась на волю, к тем белоснежным птицам, что кружились за окном. Ей хотелось так же беззаботно парить над башнями замка и упоенно кричать этим приземленным людишкам о том, как прекрасна жизнь. Но вместо невесомых перьев она из последних сил натягивала на себя очередной грузный наряд, стараясь порадовать своего любимого. Он стоял рядом и не сводил с нее восторженных глаз. Дерек знал, что Венди тяжело, но пытался расшевелить ее:

— Любимая, ты и так все время валяешься на своем пыльном

матраце! Смотри, я заревную тебя к этому соломенному тюфяку, живущему в кухонной кладовой!

— Не придумывай! — пыхтела она в ответ. — Я же гуляю по утрам!

Действительно, каждое утро Венди находила в себе силы ползать за пределы замка в надежде увидеть среди толпы нищих свою мать. Но та все не появлялась.

«Да и как она может прийти?» — понимала Венди, но в тайне все же надеялась.

Охота на Сидонию была в самом разгаре. Реки доносов текли в замок. Но к хорошо скрываемой радости помощницы кухарки, каждый раз, когда стражники герцога прибывали в указанное место, они находили там пустое жилище. Без маминых передач запасы трав у Венди истощились. Девушка стала чаще недомогать и в один из визитов к лекарю открыла ему тайну своего недуга.

— С такой хворью не живут! — высмеял ее лекарь. — У тебя обычная чахотка, и смиришься с этим!

Дерек стоял рядом и не спорил с отцом.

«С сегодняшнего дня я сам буду заботиться о моей малышке!»

Он теперь не дожидался сроков сдачи целебных трав крестьянами, а сам искал необходимые растения. Когда Венди становилось лучше, они вместе бродили по лугам, наслаждаясь последними теплыми деньками уходящего лета. Она учила его чувствовать природу и показывала новые цветки и корни, о целебных свойствах которых он даже не догадывался. Так они насобирали достаточно трав, чтобы протянуть до весны, но, к сожалению, грудные сборы уже не помогали.

«Сможет ли она пережить зиму?» — с тревогой думал Дерек, глядя на чахнувшую Венди.

Его малышка теперь проводила почти весь день в постели и редко стояла за плитой. Кухарка поначалу выражала недовольство, но вскоре успокоилась. После отмены всех свадеб и пиршеств работы было немного, а на рынок обессилившая девушка уже давно с ней не ходила. Попробовав приободрить свою любимую, Дерек все чаще таскал к ней платья придворных дам. В их многочисленных складках любили селиться вши, и время от времени благородные девицы присылали свои наряды придворному лекарю для обработки китайским корнем стемоны. Освобожденные от вшей туалеты с нетерпением дожидались хозяек во «вшиевой комнате», как Венди с Дерексом окрестили кладовую с платьями. Хитрые дамы за нарядами не спешили и заставляли мужей раскошеляться на многочисленные обновы. Но забытые платья не скучали. Их часто навещала хрупкая девушка, которая с удовольствием влезала в них, несмотря на разницу в размерах. Ее присутствие наполняло

просторную кладовую радостью и светом. Венди расхаживала в чужих нарядах перед своим кавалером, и блаженная улыбка не сходила с его восторженного лица.

С приходом осени сгорающая на глазах модница стала появляться все реже, а вскоре и вовсе пропала. Теперь обеспокоенный юноша таскал наряды к ней в ее кухонное жилище. Помощница кухарки покорно мерила шикарные убранства, но ее глаза больше не излучали тот удивительный свет, который платья так полюбили. У утомленной переодеваниями девушки больше не было сил шевелиться. А ее куда-то упорно тянули.

~ ~ ~

— Тетя Ника, что с тобой?! — донеслось сквозь густую пелену.

Благородная дама встрепелась и с недоумением посмотрела на девочку в наряде баронессы. Та тянула ее за руку в сторону какого-то мужчины. Его лицо было скрыто за фотоаппаратом, но что-то родное и любимое угадывалось в его фигуре. Неожиданно краски жизни вернулись к ней.

Болезненная бледность исчезла, и она с облегчением вздохнула: «Нет! Мой час еще не пришел!»

Яркая улыбка появилась на ее порозовевшем лице, и она возвратилась в прекрасный мир Петергофа.

— Я просто представила, какие штабеля благородных кавалеров валялись бы вокруг нас с Дианкой! — отшутилась Вича...

Завершалась культурная программа поездкой на дачу, где они провели незабываемую неделю. Пока мужчины были на рыбалке, а женщины копались на участке, Вича ускользнула к Матрене.

— Ну что, воительница? Насовсем к нам или погостить? — встретила ее старуха, как будто они только вчера расстались.

— Конечно, только погостить! — обиделась запыхавшаяся девушка. — Сейчас подкоплю сил и снова в бой!

Глаза целительницы потеплели:

— Ну, садись, докладывай!

Матрена внимательно слушала сбивчивый рассказ сестры, то кивая, то качая головой. Она видела, что не ошиблась в этой хрупкой и болезненной девчушке.

«И откуда в этом тщедушном тельце столько силы? — со смешанным чувством гордости и боли думала знахарка. — С такой волей никто не устоит на ее пути!»

Возбужденная воспоминаниями заокеанских событий, Вича часто дышала, взор ее горел. Матрена физически ощущала, как сгустки энергии переливаются и kloкочут внутри ее гости. К неопишуемой радости, она вдруг почувствовала среди них еле заметные следы чужеродных сил.

— Ты близка к цели! — не вытерпела знахарка, перебив увлеченную рассказчицу. — Уже можешь удерживать часть их энергии!

Опешившая Вича смотрела на старуху широко раскрытыми глазами.

— Но я ведь ничего еще не сделала для этого! — наконец, сказала она. — Как это могло случиться?

— Дай срок, и ты разберешься, — напутствовала ее Матрена. — Мы верим в тебя!

На подходе к даче, Вича унюхала аромат шашлыков, разносившийся по всей округе. Извинившись, что не помогала накрывать на стол, она присоединилась к пиршеству.

— Ты в отпуске, так отдыхай! — отмахнулись от нее.

— Штрафную! — не дал договорить сосед. — Штрафную, штрафную! — подхватил нестройный хор уже «готовых» рыбаков...

Эта поездка навсегда осталась в их памяти одной из тех немногих вспышек счастья, что так редко освещали их нелегкий путь.

Двадцать восьмой час

Томография мозга была сделана, и скоростной лифт поднимал коматозную пациентку обратно в реанимацию...

* * *

...А Вича поднималась в утреннее небо Питера — она уже в третий раз покидала родину и летела во вражье логово. Теперь ей обязательно должно повезти. Не зря же американская пословица гласит: «Третье попытание — есть очарование!»

Конечно, есть похожая пословица и у нас, которую коммунисты взяли от старого режима и пустили в народ, абсолютно не понимая ее истинного значения.

«Какими же надо быть идиотами, чтобы церковное выражение «Бог любит Троицу» подогнуть под идеологию. По коммунистам выходит, что все нужно делать по три раза, чтобы получилось как надо! Неудивительно, что коммунизм до сих пор не построили! Хотя, с другой стороны, осталось еще две попытки!» — веселилась Вича.

Все вокруг забавляло и радовало ее. Совсем с другим настроением она летела в Питер всего три недели назад. На душе висел груз ответственности, а карман оттягивали деньги, собранные родственниками для отмазки мужа Яны от суда.

А началось все, как это часто бывает, с благородного порыва.

— Какой черт понес меня после ночной смены в этот проходной двор?! — недоумевал свояк, сжимая свои огромные кулачища. — Меня как будто кто-то втолкнул туда!

И надо ж было так случиться, что именно в этот момент там

один крепко подгулявший южанин приставал к такой же нетрезвой девушке. Та отбивалась, как могла, но силы были явно не равны.

— Вай! Коньяк пила, да?! Чего ломаешься? — доносилось из подворотни.

Бартер есть бартер. Так нет, надо было свояку вмешаться. Одного удара в челюсть хватило, чтобы успокоить охотника до женского тела. Как водится, спасенная девушка исчезла в предрасветном тумане, а наш герой не успел и пары шагов пройти, как был упакован в невесть откуда взявшийся милицейский газик.

По невероятному стечению обстоятельств, дежуривший в то утро следователь оказался однофамильцем шамкающего потерпевшего. После беседы с соплеменником из-под его пера вышла ладно скроенная картина происшествия. Сломанная золотая фикса потянула на тяжкие телесные повреждения с крупным материальным и моральным ущербом. Взбешенный таким поворотом дела, благородный рыцарь полез, что называется, в бутылку, и это не замедлило вылиться в жаркую дискуссию с блюстителями порядка. Чтобы утихомирить здравенного бугая, его пришлось убеждать всем отделением. Уговоры закончились для спорщика на полу дружным пинанием милицейскими ботинками. В пылу этой «беседы» следователь не заметил, как на его лодыжке оказались два кровоточащих отпечатка человеческих зубов. Это стало последней каплей, и судьба злостного нарушителя общественного порядка была predetermined. Адвокат мудро посоветовал решить дело полюбовно, и однофамильцы теперь жили в ожидании честно заработанных американских долларов.

Когда Вича услышала эту историю от сестры, она ничуть не удивилась цепи таких случайностей. Похоже, что теперь черный легион заморских сестер обложил ее со всех сторон.

— Не переживайте, — успокоила она Яну. — Мы деньги найдем.

Нашли, отдали и, казалось, благополучно забыли. Но не тут-то было. Спустя неделю потерпевший вновь стоял под их дверью.

— У меня возникли проблемы! — нагло заявил он. — Больше давай, а то не заберу заявление из милиции!

Неожиданно оставшись без работы, курьер хлопковой мафии удвоил свой гонорар. Пока на родине его хозяев пачками арестовывали, он решил отсидеться в Питере. Никакие уговоры и призывы к совести не помогли. Яна с трудом утащила разгоряченного мужа в комнату. Когда дверь за ними закрылась, Вича устало прижалась к Диче.

— Будут тебе деньги, — обратилась она сквозь зевоту к вымогателю. — Дай нам неделю.

После ухода неприятного визитера, Дича с удивлением посмотрел на жену:

— А где же мы их возьмем?

— А нигде! Перефразируя Ходжу Насреддина, за неделю либо падишах умрет, либо осел сдохнет.

А осел покидать этот мир и не собирался. Опыанный ожиданием новых финансовых поступлений он королем вышагивал по ночному городу. В те времена межнациональная рознь еще не достигла своего апогея, и гордый собою представитель ближнего зарубежья не подозревая, что питерское движение скинхедов уже поднимает голову и насчитывает до трех сотен бойцов. Для многомиллионного города это было каплей в море, и мало кто знал о них. Не встречал их и наш вымогатель. Не встречал до того самого вечера, пока не нарушил договор. Он так и не понял, почему именно он привлек внимание одинаково одетых парней. На них были обтягивающие джинсы и застегнутые под самое горло кожанки с маленькими воротничками. Это была не дань моде, а необходимость. Как волкодавам обрезают уши и рубят хвосты, чтобы волки не могли вцепиться в них во время драки, так и максимально облегающая одежда помогала бритоголовым быть менее уязвимым в потасовке. Боевой гардероб довершали высокие армейские ботинки. Один из парней отличался белоснежными шнурками. У двоих его сотоварищей шнуровка полыхала революционным кумачом. Сегодняшний вечер был для белошнурочника крещением первой кровью, и он был готов на все, чтобы завтра с гордостью сменить белые шнурки на красные.

— Ты заплатил за проход по этой улице? — спросил самый старший из них.

— Это что, твой улица? А-а-а, это такой шутка юмора!

— Научись сначала по-русски говорить! — услышал он в ответ, и тут же как будто огромный колокол зазвенел у него в ухе.

Дома вдруг завалились набок, и он увидел перед собой разбитое подвальное окно. В нем сидела кошка и умывалась, если верить приметам — намывала гостей. Она безучастно наблюдала за тем, как несколько двуногих склонились над существом, которое качалось на четырех лапах, и освобождали его от каких-то шуршащих предметов. Тупые пинки продолжали раскачивать стоящего на карачках мужчину. Он уже не думал об отобранном паспорте и деньгах, спасительное окно — вот что занимало все его мысли. Спугнутая кошка прыгнула на сырой пол подвала и по-хозяйски встретила гостя, который нырнул вслед за ней. Он плюхнулся головой на склизкий пол и затих.

— Чтобы завтра тебя в городе не было! — проорал в оконный проем белошнурочник и поморщился от пахнущего в лицо смрада.

Однако он напрасно напрягал голосовые связки. Тот, кому предназначалось его обращение, уже давно наслаждался блажен-

ной тишиной...

Восприятие звуков вернулось к новоселу подвала лишь под утро. На груди у него сладко мурлыкала кошка, — на такой славной постели ей давненько не доводилось оттягиваться. Подстилка приподнялась, и недовольная хозяйка подвала спрыгнула на холодный пол. Она недобро мяукнула и презрительно потрясла задними лапами.

— Мяу! — вдруг услышала она в ответ.

Ее ночной гость сидел на полу и глупо улыбался.

— Мяу! — уже громче повторил он и с интересом прислушался к собственному голосу.

Обалдевшая кошка кинулась вон из подвала, а ей вслед неслошь призывное мяуканье. Разбуженный житель бельэтажа с трудом оторвал всклокоченную голову от рваного матраца. Ключья ваты там и сям торчали из его ложа и касались грязного пола. Нет, кровать не была такой низкой. Ее просто не было. Видавший виды матрас валялся прямо на полу. Его проснувшийся хозяин что было сил треснул кулаком по трухлявому паркету.

— В марте не наорались, сволочи! — попытался прокричать он, но тут же со стоном схватился за голову.

Вчера после литра дешевой водки на брата они с приятелями отступили от своей обычной диеты и полирнулись бутылочкой дармового просроченного пива.

— Бум! — донесся снизу только что мяукавший голос. — Бум, бум! Бу-ум!

— Да-а-а, пиво было лишним! — с болью в голосе пробормотал обитатель бельэтажа и попытался накрыть свой раскалывающийся череп углом матраца...

Во время проводов американских родственников свояк светился как новый пятак. В полученном на днях извещении говорилось, что суд переносится на неопределенный срок ввиду невозможности отыскать потерпевшего.

Двадцать девятый час

По возвращении с томографии мозга Вичу ждала кровать со свежим бельем. Но ни вкусно пахнущие и хрустящие простыни, ни активное перекалывание не разбудили спящую красавицу. Не интересовал ее и врач с долгожданными результатами томографии.

— Ну что, доктор? — нетерпеливо спросил муж пациентки. — Вы же сами видели, что она плакала.

— Это скорее плохая новость, чем хорошая, — был убийственный ответ. — У Вироники начался отек мозга, вызванный длительным кислородным голоданием. То, что мы наблюдали, была рефлекторная реакция на растущее внутричерепное давление.

«Как же я сам не сообразил, что не может человек плакать одним глазом?» — подавленно думал Дича, входя в ступор.

Обрывки дальнейших объяснений врача до него едва доносились:

— Если отек станет прогрессировать и разбухший мозг вклинится в затылочное отверстие, то центр, отвечающий за работу сердца, может быть поврежден.

Дича уже не воспринимал информацию о приближающемся конце Вичиных мучений и лишь отрешенно кивал в такт далекому голосу врача. Как чужой рукой он подписывал уведомление о том, что если сердце остановится, то реанимационные мероприятия проводиться не будут.

Спустя час появилась медсестра.

— Прошли сутки, как Вирóнику начали охлаждать, — растолкала она погруженного в себя мужа больной и вывела его в коридор.

Агрегат, гоняющий холодную воду вокруг тела пациентки, выключили. Дежурный врач велел оставить аппарат в боксе и не убирать далеко презериненные одеяло и простыню.

— Мы сможем его использовать для борьбы с жаром, — пояснил он. — Раз на раз не приходится, но в моей практике у таких пациентов часто возникает мозговая горячка.

И врач не ошибся. Скоро датчик температуры тела тревожно заморгал цифрой сорок, и охладитель снова включился в работу.

* * *

Вича задыхалась от жары. На дворе стояло лето с его тропической жарой и знаменитой балтиморской влажностью. Кондиционер был сломан уже второй день, а мастера вызвали только сегодня. Накануне они не успели пристроить Ладу. В таунхаузах для малоимущих иметь собак запрещалось по определению и в экстренных случаях приходилось прятать Ладу по знакомым. Сегодня, например, ее отвели к Тимохе. Теперь можно было смело впускать мастера. Вича надеялась, что кондиционер быстро починят, и вчерашние мучения больше не повторятся. Всю прошлую ночь они изнемогали от духоты, то открывая, то закрывая окна, стараясь понять, где прохладнее — дома или на улице. Наконец, не выдержав, они спустились во двор, завели машину и включили кондиционер. Там они сидели, обнявшись, под потоками холодного воздуха, пока вконец не ооченели. Продрогшие, но счастливые, они вернулись домой, чтобы успеть ухватить хоть немножечко сна.

А на другом конце комплекса, в таком же таунхаузе, изнывали от жары Зосим со своей приживалкой. Кондиционер у них был в порядке, не в порядке было с головой. Приживалку душила жаба. Искусственная прохлада требовала изрядного количества энергии.

— Давай включим кондиционер! — молил ее Зосим.

— Врубай! Но платить за электричество будешь ты!

— Да что же я, за эти поганые деньги буду мучиться?! — не выдержал он и зашлепал к термостату.

По дому разлилась приятная прохлада, но приживалке легче не становилось. Последнее время ее раздражало все. На душе не переставая скребли кошки. В горле постоянно стоял противный ком. А к вечеру, когда Зосим возвращался с работы и они садились есть, у нее как по расписанию начинало колоть сердце, как будто кто-то запускал в него острые когти. Эти ощущения настолько напугали ее, что она, не пожалев денег, записалась на кардиограмму.

Врачи ничего страшного не нашли, зато узнали о себе много интересного. После чего пришли к единодушному заключению о наличии у пациентки истероидного синдрома. А попросту поняли, что имеют дело с распушенной истеричкой. В глаза ей, конечно, этого никто не сказал — не самоубийцы же они, но на прощанье посоветовали:

— В следующий раз вам лучше обратиться в другую клинику, где врачи поумнее!

Выписанные успокоительные не помогали. Да и не таблетки здесь были нужны, а помощь квалифицированного экстрасенса. Уж он-то ей объяснил бы, кто скребет у нее на душе. А виновник проблем приживалки чуть сам не заработал инфаркт. Вечерком перед работой к Виче с Дичей, как обычно, заскочил Тимоха. Лада чрезвычайно обрадовалась своему другу, у которого совсем недавно гостила. Весело замахав хвостиком, она побежала здороваться, что по собачьему этикету выражалось в обнюхивании ширинки. В процессе приветствия она наступила задней лапой на хвост мирно спящему коту. Тот, еще не проснувшись, ошалело понесся во все лапки прочь. Не понимая, почему никак не может сдвинуться с места, кот так яростно молотил лапами по паркету, что в серванте зазвенела посуда. Его хозяева дружно завалились на диван от хохота. Смущенный Тимоха отпихивал Ладину морду от своих мужских сокровищ, думая, что смеются над ним.

— Жаль, что у нас нет камеры! — захлебывалась от смеха Вича, — а то мы обязательно бы выиграли конкурс домашнего видео!

Тут и Тимоха понял, в чем дело.

— Давай-ка корова! Подвинься! — подтолкнул он Ладу, чтобы та сошла с кошачьего хвоста.

Кот как истребитель на авианосце уже набрал полные обороты, и когда, наконец, был отпущен — взмыл в воздух. На мгновение зависнув над полом, он с реактивным ревом понесся на кухню.

— Смотри, забудет, как котят делать! — вытирая слезы, хохотал Дича. — Тогда накроется ваш с Лелей бизнес!

Тридцать седьмой час

Вечерний обход принес призрачную надежду. В полумраке тринадцатого бокса дежурный врач долго светил пациентке в глаза фонариком, то отводя луч в сторону, то резко направляя обратно на зрачок.

— По-моему, я видел еле заметную реакцию правого зрачка, — обнадежил он наблюдавшего за ним мужа больной и стал проверять другой глаз.

* * *

Тусклый фосфоресцирующий свет проникал внутрь глаза. Вича смотрела прямо в зрачок своему коту, чья сетчатка сверкала в темноте желто-зеленым светом. Один ее глаз был зажмурен, а другим она ловила теплый фосфоресцирующий лучик, бьющий из щели кошачьего зрачка. Проскучавшая весь день Лада ревниво топталась рядом и недовольно урчала. Ее хозяева пропадали где-то целый день и теперь, вместо того чтобы ее выгулять, занимаются котом.

В темноте Дича с трудом разбирал происходящее. Электричества не было. Наверное, грозой выбило трансформатор, и весь район сидел без света.

— Ну, ты, пьянь тропическая, перестань мучить животину! — попытался прервать затянувшееся приветствие муж. — Где у нас свечки?

Его вопрос остался без ответа. Вича сейчас жила своей отдельной жизнью. Приличная доза наркотиков давала ей пропуск в далекий беззаботный мир.

— Мы знали, на что шли, — подмигнула она коту. — Бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

При упоминании о мышах зрачок заинтересовавшегося кота сузился, но даже сквозь тонкую щель Вича видела внутри его глаза отображение огромных пятен черной энергии, окружающих их дом. Война черных сестер с виккианской воительницей была в полном разгаре. Очередной удар они нанесли с тыла и в прямом, и в переносном смысле. На фоне приема огромного количества лекарств в почках у Вичи стали образовываться камни. И вот в один из дней направленный извне сгусток энергии раскачал самый крупный из них. Камень сдвинулся с места и начал свой путь наружу. Вича вертелась как уж на сковородке, и никак не могла найти положение, в котором бы боль утихла. Промучившись всю ночь, они с рассветом отправились в больницу. В приемном покое их встретили как старых знакомых и удивились, что не проблемы с легкими привели их на этот раз. Как только подтвердилось подозрение на почечную колику, ей выписали сильное обезболивающее и готовы были отпустить домой.

— Как у нашего Иванушки да все в попе камушки! — шутила над собой Вича, когда узнала, что у нее в почке камень.

Это было бы весело, если бы не было так грустно. К полудню у нее началась непроходящая тошнота. Рентген выявил признаки кишечной непроходимости с антикварным названием «чаши Клойбера». Чаши эти были не из фарфора или глины, а из парализованного болью кишечника. И наполнены они были, ни к обеду будь сказано, отнюдь не ароматным чаем или квасом. К обеду конвейер пищеварения совсем остановился, и в животе наступила долгая минута молчания. Пациентку накололи наркотиками и не отпускали до тех пор, пока ее брюшко не начало снова петь свои журчащие песни. Только поздним вечером они смогли покинуть родную больницу. Что их ждало дома, мы уже знаем.

Дича оставил жену играть в гляделки с котом, а сам отправился на поиски какого-нибудь источника света. Вича тем временем уже утонула в глубине кошачьего глаза. В желто-лунном мареве она видела себя юной девушкой в просторном сводчатом помещении с огромным каменным столом посередине и столь же внушительным камином, который занимал почти всю стену.

Камин был так велик, что вмещал не один, а целых два вертела, каждый из которых мог принять тушу взрослого медведя. В руках Венди держала свою любимую кошку. Эта мурлыкающая красавица появилась на кухне, как только там стала работать новая помощница кухарки. Кошка всегда неотступно следовала за своей подружкой, не уставая тереться о ее миниатюрные ножки. Но сейчас Венди было не до ласк. Она смотрела в кошачьи глаза, пытаясь определить, не наследила ли.

— С сегодняшнего дня обязательно подчищай за собой! — ставляла ее мать после визита заморской ворожеи. — Теперь черные сестры попытаются отомстить тому, кто изуродовал их племянницу!

— Я думаю, они сюда больше не сунутся! — беззаботно отвечала Венди.

— Слушай, что говорю! — одернула ее мать и, убедившись, что соседняя нищенка не придавала значения ее громкому восклицанию, спокойнее продолжила: — Смотри, чтобы рядом с кухней не было и следа нашей энергии.

Именно этим Венди сейчас и занималась:

— Не притащила ли я за собой шлейф черной энергии, выпущенной перед замком?

Нервное возбуждение от произошедшего на мосту не давало сосредоточиться, и помощь кошки сейчас была просто необходима.

А перед замком был переполох, хотя еще утром ничто не пред-

вещало беды. Герцог пытался завоевать потерянное расположение соседей и устроил костюмированный прием. Стражники и слуги были разодеты в доспехи средневековых рыцарей и создавали атмосферу времен рыцарских турниров. Давно забытое ощущение праздника витало в воздухе. Возбужденная челядь металась по двору, готовя замок к небывалому пиришеству. У дверей оружейника толпились взволнованные стражники, ожидая своей очереди быть облаченными в доспехи.

— Ну, это совсем другое дело! — радостно переговаривались они. — Куда как лучше расхаживать в доспехах, да пить и есть от пуза, чем гоняться по лесам за неуловимой Сидонией!

— А много ли ожидается гостей? — спросили оружейника.

— Не переживайте, вина на всех хватит, сколько бы гости слуг ни навезли! — ответил Клауд.

Бывший слуга Эрнеста уже давно занял место ушедшего на покой отца и теперь заправлял оружейной мастерской. Он все также сходил с ума по старинному оружию. Гордостью его мастерской были древние рыцарские доспехи, полученные от покойного сына герцога. Ему не терпелось поскорее закончить с болтливыми стражниками и облачиться в них. Встав ни свет ни заря, он любовно надраил все латы, и они теперь висели в глубине мастерской, маня его своим блеском. Клауд не любил вспоминать о той услуге, которую он много лет назад оказал Отто, упокой господь его душу, и переключился на болтовню стражников.

Когда последний из них удалился, побрякивая средневековой амуницией, оружейник наконец-то смог с наслаждением водружить на себя начищенные до зеркального блеска доспехи. Гордый собой, он вышел из стен мрачного замка туда, где солнце могло без помех играть на его латах: на мост, переброшенный через ров.

Он важно прохаживался перед зеваками, сбегавшимися поглазеть на невиданное пиришество, когда сквозь узкую щель шлема заметил огромную матерую волчицу. Она сидела на краю моста и щерилась, отпугивая зевак от спящего в ее ногах волчонка. С пожелтевших от времени клыков на деревянный настил капала кровь.

«Откуда они взялись посреди праздника?» — Защищенный доспехами Клауд смело направился к волчице и пнул дикую тварь остроносым сапогом. Закованная в металл нога легко распоролла призрака и, не найдя препятствия, взмыла вверх. Потеряв равновесие, средневековый рыцарь с громким лязгом рухнул с моста. Все померкло в его глазах...

Невыносимый смрад, проникший сквозь отверстия в шлеме, привел Клауда в чувство. Он с отвращением осознал, что лежит в трясине, заполнявшей ров, куда веками сливали помои и опорожняли ушаты из отхожих мест. То, что эта вязкая масса спасла его

при падении, уже не радовало: он чувствовал, как погружается в зловонную топь. Зеваки бросились к краю моста, за которым только что исчез сияющий на солнце рыцарь.

— Пропустите, пропустите! — закричал кто-то со сломанной оглоблей в руках.

Кричавший встал на колени и протянул оглоблю тонущему. Но жесткие доспехи не давали оружейнику ухватиться за спасительную жердь. Заклинивший шлем не давал шевелить головой. Он чувствовал подступающую к губам смердящую жижу, но ничего не мог поделать. В расширенных от ужаса глазах наблюдавших за ним людей Клауд читал свой приговор. Вокруг него хлюпали вязкие пузыри выходившего из-под доспехов воздуха. Один из них надулся прямо перед глазами и долго не лопался, словно дразня его. Грязь стекала с тонкой поверхности мутного шара, и тот постепенно становился прозрачным. Внутри пузыря проступили знакомые черты. Он с ужасом узнал Сидонию. Она тянула к оружейнику трепетные губы и шептала:

— Ну, поцелуй же свою любовь! Ведь ты объявил меня своей полюбовницей перед Богом и людьми. Не так ли?

Зачарованный ее мягким шепотом Клауд послушно разомкнул дрожащие уста, чтобы принять ее поцелуй, но вместо тепла прекрасных губ ощутил ледяной холод вонючей жижи, хлынувшей ему в рот. Видение зловеще расхохоталось, сотрясая тонкие стенки прозрачного шара. Пузырь не выдержал и лопнул, но залитые трясинной ушью не дали Клауду услышать хлопка. Не слышал он и суматохи, возникшей на краю моста.

Народ суетился, не зная, как помочь тонущему. Самые любопытные пытались протиснуться вперед, чтобы получше рассмотреть медленно погружающееся тело оружейника. И лишь помощница кухарки скучала неподалеку подавляя набежавшую зевоту. Она даже не шелохнулась, когда два стражника, стоявшие до этого на воротах, пропыхтели мимо нее в тяжелых доспехах. Разогнав зевак, один из них сразу же удачно зацепил латника подмышку своей длинной алебардой. Это на какое-то мгновение остановило погружение. Но тут на стражника напала тягучая сонливость. Алебарда стала погружаться в трясину вслед за оружейником. Стражник хотел выпустить ее, но пальцы не слушались и, казалось, срослись с древком. Потерянным взглядом он обвел стоявших вокруг, взывая о помощи. Однако то, что казалось ему криком, было лишь беззвучным дрожанием онемевших губ. Все смотрели на исчезающее в трясине тело, и только помощница кухарки не сводила с него глаз. Их взгляды встретились.

— Спаси меня! — еле слышно прошептал он непослушными губами.

Девушка слабо улыбнулась и едва покачала головой.

«Где я видел эту глупую улыбку и такой же рассеянный взгляд?» — подумал стражник, позабыв о тянущей вниз алебарде.

Помощница кухарки беззвучно шевелила губами, отчетливо проговаривая слова.

— Спаси меня! — прочитал он по ним.

— Она что, дразнится?! О-о-о нет! — холодный ужас понимания окончательно сковал его.

Точно также молила о спасении одурманенная черной ворожей девушка в охотничьем домике герцога!

— Сидония-я-я! — проорал он прорезавшимся вдруг голосом, падая вслед за алебардой, которую так и не сумел выпустить из одеревеневших рук.

К счастью, его последние минуты не были так ужасны, как страдания Клауда. Войдя в трясину головой, он долго не мучился.

Прибежавший на шум герцог истерически орал:

— Идиоты, спасайте доспехи! Им же цены нет!

— Еще двое, мамочка! — прошептала Венди и незаметно ускользнула на кухню.

— Малыш! Ты не представляешь что произошло! — заскочил за ней Дерек. — Нас с отцом вызвали на мост!

— Беги, любимый. Мы тебя догоним, — тихо ответила она, не выпуская из рук кошку.

После ухода Дерек она смогла без помех изучить кошачьи глаза, вспоминая, чему ее учила мама в далеком детстве...

~ ~ ~

Вича начала ворочаться. Сквозь ускользающий сон она увидела себя маленькой девочкой на лесной поляне. Какая-то тетенька учила ее, как искать черную энергию. Женщина достала из корзины черную кошку и протянула ей.

— Коснись носом ее уха, — услышала Вича. — Не бойся, дочка, она тебя не обидит!

«Почему она назвала меня дочкой?» — Конечно, в тетеньке угадывалось что-то близкое и родное, и пусть она не была ее мамой, но с ней было хорошо и спокойно.

Коснувшись мохнатого уха кошки, девочка поморщила нос от желания чихнуть, животное нежно замурлыкало в ответ. На поляне почему-то удивительно легко дышалось. Свежий лесной ветерок кружил среди высоких сосен, прозрачный воздух с запахом моря легко наполнял грудь. Вича никогда не думала, что можно вот так дышать, ничуть не напрягаясь.

«Зачем же взростеть, чтобы задыхаться?» — хотела спросить она эту милую женщину.

Но все вдруг закружилось в стремительном водовороте: и женщина, и кошка, и поляна, и сосны. Неведомая сила оторвала девочку от земли и понесла куда-то вверх. Деревья стали стремительно удаляться, а вместе с ними и удивительный воздух. Вот лес уже превратился в сплошную зеленую круговерть с голубым венчиком моря по краям.

— Не отпускайте меня! — беззвучно кричала она и тянулась к исчезающему круговороту. — Я остаюсь с вами! — И слезы будущих мучений заструились по ее щекам...

Вича очнулась от возобновившейся боли в пояснице и увидела, что лежит на плече у мужа, уткнувшись влажным от слез носом в его мохнатую бородку. Она не сразу поняла, где находится, и лишь спустя какое-то время сообразила, что лежит в собственной постели.

«Как я сюда попала? Когда Дича успел меня переодеть и принести наверх?»

Услышав, что она заворочалась, муж проснулся:

— Как ты себя чувствуешь, наркоша?

— А куда делась черная кошка?

— Какая кошка? Да вы, ваше благородие, нарезались! — одевая очки, улыбнулся он.

Вича долго смотрела на него затуманенным взором. Ее зрачки были необычайно широки. Он мог поклясться, что слышит, с каким скрипом ворочаются мысли в ее прекрасной одурманенной голове.

— Наверное, приснилось, — после долгой паузы пробормотала она и, упав на подушку, отключилась.

Дича аккуратно поправил грелку на ее пояснице и нежно накрыл одеялом. Он еще долго лежал, прислушиваясь к ее дыханию, и не заметил, как заснул, так и не сняв очки.

Глава 8

ВЫХОД В ЛЮДИ

Тридцать восьмой час

Уронив голову на подушку жены, посетитель тринадцатого бокса спал, не чувствуя, как съехавшие набок очки вдавились в надбровье. Его разбудила медсестра, которая никак не могла протиснуться к изголовью пациентки. В руках у нее был поднос с огромными пластиковыми шприцами, наполненными питательными смесями.

— Время ужина, — виновато улыбнулась она.

— Да, конечно, — вскочил мужчина, освобождая ей место.

Поправив очки, он увидел, как медсестра подсоединила к желудочному зонду шприц и стала медленно выдавливать его содержимое. Когда все шприцы были опорожнены, она промыла зонд питьевой водой. В этот раз врачи увеличили количество жидкости, чтобы помочь организму естественным путем бороться с жаром и сопутствующим ему обезвоживанием.

* * *

Вича долго не могла привыкнуть к чувству переполненного желудка. Но только так можно было защититься от повторных атак черных сил. После консультации с нефрологом ее записали на безоперационное разрушение почечного камня акустическими волнами. Но камень не стал дожидаться страшного конца и вышел сам буквально за день до процедуры. Он появился на белый свет со звонким стуком о дно детского горшка, специально приготовленным для его встречи, и вместо увлекательного путешествия по канализационным трубам в сторону балтиморского залива, оказался в клинической лаборатории. Больше о нем никто не слышал.

С тех самых пор Вича стала защищать свои почки от образования новых камней, ежедневным вливанием в себя по три литра травяного чая. Избыток воды неприятно распирает не привыкший к таким нагрузкам желудок.

Однако, Вича стойко переносила связанные с этим неудобства: «Уж лучше недолго побыть Водяным, с громко булькающим брюшком, чем растить очередную цель для атаки врагов!»

Несмотря на то, что почечнокаменные дела притянули непредвиденные расходы, их долги заметно уменьшались, и Дича стал подумывать о продолжении учебы. Для начала нужно было сопоставить пройденную им программу мединститута с американским медицинским образованием. Занималась этим государственная контора с менеджером по фамилии Каплан. Имя это ассоциировалось с тем, а точнее с той, кто не может довести ни одного дельного начинания до конца, и, следовательно, ничего хорошего не предвещало. Так и вышло. Выданное конторой заключение закрывало возможность закончить медобразование, но разрешало заниматься экспериментальной медициной и участвовать в конкурсе для поступления в аспирантуру. Увидев, как расстроился муж, Вича попыталась его успокоить.

— Быть ученым намного почетнее! Хороший ученый своими открытиями способен помочь миллионам. А сколько больных вылечит один врач?

На том и порешили. С благословения жены Дича ступил на научную стезю. Ему пришлось несколько раз сдавать национальный экзамен для аспирантов, пока он не набрал конкурентоспособные

баллы. Разослав документы по окрестным университетам, они стали терпеливо ждать.

И вот, наконец, пришло приглашение на собеседование в Балтиморский университет. Вича с необычным упорством упрасивала мужа взять ее с собой для моральной поддержки:

— А потом, я ни разу не была на могиле Эдгара По!

Это был один из ее любимых писателей, и они лишь недавно узнали, что похоронен он в Балтиморе. Место его погребения располагалось во дворе старинной часовни, что приютилась как раз на территории университета, меж высотных зданий из стекла и бетона. Дича и сам ни разу не был в той часовне, и они решили заодно навестить родоначальника жанра ужасов.

— Вдруг он нам принесет удачу?! — подбадривала Вича.

Муж и не догадывался об истинных причинах ее настойчивости. А у нее уже давно созрел план. Мимо ее ушей не прошло возмущение мужа на одной из вечеринок.

— Почему, интересно, государственные университеты обязуют иметь студентов из числа национальных меньшинств?! — недоумевал он. — С какой такой стати негры и мексиканцы имеют преимущество перед остальными абитуриентами?

— Так тебе же лучше! Ты тоже из меньшинства! — подбодрил его Тимоха.

— Вовсе нет! — вмешался в разговор Лелин бойфренд, которому Леля перевела суть разговора. — Русские меньшинством не считаются!

— Не гони! — не поверил Тимоха. — Нас в Америке намного меньше тех же мексиканцев!

— Может быть и меньше, да только вы цветом кожи не вышли!

Вспоминая ту перепалку, Вича глядела на конкурсантов и сразу выделила чопорного негра и смуглую девицу неопределенной расы. Пока Дича был на собеседовании, она отложила образ каждого из них в своей зрительной памяти. Когда ее будущий ученый муж вышел из кабинета, где заседала приемная комиссия, он весь светился.

— Ну, я там блистал! — не дожидаясь расспросов, радостно прошептал он. — Давай-ка на обратном пути снова заглянем к Эдгару и поблагодарим его за помощь!

Через неделю пришло письмо, в котором говорилось, что хотя Дэнис и произвел наилучшее впечатление на приемную комиссию, но другие претенденты были тоже сильны. Слабым утешением была заключительная фраза: «Комиссия поместила вас в резервный список. В случае отказа какого-нибудь из зачисленных вы займете освободившееся место».

— А что это значит? — спросила Вича поникшего мужа.

— Это значит, что у нас остался небольшой, но шанс. По правилам высшей школы ты можешь поступать хоть во все университеты сразу, и если прошел по конкурсу в несколько из них, то можешь выбирать любой. Когда ты сделал выбор, места в других университетах автоматически освобождаются для таких вот резервных кандидатов как я.

Вича выслушала его путаное объяснение, и лучик радости мелькнул у нее в глазах.

«А что же ты ожидал? — по-своему истолковал это Дича. — Мы только стали жить по-человечески».

Он получал невесть какую зарплату, но долги были выплачены, новая машина не предвещала непредвиденных расходов, в общем, можно было немного расслабиться и начать наслаждаться жизнью. А с аспирантской стипендией опять придется перебиваться с сосисок на макароны: «Конечно, по-своему Вича права. Кто знает, как долго моей малышке осталось греться под этим солнцем? Да и сам я себя не прощу, если она проведет свои последние годы в нищете. Наверное, так и должно было случиться. Все, что ни делается, к лучшему!»

Примерно в это же время другой кандидат испытывал совсем иные чувства. Скоро он станет аспирантом, а потом и профессором, как его отец. Папаша был прав, когда гарантировал ему успех на собеседовании:

— Эти демократы сами роют себе яму, борясь за наши с тобой права. Иди и не о чем не думай, твой цвет кожи и немного смекалки сделают тебя победителем над любым белым гением!

— Как скажешь, отец, так и будет! — его голос немного дрожал.

Однако, как только он увидел, что является единственным негром среди кандидатов, его нервозность как рукой сняло. Перед комиссией он держался уверенно, даже с легким налетом наглости. На вопросы отвечал быстро и без запинки, порою сам удивляясь своей эрудиции. Другие кандидаты были бы удивлены не меньше, если бы слышали, какие детские вопросы ему задавали. Но как бы то ни было, а от аспирантуры его теперь отделяла пара-тройка формальностей.

— Мне осталось подписать вот это письмо о моем согласии быть студентом их университетишки! — размахивал он листом гербовой бумаги перед лицами друзей, с которыми отмечал свой успех в самом популярном ресторане. — А я еще подумаю, достойны ли они меня! — перла из него спесь.

И он был прав. Негры, сумевшие сдать общенациональный экзамен хотя бы на требуемый минимум, были нарасхват и оставались хозяевами положения, чему новоиспеченный аспирант откровенно и радовался. Небрежно развалившись на заднем сиденье

такси, он все еще прибывал в пьяной эйфории. Весь его вид показывал кто здесь хозяин! Между тем машина повернула в сторону окружной дороги, по которой путь к его дому был длиннее, а стало быть, и дороже.

— Куда это ты намылился? А ну-ка давай через город! — грубо скомандовал он.

— В городе могут быть пробки, — с сильным акцентом ответил таксист.

— Какие пробки в двенадцать ночи?! Ты кому мозги полощешь? Делай, что велено!

Тихо выматерившись, таксист развернулся в сторону города. Проезжая кварталы местных люмпенов, Тимоха понял, что накаркал. Улица была полностью забита разношерстной публикой, с шумом и гамом вытекающей из рок-клуба. Концерт закончился, и огромная толпа меломанов, пестревшая металлистами и рокерами, искала выход своей энергии. Двое здоровых молодчиков в кожанках-косухах тащили на своих плечах пьяного в хлам товарища и орали:

— Эй, шеф, отворяй ворота! Мы тебе халтуру надыбали!

— Куда, куда? У меня пассажир!

— Какой такой пассажир?

Тимоха обернулся. С заднего сиденья на него смотрел одинокий лакированный ботинок.

— Трогай! — скомандовали парни, еле уместившись сзади.

— Зачем негру на пальме туфли? — рассмеялся один из них и вышвырнул башмак в окно.

— Чтобы бананы сбивать! — заржал в ответ другой.

Их пьяный товарищ на мгновение открыл глаза и тихонько хихикнул, сам не зная чему. А бесцеремонно выкинутому на улицу хозяину жизни было не до смеха. Пришибленный, он сидел на обочине в одном ботинке, не понимая, почему философия его отца не сработала на этот раз. А ответ был прост. На несколько миль вокруг никому даже и в голову не могло прийти, что он может быть хозяином не то что жизни, а вообще хотя бы чего-нибудь. К великому сожалению, несостоявшийся аспирант так никогда и не узнает, что через каких-нибудь полтора десятка лет один из них станет не только хозяином жизни, но и хозяином всей страны...

То, что виккианская воительница начала показывать зубы, насторожило черных сестер. Теперь приходилось считаться с ее силой, и они решили зайти с другой стороны...

В тот майский вечер ничего не подозревающий Дича, как обычно, спешил на халтуру. Он покинул здание своей лаборатории и торопился успеть на подкидыш, который развозил работников по автостоянкам на окраине города. Конечно, он мог ставить машину на

территории университета, но за это удобство пришлось бы платить в четыре раза больше. В денежном эквиваленте эта разница составляла их недельный запас продуктов, поэтому выбирать не приходилось.

Пешеходам горел красный свет. Дича стоял в первых рядах и с нетерпением смотрел на светофор. Пронесшийся мимо автомобиль обдал его необычайно холодной для мая волной воздуха. Он поежился и поднял повыше воротник куртки. Его немеющий мозг не сразу зарегистрировал разрешающий сигнал. Увидев зеленый, он смутился своей нерасторопности.

В этот момент Дича совершенно позабыл об особенностях американских светофоров. А они отличались тем, что после красного света сразу загорался зеленый. Желтый же сигнал шел только после зеленого. И в этом было свое рациональное зерно. Увидев желтый свет, водитель точно знал, что нужно тормозить, поскольку единственным продолжением мог быть только красный. Но советская привычка начинать движение на желтый была у него в крови. Поэтому, когда он увидел зеленый, то сразу решил, что весь желтый свет продержал стоящих за ним пешеходов: «На меня уже, наверное, смотрят как на отмороженного и вот-вот начнут напирать сзади!»

Высоко поднятый воротник закрывал от него дорогу. Выглядывать из-за него и еще больше выставлять себя на посмешище не хотелось. Дича торопливо шагнул вперед. На проезжую часть ему ступить так и не удалось: раздался пронзительный визг тормозов, после чего все шумы города стихли.

«Что произошло? — попытлся он подняться с асфальта. — И когда это успел опуститься туман?»

— Не шевелись! — прозвучал чей-то нервный голос.

— Почему со мной говорят по-английски?

Постепенно до Дичи стало доходить, где он и что он. Похоже, его сбила машина, а пелена перед глазами объясняется просто — на носу не было очков. Парамедик из подъехавшей «скорой» ощупал его голову и поинтересовался, какое сегодня число.

— Числа не скажу, но знаю точно, что среда, — уверенно ответил Дича.

Конечно! По средам были его смены в фитнес-центре, а у советского человека, даже разбуженного среди ночи, от зубов будет отскакивать его рабочий график. Все та же совковость двигала и его последующими действиями. Как он узнал позже, ему следовало играть умирающего лебедя и стонать так, чтобы даже у самого толстокожего свидетеля навернулись слезы жалости.

На шум прибежали работники его лаборатории, и Сю успокоила:

— Дэнис, не переживай, я поеду с тобой в больницу.

«Поеду» — громко сказано, больница была в двух шагах. Убедившись, что может наступать на ногу, по которой пришелся удар бампером, Дича отказался от госпитализации.

«Какая, к черту, больница?! Я опаздываю на смену», — крутилась в голове беспокойная мысль.

В фитнес-центр он приехал, уже сильно припадая на ногу. Окривевшим его коллегам-соотечественникам он вкратце пояснил причину своей хромоты.

— Ты что, идиот?! — возмутился самый опытный из них, за плечами которого было уже несколько лет борьбы за выживание в Америке. — Тебе следовало сейчас лежать в больнице и жаловаться на все на свете!

Тут Дича выслушал длинную лекцию о том, что многие в этой стране только и мечтают о такой ситуации:

— При правильно поставленном деле из этого происшествия можно выжать приличные деньги, а если повезет, то и пожизненную пенсию!

— Каким образом?

— А таким! Надо заявить, что из-за психологического стресса от удара у тебя постоянно болит голова и разладилась половая жизнь. Ни то, ни другое никакой экспертизой не опровергнешь!

Увлеченные беседой, они не сразу обратили внимание на шум около дальнего массажного стола. Там заканчивал работу еще один представитель дешевой массажной силы из бывшего Союза, знаменитый тем, что не мог себе отказать в стаканчике-другом красного винца на «ход руки», как он любил говорить. Похоже, в тот день он принял лишнего, отчего руки его ходили особенно энергично. Его собратья по разминанию буржуйских тел сначала с интересом, а затем с неподдельным ужасом наблюдали за происходящим. Закончив работу, любитель красненького бодро вытирал массажное масло со спины клиента. Высунув от усердия язык, он лихо орудовал влажным полотенцем.

Лежавший на столе респектабельный толстосум выглядел скорее жалким, чем уважаемым. С глазами висящего над пропастью альпиниста он судорожно хватался за кромку массажного стола и пытался что-то сказать. Мощные обжимы не давали его легким расправиться, а потому издаваемые звуки напоминали довольное побрякивание. Буржуйское тело послушно елозило вслед за сильными руками массажиста. Все еще покрытая массажным маслом грудь, словно по льду, каталась по поверхности стола. Упоенный своей работой золотых тел мастер не замечал, что вверенное ему тело находится в опасной близости от противоположного края стола. Какое-то мгновение усердный трудяга еще работал полотенцем, пока не сообразил, что вытирает пустой стол. Распрямившись, он

недоуменным взглядом обвел зал, не понимая, каким образом белые тела местного богатея выскользнули прямо из рук. Откуда-то снизу донесся отборный английский мат. Заглянув под стол, горе-массажист обнаружил там свою пропажу и участливо поинтересовался:

— Чего потерял?

Босс массажного зала долго не мог успокоить хохочущий персонал. Дича даже позабыл о своих неприятностях и веселился вместе со всеми.

— В общем, отправляйся домой, — хриплым от смеха голосом напутствовал его ветеран американской жизни, — или тебя подвезти?

— Да нет, спасибо. Сам доберусь.

То ли все знающий советчик накаркал, то ли посттравматический шок прошел, но у Дичи действительно начала болеть голова. Нога все больше отекала, и на нее уже было страшно смотреть. На этом его смена и закончилась. Расстроенный своей глупостью и неопытностью, он отправился домой.

А потом начались бесконечные походы по юридическим консультациям.

— Мы не берем за свои услуги ни цента! — встретили их в первой же конторе, — до тех пор, пока не выиграем ваше дело. Но коль скоро дело выиграно, мы забираем треть от высуженных денег.

— А если проиграете?

— Тогда мирно расходимся, — улыбнулся юрист, — и никто никому ничего не должен! Ну что там у вас стряслось?

По мере рассказа глаза адвоката загорались, и он в предвкушении потирал руки.

— Водителя сбившей меня машины сначала и найти-то не могли! — пересказывал Дича слова Сю. — Эта мулатка сразу же выскочила из машины и начала бегать в поисках свидетелей!

— Мулатка? — переспросил юрист.

Пыл его быстро улетучился:

— К сожалению, я вам вряд ли смогу помочь. Слишком много дел знаете ли! Попробуйте другую контору.

Но и в других конторах все, словно сговорившись, дружно отказывались от ведения процесса, как только узнавали, что за рулем была темнокожая. В конце концов, удрученная пара нашла молодого адвоката, который согласился с ними работать.

— Правила игры такие, — инструктировал он Дичу. — Чем больше ты потратишь денег на лечение, тем большую компенсацию за боль и страдания я смогу тебе высудить у страховой компании водителя.

И Дича стал ходить по врачам и физиотерапевтам как на рабо-

ту. Несмотря на интенсивность процедур, нога заживала медленно, а воспалительная жидкость в колене никак не хотела рассасываться. Но все когда-то проходит, перестал хромать и он. Шло время, они жили в ожидании жирного чека от страховой компании мулатки. Но вместо денег, как гром среди ясного неба, пришла повестка в суд.

— Другая сторона нашла свидетеля, который утверждает, что обвиняемая ехала на зеленый свет, — объяснил адвокат.

По дороге в суд Вича увещевала мужа:

— Забудь о джипе. И давай договоримся, что если ничего не выйдет, то мы не будем расстраиваться!

Да, они уже мечтали о маленьком джипе с открытым верхом, в котором было бы удобно возить Ладу. И денег, что планировал выслать адвокат, как раз хватало.

«Ну а как жить без мечты?» — спросил себя Дича, а вслух согласился: — Да, конечно. Иногда шальные деньги выходят боком своим удачливым владельцам!

Они были готовы к поражению в честном бою, но не к тому, что произошло. Началось с того, что их адвокат совсем сник, увидев, что судья негр. Затем он зачем-то разговорился с таким же молодым, как и он, юристом мулатки. Слово за слово, и он проболтался, что это первый случай со сбитым пешеходом в его практике. Тут-то Дича и понял, что их юрист-молокосос просто решил набить на них руку!

Все это время Вича сидела в зале вместе с любителями поглазеть на чужие дразги и родственниками участников судебных разбирательств. Дела здесь слушались один за другим, как на конвейере, и она терпеливо ждала, когда вызовут ее Дичу. И вот, наконец, прозвучала их фамилия. На место обвиняемой села расфуфыренная шоколадная красавица. Она была представлена суду как секретарша одной известной фирмы, название которой, однако, Виче ни о чем не говорило.

Первым выступал свидетель защиты. Это был низкорослый негр средних лет.

— Я вышел на перекур и видел все, с начала и до конца, — бодро начал свидетель. — Горел красный свет, и потерпевший сам шагнул под машину!

Тут адвокат Дичи заметно оживился, в его глазах появился огонек:

— Вы соблюдаете правила больницы и курите только в специально отведенном месте?

— Да, конечно.

— И где же находится это место? — поинтересовался адвокат, подходя к диаграмме происшествия.

Вокруг больницы там и сям были разбросаны застекленные автобусные остановки, где любители табака могли с удовольствием травить друг друга. Ближайший курительный колпак, на который указал свидетель, стоял за углом главного корпуса, из-за которого при всем желании нельзя было увидеть перекресток.

— И как же вы смогли разглядеть светофор?

— Ну, я видел, что машины ехали, — проямлил свидетель. — Ну а раз ехали, стало быть, им был зеленый.

— Так вы видели сигнал светофора или нет?

— Я же сказал! Машины ехали.

— Мне нужен простой ответ: да или нет!

«Плакали мои денежки», — грустно подумал свидетель и виновато зыркнул в сторону защиты, неопределенно пожимая плечами.

Так и не дождавшись ответа, судья вызвал обвиняемую.

— Я ехала на зеленый свет! — бросилась она с места в карьер. — А этот недалекий гражданин прыгнул мне прямо под колеса. Да вы посмотрите на его толстенные очки. Он же дальше своего носа ничего не видит!

Судья с интересом разглядывал подсудимую. Облаченная в шикарное дизайнерское платье, она стояла рядом со своим адвокатом и не давала ему вставить слова. Когда ей были показаны фотографии травм потерпевшего, она театрально хмыкнула:

— А какие ко мне-то могут быть претензии? Сам виноват! Меньше ворон считать надо!

«Как ты, смазливая скотина, посмела сделать моему Диче больно? — беззвучно шептала Вича. — А теперь еще и стоять здесь как на подиуме для показа мод?!» — Клокотала в ней нарастающая ярость.

Темнокожая красotka откровенно любовалась собой. Мужчины в зале не сводили с нее глаз. Она с упоением купалась в их недвусмысленных взглядах.

«Неужели кто-то думает, что суд признает обоснованными притязания этого тупого иностранца, который и двух слов связать не сможет?» — всем своим видом говорила она.

Зал был побежден, и она потеряла к нему интерес. Вернувшись на место, обвиняемая выдвинула из-за стола стул намного дальше, чем нужно, и уселась со скучающим видом. Теперь стол не закрывал ее ног от высоко сидевшего судьи. Как бы невзначай она так умело одернула платье, что оно не прикрыло, а наоборот, еще больше обнажило ее точеные бедра. Сидевший рядом защитник покосился на поднятый до грани приличия подол и слабо улыбнулся. Его клиентка поняла это как одобрение и в довершении всего закинула ногу за ногу. Эта выходка не осталась без внимания судьи. Его взгляд медленно скользил по вызывающе обнаженному

бедру. В отличие от вершителя правосудия, зал не мог усладиться этим зрелищем. Защитник мулатки, как нарочно, тоже выдвинулся из-за стола и закрыл собой самое интересное.

«А я бы не отказался потешиться танцем этих бедер на моих коленях», — подумал судья, забыв о слушании.

Никто на свете не знал о его излюбленном времяпрепровождении. Он был отличным конспиратором. Ссылаясь на дела, он оставял дома жену с детьми и отправлялся в один из стриптиз-баров на одноименной с городом улице. Прошедшие выходные не были исключением. Поздним вечером он подъехал к знакомой стоянке. Перед тем, как выйти из машины, он привычно наклеил себе усы и надел кустистый парик с черными завитушками «а ля семидесятые». Родной бар встретил полумраком и привычной пустотой. Сердце его учащенно забилося в предвкушении любимого развлечения. Он с легкой самоиронией вспомнил свое первое появление в этом злачном месте.

«А туда ли я попал?» — думал он, обводя взглядом мрачное заведение.

Полупустое помещение с рассеянными поодиночке посетителями совсем не походило на ожидаемое великолепие мужского рая. Его воображение рисовало яркий гламурный зал, до отказа набитый разудалыми подвыпившими парнями. Выкрики и одобрителный свист должны были взрывать атмосферу ночного клуба после каждого эффектного трюка полуголых девиц, выющихся вокруг отполированного телами шеста. Все эти картины, почерпнутые им из многочисленных фильмов, не шли ни в какое сравнение с тем, что он увидел. Шест был, спору нет. Даже не один, а целых два, и были они расположены по краям подиума, что тянулся узкой дорожкой вдоль стойки бара. Полуголые девицы тоже присутствовали. Они скучно, как карусельные лошадки, вышагивали перед редкими посетителями. Дойдя до конца дорожки-подиума, они брались за шест, но только для того, чтобы развернуться и с такой же кислой миной отправиться в обратный путь.

Разочарованный такой безрадостной картиной, судья направился к выходу. На полпути он вдруг почувствовал чье-то нежное прикосновение к своему рыхлому брюшку. Маленькая ладошка принадлежала пухленькой девушке с обворожительной улыбкой. Ее молочно-белое тело светилось в темноте и влекло своей полуприкрытой наготой. Непреодолимое желание овладеть белой женщиной взяло верх над отвращением к этому мрачному месту. Он позволил ей отвести себя к бару, где они уселись поодаль от других посетителей. После третьей бутылки пива он, наконец, оценил практичность окружающей обстановки. Он бы чувствовал себя крайне неудобно, если бы рядом кто-то сидел и видел, как девушка

невзначай положила руку ему на колено и принялась что-то жарко рассказывать в самое ухо. Возбужденный самец не вникал в ее болтовню, но, очевидно, история требовала того, чтобы ее рука поднималась все выше и выше...

Перемещения на подиуме выдернули судью из приятных воспоминаний. Он неохотно оторвался от голых коленок. К сожалению, на подиуме была не соблазнительная стриптизерша, а давал показания невзрачный потерпевший.

— Я переходить улицу на зеленый свет! — уверял суд молодой человек в толстых очках.

От волнения и творящейся несправедливости его грубый акцент был особенно заметен. Он так перевирал слова, что под конец его объяснения превратились в полную кашу.

«Разве это соперник! — ухмыльнулась мулатка. — Да я ни в чем и не виновата. Все из-за того идиота, что ехал передо мной и не захотел проскакивать на желтый. Вот мне и пришлось объезжать его справа. Кто же мог знать, что под колеса бросится этот подслеповатый придурок?»

Она наблюдала за жалким зрелищем, разворачивавшимся перед судьей, и чувство собственной безнаказанности окончательно укрепилося в ней.

«Может, уже и был красный, — внутренне соглашалась она, — но кому веры больше? Уж точно не этому иммигрантишке, из-за которых уже по улице нельзя спокойно проехать!»

Она продолжала ловить на себе восхищенные взоры из зала, пока не почувствовала сверлящий взгляд какой-то замухрышки. Одно мгновение та выглядела сутулым подростком, другое — сгорбленной старухой. Худой заморыш смотрел на нее глазами опытной, выдавшей виды женщины, и что-то бубнил себе под нос. Мулатке показалось, что девушка как-то неестественно широко зевнула, и в этот момент ярко-зеленая пелена заслонила от шоколадной красавицы зал. Перед глазами замелькали зеленые всполохи, которые плавно превратились в кроваво-красное марево.

«Совсем как светофор», — тряхнула она головой.

Когда красная пелена рассеялась, худышкино кресло зияло пугающей пустотой...

На следующий день мулатка ехала домой и с удовольствием вспоминала растерянное лицо потерпевшего во время чтения приговора суда.

— После дискредитации свидетеля остались только слово потерпевшего против слова обвиняемой, — монотонно читал судья. — Для суда этого оказалось недостаточно для вынесения обвинительного приговора. Обвиняемая в наезде оправдана!

Снова и снова проигрывая в голове свой триумф, она, как

обычно, ускорила, чтобы проскочить знакомый перекресток на желтый свет. Но на этот раз, по странному стечению обстоятельств, не глупый иммигрант с заплечной сумкой, а ярко-зеленая помойная машина встретила ее на пути.

Заметив, что пересекающим перекресток машинам включился желтый сигнал, водитель мусоровоза снял ногу с тормоза и приготовился к движению. Автоматическая коробка передач чуть-чуть подтянула грузовик вперед. Этой малости оказалось достаточно, чтобы поймать на бампер несущуюся наперерез легковушку. Удушающий запах расплескавшихся помоев из мусоровоза ударил шоколадной красотке в нос. Все ее тело обволокло липкое тягучее зловоние. Скрежещущий и корбящийся металл сковал ее, словно рыцарские доспехи. Последнее, что она видела, была выстрелившая из руля воздушная подушка безопасности. Летящий в лицо белый пузырь вдруг стал истончаться и менять цвет, превращаясь в огромный грязный шар, с краев которого стекала вонючая жижа. Когда поверхность пузыря освободилась от зловонной мути, на ней появилось отражение удивительно голубого неба. По верху прозрачной сферы дугой выгнулся деревянный мост. На нем толпились люди в старинных одеждах и с ужасом смотрели вниз. За их спинами возвышался мрачный замок и давил своей массой на обездвиженную мулатку. Она чувствовала, как погружается в вязкую безысходность. Тень от замка накрыла пузырь, и необычная картина средневековой толпы исчезла. Теперь стало видно, что внутри тонкой сферы кто-то находится. Оттуда на шоколадную красавицу смотрело до боли знакомое девичье лицо. Совсем недавно она уже натыкалась на этот колючий взгляд, но где, вспомнить ей было уже не суждено. По неизвестным причинам подушка безопасности не выполнила своего предназначения. На полпути она неожиданно лопнула. Ее громкий хлопок огласил окрестности о расплате за посягательство на семью виккианской воительницы...

Несмотря на неудачный исход судебного разбирательства, несясь как-то вдруг отступили.

— За черной полосой всегда следует светлая! — жизнеутверждающе заявил Дича. — А как же иначе?!

— Да, любимый, — кротко соглашалась Вича.

Она не разубеждала мужа, хотя полагала, что те, кто пытается выжить их из этой страны, уже поняли, что связываться с ней и ее семьей стало небезопасно.

Тридцать девятый час

На улице было не по-зимнему тепло. В боксе становилось жарко, и дежурный врач разрешил приоткрыть окно. В комнату ворвались звуки ночного города, и на душе у Дичи стало совсем мутно.

«Где-то кипит жизнь! — Слышал он веселый смех на улице. — И никому дела нет до нас с Вичей и до нашей беды».

Дича сидел и думал, что каким бы огромным ни было их горе, оно останется крохотной песчинкой в круговороте бескрайней Вселенной. Не пройдет и мгновения в этой бесконечности, а уже никто не вспомнит, что жили, любили и страдали такие вот Дича и Вича. Пусть жизнь их была нелегкой, но были и у них свои маленькие радости. И эти короткие искорки счастья стоили того, чтобы жить. Ведь только ожидание чего-то хорошего и светлого помогает человеку идти по этому трудному пути под названием жизнь.

Он вспомнил, как вот так же, смеясь на весь ночной Балтимор, они с друзьями ходили ряженными в день Всех Святых. Вича с Лелей долго готовились к этому празднику. Они целыми вечерами обсуждали свои будущие костюмы и жили в предвкушении маскарада. За год до этого они уже выиграли один из конкурсов костюмов. В русском ресторане, где был маскарад, их стол был признан самым живописным. В этом году девчонки тоже не хотели ударить в грязь лицом, и каждый день делились новыми идеями. Как-то Лелин бой-френд шутливо предложил Виче:

— А почему бы тебе в этом году не быть ведьмой? Вон и наш сосед-бузотер думает, что ты она самая и есть!

— Точно-точно! — поддержала его Леля. — Еще и колядовать к нему пойдем! Вот будет смеху!

— Да и имя у тебя походящее! — подливал масла в огонь Лелин ухажер.

— А причем тут имя? — не поняла Вича.

— Ну, как же! Ведь «Вич» по-английски и означает ведьма!

— Никогда об этом не думала!

А ведьма из Вичи в тот год действительно получилась отменная, и вся компания веселилась от души. На маскараде самая красивая ведьма летала как на крыльях и была на седьмом небе от счастья. Глядя на нее, сердце Дичи пело. Он не сомневался, что если бы в тот вечер у Вичи была метла, то она непременно взмыла бы под облака...

«Ничего! У нас еще будут такие же счастливые моменты. Обязательно будут! — пообещал он своей спящей красавице. — Ты только просыпайся поскорее. Пожалуйста!»

Сквозь открытое окно вместе с уличным смехом в бокс ворвался шум пропеллеров. Из ночного неба материализовался огромный вертолет с красным крестом на борту. Сделав круг, он завис над соседним корпусом. По углам плоской крыши включились прожектора и осветили посадочную площадку. В боксе стало светло как днем, мощная струя воздуха принесла с улицы резкий запах отработанного керосина.

Вича проснулась и с трудом разлепила глаза. За разрисованным снежной мозаикой окном таунхауза хмурилось холодное утро. Стекла слабо дребезжали, поскрипывая инеем. Прямо под окнами сосед опять разогревал свое старое такси. На часах было еще шесть утра, а он уже сидел и газовал на весь двор. Крякающие и чихающие звуки убитого мотора разлетались по морозному воздуху и будили всю округу. Едкий запах несгоревшего бензина проникал даже сквозь хорошо законопаченные рамы. Конечно, если бы здесь жили приличные американцы, они бы давно поставили наглеца на место. Но окружающие таунхаузы сдавались малоимущим, и проживающий в них контингент особой привередливостью не отличался. Да и были они, в своем большинстве, еще не вставшие на ноги иммигранты из бывшего социалистического лагеря. Они бы и рады пожаловаться, да одного желания мало. Для начала им надо было выучить язык, на котором разговаривали в жилконторе.

Но нет худа без добра. Такое соседство имело и свои выгоды. Вызываемые у соотечественников волны негативной энергии служили хорошей подпиткой для Вичи. Однако ради своего любимого ее уже давно подмывало утихомирить наглеца. Дича напряженно учился, стараясь уложить в четыре года шестилетнюю программу аспирантуры, и лишняя нервотрепка ему была ни к чему. Вчера он опять просидел за учебниками допоздна и залез к Виче под бочок, когда было уже давно за полночь. Дича хронически недосыпал.

— Лишняя минутка сна — это мешок здоровья! — зевал он по утрам и тянул до последнего, недовольно выключая будильник.

А тут дорвавшийся до свободного общества жлоб из позабытого богом местечка в очередной раз украл не мешок, а целый вагон того самого здоровья. Обнаглевший таксист продолжал самозабвенно газовать. Неотрегулированные клапаны стучали металлическими молоточками прямо по мозгам.

— Взорвался бы он уже когда-нибудь, что ли! — в сердцах бросил Дича. — Откуда такое наплевательское отношение к людям?

Вся округа выла от беспардонного соседа. Чего окружающие только ни делали. И просили, и совестили, и даже как-то отрядили Лелиного бой-френда пожаловаться домовладельцу, но все было без толку.

— Я законы знаю! — выпендривался жлоб. — Вам не жаловаться надо, а просыпаться пораньше. Кто рано встает, тому Бог подает!

— Тут он прав. Ничего не попишешь! — отвечал Дича на возмущение жены. — В отличие от Союза, здесь шумный период привязан не к часам, а к солнцу. Солнце взошло — шуми не хоч. Солнце село — молчи в тряпочку.

— То-то бы молодежь в Питере, с его белыми ночами, обрадовалась бы такому закону! — поспешила развеселить мужа Вича.

Но они были не в Питере, да и на дворе был не май месяц. За окном стоял январь, а зимой она всегда себя плохо чувствовала. Вот и в это морозное утро Вича только успокоилась после беспокойной ночи. До самого рассвета она, как могла, боролась с першением в горле. Чтобы не будить уставшего Дичу своим кашлем, она один за другим сосала мятные леденцы, так что к утру вся тумбочка была в пестрых фантиках.

В шесть утра, как по расписанию, их оконные стекла зазвенели от надсадного воя мотора. Накинув поверх пижамы зимнюю куртку, Дича выскочил на улицу.

— Эй! Ты, законник хренов! — заорал он хриплым ото сна голосом. — Солнце еще не взошло. Давай глуши свою таратайку или выезжай со двора.

— Задницу не отморозь! — открыв дверцу, ответил тот, нагло гоготнув.

— Рот закрой, а то мозги простудишь! — рассвирепел Дича. — Хотя, я смотрю, тебе и простужать-то нечего!

— Будешь много трындеть, я скажу в жилконторе, что ты незаконно держишь собаку! — припугнул наглец, и с самодовольной ухмылкой захлопнул дверь своей колымаги.

— Еще громче хлопни, а то на другом конце города не слышно! Тогда может твой рыдван развалится быстрее!

Вставшая Вича присела на подоконник и ловила каждое слово перепалки. Бурлящее негодование подкатило к горлу, и в нем снова запершило.

— Не трать нервы на этого жлоба, — успокоила она вернувшегося Дичу. — А вот про Ладу он зря сказал, — добавила она сквозь кашель, глядя вслед уезжающей машине.

«Ловко я его прищучил с барбосом! — веселился узколобый водила. — Вот они у меня где!» — и потряс в воздухе своим волосатым кулаком.

Не успел он опустить руку, как перед его глазами вдруг закувыркалась соседская собака. Похожая на белого медведя, она творила что-то невообразимое. Ее шерсть, припорошенная снежной пылью, серебрилась в лучах придорожных фонарей. Позабыв обо всем на свете, таксист неотрывно следил за ярким пятном, прыгающим по дороге. Вдруг фонари погасли. Густые утренние сумерки окрасили собачью шкуру в серый цвет. Подъехав ближе, он увидел не добродушного пса, а оскалившегося волка с налитыми кровью глазами. Ничего не соображая, он резко вывернул руль. Его колымага юзом влетела на заснеженную боковую улочку и, набирая ход, понеслась под гору. Машина билась, как бобслейный

боб, то о левый, то о правый поребрик. Из темноты показался поворот, ведущий в тупик. Перепуганный водила ударил по тормозам. Машину закрутило на нечищенной дороге и со всего маху кинуло на бордюр. На выраже погнутое колесо отлетело, и такси выбросило на обочину. Домой скандального соседа привезли друзья-таксисты. Пока его колымага была в ремонте, вся округа наслаждалась крепким и здоровым сном. А сам нарушитель спокойствия пребывал в непрерывном пьяном угаре. В сотый раз он задавался одним и тем же вопросом: «Что это было? Неужели болтовня о том, что моя соседка ведьма, правда?»

Он вспомнил, как после очередной гулянки его пьяные гости с интересом рассматривали черную тюль на окнах соседей.

— Да у тебя тут ведьма живет! — с наигранной дрожью в голосе говорили они. — Так вот почему твоя машина так часто ломается!

Он тогда промолчал и не стал усугублять ситуацию рассказами о других странностях соседей. Каждый вечер молодая пара ходила в ближайший лесок выгуливать свою огромную собаку. И в этом не было бы ничего удивительного, если бы время от времени сосед не возвращался домой один.

«Наверное, она там превращала свою собаку в волка и ездила на нем на ведьмины посиделки!» — смеялась над впавшим в детство таксистом его хмельная фантазия.

Откуда ему было знать, что соседка была человеком творческим и писала стихи. Под присмотром Лады она оставалась наедине с природой, ища вдохновения. Во всяком случае, так она говорила мужу. Дича не замечал, что эти походы за вдохновением совпадали с полнолунием, и с пониманием относился к коротким уединениям жены. Он по себе знал, что иногда надо побыть одному, чтобы отвлечься и привести мысли в порядок. Тем же самым сейчас пытался заняться и наш безлошадный таксист. Но только его мысли в порядок не приходили. Скорее наоборот, они еще больше путались, и он уже с трудом отличал фантастические грезы от действительности.

«Ну ее к едрене-фене! — решил он под утро. — Как получу назад машину, буду парковаться на улице. А то себе дорожке выходит!»

Но, как говорится, умная мысль приходит опосля. На этом его беды не закончились. Через неделю ему пришло письмо из налоговой инспекции, которая приглашала его на проверку. Как и все таксисты, он вносил в налоговую декларацию лишь часть заработанных денег. Остальное вычитал на липовые ремонты машины и горюче-смазочные средства, а кое-что и вовсе тупо укрывал. Так как с таксистами рассчитывались в основном наличными, то подкопаться к ним было непросто, и налоговые службы их обычно не трогали. Таксистская братия привыкла к такому положению дел,

поэтому неожиданное письмо от налоговиков вызвало среди них немалый переполох. Сам же «везунчик» пребывал еще какое-то время в безоблачном неведении, поскольку в английском был не силен, и смысл гербовой писульки не сразу разобрал.

— От вас, умников, все зло! — набросился протрезвевший бомбила на Тимоху, который по просьбе Вичи перевел коллеге по автопарку содержание письма.

Другой «умник», но уже из налоговой инспекции, вывел его на чистую воду и доказал, что доход таксиста был намного больше, чем тот декларировал. Заплатив штраф и налоги с утаенных денег, сосед решил, что теперь-то он чист перед законом и может расслабиться. Расслаблялся он долго. Уже больше недели во дворе стоял его драндулет с новыми колесами и скучал по хозяину и их утренним распевкам. Но не успел его хозяин выйти из запоя, как тут же нырнул обратно в хмельную реку, прячась от нового удара судьбы. На его столе лежало залитое пивом уведомление из управления льготным жильем. В нем сообщалось о том, что поскольку его доход оказался выше ранее заявленного, то он теперь не считается малоимущим и обязан освободить занимаемую жилплощадь.

Выселение получилось шумным. По двору нескончаемым потоком лились проклятия. Досталось всем, а особенно ведьме, живущей за стенкой. Хотя, по большому счету, он должен был благодарить ее за проявленную мягкость. Как выходец из Старого Света, он был помилован. Не могла же Вича рубить сук, на котором сидела. Энергия, излучаемая эмигрантами из матушки Европы, легко покорялась ей и была недоступна черным сестрам. Поэтому сосед, к счастью теперь бывший, являлся частичкой плацдарма для виккианского сестринства. Но обозленному на весь белый свет таксисту было невдомек, какой великой цели он служит!..

После отъезда возмутителя спокойствия жизнь вошла в спокойное русло. Дича учился. Вича вела хозяйство. В компании кота и Лады она уже не так скучала, но чего-то все-таки не хватало. Она чувствовала себя совсем неплохо, и мысли об увеличении семейства уже не казались ей пустыми мечтами. Из медицинской литературы Дича узнал, что небольшой процент женщин с ее заболеванием имеет возможность рожать вполне здоровых детей. Вича хотела девочку, и муж не возражал. Имя было выбрано, и они уже называли ее между собой Алиской. Время шло, а их желание никак не воплощалось в действительность.

— Может, удочерим девочку из России! — как-то предложил Дича.

— Я тоже об этом подумывала! — обняла его Вича. — Да и мама совсем недавно предложила!

Эмма быстро навела мосты с коллегами из местных родов.

Но, как назло, когда уже почти все было обговорено и улажено, разразились первые скандалы с усыновлением российских детей за границу. Связаны они были тогда не с гибелью детишек от рук приемных родителей, а с массовым незаконным вывозом малышей из страны. Больше всех в этом преуспела Италия, где вывезенные дети бесследно исчезали. Ходили страшные слухи о черных маклерах человеческих органов. Было ли это правдой, не сообщалось, но гайки закрутили крепко, убив надежду многих бездетных семей усыновить малыша из России. Навестившая их в тот год Эмма рассказывала о своих хождениях по роддомам и с грустью смотрела на дочь. Ее взгляд становился еще печальнее, когда она наблюдала за тем, как та нежно держит на руках купленного для племянницы пупса. Пупс выглядел как живой и придавал Виче вид благородной мамы. Только вместо счастья в ее глазах стояла беспредельная тоска. Глядя на дочь, Эмма вспомнила тот день, когда Яну привезли из роддома с недельной малюткой. Новоиспеченная бабушка помнила, как дрожали от избытка чувств руки Вичи, как она прижала к себе этот живой кулечек и со слезами радости раскачивалась из стороны в сторону вместе с новорожденной племянницей.

— Никуля, тебе надо своего! — выразила тогда общее мнение Янина свекровь...

Чужие дети растут быстро, и Диана уже собиралась в первый класс. А на пороге взрослой жизни ей нужно было обязательно навестить тетю в Америке.

— Как ты вымахала! — воскликнула Вича, присев перед смущенной Дианой и жарко ее обняв. — Если бы не твоя мама, ни за что бы тебя не узнала!

На парковке нью-йоркского аэропорта их ждал расплывшийся в улыбке Зосим. Он с гордостью посадил внучку в свой микроавтобус, приговаривая:

— Смотри, Диана, какой у деда автомобиль! Устраивайся поудобнее. Сейчас будем показывать тебе Америку!

Всю дорогу из Нью-Йорка сестры щебетали в глубине салона, оставив дедушку и дядю на растерзание маленькой почемучке. Но вскоре избыток впечатлений сморил девочку, и истерзанные ею экскурсоводы взяли передышку.

С приездом гостей у Вичи открылось второе дыхание. Она без усталости болталась с ними по музеям, аттракционам, местным достопримечательностям и, конечно же, магазинам. Каждый день к ним наведывался кто-нибудь из многочисленных родственников, которых они раньше не видели месяцами. Теперь, когда муж был на работе, Вича не скучала одна. Неожиданно жизнь открылась с другой стороны. Оказывается, можно было не только бороться за нее, но и в полной мере наслаждаться ею! Пиком семейного единения стала

поездка в вашингтонский филиал Диснейленда, славившийся своими американскими горками и водными аттракционами. Ранним утром кавалькада из разномастных автомобилей выстроилась у порога их дома. Разудалая толпа Вичиных кузенов и кузин, окруженная гурьбой детей, распределялась по машинам.

— Прошу в наш Понурок! — распахнул двери легковушки Дича.

— Дядя Денис, а почему Понурок? — удивилась Диана.

— А это твой дядя насмотрелся средневекового сериала, в котором один монах так называл своего осла, — ответила за него Вича.

На Понурка совсем недавно навесили новые «копыта», и он летал как ласточка, давая фору машинам посерьезней. Так что всю дорогу до парка аттракционов они держались в голове колонны, что приводило Диану в неопиcуемый восторг. Она с удовольствием корчила рожицы оставленным позади попутчикам и гордилась своим дядей и быстрым тезкой средневекового осла.

— Сколько вы еще будете ездить на этой битой живопырке? — спросил один из кузенов, когда они приехали в парк.

«Кто бы говорил?!» — подумал Дича.

Это едкое замечание прозвучало не от кого-нибудь, а от того самого горе-инструктора, с которым они разбили морду еще новенькому, с иголочки, Понурку.

— Как только дашь нам денег, так сразу же купим Мерседес, — не полезла за словом в карман Вича.

— Так они у вас есть! Вы же братья не хотите.

— Ну-ка, просвети.

— Для начала вам надо фиктивно развестись.

— Можешь не продолжать! — резко оборвал его Дича. — Эта песенка стара.

Многие махинаторы им предлагали то же самое:

— Как только твоя жена на бумаге становится одинокой, все ее медицинские расходы тут же лягут на могучие плечи дядюшки Сэма! А о других льготах даже говорить не приходится! Посыплются как из рога изобилия!

Здесь русскоязычные товарищи Америки не открыли. До недавнего времени так делали многие негритянки. Жили в гражданском браке и наживались на детях. Считаясь матерями-одиночками, они получали помощь на себя и на каждого ребенка. Пятерых детей хватало, чтобы жить, ни в чем себе не отказывая. А их неухоженные отпрыски тем временем болтались где-то на улице и криминогенную ситуацию в городе не улучшали. Некоторые на дармовых харчах так разъедались, что уже не могли сами себя обслуживать и плавно перекочевывали на более выгодное пособие по инвалидности. Пришедшие к власти республиканцы эту лавочку прикрыли. Пособие для первых двух детей было оставлено, а даль-

ше рожай хоть десятерых, но за свой счет. По странному стечению обстоятельств у чернокожих матерей-одиночек тут же перестало получаться рожать больше двух ребятишек. Пособие же для одиноких инвалидов и малоимущих никто не отменял, чем не замедлила воспользоваться и безработная приживалка, повесив свои сдобные тела на шею государству. Сначала на бумаге, а потом, к всеобщей радости, и фактически, она исчезла из жизни Зосима.

— Вот с кого надо брать пример! — зудели доброхоты и наперебой советовали Диче с Вичей фиктивно развестись.

Но Дича прерывал такие разговоры на корню, и Вича любила его за это еще крепче. Обиженный в лучших побуждениях кузен больше о разводе не заикался и недовольно насупился. А когда шумная группа вошла в парк, он отделился ото всех и ушел отсыпаться в шезлонгах, разбросанных вокруг бассейна с искусственными волнами. Остальные же, по требованию детей, должны были вместе с ними перепробовать все аттракционы без исключения. Что было понятно: на многие из них без сопровождения взрослых не пускали. Диана раз за разом тянула за руку Вичу, умоляя:

— Ну, тетечка Никочка, покатайся со мной!

— Вон, дядю попроси.

— А я хочу с тобой! — упрямылась племянница.

— Диана, я не могу.

— Ну почему?

— Потому что меня стошнит. Ты же не хочешь, чтобы я испачкала твоё сногшибательное платье?

К вечеру Дича еле держался на ногах.

— Похоже, Дианка, нам придется заночевать здесь, — пугал он неугомонную оторву. — Ты меня так укатала, что голова идет кругом. Так что за руль мне никак нельзя.

— Ой, здорово! — запрыгала от радости племяшка.

— Похоже, ты это зря сказал, — тихо хихикнула Вича.

По домам разъезжались порознь. Веселой кавалькады больше не было, но ощущение праздника не проходило. И только Диана грустно сидела на заднем сиденье Понурка и, вцепившись в тетю, не сводила с нее своих влажных глаз.

— Не печалься, — сказал Дича, глядя на притихшую племянницу в зеркало заднего вида. — Завтра еще куда-нибудь съездим!

Но Диана не слышала его. Она заглянула тете в лицо и тихо попросила:

— Обещай мне, что ты никогда не умрешь!

У Дичи упало сердце, холодная дрожь пробежала по спине.

— Что ты такое говоришь? — обернулась сидевшая спереди Яна.

— Мне мальчишки сказали, что тетя Ника не каталась на аттракционах потому, что скоро умрет! — не выдержала и разревев-

лась Диана.

Вича прижала ее к себе. Девочка спрятала свое мокрое личико в тетином платье, ее плечики задергались в судорожных рыданиях.

— Они пошутили, — успокоила ее Вича и нежно погладила по голове.

Дорога вдруг расплылась, как будто на лобовое стекло налетел поток разбушевавшегося ливня. Дича притормозил и не набирал скорость до тех пор, пока не проморгал предательские слезы.

«Какое же человек жестокое животное! — думал он. — Ну ладно — дети. Они не понимают. Но зачем же говорить при них о таких вещах?»

Вича держалась молодцом. Оставшиеся дни она не позволила ни на минуту усомниться в том, что полна сил и умирать совсем не собирается. На следующий же день, раньше запланированного, дядя повез всех в подземные пещеры Западной Виргинии. Конечно же, небольшая передышка не помешала бы утомленной Виче, но на карту было поставлено душевное спокойствие племянницы. Держа Диану за руку, они в первых рядах спускались по длинной лестнице в холодный полумрак подземелья. Вича старалась не думать об обратном восхождении и весело болтала с племяншкой. После изнуряющей летней жары прохлады пещер уже не казалась такой неудобной. Они послушно следовали за экскурсоводом по узким переходам, попадая из одной каменной каверны в другую.

— И чего они нас тут таскают? — начал ворчать заскучавший Дича. — Посмотрел одну пещеру, значит, увидел все!

Он был откровенно разочарован. Еще по детским книжкам он представлял себе богатые красками и переливающимися изумрудами подземные кладовые. А здесь все минералы были уже давно слизаны волной черных копателей, оставивших после себя скучный желто-серый ландшафт. Чтобы хоть как-то оживить картину, некоторые сталактиты и сталагмиты были подсвечены разноцветными прожекторами.

— За те бабки, что они берут за билеты, могли бы быть и поизобретательнее, — не унимался недовольный экскурсант.

— Слушай! Если у тебя плохое настроение, не порти его другим! — урезонила его жена. — Мы пришли любоваться красотой настоящей природы, а не нагромождением спецэффектов.

— Куда мне до вас, до эстетов! — насупился муж и до конца экскурсии больше не проронил ни слова.

Осмотр подземелья заканчивался органной пещерой. Еще первооткрыватели этого чуда природы обратили внимание на ее удивительный акустический эффект. Форма перевернутой колбы сделала эту каверну звуковым усилителем. Сметливые предприниматели установили здесь орган и издавна привлекали сюда путешественни-

ков. Волны органной музыки отражались от сводов и падали лавиной на ничего не подозревающих слушателей. Вот и сейчас пещера поджидала своих очередных жертв. Уже начинающих скучать туристов выстроили плотной группой посередине каверны. Первые звуки органа вызвали удивленный шепот. Экскурсанты крутили головами, пытаясь понять, откуда льются потоки оглушающей утробно-трубной музыки. И только взгляд Вичи оставался неподвижен. Проникая сквозь толщу веков, он устремился в неведомую даль, туда, где она сидела на жесткой деревянной лавке, положив голову на плечо любимого.

Каменный пол под ногами ходил ходуном, как будто она все еще была на ихуне, которая привезла их в это священное место. Всю дорогу ее ненаглядный твердил:

— Верь мне! Это паломничество обязательно принесет тебе облегчение!

Еще весной Дерек предвидел грядущую беду. Рецепты отца Венди перестали ей помогать. Тогда он сам стал изменять составы микстур, отваров и дыхательных паров для нее. Иногда ей становилось легче от новых травяных сборов, и душа юноши наполнялась радостью за нее и гордостью за свое лекарское искусство. Но эти просветления были недолгими и случались все реже. Наконец, признав свое бессилие, Дерек сдался на милость божью. Он выложил свои небольшие сбережения за два места на ихуне, везущей семейство герцога в Западную Померанию. Каждую весну весь двор отправлялся в церковь святых Джеймса и Николса, чтобы насладиться органной музыкой и причаститься в известном на всю округу храме.

— Это намоленное место тебе обязательно поможет! — убеждал Дерек свою малышку.

И она поверила. Эта вера помогла ей перенести пусть и недолгое, но такое тяжелое для нее путешествие по морю. Временами Венди все равно не выдерживала.

— Почему меня не выбросили в море, как других младенцев! — рвалась она к борту ихуны. — Дайте хоть сейчас умереть спокойно!

Но, глядя в страдающие глаза любимого, она вновь находила в себе силы для борьбы. Она понимала, что это путешествие может погубить ее. Понимала, но согласилась, втайне надеясь на чудо. Но чудеса не происходило. Ни священные литургии под божественные звуки органа, ни бесконечные молитвы не помогали. Бог был глух к их просьбам. Уже целую неделю они посещают эту церковь с несущимися ввысь сводами. Уже неделю они неистово взывают о помощи, а Венди так и продолжает чахнуть на глазах. Из-

мотанная и смертельно уставшая, она еле улавливала гудящие звуки божественных труб. Иногда музыка пропадала в необъятной бездне. Очнувшись, она понимала, что это не музыка, а она сама проваливается в бездну удушающего забытья. Ей не хватало воздуха. Она хотела уйти из этого огромного каменного склепа, наполненного спертым духом потных тел. В довершение ко всему, из расположенного неподалеку скотного двора донесся тяжелый запах навоза. Ее губы едва шевелились, моля о глотке свежего воздуха. Говорить уже не было сил. Рядом кто-то громко потешался над ее слабостью...

~ ~ ~

Вича очнулась и с недоумением обвела пещеру взглядом. Толпа туристов вокруг нее хохотала от души.

— Что случилось? — растерянно спросила она у покрасневшей до корней волос Яны.

— Пусть Диана сама тебе расскажет. Позорище наше!

— Ну, простите, хоть кто-нибудь! — чуть не плакала племянница, пряча лицо в маминой юбке.

В воздухе висел разъедающий глаза запах использованных подгузников. Борясь с вновь накатившей волной удушья, Вича взяла расстроенную Диану за руку:

— Пошли скорей отсюда!

— Это не я. Честное слово!

— Конечно, не ты. Здесь постаралось не меньше дюжины здоровенных мужиков!

Смех улегся, и остальные туристы потянулись вслед за ними. Уже наверху Яна поведала о произошедшем. Оказалось, что во время органного исполнения со стороны большой группы пенсионеров потянуло, как с только что удобренных полей.

— А что это у вас тут так пуками пахнет? — с непосредственностью ребенка спросила Диана.

— И это было бы полбеды, — продолжала Яна. — Благо никто вокруг не знает русского. Но наша девочка так красноречиво зажала пальчиками нос и начала корчить такие выразительные рожицы, что воспитанно молчавшие окружающие просто не выдержали.

Вича глянула на давившегося от смеха Дичу и тоже расхохоталась. Диана поняла, что гроза миновала и хихикала вместе со всеми. И только Яна все еще сердилась.

— Не знаю как твоя мама, но я думаю, что гамбургер ты заслужила! — вытирая выступившие от смеха слезы, заключил дядя Денис.

Он взял Диану за руку и повел к машине.

— Только, чур, скажи, что с тобой ребенок, — напомнила ему

племянница.

— Помню, помню, наблюдательная ты наша!

Самый первый раз, когда они перекусывали в Макдоналдсе, он заказал всем по большому бутерброду. Еле влезающий в рот гамбургер не скрыл от остроглазой Дианы, что у других детей бутерброды были поменьше, но зато к ним прилагалась небольшая игрушка. Теперь она требовала детское меню даже в тех местах, где его не было. Вича с радостью смотрела на играющую с очередной безделушкой от Макдоналдса племянницу, и на душе у нее было спокойно. Недавние страхи Дианы улетучились. Последовавшие за пещерами поездка на океан, поход в балтиморский аквариум на шоу дельфинов и посещение выставки старинных автомобилей вытеснили грустные мысли из маленькой головки племянницы.

Уезжали Яна с Дианой счастливые и довольные, с кучей подарков и впечатлений, о которых можно будет рассказывать друзьям целый год. Как только они скрылись за дверями таможни нью-йоркского аэропорта, Вича сразу же спала с лица. Такой уставшей и измотанной Дича ее давно не видел, а ведь им еще предстоял четырехчасовой путь обратно в Балтимор.

— Что случилось, малыш? — притянул он ее к себе.

— Поехали скорее домой, — тихо попросила она.

С тех самых пор Вича стала избегать родственников и на любые приглашения отвечала вежливым отказом, ссылаясь на плохое самочувствие.

Глава 9 ХОРОШЕЕ МЕСТО

Сороковой час

Из-под окон реанимации продолжали доноситься звуки гуляющей молодежи.

«Им простиительно, — вздохнул Дича. — Они посторонние люди. Какое им дело до того, что происходит за стенами больницы, а уж тем более в тринадцатом боксе! Да что они? Даже родственники не знают о нашем несчастье».

Вича не разрешала распространяться о своем здоровье ни под каким соусом. Зосиму не раз попадало за это.

— Кто тебя тянет за язык? — выговаривала ему дочь. — Оставь людей в покое. У них своя жизнь, у нас своя!

— Но они же интересуются, — оправдывался отец.

— Говори, что все нормально.

— Но я же не могу врать.

— А врать и не надо. Для меня валяться по больницам — нор-

мально! — вышла из себя Вича и стала скрывать свое самочувствие даже от отца.

Ритмичная вибрация аппарата искусственного дыхания раз за разом сбрасывала золотистый локон с бледного лба Вичи на глаза.

— Когда же ты стала такой скрытной? — спросил Дича жену, поправляя упрямый локон.

— Помню, помню, — ответил он за нее. — Мы тогда только проводили Яну с Дианой.

Вича особенно тяжело переживала одиночество в то время, а ему было трудно заменить ей отсутствие общения с родственниками: в те дни он без устали работал над завершением своей диссертации и безвылазно сидел в лаборатории. Эксперименты с мышами подходили к концу, приближалось время их умерщвления. Этот процесс всегда угнетал Дичу, вызывая страшные ассоциации. Мышей помещали в контейнер, где под решетчатым дном лежали куски искусственного льда. Наблюдая, как грызуны хватают ртом воздух, наполненный парами замороженного углекислого газа, он невольно думал о Виче. Где-то в глубине души он знал, что подобная смерть уготовлена и его любимой, и гнал эти тяжелые мысли прочь. Но в глазах все равно щипало, а в голове звучали слова известной песни: «Опустела без тебя земля».

Удачная защита диссертации на время разогнала тоску-печаль.

— А помнишь, как ты модничала в моем выпускном одеянии? — Дича вспомнил счастливую Вичу во время официальной церемонии присвоения докторских степеней его выпуску.

Свежеиспеченные доктора сидели в первом ряду актового зала и ждали своего вызова пред светлы очи великого магистрата. Заведующие всех кафедр университета и научные руководители выпускников сидели в центре сцены и сурово смотрели на будущих докторов наук. Все они были облачены в мантии и четырехугольные шапочки магистров. Одежания их несли официальные цвета университетов, которые они заканчивали. И, хотя преобладали черные и бордовые тона, группа представляла собой довольно пестрое зрелище.

Вича сидела у самого прохода.

— Я занял тебе место с краю! — усадил ее Дича перед церемонией. — Здесь дышится легче!

Но от волнения воздуха все равно не хватало. Она часто дышала и нервно сжимала в руках фотоаппарат. Вича плохо понимала возбужденную английскую речь, лившуюся со всех сторон, и напряженно вслушивалась, пытаясь выловить из этого журчащего потока имя мужа. Сидевшие по правую руку студенты из лаборатории Дичи наперебой успокаивали ее:

— Не переживай ты так! Мы дадим тебе знать, когда вызовут Дэниса.

Новоиспеченных докторов естествознания по очереди вызывали на сцену. Каждый научный руководитель, согласно ритуалу, облачал своего подопечного в мантию и шапочку балтиморского университета и сажал рядом с собой. Поскольку одеяние выпускников было черного цвета с темно-синими вставками, то магистрат темнел прямо на глазах. Вместе с ним темнел и взор Вичи. Она уже с трудом понимала, где находится. Незнакомая речь вокруг и восседающие на центральном возвышении люди в черном облачении унесли ее в прошлое.

Она вновь была паломницей в Западной Померании. Однако органной музыки и литургий не было слышно. Сегодня был необычный день, сегодня судили ведьму. Семейство герцога сидело в первых рядах, и его глава с нетерпением ожидал слушаний. Подсудимой была дряхлая знахарка из соседнего герцогства, с которой его пути однажды пересеклись. В те далекие годы целительница отказалась помочь герцогу в избавлении от нежеланного плода любви его младшего сына Эрнеста. Но любимый вассал короля не привык отступать. Желание герцога было исполнено черной ворожеей короля, которая убила внебрачного внука правителя Восточной Померании прямо в утробе Сидонии. Сама несостоявшаяся мать была кем-то спасена из-под самого носа герцога. Кто-то опоил его стражников до беспамятства и освободил пленницу.

— Это наверняка дело рук той мерзкой знахарки! Где ты ее только откопал! — кричал разгневанный герцог на Отто. — Ты ее привез! Тебе и надо было ее прибить!

«Ты же сам ее отпустил!» — подумал Отто, но перечить отцу побоялся. — Мы и так на ножках с соседом-герцогом! — оправдывался он.

— Да плевать я хотел на соседа! Я любимый вассал короля!

— Уж проще было бы убить Сидонию, — тихо предположил Отто. — С графом возни было бы меньше.

— Задним умом все сильны! — не унимался герцог.

Если бы он только знал, чем для него обернется бегство любовницы Эрнеста, он бы собственноручно расправился с ней!

Исчезнувшая Сидония обратилась в ведьму и прокляла все его семейство. Сначала угорел старший сын герцога. Вслед за ним от руки хирурга-самоучки умер его второй наследник. Последовавшая за этим цепь смертей участников похищения Сидонии не на шутку напугала герцога. Он всерьез обеспокоился о своей безопасности. А когда предсказание колдуньи сбылось, и погиб его любимый внук, сын растерзанного на охоте Отто, страх за свою жизнь сменился бешенством.

— Кто притащит в замок Сидонию живую или мертвую! —

кричали глашатаи. — Того наш повелитель озолотит!

Пока его люди пытались отловить янтарную ведьму, сам герцог не мог сидеть, сложа руки. В бессильной злобе он обратил свой гнев на старую знахарку.

«Я совершил ошибку, отпустив тебя в тот раз! — кипела в нем ярость. — Пришло время ее исправить! Ты положила начало всем моим бедам и должна поплатиться за это!»

Герцогу стоило большого труда притянуть к ответу знахарку из чужого герцогства. Немало сил ушло и на то, чтобы отыскать тех, кто имел на старуху зуб и согласился выступить в роли жертвы ее колдовства. Чтобы избежать недовольства местных крестьян, которые боготворили знахарку, герцог настоял на переносе суда подальше от ее родных мест. Он не поскупился и нанял пару признанных церковью разоблачительниц ведьм. Эти ясновидящие безошибочно определяли колдуний, и уже не одна ведьма пошла на огонь по их милости. Как искусный кукловод, герцог распределил все роли готовящегося спектакля и со злорадным предвкушением ожидал представление. Все лавки в костеле были забиты до отказа, а народ все прибывал и прибывал.

~ ~ ~

Вича полностью погрузилась в происходящее. Она с удивлением заметила, что уже прекрасно понимает окружающих. Более того, она сама на непонятном доселе языке обратилась к своему спутнику:

— Милый, давай уйдем отсюда на свежий воздух?

Сидевшая рядом китаянка с удивлением посмотрела на нее. Жена Дэниса что-то бормотала в пустоту прохода и, привстав, смотрела на выход из актового зала.

Выхода не было видно из-за толпы городских зевак. Сил пробиваться сквозь частокол человеческих тел не осталось, и Венди опустилась обратно на лавку. Она положила голову на плечо своему любимому и задремала.

Опрос свидетелей шел своим чередом, когда чей-то визг разбудил ее. Перед высоким судом стоял неопрятный человек и нервно жестикулировал. Только после обращения к нему судьи стало понятно, что это был мужчина. На самом деле он был больше похож на высохшую старуху и его писклявый голос лишь усиливал сходство.

— Она навела на меня порчу! — визжал он. — Я грешен, ваша честь, но богопослушен. Да, я всю жизнь бражничал, но всевышний всегда посылал ко мне белоснежных ангелов, когда я был во хмелю. А с тех пор, как эта ведьма подсыпала мне свое зелье, одни

лишь черти посещают меня.

— Как церковь истолковывает сию перемену? — обратился судья к сидящему рядом священнику.

— Когда раб божий воздает излишнее Бахусу, его душа на время отделяется от своей плотской оболочки, — начал свою проповедь пастор. — У набожных граждан она выходит в преддверье рая. Если же раба божьего кто-то сглазил или он не несет в сердце Бога, то душа его заглядывает в геенну огненную.

— Посещаешь ли ты храм господень? — прозвучал суровый вопрос.

— Посещаю, ваша честь. Только Богом и живу!

— Молись денно и ночью, — продолжил свой напев священник, — и колдовские чары падут! — Повернувшись к судье, пастор заключил: — У меня нет никаких сомнений в том, что на этого грешника была наведена порча.

— Спаси господи, спаси господи! — запищал себе под нос бражник и попятился прочь.

— Что скажешь в свое оправдание? — обратился судья к старухе.

— А чего ж тут говорить. Дала я травок жене бедолаги этого, чтобы отвадить мужа от пьянства. Да только травки эти Богом данные, а стало быть, никакой порчи в них и быть не может.

— Не смей касаться своими грязными устами имени праотца нашего! — грубо прервал ее священник.

~ ~ ~

Окончательно проснувшись в своем видении, Вича взглянула на обвиняемую. Их глаза встретились. Старуха улыбнулась, и, едва заметно кивнула, будто здоровалась. Что-то теплое и ласковое наполнило душу, перед судьями стояла Матрена. Вича уже хотела подбежать и обнять свою мудрую учительницу, как вдруг мимолетное сходство пропало.

Старуха уже отвернулась и смотрела на последнего свидетеля. Знахарка узнала в нем крестьянина, который в тупом порыве ревности убил свою жену, когда та была на сносях. С тех пор душегуб лишился рассудка, и обвинял в содеянном всех, кого встречал на своем пути.

— Она умертвила моего нерожденного ребенка! — бешено восклицал он глазами. — А потом запустила злой дух в жилы моей бедной жены!

Крестьянин завыл и осел на пол. Он зажал руки меж колен и стал раскачиваться как маятник взад-вперед, уже не реагируя на окружающее. Церковь загудела в негодовании. Смотрители храма

с трудом утащили сумасшедшего в боковую дверь. Когда ропот стих, судья обратился к знахарке:

— Оправдывайся, если можешь!

— Злые языки наиптали этому горемыке, что не он является отцом своего первенца, — с горечью произнесла старуха. — Рассудок оставил его, и он жестоко побил оклеветанную женщину. Не пощадил он и ее живота. Несчастливая до срока разрешилась младенцем, который прямо на моих руках отошел в мир иной. Рана внутри утробы роженицы была столь велика, что через нее воздух попал в жилы и быстро закончил ее мучения.

В храме повисла тишина, было слышно, как резвились навозные мухи.

— Ты лжешь, старая ведьма! — разорвал тишину негодующий голос священника. — Воздуху не дано других путей в нутро человеческое, кроме как через глотку! Так решил создатель. Так было и будет до скончания веков! И как смеешь ты утверждать, что божественный воздух, несущий благодать всему живому, может быть убийцей?! Только за одну эту крамолу тебя надобно предать очищающему огню!

Одобрительный гул прошел по рядам. Местная паства выражала поддержку своему священнику, да и видеть сожжение живого человека многим из них еще не доводилось. Герцог был доволен. Все шло, как он задумал. Наступал момент истины. Перед судом предстали две миссионерки с туманного Альбиона. Их сопроводительные письма не оставляли никаких сомнений в том, что перед судом стоят непревзойденные разоблачители ведьм. Окружающие безотчетно их боялись, и миссионерки наслаждались своей властью. Одно слово этих монашек могло обернуться лютой казнью для любого, кто косо глянет на них. Монашкам достаточно было посмотреть человеку в глаза, и они знали, благочестивый гражданин перед ними или безбожник. А ни дай Бог встречалась ведьма, миссионерки начинали биться в отвратительных судорогах и корчах.

Наступал их звездный час. Скоро они заглянут в глаза подсудимой! Скрываясь в глубоких капюшонах своих балахонов, они уже накопили полный рот слюны и начали гонять ее между зубов. Получавшаяся пена должна была обильно покрыть их лица во время судорог, до которых они были большие мастерицы.

— Смотри на них и не смей отворачиваться! — приказал судья старухе. — Если ты чиста, тебе нечего бояться!

Резко сбросив капюшон, вызванная вперед монашка выпучила глаза на знахарку и вздрогнула всем телом. Большая волна пробежала по черному балахону и тут же замерла. Монашка хотела вытолкнуть изо рта готовую пену, но плотно сжатые губы не

слушались ее. В мыслях она уже начала свой судорожный танец, но тело не подчинилось. Она стояла как истукан, ни один мускул не был подвластен ей. Насмешливый взгляд старухи пригвоздил ясновидящую к полу.

«Вот мы и встретили настоящую ведьму!» — с ужасом поняла миссионерка.

Вторая монашка не сразу сообразила, что происходит. Она увидела, как ее подельница давится накопленной слюной и стала невольно сглатывать свою. Взглянув на подсудимую, она неожиданно вспомнила наставления церковников.

— Иногда вы можете попасть на настоящую ведьму и быть околдованы ею! — предупреждали они. — Поэтому мы посылаем вас вдвоем. Пока колдунья занята одной из вас, другая должна закончить наше богоугодное дело!

Не дожидаясь разрешения судьи, вторая ясновидящая скинула капюшон и шагнула вперед. Она закинула назад голову и разомкнула губы. Однако, готовые вырваться остатки слюны свинцовым комом застыли в глотке. Легкий ветерок пробежал по ее выгнутой спине, и сковал все тело. Позабыв обо всем на свете, она бездумно ялилась на мрачные готические своды.

В толпе раздалось шушуканье. Присутствующие начали переглядываться и вставать, чтобы получше разглядеть происходящее. Будто рябь на морской глади, весь зал пришел в движение. Несмотря на всеобщее возбуждение, никто не осмелился залезть с ногами на лавку, кроме хрупкой болезненной девушки. Она неподвижно возвышалась над морем голов и, не отрываясь, сверлила взглядом фигуру в черном балахоне.

Снизу раздался громкий шепот, кто-то тронул ее за руку, пытаясь посадить обратно на лавку...

~ ~ ~

Она медленно повернула голову. Рядом сидела узкоглазая девушка, одетая неподобающим для святой обители образом.

— Дэнис! — прошептала китаянка, показывая куда-то пальцем.

Руки Вичи сами по себе подняли фотоаппарат. Яркая вспышка выдернула ее из средневекового храма и переместила в актовый зал университета.

Дича шел на сцену, когда краем глаза заметил вспышку фотоаппарата. Обернувшись, он увидел жену. Она выглядела совершенно потерянной, и это сильно его озадачило. Он споткнулся и едва успел поймать очки, которые предательски соскочили с носа. Передние ряды ахнули от неожиданности. Те, кто успел задремать, сразу же проснулись и больше не смыкали глаз, боясь пропустить что-нибудь интересное. И интересное случилось; но не во время

церемонии, а на праздничном приеме. Бывшие аспиранты, а теперь доктора гордо расхаживали в своих новеньких мантиях с бокалами вина в руках, когда Вича отличилась.

— Это не только твоя степень, но и моя тоже! — громко заявила она и, не раздумывая, сорвала с мужа четырехугольную шапочку с золотыми кистями.

Довольная собой, она нахлобучила ее себе на макушку, сдвинула брови, и с важным видом выпятила вперед грудь. Все вокруг засмеялись, хохотала и сама Вича. Ее фотография в этой шапочке до сих пор стоит на рабочем столе у Дичи в офисе. Каждый раз, глядя на нее, он испытывает непередаваемую нежность к своей любимой, которая готова была пожертвовать всем, чтобы вывести его в люди...

Сорок первый час

Воспоминания были прерваны координатором клинических испытаний. Приближалось время вечернего туалета, и она зашла в бокс предложить поучаствовать в апробации новых гигиенических салфеток.

— Эти салфетки пропитаны усовершенствованным раствором для ухода за кожей лежачих больных и профилактики пролежней, — начала она монотонное представление новой продукции.

— Моя жена всегда была за прогресс в медицине, — остановил ее Дича, — и с удовольствием принимала участие в разных исследованиях.

Получив письменное согласие, его мягко выпроводили из бокса. Стоя под дверью, Дича ожидал услышать резкий запах камфорного спирта, который был основным компонентом состава от пролежней. Вместо этого в коридор просочился нежный аромат прелой хвои.

* * *

Вот уже больше часа они ехали в северном направлении. Разношерстная листва за окнами постепенно сменялась темно-зеленой хвоей. Из-за поворота медленно выплыл массив высоких сосен. Капли только что прошедшего дождя застряли в их иголках и как бриллианты отражали лучи пробивающегося сквозь тучи солнца.

— Смотри, совсем как у нас под Ленинградом! — воскликнула Вича. — Давай прогуляемся там. Пожалуйста, ну пожалуйста!

— По-моему, мы делаем дело, — неохотно отозвался муж.

— Ну, десять минут ведь ничего не решат!

Сосновый бор встретил их дурманящим запахом влажной хвои. Они бродили, обнявшись между стройных стволов, и Вича читала стихи, которых знала несметное множество. Неожиданно она пре-

рвалась на полуслове и указала на низко висящие шишки:

— Давай возьмем на память!

— Давай! — Дича обхватил ее за бедра и приподнял.

— Выше! Еще выше! — Вича извивалась в его руках как селедка, но так и не смогла дотянуться ни до одной из них.

— Поменяем тактику, — сказал он, опуская жену на землю.

Найдя здоровенную палку, он подпрыгнул и со всей дури ударил по ветке. Вместе с шишками их окатило скопившейся в хвое водой. От неожиданности Вича крепко выругалась и сердито посмотрела на Дичу. Одной рукой он пытался вытереть залитые очки, а другой победно протягивал ей добытый трофей.

«Ну разве можно сердиться на эдакого миленка?» — нежно подумала она и улыбнулась. — В таком виде тебе никто щенка не продаст. У тебя теперь репутация подмочена!

— Значит, переговоры будешь вести ты!

Они были еще в часе езды от позабытого богом местечка в северо-западном Мэриленде. Именно там их ждал щенок померанцев-гого шпица. Вича давно хотела разводить этих малышей с мордочками лисичек, и потенциальные собаководы уже неделю колесили по окраинам штата в поисках подходящей «девочки». Будущая щенячья мамаша должна была стать подарком к Дичиному дню рождения, ну а папаша, соответственно, к Вичиному.

Вопреки шутливым прогнозам их внешний вид не отпугнул радушных собаководов, и счастливые покупатели уехали домой с маленьким рыжим комочком, который уютно сопел у Вичи на руках. Как обладателю подарка, право выбора клички было предоставлено Диче.

— Итак, она звалась Пенни! — продекламировал он.

— Почему Пенни?

— Потому что она маленькая и рыжая, как одноцентовая монета. А в обиходе такая монета и зовется пенни.

— В таком случае, моего кобелька будут звать Бакс.

— Мы крокодила покупаем?

— При чем тут крокодил?

— При том, что доллар плоский и зеленый.

— Нет. Его будут звать Бакс потому, что он будет в сто раз лучше твоей Пенни!

Но жесткое Бакс и Пенни у обожающей животных Вичи не прижилось, и вскоре новоселы отзывались на клички Бася и Пеша.

Быстро разросшееся семейство сразу же приступило к поиску более просторного жилища. Дича к тому времени закончил учиться. Теперь они жили не на стипендию, а на нормальную зарплату, и к малоимущим больше не относились. Поэтому уведомление об освобождении льготного жилья могло прийти со дня на день. Сни-

мать квартиру не хотелось. Они мечтали о собственном доме. Времени было в обрез, а деньги на первый взнос за дом пришлось бы собирать долго. Но тут фортуна повернулась к ним лицом. Так, во всяком случае, считал Дича. Ведь он не знал о том, что его благоверная каждое утро наводила порчу на задний бампер их машины. Вича устроила так, что риск был невелик. Тянувшийся за их Понурком шлейф нехорошей энергии был настолько слаб, что моментально рассеивался быстрыми воздушными потоками. Так что ловушка работала только на тихоходных улочках и разрушалась, как только машина набирала скорость. Помог ли случай или тонкий расчет, но именно на тихих переулках в зад их выдавшему виды Понурку два раза въезжали зазевавшиеся чайники.

— И главное, все так удачно сложилось! — захлеб рассказывал Дича. — Прямо перед самой покупкой дома!

— И не говори! — удивлялась вместе с ним Вича.

После каждой аварии они не задумываясь нанимали адвоката, и муж исправно ходил по врачам, крича и жалуясь на боли в спине и шее. Уроки, полученные на заре иммигрантской юности, не прошли даром. В те нелегкие годы, когда Дичу сбила машина, он на собственной шкуре изучил правила игры по выкачиванию денег из страховых компаний. Теперь его горький опыт мытарств по юристам и врачам начал приносить плоды. Вот так без особых усилий они и собрали деньги на предоплату за дом.

— С волками жить — по-волчьи выть, — не испытывая ни малейшего угрызения совести, говорил Дича.

Вича с ним соглашалась и улыбалась про себя, но вовсе не тому, о чем вы могли бы подумать. Все эти трюки со страховками оживили в ее памяти одну историю, рассказанную еще Тимохой. Речь в ней шла о довольно забавной автобусной аварии. Случилось так, что подъезжавший к остановке автобус занесло, и его заюливший зад зацепил фонарный столб. Ничего страшного не произошло, если не считать пары разбитых задних окон, из которых стекло мелкой крошкой высыпалось на тротуар.

Проезжавший мимо на своем такси Тимоха наблюдал занятную картину. Громко матерясь, водитель автобуса закрывал своим телом разбитые окна, как амбразуры. А находившиеся на остановке негры изо всех сил пытались залезть через эти самые окна в автобус. Как потом объяснили в таксопарке, ларчик открывался просто:

— По американским законам все пассажиры, находившиеся во время аварии в автобусе, могут судиться с автопарком за причиненный моральный, а уж тем более физический ущерб! — втолковывал Тимохе диспетчер. — Так что ничего комичного здесь нет! Негры просто хотели срубить денег за по легкому, а водитель защищал свою компанию от дополнительных расходов!

«Да-а-а! Будь те негры порасторопнее, могли бы, наверное, отсудить что-нибудь и себе на кооперативчик в трущобах, — все еще улыбаясь, думала Вича. — Ну а моих стараний должно хватить на первый взнос за дом в приличном районе».

Так и вышло. Пустив высуженные деньги на предоплату, они получили от банка добро на покупку недорогого дома. Ничтоже сумняшеся, Дича с Вичей обратились сразу к трем риэлторам. Конечно, это считалось неэтичным, но время поджимало. Последние недели они жили как на вулкане, так что было не до реверансов. За те горячие деньки они пересмотрели с десятков домов. Многие были отброшены сразу из-за крутых лестниц, которых Виче было не осилить. Другие оказались неудобными или находились в местах, лишенных всякой энергетики. Виче не хотелось жить в энергетических пустошах, с апатичными людьми и аурой безразличия. Поэтому, хоть и надо было спешить, она очень аккуратно выбирала их новое пристанище. Вича боялась, что второго шанса у нее может не быть. Если они купят дом не по сердцу, на поиски и переезд в другой судьба может просто не отпустить времени. Дича все понимал и не торопил.

— На худой конец, снимем пока квартиру. Абы что покупать не будем!

Подходящего дома все не было, и напряжение росло с каждым днем.

— Давай-ка развеемся! — предложил Дича.

Он тайком открысятничал от собранных на благоустройство будущего дома денег малую толику и купил билеты на концерт известной рок-группы из Питера, которая гастролировала в соседнем Вашингтоне. И, как потом оказалось, правильно сделал! На концерте они познакомились с земляком из Питера, который оказался представителем крупной фирмы по продаже недвижимости. Не прошло и недели, как он позвонил с выгодным предложением. Одни разбогатевшие соотечественники перебирались в новый дом, а старый отдавали по себестоимости. Не задумываясь, они на следующий же день договорились о визите к продавцам.

С работы Дича летел домой как угорелый. Надо было успеть захватить Вичу и ехать на встречу с земляком-риэлтором. Он знал, как жена не любит опаздывать и всегда переживает по этому поводу. У него совсем вылетело из головы, что это был за день. Лишь вечером, когда они довольные вернулись домой и увидели по всем телеканалам летающие, поющие, пляшущие и еще черт знает чем занимающиеся сердечки, то вспомнили о празднике всех влюбленных.

— Ничего не поделаешь, — сказала Вича. — Придется нам покупать себе этот дом в подарок!

— Вообще-то, на день святого Валентина принято дарить друг другу трусы, — пряча улыбку, пробурчал Дича.

— Кто бы спорил! Вот дом и будет нашими семейными трусами!

— Не мешало бы их сначала примерить. Потянет ли такое приобретение наша кошечка?

— Если что, папа поможет! — заверила его Вича.

Зосим к тому времени уже крепко встал на ноги и, действительно, своей младшенькой не отказал.

— Дом такой светлый и просторный! — взалхлеб рассказывала Вича отцу. — Там огромный участок для собак, и даже есть гараж!

Однако о главном, о том, что дом стоял на пригорке и вокруг него витали тучи разноперой энергии, Вича, конечно, умолчала. Особенно виккианскую воительницу радовала задняя часть дома, которая глядела на русскоязычный район, откуда волны знакомой энергии то и дело стучались в окна. Лишь одно обстоятельство беспокоило ее. Вича боялась, что муж забракуют дом из-за проходящей мимо оживленной дороги, ведущей к близлежащим школам. Помимо шума, такое соседство гарантировало утренние пробки из-за наводнявших улицы школьных автобусов, обгонять которые строго воспрещалось. Но страхи были напрасны. Дича уже планировал, каким забором они будут обносить участок, деревянным или проволочным.

К майским праздникам кредит в банке был оформлен и новоиспеченные домовладельцы въехали в свой святовалентинов подарок. Первым, по настоянию Лели, в дом запустили кота, и он тут же затерялся в бескрайних просторах нового жилища. Несколько дней его никто не видел, пока запах мочи из угла забитого коробками с домашним скарбом, не выдал его местонахождение.

Прошел месяц, а мяукающий вредитель к новому дому привыкать не хотел. Да и не дом это был для него вовсе, а так, большая уборная. Прикинувшись слепым котом Базилио, он в упор не хотел замечать лоток с песком и продолжал делать свое мокрое дело по углам. Но тут он жестоко просчитался. Процесс перепрофилирования семьи с содержания кота-производителя на собаководство шел полным ходом. Так что, несмотря на потрепанный покупкой дома бюджет, на кастрацию писающего мальчика хозяин с удовольствием отыскал скрытые резервы. Но и тут мохнорыл насолил хозяевам.

— С вас шестьдесят долларов, — неприятно удивили их в лечебнице.

— Мы же договаривались на двадцать пять!

— У вашего кота одно яичко не было опущено и сидело в брюхе. Так что пришлось делать полостную операцию.

— Вот, негодяй! — игриво возмутилась Вича. — Опустил меня

на целую кофточку!

— Зря мы его все-таки не отдали Тимохе, — беззлобно ворчал Дича.

А тот как знал и полгода назад переехал жить в Атланту, подальше от бывшей жены и поближе к родителям.

— Никуда не денется! Напоим кошака до бесчувствия валерьянкой и отправим посылкой, — с серьезным видом предложил Дича.

— Тогда и меня отсылай вместе с ним! — припугнула Вича.

Так субсидированный Тимохой кошак остался в Балтиморе и начал исправляться. Оказалось, что кастрация оказывает удивительный эффект на зрение. После операции Базилио прозрел и сразу же нашел свой лоток с песком, и с тех пор никогда не терял его из виду.

Отправив на пенсию кота-производителя, Дича переключился на благоустройство их нового жилья. Теперь дом то и дело оглашался криками и крепкими словечками хозяина в адрес молотка, все время норовившего стукнуть его по пальцам. Доставалось и другим инструментам участвующих в членовредительстве. Очередную тираду в сторону пассатижей, прищемивших ему палец, прервал звонок в дверь.

— Дича! Завязывай упражняться в красноречии. Соседи пришли знакомиться! — позвала Вича.

По негласной американской традиции все соседи в округе должны были принести новоселам что-нибудь, испеченное своими руками. Но, поскольку пришедшие неплохо изъяснялись по-русски, то вместо выпечки в руках у них оказались бутылка вина и коробка шоколадных конфет.

Вича тоже не ударила в грязь лицом и встретила их во всеоружии. В перерывах между руководством благоустройством дома она занималась кулинарными изысками, и теперь в холодильнике своего часа дожидались всякие вкусности. И немудрено. Ведь целая полка на их кухне была отведена под поваренные книги. Вича давно снискала себе славу доброй хозяйки, а ее разносолы были предметом зависти сослуживцев Дичи.

Время от времени у него на работе устраивали обеды под названием «удачный горшочек». Традиция эта пришла с первыми переселенцами из средневековой Англии и представляла собой совместную трапезу всего поселения. Каждая семья приносила горшочек с едой. Причем приносилось то кушанье, которое лучше всего удавалось хозяйке семейства.

«Удачный горшочек» дожил до наших дней и продолжает сближать сотрудников американских компаний. Втянулся в эти праздники живота и Дича. А вскоре он вообще стал звездой этих вкусных посиделок. Тогда как каждый работник из года в год при-

носил одну и ту же стряпню, Дича всегда появлялся с чем-то новеньким. Его Вича не любила повторений, и всегда выискивала неопробованные еще рецепты.

В ожидании скорых визитов новых соседей она и в этот раз зарылась в свои кулинарные книги. Мерный шелест страниц завел ее в дебри восточной кухни. Она потерялась в море необычных названий продуктов и ингредиентов. Как в забытьи, Вича бродила среди неизвестных приправ и ароматов, пока не наткнулась на красные лепестки клевера и проросшие ростки люцерны. При виде этих названий почему-то защемило сердце...

Она снова была помощницей кухарки в замке герцога. Спрятавшись меж закопченных котлов, она развязала узелок, который только что передал самый младший из ее братьев. Их неожиданная встреча больше напугала ее, чем обрадовала. Несмотря на болезнь и покидающие силы, Венди каждый день выбиралась из замка в надежде увидеть мать. И упорство ее было вознаграждено. Когда она в очередной раз плелась вдоль нестройного ряда попрошайек, ее вдруг окликнул проворно хромающий замарашка.

— Пойдем со мной, красавица! — услышала она знакомый голос.

Венди с трудом узнала в говорившем своего братишку. Ее глаза на миг загорелись радостью, но тут же тень тревоги омрачила их.

— А где же мама?

— Они с отцом прячутся от ищеек герцога! Когда мы расставались, они передали тебе это, — он вытащил из-за пазухи небольшой мешочек и незаметно сунул ей в руки. — Мы тоже положили кое-что!

Мягкий бархат ласкал ладони Венди. Она поднесла мешочек к лицу, и его запах напомнил о доме.

— Что же случилось с нашим домом? — прошептала она.

Брат будто не слышал ее:

— Сестренка! Мы должны уходить! Отец наказал нам бежать в сторону восхода солнца.

— Я не смогу быстро идти, и буду только задерживать вас!

— Ничего! Мы будем нести тебя по очереди!

— Без своих отваров я не протяну и дня. А потом я не одна!

— Мы не торопим. У тебя есть несколько дней на сборы.

Венди тронула брата за плечо:

— Не теряйте времени, собирайтесь и идите без меня!

— Пока не наступит полнолуние, мы будем ждать тебя каждую ночь на берегу реки, — упавшим голосом произнес брат и захромал прочь, притворно опираясь о палку.

— Передай всем, что я люблю их и никогда не забуду! — крикнула она вслед.

Тот не обернулся. Незаметно смахнув слезу, он ускорил свой прыгающий шаг калеки. Венди долго смотрела ему вслед, мысленно прощаясь. Она стояла, прижав к груди драгоценный мешочек — последнее, что теперь связывало ее с их дружной семьей.

Спрятавшись на кухне, Венди бережно раскрыла любовно собранную передачку. На самом верху лежали травы для настоев и паровых вдыханий, составленные ее отцом. Под ними были резные деревянные фигурки и украшения, присланные ее братьями. Из маленького шелкового платочка ей на ладошку высыпалось несколько капелек янтаря.

— От старшей сестренки! — поняла Венди.

Слабые лучи света, проникавшие в кладовую сквозь полуприкрытую дверь, заиграли внутри камешков, и созвездие маленьких солнышек согрело ей сердце. Она грустно улыбнулась желтым зайчикам, прыгавшим на ее ладонях.

— Ничего, — ласково обратилась она к ним. — Когда-нибудь мы снова понежимся в теплом прибрежном песочке!

На дне узелка были припрятаны сушеные лепестки красного клевера и ростки люцерны.

«Не перепутай! — вспомнила она нарочито серьезный голос братишки. — Клевер дамам, люцерна кавалерам».

— Спасибо, что напомнил! — поблагодарила она, хотя прекрасно знала что кому.

Рассказ брата про мытарства семьи сильно расстроил ее, и лишь известие об их волчонке хоть как-то скрасило грустную историю. Пока Венди готовила бесплодное варево для семьи герцога, она вновь и вновь возвращалась к истории о своем сером дружке.

— Твой волчок уже вырос в огромного волчищу! — звучал в голове голос братишки. — Он часто приходит... приходил к нашему дому и сидел на краю опушки. К нам не шел, а все высматривал тебя! Потом подвывал. Знаешь! Тоскливо так!

Забывшись, он по-мальчишески завыл, изображая волка.

— Тише! Тише! — оборвала его Венди, и с лаской подумала: «Ему бы еще в детские игры играть, а не бегать от смертельной опасности!»

— Когда мы уходили, он как будто почувствовал и пришел! — продолжил брат. — Он долго следил за нашими сборами, а когда мы с родителями пошли в разные стороны, долго метался то за ними, то за нами.

— Где же он теперь? — задумчиво произнесла Венди.

— Да где-то рядом! Он ведь, в конце концов, пошел с нами и был все время на виду, пока городской шум не отпугнул его.

«Надо будет как-нибудь выбраться в лес да поискать моего серого дружочка», — думала Венди, помешивая варево из рост-

ков люцерны.

Однако поиски своего питомца пришлось отложить — болезнь все сильнее душила ее, и о дальних прогулках не могло быть и речи.

Полнолуние наступило и прошло. На душе стало спокойнее: «Теперь сестра с братишками будут с каждым днем все дальше от владений ненавистного герцога!»

Переданных ими трав хватило ненадолго. Первыми закончились лепестки красного клевера.

«Красный клевер, красный клевер? На каком же лугу он у нас растет?» — вспоминала Венди, ворочаясь на соломенном матрасе среди кухонной утвари.

Так и не вспомнив, она заснула...

~ ~ ~

— Красный клевер? — очнулась Вича и оторвала голову от помятой страницы поваренной книги. — Как можно есть манты из лепестков клевера? — Она не заметила, как задремала, и теперь с удивлением глядела на часы.

Несмотря на упущенное время, Вича все же успела приготовить задуманное. Необычное видение еще долго не отпускало ее. Она вновь припомнила свой чудной сон о красном клевере, когда доставала из холодильника кушанья, приготовленные в тот странный день.

Первый совместный ужин с соседями прошел на ура и закончился деловым соглашением. Выпив под конец трапезы принесенную бутылку вина и уговорив коробку шоколадных конфет, мужчины заговорили о крыше. Страховая компания отказалась страховать их дом без новой крыши. А без страхового полиса банк грозился аннулировать ипотеку. Так что хочешь не хочешь, а обветшалую шляпу их нового жилища надо было менять. К счастью для них, соседский дом тоже нуждался в новой кровле, а делать две крыши одновременно было намного дешевле. Как коренной хохол, их сосед обладал хозяйской хваткой и торговался с бригадиром кровельщиков за каждый доллар, чем спас и так трещавший по швам бюджет новоселов.

Теперь их жизнь напоминала дружную коммуны. Дича с Пашей сидели на их новой крыше, и сосед придиричиво принимал работу кровельщиков, как будто это был его собственный дом.

— Правильно говорят, что дом надо выбирать по соседям! — задорно кричала снизу Вича. — Смотри, как нам повезло с Пашей.

— Чего ж ты хотела! — весело отвечал Дича. — Кулацкую жилку не пропьешь!

Закрыв вопрос с крышеванием, они спустились на землю и приступили к ограждению участка. Вокруг заднего двора начал

расти забор из зеленой проволоки. Он так гармонично вписывался в окружающий пейзаж, что привыкшие бегать напрямки школьники не раз врезались в уже поставленные секции. Вича не могла дожидаться окончания работ, зная, какое облегчение принесет это бесхитростное сооружение. Уже не надо будет вечерами выгуливать сразу трех собак, искусно жонглируя вечно путающимися поводками.

Вот так все лето и осень прошли в приятных хлопотах, и Дича с Вичей не заметили, как подкралась зима. Огородокопательный и заборостроительный сезон завершился, и распорядок жизни потихоньку устоялся. Утро Вичи, как всегда, начиналось с телефонного звонка мужа. Он докладывался, что добрался до работы, а заодно проверял, не проспала ли его красавица. Вича уже и не помнила, когда завелась эта традиция утренней поверки. Но без нее она уже свой день не представляла, и когда в урочный час телефон молчал, ее сердце было не на месте. Правда, Дича ей долго нервничать не разрешал, и спустя пять минут она имела полное моральное право позвонить ему на мобильный, даже если он был на совещании.

После утренних дыхательных процедур хозяйка кормила животину, не забывая при этом и о себе, а затем принималась за уборку. Вича разбила дом на участки и работала на каждом по одному дню в неделю, кроме субботы, которая по обоюдному согласию была посвящена лоботрясничеству и хождению по гостям. В общем, жизнь вошла в спокойное русло и текла своим чередом, пока не случился гололед. Раньше бы они его и не заметили, потому, как это была головная боль дворников. Но теперь земля вокруг дома принадлежала им, а вместе с ней и обледенелые дорожки. Дича провозился с ними все утро, а в сторону тротуара даже не взглянул. И напрасно! Именно оттуда и подкралась беда.

Разгоряченный войной со льдом, он так уплетал приготовленный Вичей завтрак, что аж за ушами пищало! Из-за этого писка он не сразу услышал завывание сирены скорой помощи под их окнами. А вскоре у входной двери послышались шаги, и раздался нетерпеливый стук. На пороге стоял припорошенный снегом негр и, медленно пережевывая слова, пытался что-то сказать. За его тучной спиной парамедики возились вокруг лежавшего на земле человека.

— Мой товарищ поскользнулся на твоём нечищенном тротуаре и сильно пострадал, — неторопливо вывалил негр кашу из тягучих слов. — Если не хочешь неприятностей, заплати нам пару штук баксов, и мы в расчете.

— Ты чего, обкурился, что ли?! — не понял Дича.

Вся его кровь была сейчас в желудке, и мозг функционировал по остаточному принципу.

— Пешеходная дорожка принадлежит муниципалитету, с них и спрашивай, — услышал вымогатель от хозяина дома.

Негр медленно открыл рот, пытаясь что-то возразить, но его словесную тянучку встретила закрытая дверь. Дича поспешил вернуться к недоеденному завтраку. Но не успел он сесть, как вновь послышался стук из прихожей. Не обращая на него внимания, он набросился на остатки омлета с таким аппетитом, что у сидевшей рядом хозяйки потекли слюнки.

Они бы давно позабыли об этом случае, но настырные негры постоянно напоминали о себе. Ото льда и снега уже не осталось и следа, а шоколадный словожуй каждые выходные стоял под их дверями и требовал денег. Со временем его аппетиты поубавились:

— Я очень уважаю русских, — заискивал он. — И потому согласен всего на тысячу.

Но уважаемый русский послал вымогателя подальше и на этот раз. Визиты тормозного негра прекратились, и Дича с Вичей благополучно забыли о нем. Но ненадолго! Не прошло и двух недель, как им пришла повестка из гражданского суда. Приложенное письмо гласило: «Пострадавший по вашей халатности пешеход требует компенсировать ему медицинские расходы и моральный ущерб. Если вы не считаете себя ответственным за случившееся, вам необходимо доказать свою невиновность в суде».

— Что за ерунда? — опешил Дича.

— Все верно! — подтвердили ему в местной администрации. — По закону нашего штата ответственность за чистку тротуара перед частными домами несут домовладельцы.

— Так если это мой тротуар, то я его сегодня же перегорожу, и не хрен по нему ходить!

— Тротуар не ваш. Это собственность муниципалитета, — спокойно осадили его.

— Погодите! Кто тут из нас сумасшедший? Тротуар не мой, а чистить его должен я?!

— Именно так. Это ваша обязанность как домовладельца. А если вам не нравятся наши законы, так вас здесь никто не держит!

Когда Дича пересказывал этот разговор жене, он все еще был на взводе.

— Успокойся, — гладила она его по плечу. — Мы попробуем уговорить этого негра прекратить свой гражданский иск.

В следующие выходные на их крыльце появился уже сам пострадавший. Его тормозной товарищ стоял внизу, и своим победным видом давал понять, что его миссия в этом деле закончена. Он со злорадством наблюдал за переменной в поведении упертого русского и решил, что дело сделано. Вымогатель уже давно придумал, куда вложит свои честно выстраданные деньги, однако с получени-

ем наличности вышла непредвиденная заминка. Это было впервые в его практике. Обычно махинация работала как часы. В период гололеда они успевали повалиться у многих домов. Хитрость была в том, чтобы знать районы обслуживания скорой помощи. Иначе вызовы к одному и тому же пострадавшему разрушили бы так тщательно спланированное разведение лохов на бабки.

Хозяева встречались разные. Кто поупрямее, кто посговорчивее, но за тот гололед они, так или иначе, собрали дань со всех домовладельцев, кроме одного. Но, похоже, повестка в суд добила и последнего лоха. Или нет? Негр не верил своим ушам. Вместо хрустящих долларов его напарника кормили какими-то сказками.

— Войдите в наше положение! Дом только что куплен и свободных денег у нас просто нет!

— Даже от того, что нас вызовут в суд, они не появятся! — появилась в дверях хрупкая женщина.

— Вы что, издеваетесь?! — закипел вымогатель.

— Слюной будешь брызгать на своего дружка, — зевнула в ответ хозяйка. — Для всех будет лучше, если вы заберете свое заявление!

Негр не понял ее ломанного английского, но устрашающая интонация заставила его сбегать со ступенек и спрятаться за спиной своего тучного подельника.

— До встречи в суде! — на удивление быстро прошипел любитель аппетитно пожевать слова и подтолкнул своего напуганного напарника к машине.

Несолоно хлебавши, махинаторы залезли в свой навороченный кадиллак и, оглушая окрестности рэпом, убрались восвояси. Упущенные деньги не давали королю мошенников покоя. Этим утром его пальцы уже мысленно ласкали долгожданные купюры, и теперь он не находил себе места. Руки чесались! Непонятное беспокойство толкало к действию. Не в силах больше терпеть, он вытащил отдохавшего напарника на внеочередную охоту.

Как только стемнело, они устроились на тихом перекрестке и стали поджидать подходящую жертву. Со стороны района «Маленькая Италия» приближался небольшой грузовик. Встав на светофоре, он нетерпеливо пофыркивал. Один из охотников на лохов, убедившись, что вокруг никого нет, подбежал к машине и запрыгнул на теплый капот. Обхватив его руками, он медленно скатился на землю и замер, зацепившись одной рукой за бампер. Выбежавший из-за угла организатор охоты, начал быстро набирать 911 на заранее открытом мобильнике.

За очередным разводом лоха наблюдала лишь симпатичная девушка с борта фургона. Ее белоснежная улыбка рекламировала всему свету отбеливающую зубную пасту. Откуда мошенникам

было знать, что за этой улыбкой в глубине фургона скрывались ряды коробок из-под оргтехники, доверху набитые автоматическим оружием.

Нервы водителя были на пределе. Он уже и так опаздывал на randevu в балтиморский порт, и встреча с полицией его совсем не устраивала. Не долго думая, он выжал педаль газа до самого пола. Шокированный свидетель наезда бросился к своему подельнику. Склонившись над ним, он попытался перевернуть его лицом вверх.

— О-о-о! Не-е-е-т! — простонал он, подавляя подкатившую тошноту — обезображенный подельник скалился на него сквозь разорванную щеку.

За рвотными позывами предводитель мошенников не услышал высокого фальцета мотора, работающего на задней передаче, и не успел даже распрямиться. Грузовик подмял под себя его тучное тело и с хрустом переехал носки лакированных штиблет. Засвистев колесами, машина рванула вперед и, сильно накренясь, с трудом вписалась в поворот.

Не чувствуя пальцев ног, мошенник с трудом приподнялся на локте, пытаясь разглядеть номер малолитражки, но вместо номера увидел лицо красавицы, которая весело подмигивала ему с борта фургона. Машина давно скрылась за поворотом, а голова девушки продолжала висеть над тротуаром. Дувший с залива ветер играл с ее золотистыми кудрями, то и дело забрасывая их на лицо. Красавица мило улыбалась и часто моргала длинными ресницами, пытаясь сбросить с глаз мешавшие волосы.

«Почему она не смахнет их рукой?» — подумал махинатор и тут же содрогнулся от очевидности ответа.

Подгоняемая ветром голова медленно приближалась. Животный страх заставил его позабыть о раздавленных пальцах. Он попытался встать, но поскользнулся в луже крови и все тушей грохнулся прямо на своего подельника. Руки распластавшегося напарника странно подпрыгнули, из разорванной щеки вырвались какие-то звуки. От ужаса главарь мошенников потерял рассудок. Не обращая внимания на боль, он вскочил и от неожиданности замер.

Вокруг, насколько хватало глаз, возвышались средневековые надгробья, а сам он стоял на краю свежевырытой могилы. Его подельник лежал в могильной яме, держась за разорванную щеку. За спиной что-то зашуршало. Оглянувшись, негр увидел плывущую на него голову девушки. Улыбка пропала с ее помолодевшего, почти детского лица. Рот ее был широко открыт, обнажая, нет, не жемчужные зубы, а черную бездну. Расползаясь, как клякса на промокашке, темнота быстро поглощала все вокруг. Теперь вместо девичьего лица на оседающего наземь махинатора смотрел огромный бездонный зрачок. Он расширялся и жадно поглощал окружающий

мир. Вскоре мошенник уже ничего не видел, кроме крошечной тьмы...

Гражданский суд больше не тревожил обвиненных в халатности хозяев дома ввиду неявки истца и свидетеля. От греха подальше Дича запасся песком с солью и превратился в законопослушного домовладельца. Однако проявить свое рвение в том году ему так и не довелось. Они благополучно дозимовали без снега и гололеда, а с наступлением весны зимние неприятности испарились под лучами апрельского солнышка.

Природа стряхнула холода и начала пробуждаться. На деревьях набухли почки, у тюльпанов бутоны, а у повзрослевшего Баси — отличительные кобелиные признаки. Вслед за ним поспела и Пеша. Собачья свадьба гуляла вовсю. Новоявленные собаководы с интересом наблюдали за любовными играми мохнатых рыжиков. Иногда к ним присоединялись и соседи. Нет, не к рыжикам, к зрителям! Тогда Паше стоило большого труда объяснить подрастающему сынишке суть происходящего. И только животные-старожилы были недовольны. Престарелая Лада строго порывивала на носившуюся вокруг нее молодежь.

С котом же вышла совсем неприглядная история. О том, что он больше не считается особью мужского пола, ему довольно неприлично намекнул Бася. Когда Пеша уставала от его домогательств, она начинала не на шутку покусывать своего кавалера. Но на ненасытного кобелька это мало действовало. Тогда Пеша просто сбегала от него на диван и, свесив морду, недвусмысленно скалилась. Поскулив немного от обиды, Бася начинал изливать свою душу ничего не подозревающему коту. Тот его притязаний на близость не принимал, нервно орал и, с трудом выбираясь из-под Баси, прятался за хозяйку.

— Ну вот, и от кастрата хоть какая-то польза! — смеялся Дича.

— Не обижай моего котика! — заступалась Вича.

— А я-то тут причем? Все претензии к рыжему сексуальному маньяку!

Пешу за пару месяцев разнесло до размеров маленького бочонка с пивом. Вича очень переживала за их первый в жизни помет. Страшная история с Лелиными пудельками не выходила у нее из головы. Леля к тому времени тоже позабросила кошачий бизнес и приобрела двух пуделей. Но ее первый опыт оказался удручающим.

Она сделала ошибку, купив сначала кобелька. Более взрослый производитель огулял еще не окрепшую сучку, что вылилось в настоящую трагедию. Неопытная мамаша была настолько ревнива, что один за другим загрызла весь свой выводок.

— Ветеринар сказал, что виноваты ранний возраст и нехватка

кальция! — рыдала у них на кухне Леля.

После этого разговора, Вича тут же принялась за профилактику. Если с возрастом будущей мамы они ничего поделать не могли, то вот кальцием напичкали ее по самые уши. Их страхи оказались напрасны. Пеша родила трех замечательных щенят, и уж если кто и нуждался в защите от нее, так это Бася, которого она ела поедом. Кутькам отвели отдельную комнату, благо свободного места было хоть отбавляй, и Вича пропадала у них целыми днями, позабыв о своем стройном плане уборок.

Когда щенки подросли, пришло время знакомиться с бабушкой. Лада попыталась обнюхать новых посетителей двора, но те с визгом бросились врассыпную при виде приближающейся горы. Тогда Лада завалилась на бок и начала завлекаяще помахивать кончиком хвоста. Любопытство взяло верх, и вскоре три рыжих комочка с задорным лаем прыгали вокруг белой хозяйки двора. Со временем они пообвыклись с размерами Лады, и тогда уже настала очередь бабушки прятаться от зубов этих маленьких пираний. Но щенки не унывали. У них было о кого еще почесать режущиеся зубки. Пашин сын теперь был их частым гостем. Он самозабвенно играл с кутьками, не обращая внимания на недовольство облезлой Пешки. Глядя на ее плешивые бока, он как-то поинтересовался на подзабытом русском языке:

— А почему она у вас такая лысая?

— Многие кормящие матери теряют с молоком витамины, вот волосы и выпадают, — улыбнулась Вича.

Совсем как в первые дни в Америке, ее лицо приятно болело от постоянных улыбок. Она уже давно позабыла, что такое грусть-тоска. Жизнь вокруг была ключом. Дича не мог нарадоваться. Он старался не думать о будущем и жил сегодняшним днем, отдаваясь вместе с Вичей посетившему их счастью. Оба они знали, что счастье это будет недолгим, и поэтому не растрачивали ни минутки этого подарка судьбы. Даже щенки в тот год были распроданы быстро и выгодно. Вича ходила гордая своим первым серьезным заработком. Вливание в их бюджет было, действительно, приличным, его даже хватило на установку центрального увлажнителя воздуха. Теперь во время зноя в доме дышалось намного легче. Конечно, с появлением нового оборудования появились и новые шумы. Ночами стало слышно, как периодически включается водяная помпа увлажнителя.

— Давай, я на ночь буду ее выключать, — предложил Дича.

— Не надо. Мне не мешает. С этими шумами даже уютней, они делают наш домик живым.

Вича любила свое новое гнездышко и не представляла себе, как они раньше могли жить без него?

Глава 10

ПЕРЕДЫШКА

Сорок второй час

Вечерний туалет для пациентов реанимации был давно закончен. Время перевалило за полночь. Медсестра бросала косые взгляды в сторону посетителя тринадцатого бокса, не решаясь напомнить ему, что пора уходить. Она мялась в надежде, что кто-нибудь другой возьмет на себя смелость выставить этого убитого горем мужчину. Но тот, похоже, и сам все понял. Собрав вещи, он стоял, склонившись над женой, и шептал ей что-то ласковое на непонятном медсестре языке. Однако пациентка не хотела отпускать мужа. Ее давление вдруг стало резко падать, и соответствующий датчик нервно запищал. Медсестра тут же вызвала дежурную бригаду. Пришедшие врачи, энергично жестикулируя, взвешивали все за и против.

— Давайте увеличивать объем циркулирующей жидкости!

— Рискованно! А вдруг это подтолкнет прогрессирование отека мозга?

— Это еще бабушка надвое сказала! А нарастающая гипотония вот она!

— Предлагаю действовать по ситуации, а об осложнениях беспокоиться позже!

— Согласен! Ставим пациентке еще одну капельницу!

Теперь кровезамещающие растворы вливались через вены обеих рук. Вскоре давление стало возвращаться в норму, но вместе с этим подбородок пациентки стал заметно опухать от переизбытка жидкости. Датчик низкого давления еще пищал, но было видно, что он вот-вот успокоится.

* * *

Виче снилось, как непреодолимая внутренняя сила распирает ее в разные стороны. Тревожно дребезжал звонок, сигнализируя о том, что ее тело вот-вот лопнет. Она в ужасе проснулась и, отдышавшись, растолкала Дичу. Будильник мужа звенел, не переставая, и разбудил всех, кроме него самого. За окном уже рассвело. В хмуrom небе творилось что-то неладное. Ее опытный глаз сразу уловил необычное движение облаков. Она подождала, пока Дича оделся и, подсунув ей Тэдди, вышел на цыпочках из спальни. После того, как он тихо прикрыл дверь, Вича так же тихо выскользнула из-под одеяла и прошмыгнула к окну. Могучий, невидимый глазу простого человека поток рвался на север. Его скрытая энергия закручивала и разбрасывала по сторонам курчавые облака. Виккианская воительница чувствовала силу этой темной несущей-

ся массы. Чудовищная лавина с каждой минутой расширялась, целиком покрывая небо, и как ураган вытягивала всю негативную энергию из низлежащих домов. И тут Вича поняла, что это был не сон, ее тело действительно начинало распираť.

Страшное поднебесное течение пыталось вырвать из нее накопленную по крохам черную энергию. В отличие от событий десятилетней давности, когда она с радостью восприняла то августовское слияние с темными силами, сейчас необъяснимый страх обуял ее. Хотя она и научилась собирать частицы вражеской энергии, по большому счету эти силы оставались чужими для нее, и их активное шевеление внутри было пугающим. С недобрým предчувствием Вича отшатнулась от окна и как в детстве нырнула с головой под одеяло. Она крепко стиснула зубы и всем своим существом удерживала рвущиеся на волю сгустки черной энергии, которые остервенело бились внутри ее сосудов. Так она боролась около часа, пока распирающая тело сила не стала ослабевать. Самовольно ожившая энергия наконец покинула кровяное русло и снова спряталась в белковых молекулах виккианской сестры.

Во время утренней дыхательной гимнастики Вича почувствовала необычную тянущую боль в легких, о которой, однако, моментально забыла, включив телевизор. По всем каналам передавали о террористических атаках с использованием пассажирских авиалайнеров. Она заволновалась сильнее, когда сообщили о самолете, врезавшемся в Пентагон. Ее Дича проходил стажировку в национальном институте здоровья в Вашингтоне и находился совсем рядом с эпицентром событий.

Она с нетерпением ждала его дежурного звонка. Как Вича не убеждала себя в том, что с мужем все в порядке, и он нормально добрался до работы, ее душа была не на месте. Телефон упрямо молчал. Ждать больше не было сил. Она решительно схватила трубку и стала судорожно набирать его номер. Как назло, одна кнопка заедала и отказывалась работать. Эта проблема возникла не сегодня и не вчера. Было ощущение, что какой-то вредитель специально ломает телефонные кнопки. Они уже поменяли несколько аппаратов, но проблема возвращалась снова и снова. На родине с дисковыми телефонами такого не происходило. Однако здесь все аппараты были кнопочными, так что выбирать не приходилось. Вича подозревала, что причина кроется в ней самой. Возможно, это черная энергия иногда ускользает из-под ее контроля и стекает с кончиков пальцев, непроизвольно разрушая чувствительную электронику кнопок.

— Надолго собаке кость?! — подшучивал над ней Дича, покупая новый аппарат.

Но сейчас ей было не до шуток. Промучившись с неподдаю-

щейся кнопкой, она бросила телефон и побежала к Паше. От него она сразу же дозвонилась до мужа. С огромным облегчением Вича услышала спокойный голос любимого.

— Ты чего раньше времени? Не волнуйся, нас всех разгоняют по домам. Так что через час буду дома!

Обещанный час вылился в три. В целях безопасности все государственные учреждения были в срочном порядке закрыты. Тысячи машин забили дороги, ведущие из Вашингтона. В круговорот этого всемирного исхода попал и Дича. Домой он добрался злой и голодный. Но поздний обед убил сразу двух зайцев:

— Вкусненько-то как, хозяйюшка ты наша!

Сытый и довольный, глава семейства завалился на диван и обложился собаками. Он удобно устроил голову на коленях жены и вполглаза смотрел новости из Нью-Йорка. Поначалу он заплетающимся языком переводил их для нее, но вскоре затих в сладкой дреме. Несмотря на страшные события, остаток дня прошел в тихой семейной обстановке. Затишье перед бурей длилось недолго. К вечеру Вича занемогла. Утренний дискомфорт в легких снова напомнил о себе.

— Что-то мне нехорошо! — пожаловалась она Диче. — В груди тянет, а где точно не пойму. Даже не знаю, что со мной?

Да и как она могла знать, что это истрепанные утренней энергетической бомбардировкой сосуды пытались предупредить о том, что держатся из последних сил. Перед самым сном измочаленные сосуды сдались. Так Вича впервые в жизни узнала, что такое легочное кровотечение. Она была так напугана, что без пререканий согласилась ехать в больницу. В приемном покое ее страх прошел. Снующие по отделению врачи и медсестры вселяли уверенность и спокойствие. Рядом сидел ее Дича. Положив голову на край кровати, он снова подремывал после сумасшедшего дня. Вича нежно перебирала его волосы с рано появившейся сединой.

«А все я виновата!» — с горечью думала она.

Полумрак бокса подсвечивал небольшой телевизор, укрепленный под самым потолком. Краем уха она слушала его приглушенный говор. Несмотря на поздний час, из динамиков продолжали страшным потоком литься репортажи о четырех захваченных арабами самолетах. С трудом понимая английскую речь, Вича, тем не менее, все чаще улавливала название столицы. Глядя на дремлющего Дичу, она утешала себя: «Отдай я тогда свою энергию, может быть, четвертый самолет смог бы долететь до Вашингтона, где в это время был мой любимый. А так отважные пассажиры сумели ценой собственной жизни остановить террористов над полями Пенсильвании».

На фоне национальной трагедии ее новые проблемы со здо-

ровьем уже не казались такими ужасными. Но страх повторного кровотечения с тех пор навсегда поселился в ее сердце. Теперь Вича как никогда боялась оставаться дома одна. В те беспокойные дни она как-то по-особенному сблизилась с Пашей. Тот работал в вечернюю смену и все чаще забегал днем посмотреть новости из России. На русское телевидение его семья не подписывалась, а Вича только российские каналы и смотрела. Многие из них уже вышли на международные спутники, и на новенькой крыше их дома теперь красовалась параболическая антенна, несущая русскую речь с неба.

Просмотр дневных новостей вместе с соседом часто превращался в юмористическое шоу. Было до слез смешно наблюдать, насколько отличалось освещение одних и тех же событий по разные стороны океана. Вича, конечно, не очень понимала веселья Паши, потому что американские новости не смотрела. Но после того, как он стал проводить с ней короткие политинформации, она тоже втянулась в этот забавный новостной каламбур.

— У них правды, как у змеи ножек! — любила повторять она подцепленную у Лели присказку.

Эти дневные политические посиделки отвлекали Вичу от грустных мыслей, и Дича заметил, что жена стала чувствовать себя увереннее. Теперь Вича не так боялась, что с ней что-нибудь случится в отсутствие мужа. Она знала, что, в случае чего, можно будет положиться на Пашу. А тот, как назло, все реже и реже появлялся, а если и забегал, то был не так весел, как обычно. Сосед пропускал мимо ушей ее озабоченные вопросы или просто отшучивался. Но однажды не выдержал:

— А чего веселиться-то, когда меня гнобят на работе!

— Ну-ка с этого места поподробнее! — присела к нему Вича.

— Ты не поверишь! Но в стране, где все, кроме коренных индейцев – иммигранты, мой босс проповедует московский лозунг «Понаехали тут!»

— Интересно! А его предки сами не понаехал тут из Европы?! — возмутилась Вича.

— Да мой акцент уже давно не дает ему покоя, и он измывается надо мной как может! Этот идиот считает, что все кто говорит с акцентом беспроблемные тупицы!

— А что другие не знают что это не так?

— Знают, да молчат в тряпочку! Это тебе не советская круговая порука, здесь каждый сам за себя. Да еще и доноительство процветает!

— Не может быть!

— Может! У нас в конторе воздух нельзя испортить, чтобы руководство не узнало! — раздраженно сетовал сосед. — Если бы не

семейная медицинская страховка, давно бы к черту уволился!

Но от его желания теперь мало что зависело. Увольнение по профнепригодности было вопросом времени. Начальник ежедневно вызывал Пашу на ковер и оттачивал на нем свое ораторское искусство.

— Государство делает большую ошибку, нянчась с такими как ты и давая вам всякие льготы. На каком основании, скажите на милость, твои дети учатся бесплатно, а я за своих плачу по полной? — с неприкрытой злобой вопрошал он. — Кто-то должен исправить эту ошибку. И поверь мне, пока я здесь начальник, ты у меня за эти самые льготы еще попляшешь!

Конечно, в словах шефа-самодура была доля правды. Многие иммигранты поначалу не имели за душой ни гроша и, живя за чертой бедности, пользовались привилегиями малоимущих, включая бесплатное обучение и медицину. Но Паша уже давно прошел эту стадию и платил за обучение сына наравне со всеми. Однако эти аргументы только раздражали начальника, и конфликт уже вышел за рамки приличия.

Выслушав его исповедь, Вича положила ему руку на колено.

— Достань мне его фотографию.

— Зачем? — сразу успокоился Паша.

— Не задавай лишних вопросов. Ты же не хочешь быть уволенным с волчьим билетом?

— Просто мечтаю!

— Тогда помалкивай и делай, что говорят! — она встала и отвернулась, пытаясь спрятать хищный взгляд.

— Мне хватает командиров на работе! — обиделся Паша, но обещал постараться.

С большим риском он умыкнул из приемной шефа фотоальбом с прошлогодней корпоративной вечеринки, где их руководитель был почти на каждом снимке.

— Выбирай! — хлопнул он альбомом о журнальный столик. — Только поторапливайся. Мне его сегодня же нужно подбросить обратно!

Вича выбрала фото, где самодовольный мордоворот с безмерным превосходством смотрел прямо в камеру.

— Мы с тебя спесь-то собьем! — злоеще прошептала Вича, да так, что даже у Паши по спине пробежали мурашки.

— Да ты ведьма! — спустя пару недель заявил он, подражая царю из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». — Я не знаю, что ты сделала с фотографией босса, но теперь у него земля горит под ногами!

— Он меня не интересует! Скажи, тебя он оставил в покое?

— Да я уже и не помню когда был у него в последний раз! Ему

сейчас не до меня! В корпорации зреют серьезные перемены. Перекраивают высшее звено менеджеров!

Не прошло и недели после этого разговора, а всемогущий начальник уже превратился в обычного заведующего отделом, и на этом его падение с иерархической лестницы, похоже, не заканчивалось. Он всеми правдами и неправдами пытался остаться в управлениях. К его великому удивлению, эффективность организации ничуть не пострадала без его чуткого руководства. Тогда он стал втихаря вставлять палки в колеса отлаженного механизма, пытаясь создать видимость своей незаменимости. Но тут он просчитался. Тупой русский заметил искусственно подстроенную путаницу в бумагах, и ее источник был быстро вычислен, что значительно ускорило свидание иммигрантонеапатиста с клерком по пособиям для безработных.

— Что же ты молчала о своих способностях? — спросил после этого Паша. — Тебе нужно открывать бизнес. От клиентов отбоя не будет!

— Забудь! И не смей никому рассказывать, и особенно своей жене. А то всем достанется! — бросила в сердцах Вича.

Паша прикусил язык. О том, что соседка недолго любила его жену, он прекрасно знал. И было за что. Будучи человеком фанатично религиозным, она поначалу пыталась втянуть новых соседей в свою секту. Но Вича открыто изложила ей свои взгляды на Иегову.

— Люди с врожденными заболеваниями – неблагодарная аудитория для твоих проповедей! — популярно объяснила она.

Но та не унималась:

— Ты не понимаешь! Все плохое, и заболевания в том числе – от Сатаны, все хорошее – это воля всемогущего Иеговы!

— И что, твой всемогущий Иегова не может победить Сатану?

— Приходи в наш дом царства Иеговы и тебе все разъяснят!

— Я бы пошла, да боюсь что не пройду по конкурсу! У меня же больше чем одна извилина в голове!

Такие споры порой чуть ли не до драки доходили. После очередной жаркой дискуссии было решено ввести в коммуне закон ирландских баров и запретить разговоры о религии и политике во время совместных посиделок. Наступивший мир не мог не радовать, и лишние провокации были ни к чему.

— Меньше знаешь – крепче спишь! — согласился Паша и постарался забыть о Вичиных способностях.

Пятидесятый час

Во время утреннего обхода больной из тринадцатого бокса назначили диагностику функций головного мозга.

— Этот аппарат оценивает электрическую активность коры го-

ловного мозга, — объяснила пожилая лаборантка, вкатывая энцефалограф.

Подключение и настройка аппарата заняло довольно много времени. Лаборантка размотала около полутора десятков электродов и начала прикреплять их к коже головы пациентки с помощью специальной пасты, что из-за пушистых волос больной было не такой уж простой задачей.

На время снятия энцефалограммы мужа больной выставили в коридор и плотно закрыли раздвижную дверь бокса. Он напряженно прислушивался к происходящему внутри. Но там висела непривычная уху тишина. Даже звук вечно пищущего кардиомонитора был выключен. И лишь однажды он услышал несколько странных звуков, похожих на хлопки в ладоши.

Следя за работой энцефалографа, пожилая лаборантка была довольна, — ее кропотливая работа не пропала даром, самописцы зафиксировали слабые сигналы мозговой активности. Это была первая обнадеживающая новость за прошедшие сутки. Добавило оптимизма и то, что форма электроволн мозга резко изменилась после громкого хлопка в ладоши над самым ухом пациентки.

* * *

Сквозь сон Вича слышала сильный отрывистый хлопок. Какофония последовавшего за хлопком скрежетания почти разбудила ее, но сон оказался сильнее. Накануне вечером она никак не могла заснуть. Воздух был насыщен враждебной пульсирующей энергией, сгустки которой почти касались ее. Эта энергия колыхалась так близко, что казалось, сама просится к ней. Но стоило попытаться завладеть ею, как та, будто дразнясь, тут же разлеталась по сторонам. Вича не понимала, что происходит: «Похоже, мои способности оставили меня! Не знак ли это близкого конца?!»

В этот момент виккианской воительнице так не хватало мудрой Матрены.

«Сестры! Дайте мне знать! — молила она темноту. — Если это конец, я должна разбудить Дичу!»

Ей надо было успеть рассказать ему о том, как она его любит, и любила всю свою жизнь. Она боялась уйти вот так, не попрощавшись, не сказав последнего «прости». Борясь со своими страхами, она впала в глубокое забытие, и лишь оглушительный грохот за окном пробился в ее сознание.

Вича не слышала, как уходил Дича. Она не помнила, ни как он целовал ее, ни как подкладывал ей под бочок плюшевого Тэдди, ни шума отъезжающей машины, и даже лай провожавших мужа собак не потревожил ее сон. Но этот лязг корежашевого железа выворачивал наизнанку. Она хотела проснуться, но сон не отпускал ее.

Сквозь полуоткрытые веки она с болью в душе смотрела, как на ее глазах в кровавом кошмаре гибнут совсем молодые парни. Облаченные в богатые одежды средневековых вельмож, они кромсали друг друга сверкающими клинками. Звон металла перекрывался криками боли, когда острый клинок находил незащищенную плоть.

— Неужели я тому виной?

— А кто же еще! — оглушил ее зловещий хохот.

Ужаснувшись такому ответу, Вича попыталась вновь проснуться. Пелену сна прорвать не удалось, и она снова погрузилась в ужасный кошмар. Чем яснее становилось происходящее, тем меньше мучила ее совесть.

Мысль: «Они хотят смерти моей мамы!» — перечеркнула все ее терзания.

«Преследования этими самыми вельможами вынудило мою семью бежать в далекие края! Это по приказу их отца мою маму поймали и приволокли в замок позапрошлой ночью!» — кипела в Венди ярость.

Целый день она всеми правдами и неправдами пыталась проникнуть в подземелье, где держали ее мать, но единственный вход в подвалы замка тщательно охранялся. С Сидонии не спускали глаз ни днем, ни ночью.

Едва дождавшись следующего утра, Венди собрала с силами и отправилась в лес за дурманыщими грибами.

— Помоги мне найти ведьмин круг! — обратилась она к лесу.

— Какой ведьмин круг? — зашептала в ответ листва.

— Так моя мама называет грибы, выросшие замкнутым овалом! Я встану в него и смогу заглянуть в будущее!

Пыхтя и задыхаясь, она бродила по чаще в поисках волшебного круга. Но заветные грибы прятались от Венди. Они щадили эту милую девушку. Не надо ей было знать, что ждет впереди. И только грибы-симптяги с заливчатскими красными шляпками в белый горох не таились. Они выскакивали на каждом шагу, облегчая еле дышащей красавице задачу. Не успела Венди обойти небольшую полянку, как ее холщовый мешок уже ломился от набитых доверху грибов-красавцев. Отвар из них был готов как раз к пиршеству в честь поимки Сидонии.

Кухарка была поражена преобразившейся помощницей. Глаза девушки блестели, а на щеках ее играл яркий румянец. Она без устали наполняла и таскала кувшины с вином в трапезную. Но, когда весь отвар закончился, Венди потеряла интерес к сосудам с хмельным. Она прокралась на верхнюю галерею и стала наблюдать за набирающим ход пиром. Увлеченные своим бахвальством,

гуляки не замечали худенькую девушку, прятавшуюся наверху. Сквозь балюстраду она следила за происходящим под ней, и зевала во весь рот.

К удивлению прислуги, благородное семейство необычайно быстро хмелело. Видно, за время, пока жили без пиршеств и балов, они успели отвыкнуть от вина. Герцог первым покинул стол, оставив своих наследников радоваться редкой за последние месяцы возможности повеселиться. Ему же не терпелось навестить виновницу всех его бед. Наслаждаясь пытками ненавистной Сидонии, герцог не слышал сквозь толстые стены подземелья звуков развернувшейся наверху бойни. Обнажив ножи и шпаги, его сыновья и внуки остервенело сражались друг с другом, мало что соображая. Яркий свет множества факелов играл на стенах из тесаного камня, придавая зловещий красный оттенок огромному средневековому залу. От этого зрелище развернувшегося в нем побоища становилось еще жутче.

Обезумевшие люди в дорогих одеждах носились вокруг заваленного яствами стола и скользили по залитому кровью полу. Но не кусок пожирнее да послаще был их целью. Похоже, на этом сатанинском пиру в почете была человеческая плоть. Эрнест в ужасе смотрел на окружающих его свиноподобных химер, маиущих острыми клыками-кинками. Не раздумывая, он схватил старинный двуручный меч, висевший на стене, и ближайшая к нему голова химеры покатила с плеч, весело похрюкивая. Он задумчиво глядел вслед катящейся голове, не понимая, почему она так похожа на одного из его братьев. Из раздумий его вывел окрашенный кровью клинок, медленно растущий из собственной груди. Запоздалая боль в спине выгнула Эрнеста в дугу. Падая, он встретился взглядом с изумрудными глазами помощницы кухарки, наблюдавшей за ним сквозь перила верхней балюстрады.

«Почему я раньше не замечал, как она похожа на...» — удар затылком о каменный пол прервал его размышления.

Сосредоточенная Венди слишком поздно услышала торопливое шуршание платьев позади себя. Она машинально прикрыла руками выступающий животик и вжала голову в плечи. Слугам запрещалось быть наверху в такой поздний час. Если ее обнаружат так близко к покоям герцога, то наказания не избежать! К счастью, ее не заметили. Герцогиня в сопровождении фрейлины быстро прошла к лестнице и стала торопливо спускаться.

— Прекратите, дети мои! — кричала она разбушевавшимся молодчикам.

Венди высунулась из своего укрытия и во все глаза смотрела на хозяйку замка. Янтарное ожерелье на шее герцогини заставило забыть об осторожности.

«Это же то самое ожерелье, за которое мою маму прозвали янтарной ведьмой!» — неудержимая волна гнева сотрясла девушку.

Остатки черной энергии вырвались наружу из самых дальних уголков ее хрупкого тела. В этот момент фрейлина резко остановилась и замерла от удивления, которое тут же сменилось ужасом. Она тоже смотрела на янтарное великолепие на шее своей госпожи и не верила глазам. Внутри одной из бусин огромный комар вдруг ожил и начал неистово молотить крыльями. Ожерелье медленно приподнялось и потянуло свою новую владелицу вперед. Шея герцогини напряглась. Скрепляющая украшение нить натянулась словно струна и со звоном лопнула. Остолбеневшая фрейлина в ужасе глядела на янтарный дождь, падающий под ноги ее госпоже. Бусины с насекомыми внутри весело скакали перед герцогиней, чем доставляли явное удовольствие сидевшим внутри янтара пленникам. Ожившие комары, жуки и блохи смотрели на свою жертву сквозь медовую дымку и ожидали ее следующего шага. Ждать пришлось недолго. Янтарная лавина ринулась вниз по каменным ступеням, увлекая за собой поскользнувшуюся на бусинах женщину. Не перенеся увиденного, фрейлина лишилась чувств.

Венди подождала, пока вся стража примчится на шум бойни, и осторожно спустилась вниз. У подножия лестницы лежало безжизненное тело хозяйки замка. В складках ее бархатного платья застряло несколько янтарных бусин. Девушка быстро схватила их и спрятала в карман фартука. Никем не замеченная, она прощмыгнула к оставшемуся без охраны входу в подземелье. В лицо пахло холодом и сыростью. Венди тихо спустилась и, привыкая к полумраку, огляделась. В конце длинного прохода, в самом дальнем каземате, свет факелов выхватывал фигуру герцога.

— Ваши сыновья убивают друг друга! — что было сил, прокричала она.

В ответ под глубокими сводами раздался злоеющий женский хохот.

— Ты променял жизни своих отпрысков на удовольствие поиздеваться надо мной! — разносился гулкий смех Сидонии. — Ты получил то, чего хотел!

Со страшным предчувствием герцог выскочил из пыточной и ринулся наверх, не замечая сбитую по пути девушку. Оправившись, Венди бросилась к прикованной к стене матери. Не обращая внимания на палача, она повисла у нее на шее и заплакала.

— Ты почему не ушла со всеми?! Где они? — тихо спросила Сидония.

— Пробираются на восток!

— Догоняй их! Беги немедленно, пока темно!

— А как же ты?! — еще сильнее заплакала дочь. — Скажи,

как освободить тебя, и я все исполню!

— Ты сделала больше, чем могла! Убегай! У меня довольно своих сил, чтобы спастись.

Стоявший в полумраке палач напряженно прислушивался к разговору, но треск поленьев в горниле заглушал их шепот.

— Ты кто? О чем вы тут шепчетесь? — схватил он сзади девушку.

— Отпусти ее! Иначе я прокляну весь твой род, и ты пойдешь по стопам своего хозяина! — прошипела Сидония.

Венди резко обернулась, и сердце палача на миг остановилось. На него в упор смотрело мертвенно бледное лицо помощницы кухарки. С ее дрожащих губ, окаймленных легкой синевой, слетели еле слышные слова, которые разорвались в его голове пороховым зарядом:

— Если ты сделаешь моей маме больно, я превращу твои кишки в змей, и они будут медленно жрать тебя изнутри!

Запечных дел мастер выпустил девушку и схватился за живот. Маленькая ведьма уже давно скрылась в полумраке лестницы, а он все стоял и прислушивался к необычно громкому урчанию в своем брюхе. Неожиданный крик подмастерья отвлек палача от этого занятия. Его ученик визжал и катался по полу, схватившись за обгорелый зад.

Еле передвигая ноги по крутым ступеням и шумно дыша, Венди скорее почувствовала, чем услышала, приближающиеся сверху шаги. Она замерла и вжалась в стену, пропуская несущегося вниз герцога. Подлетев к Сидонии, тот схватил ее за волосы и вывернул лицом вверх:

— Низкая тварь, я убью тебя!

— Ловите ее дочь! Быстрее! — в страхе прокричал ему в ухо палач. — Она только что убежала вверх!

— Какую дочь?!

— Помощница кухарки, что была здесь, и есть ее дочь!

Венди в это время кралась вдоль стены трапезного зала в сторону покоев лекаря. Шум бойни уже стих, но в ушах свидетелей резни до сих пор стоял неистовый звон клинков...

~ ~ ~

Вича открыла глаза, пытаясь понять, где она. В ушах до сих пор звенело. За окном послышался шум сирен приближающихся спасателей и полицейских машин. Она выпрыгнула из-под одеяла и подбежала к окну.

«Так значит, мне это не приснилось!» — смотрела она на источник страшного шума.

Напротив дома соседа лежала сложенная пополам машина, или

точнее то, что от нее осталось. Над ней нависал большой пассажирский автобус, из мотора которого валил дым. Вича видела, как из задней двери легковушки медленно выкарабкивался Пашин сын.

Накинув халат, она слетела вниз по лестнице и выскочила на улицу. Задыхаясь на ходу, она подбежала к ребенку:

— Кто в машине?!

Оглушенный мальчик не сразу понял, что от него хотят, и едва слышно прошептал:

— Мама!

Вича бросилась к соседнему дому и, взлетев на крыльцо, начала остервенело колотить в дверь своими маленькими кулаками.

Заспанный Паша с неподдельным удивлением уставился на нее:

— Чего стучишь, пожар, что ли?

— Хуже! — выпалила она. — Смотри, что натворила твоя жена!

Примчавшиеся спасатели уже достали автоген и вырезали проход к женщине, лежавшей без сознания в металлической ловушке. Удар пришелся с пассажирской стороны, и только благодаря этому да сработавшей подушке безопасности обошлось без жертв. Нельзя было не поблагодарить и закон, запрещающий возить детей на переднем сиденье. Не будь этого правила, Пашин сын сейчас не сидел бы, всхлипывая, на поребрике. Сосед вопросительно посмотрел на Вичу. Вдруг он как будто о чем-то догадался, и его глаза наполнились страхом.

Не проронив больше ни слова, сосед резко оттолкнул ее с дороги и, слетев с крыльца, побежал к месту аварии. Вича еле удержалась. Теряя равновесие, она шагнула через две ступеньки и подвернула ногу.

— Это не я! — сквозь боль прокричала Вича и подавленно добавила. — Это подстава.

Как она могла ему объяснить, что это наверняка очередная подлость черных сестер? Поняв, что им не сломить ее физическими страданиями, они решили создать вокруг нее душевный вакуум, лишить друзей.

«Если так, то они повторяются», — с грустью вспомнила она свою бывшую подругу, которую бросил муж.

Низко опустив голову, Вича похромала домой.

«Кто мне поверит? — чуть не плакала она. — Не моя это тайна! Даже если я решусь открыться, будут ли со мной теперь вообще разговаривать?..»

Пятьдесят второй час

Дежурная сестра реанимации увидела, как один из посетителей прильнул к дверям тринадцатого бокса, и хотела прогнать нарушителя.

— Оставь его! — остановила ее старшая по смене и вздохнула. — Сейчас закончат с энцефалограммой и его все равно позовут.

После тягостного ожидания под дверью мужу больной наконец разрешили войти. Пожилая лаборантка уже закончила тест и отклеивала электроды от головы пациентки. Скручивая провода, она негромко сказала:

— Мозг жив и реагирует на окружающее. А контактирует ли он со своим телом, проверят мои коллеги.

После ее ухода обрадованный мужчина с энтузиазмом стал наводить порядок на голове жены. Достав выдавшую виды расческу, в которой недоставало нескольких зубцов, он принялся за работу. Его пальцы плавно скользили по кончикам вьющихся прядей, но чем выше поднималась расческа, тем чаще она застревала в местах с остатками клейкой массы от электродов. Тогда ему приходилось аккуратно разделять слипшиеся волосы и осторожно выбирать вязкие комочки.

* * *

Вича сидела с закрытыми глазами под теплыми лучами весеннего солнышка, а Дича расчесывал ее волосы пальцами в поисках противных жуков. Буквально несколько минут назад она мирно обходила свои любимые розы, которыми был засажен их участок. На одном из кустов она увидела нагло сидевших бронзовых жуков, аппетитно уплетающих желтые лепестки.

— Ах вы, сволочи! — вырвалось у нее, и она, стараясь не уколоться, трянула куст.

Облако майских жуков, которых здесь почему-то называли японскими, взмыло в воздух. Внезапный порыв ветра бросил их прямо на Вичу. Несколько насекомых попались в сети ее распущенных волос. Пытаясь освободиться, пожиратели роз еще сильнее запутались в ловушке из золотых кудрей.

— Дича! Спасай меня! — с наигранным испугом закричала она.

— Что случилось? — послышалось из дальнего угла участка.

Не выпуская из рук лопаты, муж распрямился и посмотрел в ее сторону.

— Меня жуки едят! — отозвалась она, мотая копной волос. — Беги скорее, пока твою жену совсем не съели!

И вот теперь они сидели на лавочке как два шимпанзе, и Дича вылавливал насекомых из ее головы. Может, он их втихаря даже и ел, но Виче было лень открывать глаза, чтобы проверить.

От непривычной кропотливой работы пальцы у Дичи быстро устали.

— Ф-у-у-у! — выдохнул он. — Дай отдохнуть.

— Ага! А как я могу?!

Каждый вечер перед сном Вича слышала от насидевшегося за компьютером мужа привычное:

— Пришло время дефрагментации жесткого диска!

Дича быстро прыгал к ней под одеяло и подставлял свою шевелюру. Ее тонкие пальцы послушно тонули в его густых волосах и начинали нежно и убаюкивающе почесывать натруженную за день голову...

Пристыженный Дича поближе придвинулся к жене и снова принялся вылавливать жуков из ее волос. Она чувствовала его любящие руки, и приятное тепло разливалось по всему телу. Они сидели на узкой лавочке, прижавшись друг к другу, и Вича думала, что если есть на свете счастье, то оно должно быть именно таким! Судьба наконец-то благоволила им. Даже болезнь, казалось, взяла передышку, уступив место заботам о семье и доме. Каждый день был наполнен новыми идеями, как бы поуютней обустроить свое гнездышко. Муж старался пораньше сбежать с работы, чтобы побольше успеть сделать по дому. Он безвылазно мог копаться на заднем дворе, сажая и пересаживая кусты, деревья и так обожаемые ею розы.

Но однажды эта идиллия была нарушена. Дича пришел домой чернее тучи. В тот день во время эксперимента одна из пробирок каким-то непостижимым образом выскользнула у него из рук, и неделя напряженной работы пошла насмарку. Вскоре выяснилось, что виновата была не его невнимательность, а пониженная чувствительность левой руки.

— Это последствие старого перелома локтя, — заключил невропатолог. — Нерв защемился рубцом. Можно попробовать его высвободить из рубцовой ткани, но гарантии, что чувствительность вернется, нет.

Как Дича сломал руку, Вича знала лишь в общих чертах.

— Да, в десятом классе на физкультуре упал, — односложно отмахивался муж.

Она видела, что ему неприятно вспоминать об этом и перестала расспрашивать. О том, что Дичу исподтишка толкнул главный качок класса, она узнала от его мамы.

— Что этот бугай делал в школе для слабовидящих, ума не приложу! — был ее возмущенный рассказ. — Ты же знаешь моего Дениску. Он всегда был таким настырным. Где-то не уступил, вот и поплатился!

Вича нежно посмотрела на понурого Дичу и решила: «Пришло время познакомиться поближе с этой грозой школы!»

За несколько дней до операции она достала школьный альбом мужа и попросила показать виновника его травмы.

— Зачем тебе это нужно?

— Примета такая. Мы должны посмотреть ему в глаза и сказать, что все прощаем, тогда операция будет успешной!

Как только ритуал был совершен, Дича тут же забыл о школьных фотках. Лежа в больнице, он не знал о том, что Вича вновь открывала альбом. На этот раз она не прощала меченого парня, а предупреждала:

— Моли своего Бога, чтобы операция помогла, а иначе...

Глубоким вдохом она погасила поднимающуюся из глубины злость и не дала проклятию выплеснуться раньше времени. Но держать его в себе пришлось недолго. По другую сторону океана Бог был глух. А может, бугай просто поленился к нему обратиться. Как бы там ни было, спустя пару месяцев, как только в Балтиморе подул северо-восточный ветер, на его крыльях отправился в дальний путь невидимый сгусток энергии. Прибрежный бриз передал эстафету воздушному потоку, что сопровождал Гольфстрим, и посылка понеслась в сторону Старого Света.

Ее получатель даже не подозревал, какие великие силы были приведены в движение из-за его жалкой персоны. А вид его действительно был жалок. От бывлой могучей фигуры не осталось и следа. Как высохший дуб, склонивший к земле свои ветви, он сидел на постеленном прямо на полу матрасе, тупо уставившись на клочья ваты, торчащие во все стороны. Из мебели были только батарея пустых бутылок и пара знакомых бомжей, которые пихали ему в руку засаленные рубли и пытались втолковать что-то про магазин.

«Откуда так смердит? От них или в подвале опять нагадил какой-нибудь придурок? — он перевел взгляд на огромную трещину в гнилом паркете. — Когда это было? Весной ли? Какой?»

Он уже ничего не помнил, ни когда под ним нашли сумасшедшего узбека, ни сколько лет, не просыхая, пил. За последний год он еще больше опустился, хотя, казалось, дальше уже некуда. Давние знакомые, проходя мимо, уже не узнавали его. Жизнь потеряла всякий смысл и катилась под уклон.

— Да и для кого жить? — бормотал он в пьяном угаре. — Жена с ребенком ушли, родители и друзья отвернулись. Для вас, что ли? — обратился он к своим собутыльникам, откровенно напрашиваясь на неприятности.

Если бы он даже знал, что, выходя этим вечером за водкой, он больше никогда не увидит этих пьяных рож, то ничуть не расстроился бы.

«Сдохнуть бы уже, что ли?» — с горечью подумал он.

На улице кто-то из таких же, как и он, страждущих, заметил у него в руке деньги и пошел следом. Лишь только они свернули с людной улицы, идущий сзади освободил его от денег, а заодно и от горьких мыслей. Одного удара пустой бутылкой по голове оказа-

лось достаточно, чтобы приобрести бутылку полную.

Еще целые сутки поврежденный мозг пострадавшего медленно осмысливал произошедшее. Он прокручивал всю недолгую жизнь своего хозяина, пытаясь понять, где же тот вышел из-под контроля. Клетки серого вещества мозга отдавали хранившуюся информацию о самых запоминающихся событиях и отмирали. Те нейроны, которые хранили недавнюю память, погибали первыми. Затем, наступала очередь клеток, с более давними событиями. Таким образом, вся жизнь пролетала перед внутренним взором в обратном порядке. Погибающий мозг начал с последнего, сколь-нибудь запоминающегося события. Это был день получения кредита на развитие фермерского хозяйства, где самым волнующим моментом стал пересчет ссуды на водочный эквивалент. Светлых воспоминаний набралось немного. Была ли жизнь его такой тусклой и беспросветной, или клетки-хранители памяти были убиты алкоголем, уже не имело никакого значения. С первыми детскими воспоминаниями угасли едва различимые проблески сознания, в которое несостоявшийся фермер так и не пришел.

По другую сторону океана Вича даже не могла представить, что через какое-то время и ее собственная память отправится в многослойное путешествие по прошлой жизни. Путь этот будет ярким и необычным и навсегда сохранится в скрижалях викианского сестринства...

Ну а пока она была полна сил и решимости. Она твердо встала на ноги в логове врагов, и пришло время действовать. Тянуть было нельзя. Никто не знал, как долго продержится ее организм, поэтому нужно было срочно навестить Матрену. Глядя на пышущую энергией жену, Дича только приветствовал ее желание съездить на родину. Но черные силы опять пытались помешать возвращению викианской воительницы к своим истокам. С юга наступал разрушительный ураган Изабелла и, по прогнозам, он должен был ударить по Вашингтону в день их отлета.

По дороге в аэропорт Вича была необычно весела.

«Я обманула их! — внутренне радовалась она. — Я как знала, когда отказалась от накатанного пути на родину!»

Действительно, в этот раз им предложили лететь либо через Франкфурт, либо через Париж. Дича склонялся к уже привычному для них маршруту через Германию, да и до аэропорта в соседнем Вашингтоне было всего час езды. Во Францию же вылетать приходилось из Филадельфии, куда путь был длиннее. Но что-то тогда подсказало, что длиннее — не значит дольше, да и в Париже они никогда еще не были.

— Давай через Париж! — загорелась Вича. — Хоть одним глазком взглянуть на него, но только, чур, не умирать, — припом-

нила она название известного фильма.

Сейчас Дича рулил по направлению к Филадельфии, и на душе у него было спокойно: «Спору нет, мы проигрываем полчаса в дороге, но неизвестно, сколько бы нам пришлось сидеть в закрытом вашингтонском аэропорту».

Благодаря прозорливости жены они ехали в северном направлении, куда ураган дойдет лишь к вечеру.

Их самолет успел взлететь, весело показав разбушевавшейся Изабелле серебристый хвост!

Долгий перелет дался Виче на удивление легко. Похоже, что ошибка стюардессы, которая приняла ее за соотечественницу и обратилась к ней по-французски, резко приподняла настроение Вичи.

— Я всегда говорила, что тебе повезло со мной! — подзадоривала она мужа. — Гордись, что у тебя жена — настоящая французка!

— Точно! Как прилетим, надо будет обязательно заскочить в лес.

— Зачем?

— Наловим тебе лягушек!

Шутки шутками, а в лес Дича действительно попал, но не за лягушками, а за черноплодной рябиной. Нагулявшись по Питеру, они сбежали ото всех на лоно дачной природы. Озадачив мужа сбором ягод, инициатор побега отправилась навестить Матрену.

— Кого Бог дает? — встретила ее заметно постаревшая целительница.

— Американскую сестру! — весело ответила Вича и сердечно обняла старуху.

Та долго ее не отпускала и все гладила своими иссохшими руками.

— Я научилась использовать энергию заморской природы и держать удары черных сестер! — выпалила гостья. — Это пришло само собой! Как именно, я не знаю. Поэтому боюсь, что научить этому пока не могу.

— Чувствую в тебе силу, — наконец произнесла Матрена и заглянула молодой женщине в глаза. — Вижу, что созрела ты для следующего шага к нашей цели.

Они присели на лавку, и, как много лет назад, старушка положила ее голову к себе на колени. Она гладила ее по золотистым волосам и вещала о том, что есть и что будет. Старая знахарка чувствовала, что гостью что-то беспокоит, но не торопила ее.

— Матрена, — начала Вича. — Я хочу попросить тебя о помощи.

— Все, что в моих силах, — ободряюще заверила Матрена.

— Мы хотим ребеночка!

Знахарка долго не отвечала.

— Здесь я бессильна, — наконец произнесла она. — Я боюсь,

что пока ты не научишься удерживать хоть малую толику белой энергии, это невозможно. Но отчаиваться не надо. В истории виккианства есть тому примеры!

Они помолчали еще немного.

— Я вижу, ты научилась изменять чужую энергию! — нарочито бодро заговорила Матрена. — Теперь ты можешь делать ее доступной для нас. Скоро наши сестры начнут прибывать к тебе. Каждое полнолуние отдавай свою энергию ветру, и он принесет ее им. Они будут рядом, но ты не должна искать встречи с ними. Через тебя их могут найти и извести. И помни, без твоей энергии они беспомощны в логове врага! Пройдет немало времени, прежде чем они сами научатся укрощать чужеродные силы и смогут управляться без тебя. Но я должна предупредить, что, пропуская сквозь себя несметные потоки энергии, ты ускоришь свое разрушение. Готова ли ты к такой жертве?

— Да, сестра! Я буду биться до конца! — попыталась забыть о грустном известии Вича.

— Ну, давай прощаться, — поднялась старуха. — И помни, чем дольше ты продержишься, тем больше наших сестер сумеет продолжить начатое тобой дело.

— Я продержусь! — с гордостью заверила виккианская воительница. — Ну, я побежала, пока моего Дичу не утащили волки!

Матрена смотрела вслед своей воспитаннице, и ее подслеповатые глаза наполнились слезами гордости за это хрупкое существо с непоколебимой волей и духом победительницы, которую не смогла сломить даже ее жуткая болезнь.

Преисполненная сил, Вича быстро шла, почти не задыхаясь. У нее была новая цель, и она сделает все возможное, чтобы достичь ее. Для начала нужно было подготовить Дичу к ее ночным отлучкам...

Как только самолет оторвался от питерской земли, она поведала мужу о новой мульке, которой ее научила Яна.

— Чтобы в доме всегда водились деньги, нужно отложить одну денежку и каждое полнолуние купать ее в лучах ночного светила. И обязательно приговаривать: «Смотри, что у меня есть!»

Вича взяла на себя этот ритуал, и как только наступало полнолуние, она выходила во двор с однодолларовой бумажкой. Простерев руки к небу, она отдавала накопленную за месяц энергию сестрам. Тень беседки скрывала ее от посторонних глаз, и только от Лады было не спрятаться. Мохнатая великанша уже давно отказалась жить в доме и теперь оттягивалась на улице, в огромной конуре. Ей ночные бдения хозяйки были не в диковинку. Лада еще помнила тесные таунхаузы и совместные прогулки по лунному лесу. Вот и теперь каждое полнолуние она выходила из будки и поджи-

дала свою хозяйку под дверь. Белая шерсть Лады переливалась в лунном свете и освещала путь к их укромному месту. Доведя хозяйку до беседки, она ложилась у ее ног и зорко глядела по сторонам. И горе тому, кто решился бы помешать их тайному ритуалу. Дича свыкся с этими полуночными вылазками и уже мог сверять по жене лунный календарь.

Несмотря на непреодолимую тягу к ночному светилу, о его дневном собрате Вича тоже не забывала. Она любила поваляться в шезлонге под лучами ласкового солнышка. Сегодня во дворе было особенно хорошо. Свежий ветерок разносил запах свежескошенной травы. Это была первая стрижка газонов в этом году. Ровное стрекотание мотора то приближалось, то удалялось, а вместе с ним перемещался и лай рыжих непосед, атакующих шумный агрегат. Лада лежала в тени хозяйки и исподлобья поглядывала на надрывающих глотки малышей. Дича толкал перед собой ручную газонокосилку и покрикивал на рыжиков:

— Вот я сейчас кому-то носы пообстригаю!

Со стрижкой травы в прошлом году разыгралась целая война с сезонными рабочими из Мексики. Каждую неделю они назойливо предлагал свои услуги по уходу за кустами и газонами. Дича уже устал отбиваться от них.

— Вы английский язык понимаете? — не выдерживал он. — Слово «нет» означает «нет»!

— Но предыдущие хозяева пользовались нашим сервисом, — продолжал настаивать бригадир сезонников.

— Значит, у них были на это деньги, а у меня нет. Если вы будете обслуживать мой участок бесплатно, то милости просим!

Обозленный бригадир уходил, но в следующие выходные его стук ни свет ни заря снова будил несговорчивых хозяев. Не оставлял мексиканец в покое и соседей. Паша как-то объяснил Диче, откуда взялась такая настойчивость:

— На нашей улице только мы и стрижем траву сами. Остальные уже давно поддались на уговоры настырных мексов. До нас они своими огромными газонокосилками за один прием проходили сразу вдоль всех домов, а теперь им приходится объезжать наши участки. Вот они нас и достают!

К сожалению, одними уговорами дело не обошлось.

— Эти сволочи украли у меня из сарая газонокосилку! — прибежал однажды взволнованный Паша.

— Какие сволочи?

— Да мексы же! Кому еще это нужно? Поверь, если бы не забор и Лада, ваш сарай тоже бы выпотрошили!

— Давай заявлять в полицию!

— Какую полицию?! Они кражами до трехсот долларов не за-

нимаются! Да и свидетелей нету!

Верите или нет, но сами подозреваемые набрались наглости и через пару дней снова предложили Паше свои услуги. На этот раз его отказ сопровождался отборным английским матом. Но поскольку язык чопорных англичан матерными выражениями не изобилует, то незамысловатая тирада большого облегчения говорившему не принесла. А что до мексиканца, так тот, наверное, и половины из сказанного не понял и ушел, пожимая плечами.

— Жаль, что теперь за воровство не отрубают руку! — прокричал ему вслед Паша.

Бригадир машинально потер кисть, поскольку в яростном крике хозяина украденной машинки уловил два последних слова: «отрубить» и «рука».

К великому разочарованию сезонников, коммуна приняла решение стричь траву оставшейся газонокосилкой. Недовольные мексы больше порогов им не оббивали, но и в покое не оставили. Поняв бесплодность своих попыток, они начали мелко пакостить. Со стороны дороги, где забора не было, они раз за разом заезжали на Вичину клумбу и скашивали под корень только что распустившиеся тюльпаны. А во дворе тюльпаны даже распуститься не успели. Все бутоны были съедены откуда-то взявшимися зайцами. Конечно, в соседней лесополосе они кишмя кишели, но сетчатый забор надежно защищал задний двор. Загадочное появление лесных гостей вскоре выяснилось: Дича обнаружил несколько порванных звеньев в проволоочной ограде. Дырки находились у самой земли и имели явные следы механического воздействия.

— А я-то думала, что это был за скрежет, когда их мини-трактор стриг траву вдоль нашего забора? — вспомнила Вича.

— Эти гады так выставили ножи, чтобы они цепляли ограду! — ругался муж.

Дича искусно стянул порванные звенья старым электрическим шнуром, и нашествие зайцев прекратилось. Но не прекратилось мелкое вредительство. Очередную свинью им подложили уже не в переносном, а в прямом смысле. Как-то, запуская нагулявшихся рыжиков домой, Вича увидела, что их мордочки измазаны каким-то жиром. Лада в это время лежала возле своей конуры и что-то уплетала за обе щеки. Подойдя к грозно зарывавшей великанше, Вича с ужасом увидела обглоданное свиное копыто. Озверевшая Лада злобно оскалилась, но, поняв, что ее хрупкая хозяйка чихать хотела на угрозы, завиляла хвостом и виновато посмотрела исподлобья. Добыча была отобрана, однако от поноса это уже не спасло. Хорошо, что было лето и маленьких дристунишек можно было держать на улице. Когда отчаянное урчание в собачьих животах прекратилось, наступил банный день. Малышей Вича купала в ван-

ной комнате, а мохнатую Ладу Дича отмывал на улице из садового шланга.

Вдоволь поглумившись над цветами и собаками, сезонники принялись за хозяйку. Они собирались около забора и пилились на отдыхающую после уборок Вичу. Она уже несколько раз переставляла свой лежак, прячась от назойливых глаз. Но неугомонные ма-чо подходили с другой стороны забора и снова начинали обсуждать загорающую хозяйку, тыкая в нее пальцами и что-то тараторя по-испански. Бася и Пеша непрерывно тявкали на чужих мужиков и напрыгивали на сетку забора. Один из мексов запустил руку в мешок, набитый мелко скошенной травой, и швырнул целую горсть перемолотого крошева в заливавшихся лаем померанцев. Рыжики моментально покрылись зеленой пылью и начали отчаянно чихать. Эта выходка стала последней каплей. Разъяренная Вича приблизилась к забору и, глядя на веселую троицу в упор, что-то произнесла на непонятном им языке. Дольше всех она задержала взгляд на обидчике собак. Потом сладко зевнула на прощанье и скрылась в доме, оставив в шезлонге недочитанную книгу.

Потеряв объект насмешек, мексы вернулись к работе. Зная, что во дворе никого нет, бригадир вплотную подъехал к ограде. Однако вращающиеся ножи на этот раз вгрызлись не в жесткую заборную проволоку, а прихватили мягкий провод, которым была залатана брешь. Намотав на ножи провод, мини-трактор пару раз кашлянул и заглох. Прибежавший на помощь подручный запрокинул газонокосилку на себя. Пока он удерживал машину на двух колесах, его бригадир проворачивал руками ножи и сматывал с них провод. Как назло, начинало моросить. Нельзя было терять ни минуты. Стричь прибитую дождем траву будет сплошным мучением. Бригадир заторопился. Половина провода была уже освобождена, и ножи стали проворачиваться веселее. Никто не обратил внимания на то, что от энергичного вращения ножей начал прихватывать мотор. Когда раздался звук неожиданно ожившего двигателя, было поздно.

Срезанная кисть взмыла высоко в небо и, описав дугу, упала на свежестриженную лужайку. Ее окровавленные пальцы мелко подрагивали. Раздался душераздирающий вопль. Поддерживающий газонокосилку помощник в ужасе потянул машину к себе, пытаясь закрыться от страшной картины. Поскользнувшись на влажной траве, он завалился назад и опрокинул работающий агрегат прямо на себя. Как огромный перевернутый жук, мини-трактор лежал на спине и шевелил в воздухе лапами-колесами. Под его панцирем-капотом корчился придавленный подручный. Он плохо понимал, что происходит. Звенящую тишину в его ушах не нарушал даже весело стрекочущий мотор. Вдавленный в газон, он слышал

лишь непонятный хруст в области таза, по которому елозила вибрирующая машина. Глядевшие в небо ножи газонокосилки со свистом раскручивали часть освобожденного провода.

Прибежавший на крик обидчик рыжих песиков напоролся на рассекающий воздух провод. Он остановился как вкопанный.

«Где это я успел так разорвать рубаху?» — думал он, глядя на края вспоротой материи, которые на глазах наливались кровью.

Окружающий мир стал погружаться во мглу...

В наступающем мраке появился образ молодой хозяйки соседнего дома, над которой они только что так весело потешались. Она смотрела ему прямо в глаза и шептала посиневшими губами о прожорливых змеях, сидящих в его животе. За ее спиной угадывался силуэт прикованной к стене женщины с искаженным от боли лицом.

«А ведь ее муки дело моих рук!» — страшная догадка сначала стеснила грудь, но тут же непривычное чувство вины сменилось безразличием, а вслед за этим и удовольствием, превращая его в настоящего палача.

Он увидел себя под необычайно голубым небом с двуручным мечом в руках. Знакомая узница была уже не прикована цепями к стене, а привязана корабельными канатами к просмоленному столбу. Заплечных дел мастер примерился и махнул мечом.

«Я предупреждала тебя, чтобы ты не смел делать больно моей маме? — услышал он эхо, прыгающее в его голове, как в гулком подземелье. — Так не обессудь!»

Тут в животе у палача шумно заурчало, и он почувствовал неприятное шевеление вокруг пупка. Позабыв обо всем на свете, он кинулся в замок. Укрывшись в пыточной, он дрожащими руками задрал свой красный плащ. От выпученного пупка по всему животу расходились огромные волны. В глазах палача застыл немой ужас. Его пузо раздулось до невероятных размеров. Дикая боль распирала и рвалась наружу. В глазах потемнело. Не понимая, что делает, он схватил пыточный нож и вспорол себе брюхо. В руки ему вывалился клубок кровавых змей. Их горячие извивающиеся тела обожгли ладони и вместе с этим тьма неожиданно отступила...

~ ~ ~

Прояснившимся взором он снова глянул вниз. Змей не было. Вместо них из распоротого вращающимся проводом живота ему в руки вываливались розовые кишки. Пришедший в себя сезонник начал тут же хватать теплые петли кишечника и судорожно запихивать их обратно в живот. Его бригадир сидел рядом, отрешенно глядя на сарай, из которого они на днях украли газонокосилку. Он

бережно прижимал к груди кровоточащую культю, и в голове его, как заезженная пластинка, вертелось: «Отрубить рука, отрубить рука!»

Приехавшие спасатели упаковали сбежавшую от хозяина руку в мешок со льдом, а спустя час искусные хирурги уже пришивали беглянку на место. Выбывшая на время из строя команда газонокосителей была тут же с радостью заменена их жадными до денег соплеменниками. Новый бригадир лишь однажды предложил свои услуги Диче, а в сторону Пашиного дома даже не глянул...

Глава 11

БАБЬЕ ЛЕТО

Наступала мягкая балтиморская осень. Мексиканцы больше не донимали, и Вича снова могла спокойно нежиться на солнышке после трудовых будней. Да и сами уборки шли веселее, когда знаешь, что впереди ждет приятная нега, а не игра в прятки с наглыми мачо. Дополнительных сил прибавляло и то, что Дича не оставлял ее стараний без внимания. В последнее время он никогда не забывал похвалить свою Вичу. Многие мужья не замечают женского труда и относятся к нему как к должному. Еще недавно и Дича был таким же. Но с тех пор, как Вича стала подолгу бывать в больницах, в глаза мужу все чаще бросался наводимый им беспорядок и скопление пыли на мебели. Теперь он при каждом удобном случае давал своей хозяйшечке знать, что ее труды не остались незамеченными.

— Вича, прикинь, а у меня сегодня какие-то гномики всю ванну отскребли! — кричал он, заходя в сияющую чистотой душевую.

— Ах, так?! — радостно отвечала она. — Тогда пусть тебе эти гномики и обед готовят!

Он знал, что жене тяжело даются эти уборки, и помогал, как мог. Не оставался без внимания и научный прогресс, спешивший на помощь домохозяйкам. Кладовая в их доме всегда была забита новейшими чистящими, моющими и полирующими средствами. Легковесные безмешочные пылесосы, кухонные комбайны, миксеры и даже электрическая открывалка консервных банок были к услугам Вичи. Ну, а самое последнее их приобретение значительно облегчило уборку второго этажа.

Это был собачий коврик-пограничник под названием «Скат». Его особенность была в том, что ступавшая на него лапа получала легкий, но неприятно покусывающий разряд тока. Коврик был постелен перед входом на второй этаж и теперь надежно охранял спальню и кабинет от вторжения четвероногих проходимцев. Шер-

сти и грязи сразу же поубавилось. Однако не одним только домашним питомцам доставалось от тетки глубоководного кусаки. Привыкшая ходить по дому босиком Вича тоже неоднократно попадалась в его лапы. Вот и в этот раз, выйдя из ванной и вытирая на ходу голову, она наступила на притаившийся «Скат». Разряд, который она получила, да помноженный на влажную ступню и эффект неожиданности, заставил ее крепко выругаться.

— Сразу видно, что человек из культурной столицы! — рассмеялся муж. — Пора бы уже привыкнуть или ходить в тапках. Сколько этот ковер уже постелен? Неделю? Две?

— Три! Нос подотри! — огрызнулась Вича, залезая в пушистые тапки. — Между прочим, мне ступни до сих пор щиплет!..

Пятьдесят восьмой час

Появившиеся после обеда медтехники из неврологии снова выставили мужа больной из тринадцатого бокса. Закрывшись, они в полной тишине следили за реакцией мозга пациентки на электростимуляцию ступней, через которые пропускали короткие разряды тока.

— Мозг воспринимает наружные сигналы, но ответную реакцию не дает и телом не управляет, — дали они угнетающее заключение и оставили мужчину наедине со своим горем.

— Почему ты опять спряталась ото всех? — сдавленно шептал он. — Давай, малыш, выбирайся из своей ракушки. Мне без тебя здесь совсем плохо!

Дича вспомнил то время, когда жена в последний раз надолго замкнулась в себе. Все произошло на фоне полного здоровья, если такое понятие, конечно, применимо к Виче, и тем страшнее был удар. Это был один из немногих светлых промежутков, когда осложнения оставили ее в покое. Она прибавила в весе, и старые наряды уже были малы. Он только радовался этому, и с удовольствием покупал жене обновы. Кто считает деньги в таких случаях?

А потом пришло еще большее счастье. У Вичи начал расти животик, причем так быстро, что уже мешал убираться по дому. Когда она нагибалась, он давил на диафрагму, не давая глубоко дышать. Из-за этого она однажды чуть не свалилась с лестницы, которую усердно оттирала от собачьих следов. Из последних сил она пыталась закончить еще одну ступеньку, но не успела. В глазах потемнело и неприятно зазвенело в ушах...

Снизу, из трапезного зала, доносился слабый звон разбросанного по полу оружия, о которое то и дело спотыкались суетившиеся среди окровавленных тел слуги. Их тихие переговоры время от времени прерывались требовательным голосом лекаря.

«Надо успеть перехватить Дерека, пока он не спустился на помощь к отцу!» — торопилась Венди.

Она из последних сил сражалась с боковой лестницей, ведущей в покои лекаря. Подрастающий животик мешал ей дышать. Она запнулась о верхнюю ступеньку и упала прямо на руки Дереку, спешившему вниз. Он подхватил свою любимую и поднес к окну. Юноша устроил ее на широком подоконнике и растянул ворот платья. Из темноты донесся скрип закрывающихся ворот и грохот цепей поднимаемого моста.

— Нас захлопнули как в мышеловке! — еле расслышал он.

— Что? — не понял Дерек.

— Сидония — моя мать! — не вдаваясь в подробности, выдохнула Венди.

Сердце юноши оборвалось. Он застыл, оглушенный этим известием.

— Не волнуйся! Тебе нельзя волноваться! — машинально произнес он.

Мысль о том, что их ждет лютая смерть, на какое-то время сковала его. В голове всплыли рассказы странников о ведьмах и их семьях, сожженных на очищающих кострах.

— Мы спрячемся во вишовой комнате! — пришел он в себя. — Там нас никто искать не будет!

Дерек поднял свою малышку на руки и тут услышал быстро приближающийся топот. Он едва успел отшагнуть за колонну, прячась от стражи, обыскивающей верхние покои.

— Я знаю, кто нас укроет! — встрепенулась отдышавшаяся Венди.

Она спустилась с его рук и увлекла вниз по лестнице, которая еще не успела остыть от сапог стражников. Нырнув в проход для челяди, они пробрались на пахнувший отходами задний двор. Вечер встретил их спасительной темнотой. Не раздумывая, Венди повела Дерека в сторону приглушенных голосов, доносившихся с другой стороны замка. Они крались вдоль крепостной стены, и нагретые за день камни успокаивали их своим безмятежным теплом. Выглянув из-за угла, беглецы увидели играющие в бликах огня ворота. Свет факелов выхватывал большую группу вооруженных мужчин.

— Вся стража на ногах! — прошептал Дерек. — Не лучше ли нам развернуться?

Но Венди твердо вела его к приютившимся у ворот сарайчикам. Услышав гулкий лай растревоженных собак, Дерек невольно замедлил шаг.

— Я, надеюсь, нам не туда?! — спросил он с нотками удивления и страха, когда они уперлись в псарню.

— Туда, туда, милый!

— Нас же разорвут в клочья!

— Не бойся! Нас не тронут!

С этими словами Венди отодвинула задвижку и юркнула внутрь, увлекая за собой испуганного Дерека. В небольших загонах бесновались охотничьи псы. Беглецы прокрались мимо жилища тощих гончих, и направились прямо к здоровенным волкодавам.

— Подсади меня, — дернула она за руку ошалевшего спутника.

— Даже и думать не смей!

Но его храбрая малышка уже сама начала неуклюже карабкаться на загородку. Вожак волкодавов был удивлен не меньше Дерека. Он перестал лаять и с интересом наблюдал за хрупкой девушкой, висевшей на краю загона. Пес вдыхал волны страха, исходящие от помогавшего ей юноши, но ничего кроме любви и нежности не исходило от маленькой человеческой самки с детенышем внутри.

Когда она прыгнула на покрытый соломой пол, мохнатый великан уже обожал ее. Он подбежал и ткнулся огромным носом в ее ладошку, моля о ласке. Венди почесала его за ухом, и псу уже не было никакого дела до лезущего вслед за ней парня. Сородичи вожака мирно устроились рядом, больше не заботясь о сумятице, творящейся снаружи.

Вдруг за стеной послышался топот сапог. Дверь распахнулась, и в сопровождении стражников появился псарь. Венди схватила Дерека за руку, и они втиснулись в дальний угол загона. Матерый вожак сразу почувствовал, что непрошеные гости напугали его благодетельницу. Он ощерился, и вся стая как по команде ринулась к загородке. Оглушительный лай мешал говорить. Громадные псы один за другим поднимались на задние лапы и высовывали морды в проход поверх загородки. Стражники безуспешно пытались отогнать их факелами. Собачья слюна разлеталась и шипела в ярком пламени. Огромные клыки угрожающе клацали, хватая пустой воздух.

— Я же вам говорил! — ныл разбуженный псарь. — Какой сумасшедший сунется сюда?

— Лезь, проверяй и не разговаривай! — грубо оборвали его.

— Куда же теперь? Гляди, как вы их озлили!

Холодное лезвие кинжала, приставленного к шее, сделало псаря сговорчивее. Собаки не тронули своего кормильца, и лишь вожак-великан отошел в дальний угол и продолжал скалиться. Его глаза горели необычно теплым изумрудным огнем, но вид огромных клыков отбивал всякую охоту приближаться. За его могучей спиной прятались беглецы. Они пригнулись, крепко обнявшись, и лишь предательские золотые кудри Венди светились в темноте. Но псарь их не видел. Взгляд его застыл на безумно счастливых глазах вол-

кодава. Только два раза в жизни он видел своего питомца таким.

Первый раз, когда у того, еще щеночка, едва прорезались глазки-бусинки. А второй на той злополучной охоте, где был задран сын герцога.

— Нет тут никого, — проворчал псарь, и ему показалось, что глаза пса засветились такой благодарностью, что даже защемило сердце.

— Помощницы кухарки нигде нет! — доложили стражники, обыскав весь замок.

Взбешенный герцог ворвался в пыточную и что было сил ударил Сидонию:

— Жалкая ведьма! Куда ты отправила свое дьявольское отродье?

— Моя дочь приведет сюда германцев, и они сравняют твой замок с землей! — прохрипела Сидония сквозь боль, направляя преследователей по ложному следу...

За поимку Венди были обещаны немалые деньги, и люди герцога без устали бороздили дороги, ведущие в немецкие владения. Целая экспедиция стражников была отправлена в земли воинствующих германцев. Весь отряд бесследно сгинул, и лишь двое из них смогли избежать такой незавидной участи. Отстав от погони, старый десятник скакал обратно в сопровождении своего племянника.

«Без нечистой силы здесь не обошлось!» — размышлял он, трогая ужасный шрам на щеке.

С самого первого дня вид новой помощницы кухарки не давал ему покоя. Что-то неуловимо знакомое было в этой худышке, и он не спускал с нее глаз. И вот теперь его старания принесут ему богатое вознаграждение и благосклонность герцога.

— Может, она и собиралась к германцам, — говорил он племяннику, — но без своего голубка она последнее время и шагу не ступала.

— А что, если он тоже сбежал? — тревожился молодой стражник. — Тогда нам не сносить головы!

— Ворота затворили слишком быстро. Он не успел уйти!

На подъезде к замку их ждало горькое разочарование. Мост был опущен, а распахнутые ворота зияли пустотой. Охраны нигде не было видно.

— Похоже, наши голубки упорхнули, — с досадой проворчал десятник. — Боже праведный, помоги нам в нашем святом деле, приведи нас к маленькой ведьме! — прошептал он, подняв взор к звездному небу.

Если бы он с таким же усердием вглядывался в прилегающие к замку поля, то смог бы заметить странную двуглавую тень.

— Поставь меня, милый, я уже отдохнула, — прошептала

Венди.

Странная тень раздвоилась, и теперь в лунном свете по полю плыли две небольшие фигуры, соединившие руки.

— Как наши малыши себя чувствуют? — с нежностью спросил Дерек.

— Ничего, любимый.

Венди долго не решалась говорить ему о своей беременности. Она сама с трудом верила в это.

— И не надейся! — разрушила ее первые подозрения мать. — Черная энергия не впустит младенца в твоё чрево!

Однако вопреки словам матери ее животик подрастал, и ей уже приходилось скрывать его под бесформенным фартуком.

«Как жаль, что я не успела сказать об этом маме! Это прида-
ло бы ей сил!» — слезы выступили на глазах у Венди.

Такое настроение не понравилось ее будущему младенчику, и тот недовольно толкнул мамку изнутри. В глазах у Венди вспыхнуло звездное небо. Она согнулась и вцепилась Дереку в руку...

~ ~ ~

Дурнота прошла. Вича глубоко вдохнула, отпустила крепко сжатые перила и плюхнулась на только что вымытую ступеньку. Она долго скрывала от мужа беременность. Сначала она хотела удостовериться в этом сама, а уж потом поделиться радостной вестью, и не просто так, а во время романтического вечера. Но Дича ее опередил.

— Это то, о чем я думаю?! — не сдерживая чувств, спросил он, глядя ее животик.

Она сладко улыбнулась и многозначительно промолчала. Счастью не было предела. Две недели муж летал как на крыльях. В эйфории он не сразу заметил, что размер ее брюшка опережает предполагаемый срок.

Заключение врачей было холодным душем. Дича сидел, обхватив голову руками: «За что?! Почему начала расти эта опухоль? Ведь такой болезни не было ни у кого в ее роду! Где же эта хваленая генетика? Что-то здесь не так, но что?!»

Он не мог знать, что, когда за дело берутся темные силы, законы генетики не работают. Вича давно ощущала периодический дискомфорт в животе, но относила это на счет попыток черных сестер вновь расшатать камень в почке. С последней атаки прошло немало времени, и новая цель, по их расчетам, уже должна была подрасти. Но здесь Вича была спокойна. Травяной чай надежно защищал ее от роста новых камней. Однако, как оказалось, был атакован совсем другой орган, и, похоже, эта атака оказалась успешной. Виккианская воительница совсем расклеилась. Случившееся

полностью выбило ее из колеи, она надолго ушла в себя. В те короткие моменты, когда она выходила из ступора, ничего кроме самобичевания от нее нельзя было добиться.

— Не понос, так золотуха! — пыталась она шутить сквозь слезы. — Ты уж прости меня, хронь ходячую. Я уже думала, что пока я себя неплохо чувствую, у нас может получиться Алиска. Если не сейчас, то когда?

— Ничего страшного! — успокаивал ее муж. — Наверняка эта опухоль и мешала. Вот ее уберут, и Алиска обязательно появится!

Его уговоры мало помогали. Вича жила в своем внутреннем мире одна и никого в него не впускала. Однако во время госпитализации дела пошли на лад. Стены родной больницы постепенно возвращали ее к жизни. В глазах вновь запылало пламя борьбы. Она стойко перенесла операцию. Опухоль оказалась доброкачественной, и еще одна атака незримых врагов была отбита.

«Надолго ли?» — думала Вича.

Однако раскисать было некогда. Приближавшееся полнолуние призывало к борьбе. Ее сестры нуждались в ней. Виккианская воительница копила черную энергию и надеялась, что после случившегося ее хоть ненадолго, но оставят в покое. Но беда не приходит одна...

Наступающая полночь звала в бой. Соскучившаяся по действию Вича поначалу не придавала значения непривычно пустому крыльцу.

«Вот же соня! — подумала она про Ладу. — Небось, за мое отсутствие совсем позабыла про наши полнолунные бдения!»

Вича глядела на ночное светило и чувствовала, как истекающая из нее энергия подхватывается ветром и насыщает новую армию виккианских сестер. Радость сопричастности к великой цели опять будоражила ее. Но нарастающая легкость не приносила покоя. Маленький червячок точил где-то в глубине души: «Что случилось с моей Ладушкой-лошадушкой?»

Когда последние струи черной энергии покинули ее тело, она поспешила к будке. Лада не отзывалась, но ее мерное дыхание успокоило хозяйку. Однако утром мохнатая великанша так и не показалась из своего домика, а ее еда осталась нетронутой.

— Лада! Лада! — позвала встревоженная Вича.

После громкого скрежета когтей о фанерный пол и тяжелого сопения белая морда высунулась из будки. Большие черные глаза с беспредельной тоской смотрели на хозяйку.

— Что с тобой? Выходи погулять!

Лада не сдвинулась с места. Вича попыталась вытянуть ее наружу, но это оказалось ей не под силу. Она в панике вызвонила Дичу с работы. Вместе они вытащили обмякшую великаншу из буд-

ки. Лада помогала им как могла. Она энергично перебирала передними лапами, в то время как задние висели плетью.

— Не переживай, — успокаивал Дича убитую горем жену. — Мы ее вылечим, сколько бы это ни стоило!

Положив Ладу на заднее сиденье Понурка, они помчались в ветлечебницу.

— Не надо играть в господ бога и мучить животное! — вынес приговор ветеринар. — Она свое уже отжила, и ноги у нее отнялись от старости!

— Но ей ведь только девять лет! — глотая слезы, возразили они.

— Чем крупнее собака, тем короче ее век, — добил их ветеринар. — Прощайтесь! — добавил он и вышел готовить инъекцию.

Они сидели, обнявшись, на полу пустого кабинета. Вича положила Ладину голову себе на колени и ласково чесала ее за ухом. Мохнатая красавица, не моргая, смотрела во влажные глаза хозяйки. Впервые в жизни ее онемевший хвост не подметал пол в ответ на прикосновения любимых рук. Вича не видела ничего, кроме этих глаз и безжизненно опавшего хвоста. Она не заметила, как стены вокруг нее раздвинулись и сквозь кафельный пол начала пробиваться пожухлая трава.

Ее колени не чувствовали веса устрашающей морды матерого волчицы. Она гладила его с такой же любовью и лаской, как и в далеком детстве. Только что ее серый дружок спас свою названную мамку, так же как когда-то она спасла его от людей герцога.

Прошлой ночью Венди с Дерекком сумели покинуть замок. Пока стражники разгребали груды окровавленных тел в трапезном зале, беглецы отсиделись в псарне, а затем незаметно выскользнули за покинутые охраной ворота. Несмотря на то, что почти весь путь Дерек нес задыхавшуюся Венди на руках, они успели пересечь открытое поле до рассвета. Еще прячась в псарне, они слышали, как герцог снаряжал погоню в германские владения. Беглецы же направились совсем в другую сторону и чувствовали себя в безопасности. Поэтому, как только они достигли леса, тут же повалились на сухую хвою. На рассвете Дерек оставил смертельно уставшую Венди набираться сил, а сам отправился в ближайшую деревню. Он собирался поменять свой камзол на крестьянское рубище и еду. Накануне события развивались так стремительно, что влюбленные бежали, в чем есть, а камзол ученика лекаря был слишком приметен.

Юноша и не подозревал, что тот уже сослужил ему дурную службу. Предательский блеск медных пуговиц выдал их прошлой ночью. Вид распахнутых ворот разбил надежды старого десятичника на поимку помощницы кухарки. Он нервно ерзал в седле и разми-

нал шрам на щеке, проклиная недалекого герцога:

— Как можно было не запереть на ночь ворота?!

— Смотри! Что-то сверкнуло в поле! — прервал его чертыханья племянник и тронул с места коня.

Десятник напряженно взгляделся в темноту.

— Нету там никого, — проворчал он, встав в стременах.

— Да точно, я говорю! Там кто-то идет! И, кажется, их двое!

— Чем черт не шутит. Раз уж прискакали назад, так давай проверим, кто это такие. Только по-тихому!

Десятник не хотел, чтобы в замке раньше времени узнали о том, что они ослушались приказа герцога и отстали от погони.

«Ну, а если повезет, так победителей не судят!» — думал он, направляя лошадь медленной рысью вслед за глазастым племянником.

Старый лис был доволен, что угадал со своим помощником. Конечно, он выбрал его по другим причинам. При дележе вознаграждения за поимку ведьминой дочки с молодым родственником можно будет не церемониться.

— Куда?! — одернул он свернувшего было в поле племянника. — Они не должны знать, что их заметили, а то растворятся в темноте и ищи потом ветра в поле!

Доехав до кромки леса, всадники спешили. Отсюда хорошо просматривалась дорога, оставалось лишь терпеливо ждать. Их терпение было с лихвой вознаграждено! Не успел забрезжить рассвет, как из соснового бора показался путник.

— Ну, паря, будет нам награда! — возбужденно прошептал десятник.

Мимо них по направлению к деревне шел сын лекаря. Как только он скрылся за поворотом, стражники прыгнули в седла и углубились в лес.

Уставшая от передраг последних дней, Венди спала мертвецким сном. Она слишком поздно почувствовала дрожь земли под копытами приближающихся лошадей. Плохо соображая, девушка вскочила и кинулась, куда глаза глядят. Только оказавшись в чистом поле, она поняла свою ошибку. Всадники быстро настигли ее. Они сжали беглянку с двух сторон лошаадьми и одновременно схватили за развевающиеся на ветру кудри. Приподняв помощницу кухарки за волосы, стражники понесли ее меж коней по направлению к замку. Вдруг лошади захрипели и взмыли на дыбы, сбросив наездников вместе с их драгоценной ношей. Путь преграждал необычайной величины волчище, и его горящие глаза излучали смерть. Лошади не стали дожидаться развязки и ускакали прочь.

Молодой стражник первым пришел в себя. Он поднял еле дышащую девушку и толкнул ее в сторону надвигавшегося хищника.

Второй всадник только успел оправиться от удара о землю и, пошатываясь, приподнялся. Он так и остался полусогнутым, столбенею от увиденного. Матерый зверь положил передние лапы на плечи ведьминой дочке и лизал ее улыбающееся лицо! Вояки стояли как околдованные.

Внезапно серая молния рассекла воздух. Волчище одним прыжком подмял под себя молодого стражника и вцепился ему в бок. Бывалый десятник, не раздумывая, выхватил клинок и рубанул хищника поперек спины. Волк взвыл от боли и, развернувшись, вцепился мертвой хваткой в руку нападавшего. Кости хрустнули, и окровавленный клинок упал в траву. Раненый зверь в ярости мотал головой, как будто пытался вырвать руку обидчика из плеча. Спина хищника извергала фонтаны крови, и его хватка слабела с каждой секундой. Обессилив, волк отпустил свою жертву и, подняв морду, призывно завыл. Далеко из глубины леса донесся ответный многоголосый вой. Стая спешила на помощь своему вожаку.

— Убирайтесь прочь! — услышал десятник хриплый голос.

Шатаясь, он встал с колен, прижимая к груди размозженную руку. На него смотрели глаза той самой девушки, парящую голову которой он когда-то видел на кладбище. Он вдруг вспомнил то, что мучило его все эти годы. Его здоровая рука потянулась к шраму. Нет, он получил его не в честном бою. Он был наказан за тяжкий грех, разрывая могилу!

— Забирай своего подельника и проваливай! — тяжело дыша, прохрипела ведьмина дочь.

Девушка оскалила зубы и слегка приоткрыла рот. Десятник мог поклясться, что перед ним в этот момент стояла бешеная волчица. Не проронив ни слова, он развернулся и с безумным воплем бросился в лес: «К волкам, к медведям, да к самому черту! Лишь бы подальше от этих оборотней!»

Его животный страх передался и племяннику. Держась за растерзанный бок, тот судорожно пытался подняться. Однако ноги были придавлены серым великаном. Молодой стражник с ужасом чувствовал, как кровь хищника затекает ему в сапоги. Увидев убегающего дядю, он вывернулся из чавкающих сапог и босиком кинулся вслед.

Опустошенная Венди села на мокрую от утренней росы траву и положила голову своего серого дружка на колени. Девушку бил озноб, и его густая шерсть согревала ее. Этот страшный волчище был для нее все тем же несмышленым волчонком, с которым они вместе росли. Она чесала его за ушком и напевала их любимую песенку. И, как в детстве, тот тихонечко подвывал ей. Ее пение то и дело прерывалось надсадным кашлем, заставляя вздрагивать раненого зверя. От острого слуха волка не скрылись свисты и хри-

ны в ее слабой груди. Он чуял близкий конец своей приемной родительницы. Его нюх никогда не подводил его. Душевная боль хищника заглушила раздирающую боль раны, и его теплые слезы потекли на ноги дрожащей в лихорадке девушки. Волк в последний раз взглянул в измученные глаза любимой подружки и пропел свою прощальную песнь. В приближающемся вое стаи громче всех звучал тоскующий голос волчицы. И горе было тому, кто лишил ее друга...

~ ~ ~

Вой и скулеж многочисленных пациентов ветлечебницы вывели Вичу из оцепенения. Как много лет назад, они с Дичей возвращались от ветеринара без своей питомицы. Но в этот раз их ждал не пустой холодный дом. Тревожный лай рыжих малышей доносился из-за входной двери.

Чтобы как-то развеять поселившуюся в их доме тоску, Дича предложил сменить обстановку. Вокруг вовсю бушевала осень, а в южных штатах еще можно было ухватить за хвост уходящее лето. Скооперировавшись с друзьями-соседями, они всей коммуной решили выбраться на недельку в Южную Каролину. Подменяя друг друга за рулем, они за одну ночь попали из прохладной балтиморской осени в пышущий остатками летней жары курортный городок на краю Атлантики. Но отпускное настроение было испорчено. На полпути, в Виргинии, их среди ночи остановил полицейский и, не представившись, безапелляционно заявил:

— Вы превысили скорость на двадцать миль в час!

— Да не может этого быть! — опешил от такой наглости сидевший за рулем Дича. — У меня круиз-контроль выставлен всего на девять миль выше допустимой скорости.

Эта была проверенная тактика опытных водителей. За такое превышение обычно давалось устное предупреждение.

— Оставь свои аргументы для суда! — резко оборвал его патрульный.

Друзья, конечно, были наслышаны о драконовских порядках в Виргинии, но такого самоуправства нельзя было представить даже в страшном сне.

— Не могли бы вы показать мне радар с записью моей скорости? — как можно вежливее попросил водитель. — Мне кажется, по закону я имею на это право.

— Когда кажется, креститься надо! Если ты такой умник, приходи в суд и качай свои права там! — нахамил офицер.

— А зачем ходить в суд? Сядьте за руль и посмотрите, насколько выставлен круиз-контроль, — предложил ему Дича.

— Мне больше делать нечего! — начинал свирепеть патруль-

ный. — Может, он у тебя не откалиброван правильно. Вот прине-
сешь в суд справку о калибровке, тогда будет разговор.

— Вообще-то я плачу налоги на твое содержание, чтобы ты
следил за порядком, а не выписывал штрафы с потолка! — не вы-
держал Дича.

— Хочешь провести ночь в участке?! — брызжа слюной, за-
орал офицер и потянулся к висевшим на поясе наручникам.

Он хотел еще что-то добавить, но осекся, и его рука поменяла
направление в сторону кобуры. С пассажирского кресла сверкнул
дьявольский взор волчицы. Ее частое дыхание вырывалось из рази-
нутой пасти и словно ледяным кулаком било полицейского в
грудь. Патрульный зажмурился и тряхнул головой. Когда он от-
крыл глаза, рядом с водителем сидела заспанная златокудрая жен-
щина. Она смотрела сквозь него куда-то вдаль, борясь с набежав-
шей зевотой. Офицер машинально обернулся, но ничего Примеча-
тельного у себя за спиной не увидел.

Когда он снова заглянул в машину, пассажирка уже сладко по-
тягивалась и мостилась на плече у шофера. Полицейского вдруг
стало клонить ко сну, и вся злость куда-то улетучилась. Бросив
квитанцию со штрафом на колени водителю, он вернулся к себе в
машину и устало плюхнулся за руль...

Всю оставшуюся дорогу Дича думал о потерянных на ровном
месте деньгах: «Конечно, я заплачу штраф и ни в какой суд не пой-
ду! Оно того не стоит. Ехать три часа в местную прокуратуру, что-
бы опять видеть рожу этого деляги от закона? Да и судья наверня-
ка такой же рвач!»

Ему не раз рассказывали о разбойниках с большой дороги из
разбросанных по трассам маленьких городишек. В таких убогих
местах придорожные муниципалитеты только этим и живут. Круп-
ных фабрик и заводов у них нет, так что налоги в городской бюд-
жет собирать не с кого. Вот они и обдирают проезжающих мимо
путешественников как липку! Трасса, по которой они ехали, была
самая быстрая из всех идущих на юг. Отличное место для охоты на
курортников, мчащихся к южному солнцу. Здешние полицейские
великолепно знали, на что шли. Никто не будет ехать в их захолу-
стье судиться из-за двухсот долларов штрафа. Бензин да пропу-
щенное на работе время выйдет намного дороже. Вот они и беспре-
дельничали.

С таких невеселых мыслей и начался их отдых той осенью. Те-
перь и курортный городишко выглядел неказистым, и солнышко
светило не так ярко, да и Атлантика была уже не такой ласковой.

— Забудь! — убеждала его Вича. — Не дай этому мерзавцу ис-
портить нам отпуск!

— Какому мерзавцу? — с наигранной веселостью поинтересо-

вался Дича.

Но ее было не провести. Слишком хорошо она знала мужа. Он еще долго будет переживать эту несправедливость.

— Вот увидишь, все закончится благополучно, — успокаивала она его. — Жизнь всех рассудит и расставит по своим местам. Если где-то убудет, то где-то обязательно прибудет!

Он ей верил: «Уж, коль моя Вича чего пообещала, то тут двух мнений быть не может — обязательно сбудется!»

И точно! Тот отпуск запомнился не только испорченным настроением, но и редким природным явлением, которое было для них в диковинку.

После недавнего урагана длинные песочные пляжи были залиты громадными лужами океанской воды. Они не сообщались с Атлантикой и нагревались до умопомрачительной температуры, превращаясь в природные ванны. Вича могла целыми днями сидеть в этом «парном молоке» и играть с отражением мягкого осеннего солнышка. Лишь одно неудобство не давало полностью расслабиться. Эти лужи привлекали не только отдыхающих, но и прибрежных крабов.

— Аккуратней! Смотри, куда садишься! — предупреждала Вича, стараясь развеселить мужа. — Если краб откусит кое-что, домой можешь не приходить!

Она чувствовала его угнетенное состояние и пыталась отвлечь от тяжелых мыслей.

— Смотри, что у меня есть! — показала она ему ракушку, из которой торчали глаза-антенны маленького рачка...

Как тот рачок, теперь и Вича спряталась в свою ракушку и даже не пыталась выглянуть из нее. Она лежала перед ним на больничной койке, безучастная ко всему окружающему. Под наплывом воспоминаний Дича нежно приподнял веки любимой и с бесконечной тоской окунулся в ее бездонные глаза. Мигающие лампочки многочисленных приборов отражались от влажных роговиц, и в какой-то момент ему показалось, что там промелькнул знакомый озорной огонек. Так же хитро ее прекрасные глаза светились по возвращении из Южной Каролины, когда она принимала недвусмысленные подарки на годовщину их свадьбы. Гости, словно сговорившись, несли неприличные сувениры из магазина для озабоченных половозрелых особей. Дата была серьезная, и праздновали ее с размахом. На стеклянную свадьбу им, как и полагается, подарили хрустальную бутылку с рубиновым вином из граната. С тех пор Вича пристрастилась к гранатовому вину...

— Точно! Завтра обязательно принесу тебе гранат! — подмигнул ей Дича.

Шестьдесят шестой час

Скучающий охранник из своей будки с интересом наблюдал за странным мужчиной, который потерянно оглядывался, похоже, не понимая, где находится. Мысленно Дича был все еще в боксе у своей любимой. Он тупо глядел на черный асфальт, равномерно размеченный белыми полосками, и медленно соображал, куда попал. Наконец до него дошло, что он стоит посередине пустой парковки. Вдали, под тусклым фонарем, одиноко скучала их машина. Позади нее, на фоне ночного неба светилась огнями всегда бодрствующая больница. Ему вдруг стало почему-то жаль этот позабытый-позаброшенный автомобиль, радиатор которого давно не улыбался, а глаза-фары грустно смотрели в землю. А ведь еще совсем недавно их новое приобретение так весело дразнило свою хозяйку.

Пассажирское сидение было оснащено сенсором, определявшим вес пассажира. Если тот весил немного, то компьютер машины отключал подушку безопасности, о чем тут же извещал оранжевым огоньком на приборной доске. Сделано это было для защиты подростков от тяжелых травм, вызываемых ударной силой выстреливающей подушки при небольших авариях.

— Так! Ты опять! — игриво сердилась Вича на машину, когда та подмигивала ей своим оранжевым огоньком.

— Похоже, меня здесь за взрослую не считают! — жаловалась она мужу, и смешинки веселыми огоньками переливались в ее глазах.

Теперь пассажирское сидение зияло холодной пустотой. Грустная улыбка отразилась в тонированном стекле машины. Так они и стояли друг против друга, два горьких одиночества в бесконечной ночи. А невдалеке, на пятом этаже, слабо светились окна реанимации, где лежала та, которая еще три дня назад объединяла их...

Неоновый свет фар выхватывал из темноты пустую дорогу. Больница стремительно удалялась в зеркале заднего вида, и так же стремительно приближалось непереносимое одиночество. Не спасли от него и собаки. Они не спали. Свет уличного фонаря выхватывал из черного окна блеск их беспокойных глаз и едва различимые мордочки. Может, их разбудил шум машины, а может, несмотря на поздний час, они терпеливо караулили хозяев. Попрыгав и радостно полаяв, они необычно быстро притихли и уставились на дверь. Бася, недолго думая, вскочил на диван и, встав на задние лапы, снова стал напряженно вглядываться в непроглядную тьму за окном.

— Ну что, сиротки, не приедет сегодня ваша хозяйка.

Бася обернулся на дрожащий голос и спрыгнул на пол. Ничего не понимающие собаки стали слабо поскуливать. Затуманенный слезами взор превратил их в близнецов, сгладив различия между лисьей мордочкой Пеши и медвежьей физиономией Баси. Повер-

нув головы набок, собаки с удивлением заглядывали хозяину в глаза. Тот сел на корточки и обнял их. Встав передними лапами ему на колени, они начали неистово слизывать соленые ручейки с его лица.

— Идите-ка лучше на улицу.

Выскочив во двор, собаки сразу же побежали к калитке и утащились сквозь нее на остывающую машину. В этот вечер они позабыли о своей привычке первым делом погонять белок, которые с темнотой спускались на землю. Позабыв о ночных воришках, они тихо сидели у калитки в ожидании своей ласковой мамки и не сходили с места, пока их не кликнули домой. Обежав все комнаты, пушистые рыжики вернулись к входной двери и с немым вопросом посмотрели вслед уходившему в спальню хозяину. Вскоре Пеша забралась в коробку к недавно родившемуся щенку, а Бася еще долго смотрел на тонкую полоску света, пробивавшуюся из-под двери спальни.

Настольная лампа на прикроватной тумбе излучала мягкий свет. Отблески фигурного плафона в ночном окне усилили тоску: «Вот так же, наверное, и Вича лежала и не могла заснуть, когда я болтался по всей стране на симпозиумы и конференции. В такие одинокие ночи она наверняка, как никогда, мечтала о совместных поездках на юг. Что же ты, малыш, не дождалась всего одного дня до нашего отпуска? Где справедливость на этом свете? Почему так случилось, что накануне беды я даже не был рядом с тобой?»

Ничего не подозревая, он сидел в тот вечер в своем кабинете и подчищал хвосты по текущим проектам, чтобы с чистой совестью позабыть о работе на целую неделю.

— Какая же ты была счастливая в этих поездках! — Разорвалась тишина ночи.

Бася проснулся от голоса хозяина и подбежал к двери спальни. Но голос больше не звучал. Потерявшись в дорогих сердцу воспоминаниях, его хозяин провалился в черную яму без снов...

Утро началось с плохого предчувствия. Шум приближающегося мусоровоза выгнал заспанного хозяина из дома. Прошлой ночью он напрочь забыл выставить на улицу помойный бак. Мусоровоз забирал отходы раз в неделю, и прозевавшим машину предстояло наслаждаться благоуханием гниющих отходов до следующего сбора. Большой беды в этом не было, но соседи-американцы могли за просто пожаловаться в санитарный надзор.

Мусорный бак встретил немигающим взором черной дыры в крышке.

«Что это? — пальцы нащупали шершавые следы мелких зубов по краям отверстия. — Неужели белки постарались? Почему именно сейчас?»

Растасканные по всему участку отходы не оставили никаких сомнений в беличьих проделках. За все годы, что они здесь жили, такого никогда не случилось: «Видно, наши дела совсем плохи. Похоже, что Вича больше не охраняет свой любимый домик».

Семьдесят первый час

Никто в реанимации не обратил внимания на необычно раннее появление мужа больной из тринадцатого бокса. Перед утренним обходом мужчина незаметно пронес с собой гранат и тайком от медсестры выдавил сок из нескольких зернышек на обветренный язык жены.

— Вспомни нашу стеклянную свадьбу! — прошептал он ей на ушко. — Не забудь, что ты тогда обещала мне отпраздновать и серебряную свадьбу тоже. Так уж, пожалуйста, держи слово!

* * *

Терпкий вкус граната вернул Вичу в то счастливое время, когда они веселились в кругу друзей. Они с Дичей снова были жених и невеста. Если бы кто-нибудь до этого сказал ей, что она доживет до своей стеклянной свадьбы, она бы не поверила. Вот уже пять лет, как она перешагнула среднестатистический порог выживаемости с ее заболеванием. Она верила в себя и посылала к черту пугающую статистику!

— Любимый! — веселилась она опьяненная счастьем и гранатовым вином. — Мы обязательно погуляем и на нашей серебряной свадьбе! И стол я тогда накрою в сто раз лучше, чем сегодня!

— Куда уж лучше! И так жарила-парила не переставая! — кружился вместе с ней Дича. — Да и по супермаркетам все ноги сносили! Видишь, даже танцую еле-еле!

— Разве можно устать ходить по магазинам?!

Поездки за продуктами были для Вичи не только необходимостью, но и своеобразным выходом в свет. Насидевшись за неделю дома, она с удовольствием выбиралась в город. Несмотря на накопившуюся усталость, Дича без разговоров возил ее, куда бы она ни пожелала. Конечно, они могли пойти в магазин за углом и побыстрому закупить все необходимое. Но он знал, что Виче нужно развеяться. Поездить на машине, посмотреть город, послушать музыку. Особенно он умилялся, глядя на нее, когда наступали холода, и она мучительно решала, какой же ей полушубок надеть. Чтобы и по погоде и пошаркавей. К полушубкам у Дичи тоже была слабость, но совсем по другой причине. Он любил быстро потереть ладонью по пушистому меху и тут же прикоснуться к ягодицам жены, разряжая назлектризованные пальцы. Вича подпрыгивала на месте и смешно ругалась. Когда он пытался повторить трюк, она с при-

творным испугом припускала от него, грохоча продуктовой каталкой на весь супермаркет.

Не оставались без внимания и маленькие магазинчики, торгующие продуктами из бывших советских республик. Туда они обычно ездили вместе с соседями. Проходя мимо мясного отдела, Паша частенько спрашивал Вичу:

— А чего это твой муж никогда не покупает свою колбасу? — показывая на палку вареной колбасы «Профессорская».

Каких тут только названий не было, начиная со «Сталинской» колбасы из свинины и заканчивая «Путинской» из медвежатины. Особенно их веселило название соленых огурцов «Как у бабушки».

— Ну что, возьмем баночку «Как у бабушки?» — советовалась Вича.

— Да не-е-е. Уж больно они хрустящие! — смеялся Дича. — Я люблю распolzшиися, как лапти. Мне бы найти «Как у дедушки!»

Для своего юбилея они тогда накупили и наготовили столько, что потом всю неделю доедали. Вича так спешила избавиться от продуктовых напоминаний о прошедшем празднике и ушедших годах, что с утра до вечера пичкала мужа остатками разносолов. Праздничная еда была с грехом пополам уничтожена, однако беспокойство Вичи об уходящей молодости не прошло. Ни с того ни с сего она вдруг решила, что ее волосы приобретают ржавый оттенок.

— Мне нужно срочно осветлиться!

— У тебя замечательный цвет! — противился Дича. — Он мне так нравится!

Но на то она и была упертой овцой. Полностью соответствуя своему знаку зодиака, Вича настояла на своем. На счастье или на беду, но ее волосы не приняли светлой краски. Агрессивные аммиак и перекись безжалостно пожирали ее беззащитные волосы. С трудом пережив несколько покрасок, обиженные локоны стали покидать свою хозяйку.

«Конечно, красота требует жертв, — решила Вича, — но не таких!»

Разочаровавшись в химии, она обратилась к природе, а именно к луковой шелухе. Работники супермаркета снова с недоумением наблюдали за странной парой, которая сменила свой давний интерес к секции прессы на овощной отдел. Теперь вместо газет они перелопачивали лоток с репчатым луком и собирали всю опавшую шелуху. Вычистив лоток, молодая женщина со спокойной совестью прятала пакетик с добычей в карман и, как ни в чем не бывало, продолжала руководить дальнейшей закупкой продуктов. Кассирши даже не догадывались, что именно благодаря этой шелухе ее волосы были шелковистые и имели неповторимый бронзовый оттенок. Они также не знали, что этой ночью ее муж снова будет

глотать слюнки и время от времени просыпаться от громкого урчания в животе. Аппетитный запах отвара луковой шелухи, исходящий от головы жены, не отпустит свою жертву до самого утра...

Юбилей прошел. Вместе с ним и праздничное настроение потихоньку растворилось в однообразных буднях. А вместе с ними пришло и приглашение на суд в славный штат Виргиния. За советом Дича обратился к Тимохе, для которого отбиваться от штрафов было обычным делом.

— В нашем штате такой порядок, — просвещал он. — Если полицейский, выписавший штраф, не явился в суд, то решение принимается на основании показаний оштрафованного. И весь суд сводится к трем фразам: — Что вы имеете сказать суду? — задает дежурный вопрос судья. — Я невиновен, — звучит такой же дежурный ответ. — Если ты, конечно, не из секты свидетелей Иеговы, которым, как известно, вранье закрывает ворота в рай! — хихикнул Тимоха. — Ну и, наконец: судья говорит, что дело закрыто, и что штат Мэриленд не имеет к вам претензий, и раздается веселый стук молотка! — Тут он сыграл этюд барабанщика костяшками пальцев на кухонном столе

Собаки дружно залаляли, подумав, что кто-то стучится в дверь.

— Ага! Видишь, твои охранники подсказывают, что это палка о двух концах! — предупредил Тимоха и заглотил очередную печенюшку. — Если полицейский придет и тебя признают виновным, то к штрафу добавят еще и судебные издержки. Так что решай сам! Лично я обычно прошу перенести слушание моего дела. Шансов больше, что во второй раз полицейский не придет!

— Д-д-даже и не заморачивайся! — вмешался Тимохин сменщик. — В В-в-виргинии этот трюк не пройдет! Д-д-даже если полицейский не придет, то судебное разбирательство будут переносить до тех пор, п-п-пока он не появится! У-у-ух! — поморщился он от очередной стопки водки.

Догадаться, чья сегодня была смена, не составляло труда.

— Как ни крути, а проще заплатить и забыть, — решил Дича после «совета в Филях».

— А я бы этого так не оставила! — была другого мнения Ви-ча. — Я бы все равно поехала и вывела их на чистую воду!

— Это то же самое, что мочиться против ветра!

— Ну как ты умеешь мочиться, мне рассказывать не надо! — улыбнулась она, припомнив давние шалости мужа на «скорой».

— Я серьезно, — засмеялся Дича. — Ведь это потеря денег и времени!

— А я так не думаю, — загадочно произнесла жена. — Ну, сделай это для меня!

— Так бы сразу и сказала! Ради тебя можно и против ветра!

И он отправился в Виргинию, готовый к неравной схватке с разбойниками со скоростной дороги.

Здание суда удивило своей безлюдностью. По огромному холлу были разбросаны редкие пары, которые вполголоса беседовали и затравленно озирались.

«Наверное, адвокаты с клиентами», — решил Дича, ища нужный зал заседаний.

Пока он бодро расхаживал по храму Фемиды, в его одинокой спине уже, наверное, появилась дырка от косых взглядов мрачных пар. Найдя зал для слушаний гражданских дел, он снова был неприятно удивлен. Здесь всех присутствующих тоже сопровождали адвокаты. Предательская дрожь пробежала по спине. У них в Балтиморе каждый защищался сам. Юристов нанимали только злостные нарушители, которым грозило лишение водительских прав или те, у кого были проблемы с английским. Да и защитой это было трудно назвать. Если полицейский приходил в суд, то отбиться от штрафа не представлялось возможным даже с адвокатом. Ну а в случае отсутствия блюстителя порядка защищаться было просто не от кого.

«Похоже, здесь самозащита не в чести», — замандражил Дича, глядя по сторонам.

Собрав волю в кулак, он сел ближе всех к группе полицейских, которые кучковались в первых рядах. Нет, он не был так безрассудно смел. Просто его зрение не давало возможности разглядеть их лица издалека. А тактика «боевых действий» требовала предварительной рекогносцировки. Остановившего их офицера он постарался запомнить хорошо. Это было первым правилом при получении штрафа. Идентификация непосредственного врага перед боем давала неоспоримые преимущества. Увидев своего оппонента перед судом, можно было смело уходить, не дожидаясь вызова пред светлы очи Его Чести. Конечно, отсутствие нарушителя автоматически доказывало его вину, зато не взимались судебные издержки. Сегодня же все было с точностью до наоборот. Он сюда слишком долго добирался, чтобы уехать ни с чем. Вытягивая шею, он хотел убедиться, что его старания не пропадут впустую! Он жаждал боя! Но его жажде, похоже, не суждено было быть утоленной. Той наглой рожи, что отпечаталась в его памяти, среди присутствующих стражей порядка не наблюдалось: «Только не это! Сколько же раз мне придется болтаться туда-сюда?»

Время шло, а его все не вызывали.

«Наверное, ждут, когда появится мой полицейский», — успокаивал он себя сначала.

Потом закралась тревожная мысль: «А может, меня просто нет в списках?»

И вот нарушитель из Балтимора остался один в зале. Судья о

чем-то оживленно беседовал с сидящим внизу клерком, а стенографистка с охранником с интересом поглядывали в сторону одиноко сидящего мужчины.

«Такого не может быть! — окончательно расстроился Дича. — У каждого патрульного всегда наберется с десятков оштрафованных, которые хотели бы оспорить свое наказание, и их обычно собирают в один день для удобства полицейских. Конечно, он не пришел! Дурак он, что ли, терять время из-за одного человека?»

Напряжение достигло предела, когда Дича вдруг услышал свою, исковерканную до неузнаваемости, фамилию. Не веря ушам, он медленно встал и направился к судье. С каждым шагом он ждал, что его остановят и скажут, что он ослышался, и судебные слушания на сегодня окончены. Но его никто не остановил. Подойдя к микрофону, он нервно откашлялся и поправил очки. Пока клерк подтверждал его личность, судья с нездоровым интересом разглядывал обвиняемого. Охранник в это время выглянул в коридор и, убедившись, что около дверей никого нет, кивнул судье. Тут же прозвучал неожиданный вопрос:

— Сколько времени вы сюда добирались?

— Два с половиной часа, — замялся Дича и, чуть не забыв, быстро добавил: «Ваша Честь».

— Как вы узнали о гибели оштрафовавшего вас офицера? — пригвоздил его судья следующим вопросом.

— Какой гибели?!

— Вас не удивило, что вы здесь один?

Обвиняемый молча кивнул, обводя взглядом пустой зал.

— По странному стечению обстоятельств, вы были последним, кому он выписал штраф. И я скажу больше, вы стали вообще последним нарушителем в его славной карьере!

«Уж не хочет ли он сказать, что это я его убил?!» — не на шутку испугался Дича.

Зная беспредел местных патрульных, он бы не удивился, если бы то же самое творилось и в уголовной полиции.

— Что произошло в тот день?! — ни с того ни с сего рассвирепел судья.

— Ну, во-первых, была ночь, — профессиональная привычка Дичи к точному описанию процессов взяла верх. — А во-вторых, произошло то, что он остановил меня ни за что!

— Однако последняя запись в блокноте полицейского говорит об обратном! — судья наконец-то перестал терзать его своим взглядом и заглянул в папку с рассматриваемым делом.

— Я не знаю, что он там написал, но я на двадцать миль скорости не превышал. И поэтому напоследок я ему посоветовал жить по совести!

Последняя фраза прозвучала неоправданно громко и заставила замереть всех присутствующих. В зале наступила угрожающая пауза. Глаза судьи сузились, и на мгновение показалось, что в них проплыла льдинка страха.

«Кто меня за язык тянул? — напугался виновник угрожающей тишины. Чего это я вдруг ляпнул про совесть? Откуда я это вообще взял?!»

Дича не выдержал пристального взгляда судьи и отвел глаза. Теперь он заметил, что не только Его Честь, но и клерк с охранником неотрывно смотрят на него, а стенографистка побелела так, что казалось, вот-вот грохнется в обморок.

— Невиновен, — закончил противостояние торопливый голос судьи, и резкий стук молотка раскатился по залу салютом победы.

Дича покидал поверженные бастионы в гордом одиночестве. По пути домой он безрезультатно пытался понять, что же все-таки произошло. Соломоново решение пришло само собой.

— Оно тебе надо? — спросил он себя так, как бы это сделал Соломон. — Ой, да не морочьте вы себе головы! Его таки просто до смерти замучила совесть!

Веселясь таким образом, наш победитель даже не представлял, насколько близок был он к истине...

А той сентябрьской ночью оштрафовавший их полицейский еще долго сидел, облокотившись на руль, и отрешенно глядел вслед удалявшимся красным огонькам, уносившим прочь женщину-волчицу.

— Похоже, я переработал! — поделился он со своим отражением в зеркале заднего вида.

Запарковав патрульную машину в придорожных кустах, он попытался заснуть. Но сон не шел. Стоило ему закрыть глаза, как он тут же окунался в липкую трясику кошмаров. Перед ним тягучей вереницей проплывали скорбные лица. Они с укором заглядывали ему в глаза, и каждый норовил рассказать о том, что с ним случилось из-за его беззакония. Офицера стыдили небогатые семьи, которые на последние сбережения везли детей в Диснейленд. Перед ним проходила плачущая детвора, оставшаяся без обещанных подарков благодаря его мародерству. Тем, кому он просто испортил отпускное настроение, не было числа. Были и такие, кто обвинял его в самом страшном. Родственники стариков, умерших от инфарктов и инсультов после общения с ним, уступали дорогу покойникам. Изъеденные червями руки хватали его и пытались утащить в свое подземное обиталище. Но все это не шло ни в какое сравнение с выворачивавшим нутро взглядом одноглазой красавицы. Все ее лицо и тело было изуродовано свежими шрамами и кровоподтеками. Ее волосы развивались на ветру, и восходящее солнце выхва-

тивало кровавые всполохи из ее черных прядей.

— Если ты жертва аварии, то я здесь ни при чем! — кричал патрульный во сне.

На своем веку он повидал немало жутких автокатастроф. На скоростных дорогах они случались нередко и выглядели ужасно. Он мучительно пытался вспомнить, в какой из аварий он встречал этот уничтожающий взгляд, и не мог. Иногда ему удавалось вырваться из кошмарных снов, и тогда он безучастно смотрел на проносившиеся мимо машины. Радостно шурша колесами, они превращались в зеленые купюры, которые весело шелестели мимо казны их маленького городишки. С рассветом ему стало совсем мутно. На фоне раскрывающихся цветов и пения птиц его деяния казались еще омерзительнее.

Когда он сдавал смену, квитанции от выписанных штрафов жгли ему руки.

— Что-то ты сегодня даже до плана не добрал, — пересчитывая добычу, удивился диспетчер и полушутя-полусерьезно поинтересовался: — Уж не заболел ли наш славный охотник?

Не услышав ответа, диспетчер оторвался от подсчета квитанций, но того уже и след простыл.

На следующее дежурство передовик по ловле нарушителей скоростного режима не вышел. Сказавшись больным, он уединился дома и заливал свои нескончаемые галлюцинации канадским виски. Время от времени жуткие видения покойников исчезали, и лишь леденящий душу взгляд неизменно прорывался сквозь густой сигаретный дым и хмельной туман. Этот одинокий глаз преследовал его всюду, не давая заснуть.

— Черт возьми! Где я видел эту одноглазую раньше?! — бился офицер головой о стол и не чувствовал боли.

Под конец третьих бессонных суток неугомонным мертвецам все-таки удалось затащить его под землю...

Он очутился под низкими сводами средневекового подземелья, наполненного уже не табачным дымом, а копотью мерцающих факелов. От покрытых плесенью стен дробью отскакивали чьи-то властные приказы. Он пошел на голос и в глубине каземата увидел изысканно одетого вельможу, который требовал выжечь глаза у прикованной к стене пленницы.

Подойдя ближе, он, наконец, увидел ту, что мучила его последние дни. Изможденная, она висела на цепях и продолжала испепелять его своим взглядом. Без капли сожаления он взял раскаленный прут, который почему-то был задвинут в горн глубже, чем положено. Из-за этого ручка орудия пыток была горячее обычного, но ждать, пока она остынет, палач не мог — правителю Восточной

Померании не терпелось.

Закончив с одним глазом, палач принялся за другой, но был остановлен:

— Она должна видеть свою казнь. Не будем лишать ее этого удовольствия!

Садистский смех герцога разнесся по подземелью, заглушая стенания изуродованной ведьмы.

— Нельзя! Нельзя оставлять ей глаз! — во все горло заорал палач на своего господина...

~ ~ ~

Даже в кошмарном сне полицейский не мог себе позволить ослушаться старшего по званию и тут же очнулся. Вслед за решением пришло озарение. Когда он широко открыл рот, чтобы вложить в него ствол табельного оружия, перед ним, как бы передразнивая, открыла пасть волчица из той самой, последней машины. Нажимая на курок, он заметил поразительное сходство взгляда хищницы с глазами той, которую только что мучили в средневековом подвале. Он не услышал звука выстрела, но успел увидеть, как волчица превратилась в молодую златокудрую женщину, и на ее милом личике заиграла дьявольская улыбка.

— Нужно было застрелить ее прямо на месте! — пронеслась бегущая от пули мысль...

Всего этого Дича не знал и безмятежно рулил в сторону дома. Чем ближе он подъезжал к Балтимору, тем нестерпимее становилось ожидание встречи с любимой. Он уже представлял себе, как принесет радостную весть пославшей его на битву даме сердца. Уж он-то постарается как можно ярче описать их победу. Ну и приврет, конечно, для красного словца. А как же без этого?!

Глава 12

НАЧАЛО КОНЦА

Семьдесят второй час

После утреннего обхода в тринадцатом боксе остались двое.

— Есть какие-нибудь сдвиги? — спросил муж больной у дежурного врача.

— Подождем мнения специалистов, — без энтузиазма ответил тот.

Пришедший невропатолог привел с собой студентов, и они долго колдовали над пациенткой. В конце осмотра им принесли мензурку с водой, в которой плавали кубики льда. Заливая воду шприцем в правое ухо больной, они пристально следили за ее глазами.

«Направо, милая! Посмотри направо! — молча молил ее муж. — Покажи, что ты еще с нами!»

Но его жена безотрывно смотрела в одну точку и не обращала никакого внимания на ледяную воду в ухе.

* * *

Вича безо всяких усилий лежала на спине, и прохладная Атлантика качала ее в своих влажных объятиях. Она почти заснула и не заметила, как ее развернуло поперек волны. Океанская пощечина привела ее в чувство. Оглушенная, с полным ухом воды, она выбралась на мелководье и начала трясти головой, избавляясь от неприятного шуршания в ухе. Нет, не такими она себе представляла Карибы. Глядя на рекламные проспекты, она почти чувствовала ласкающую теплоту Карибского моря. Однако восточное побережье Багам, где они отдыхали, омывалось Атлантикой, и ее воды не были такими уж теплыми и выглядели совсем не ласковыми.

Инициатором их поездки на юг был Дича. Он верил, что южное солнце поможет справиться с новой напастью, свалившейся на жену. Активный сбор и передача черной энергии виккианским сестрам не прошли бесследно. Как и предрекала Матрена, ее тело начало ослабевать и разрушаться. Однажды во время дыхательной гимнастики у нее треснуло ребро. Ужасный хруст услышал даже муж, который как обычно лежал рядом и смотрел вместе с ней телевизор. Последующие мучения растянулись на месяцы. Боль в боку не давала нормально откашливаться, а застоявшаяся мокрота вызывала новую волну кашля. Ничего не помогало разорвать этот заколдованный круг. Убойные дозы кальция и витамина Д для укрепления костей не работали. Едва заживало одно ребро, как ломалось другое. Жизнь Вичи превратилась в кромешный ад. Таблетки, которые хоть как-то притупляли боль, вскоре пришлось бросить из-за побочных эффектов, самым страшным из которых было разжижение крови, что грозило легочным кровотечением.

Дича судорожно перелопачивал горы научной литературы, ища спасения для своей малышки. Он и специальность-то выбрал из-за нее и после аспирантуры без раздумий вернулся на кафедру пульмонологии при ее любимой больнице. Кто, как не он должен был побороть терзающий Вичу недуг? Поначалу все шло хорошо. Муж любил науку, и она отвечала взаимностью. Дича не без успеха пробивал финансирование на свои проекты, и с головой погружался в мир легочного генома. Но государственные гранты получать становилось все труднее.

— Комиссия по распределению финансов совсем наглость потеряла! — возмущался Дича. — Уже в открытую благоволит слабому полу и меньшинствам! Ну а уж если среди наших конкурен-

тов затешется негритянка, то участвовать в конкурсе – на себя плевать!

— Не кипятись! Остаются еще меценаты! Им-то быть паймальчиками не обязательно! Они дают деньги ученым с лучшими проектами, а не с политкорректными цветом кожи или вторичными половыми признаками!

— Какие твои проблемы?! — заглянула на кухню Сю. — Помеянный пол, и твоя лаборатория будет снова процветать!

«Шутки шутками, но если так и дальше пойдет, то недолго нам осталось жить в том мире, каким мы его знаем! — удрученно думала Вича, нарезаая торт для гостей мужа. — Слова Матрены о предсказаниях Черного Монаха, похоже, начинают сбываться, и скоро над планетой будет развиваться знамя черных сестер!»

Она была далека от политики, но стремление женщин к вершинам власти не ускользнуло и от нее. Выход на арену сразу двух кандидаток в президенты и первый черный руководитель страны — это не могло произойти само по себе: «Матрена! Ты была права! Наши враги действительно набирают силу».

Глядя на непомерные усилия Дичи оставаться на плаву, она злилась на себя за то, что не может помочь.

«Пусть я бессильна против целой системы! — соглашалась она. Зато мой посильный вклад в борьбу с черными сестрами хоть чуточку, да подмывает эту систему!»

Несмотря на трудности с финансированием, ее Дича не бежал в модные научные области и продолжал работать над проблемами легких не покладая рук. Вот и в этот раз его упорство было вознаграждено.

— Смотри, что я нашел! — захлебывался он от возбуждения, тряся в воздухе журналом. — Здесь говорится, что люди с твоим заболеванием в южных штатах практически не страдают переломами ребер!

Теперь, как только в Балтимор приходили холода, они стали выбираться на юга. И что бы вы думали? Ребра самым чудесным образом перестали ломаться!

— Не зря говорят: нет худа без добра! — млея под тропическим солнышком Вича. — Если бы не мои ребра, мы никогда бы не poznали этого рая.

— Спасибо ребрышкам! — смеялся Дича и нежно целовал жену в загорелую спинку.

Каждый такой отпуск проходил как медовый месяц. Они были вместе целыми сутками. Повседневные заботы оставались далеко позади, и они наслаждались друг другом, как будто жили последний день. Каждый их новый отпуск был лучше предыдущего. Они уже научились выбирать пристойные пансионаты. Пока муж был

на работе, Вича в перерывах между хлопотами по дому залезала в Интернет. Сначала с помощью Паши, а потом и сама, она просматривала уйму отзывов отдыхающих о том или другом курорте. Ошибок прошлого они уже не повторяли. Недорогие пансионаты отменялись сразу же! У них до сих пор остался горький осадок от отпуска на дешевом курорте в Мексике.

Начиналось тогда все замечательно. Это была их вторая вылазка на юг, и они жили в ожидании счастья. Даже скудный рацион в столовке не испортил настроения. Вича радовалась, что эта поездка не так подрывает их семейный бюджет, как предыдущая. Но радость была недолгой. После завтрака выяснилось, что недавний ураган унес весь песок с пляжа, оставив там лишь торчащие из воды валуны с острыми краями. В результате их купание ограничилось лишь посиделками в прибрежных волнах. А на второй день они убедились в справедливости услышанного в самолете анекдота.

Вопрос армянскому радио:

— Кто получится у негра с мексиканкой?

Ответ:

— Тот, кому будет лень воровать!

Вернувшись в тот день с пляжа, Дича с Вичей нос к носу столкнулись с горничной. Та так спешила покинуть их номер, что забыла взять оставленные для нее чаевые. Они не придали этому значения и наперегонки побежали в душ смывать морскую соль. Вновь о странном поведении горничной они вспомнили ближе к вечеру, когда стали собираться в ресторан.

— Ты нигде не видел мои сережки и кольцо с опалами? — спросила Вича, роясь в косметичке.

— Вроде не видел. Да ты их и не надевала еще!

Совместные поиски ни к чему не привели. Горничная оказалась искусенной воровкой и забрала не все украшения.

— Вы просто забыли, куда положили свои цацки! — заявили вызванные охранники пансионата.

— Моя жена — сама аккуратность! Каждая ее вещь знает свое место! — возразил Дича. — Так что не теряйте время на отговорки и допросите горничную!

— Мы доверяем нашему персоналу и никого допрашивать не собираемся!

— Тогда я вызываю полицию!

— Наш коммутатор не пропустит ваш звонок! — вошел запыхавшийся администратор. — Территория пансионата является частной собственностью и без ордера полицию сюда не пустят!

Он переглянулся с охранниками. Те показали глазами на оставшееся кольцо. Администратор облегченно вздохнул и направился к выходу.

И, вообще, этим должно заниматься ваше турагентство! — кинул он через плечо, предоставив обворованных туристов самих себе.

Вича сидела как опущенная в воду и вертела в руках кольцо, не понимая логики воровки: «Зачем было брать мое любимое кольцо? В нем же всего три опала. Вот кольцо же намного дороже!»

Она любила украденное кольцо больше других. Дича подарил ей его тогда, когда им на еду-то не всегда хватало. Каждый раз, надевая его, она согревалась душой, и тихая радость наполняла сердце. И вот теперь его нет. Вечер был испорчен. Да и не только вечер.

«Расплата придет! И она будет жестокой!» — Давно Вича не была так разгневана.

Утром они вместо чаевых оставили для горничной записку. В ней в легкой, для перевода с английского, форме они объяснили опасность содеянного и попросили вернуть похищенное: «Опалы имеют особенность накапливать болезни своих хозяев. И украшенный украшения из опалов рискует заболеть тем же!»

В конце, для лучшего понимания, Дича пририсовал карету скорой помощи с включенной мигалкой и бешено крутящимися колесами.

Отправляясь в тот день на море, они со злой решимостью взяли с собой матрасы с лежаков, что стояли вокруг бассейна. По правилам пансионата это строго запрещалось, но о каких правилах может идти речь в этом рассаднике беспредела?

— Эти подстилки нельзя брать на пляж! — остановили их работники бассейна.

— А мы и не на пляж вовсе. У кого язык повернется назвать эту груду камней пляжем?

Их аргументы не убедили службу бассейна, и главный из них преградил им дорогу.

— Я бы на твоём месте этого не делала! — процедила сквозь зубы Вича.

Что-то зловеще убедительное было в этих непонятных мексиканцу словах.

— Что она сказала? — обратился он к Диче на ломаном английском.

— Тебе этого лучше не знать! — скопировал он зловещий тон жены.

С тех пор их больше никто не останавливал. Дежурные по бассейну делали вид, что ничего не происходит, и лишь изредка бросали беспокойные взгляды в их сторону. А через день на них стали коситься и работники столовой. Они держались на почтительном расстоянии и нервно перешептывались.

— Хорошо, что с нами нет Паши. А то бы он остался по твоей милости голодным! — шутил Дича.

Их друг всегда боялся конфликтовать в ресторанах. Насмотревшись американских фильмов, Паша был уверен, что за чрезмерные капризы кто-нибудь на кухне обязательно наплюет тебе в обед. А о других изощрениях работников общепита даже думать не хотелось.

— Не беспокойся за нашу еду. Кто с нами свяжется, тот и трех дней не проживет! — успокоила его Вича.

И ей почему-то верилось. А работники столовки не только верили, они знали. Не далее как вчера по пансионату разлетелась страшная весть о горничной, убиравшейся в номере у русской пары. Источником новости был менеджер, который накануне переводил для нее записку, оставленную обворованными отдыхающими...

Воровка плевать хотела на глупые угрозы и планировала тем же вечером надеть украденные украшения на приятную халтуру. Она убиралась в доме у местных богатеев, чей сынок был лакомым кусочком для многих невест в округе. В то время как ее соперницы лишь томно вздыхали и ловили его случайные взгляды, она поймала кое-что побольше. Конечно, это кое-что было не ахти какое, но кто обращает внимание на такие мелочи у завидных женихов?

Поначалу объект охоты не обращал внимания на новую горничную. Однако вопреки наставлениям хозяйки дома, униформа девицы становилась короче день ото дня. Взор молодого мачо все чаще останавливался на ее стройных ножках. Каждый раз, замечая его нескромные взгляды, она многообещающе улыбалась в ответ. Несколько раз она как бы ненароком забывала в его комнате свои золотые колечки. Как они ей доставались, нетрудно догадаться.

— Они мешают мне убираться, — смущенно объясняла она юноше, когда тот возвращал забывчивой горничной ее украшения.

— Я вижу, ты не из бедных, — как-то заметил он, возвращая очередную цацку. — Зачем же ты работаешь у нас?

— Догадайся сам, — скромно потупилась она.

В конце концов, ее старания принесли плоды. В один из вечеров, когда хозяйки не было дома, юноша предложил ей сделать перерыв и промочить горло. После пары фужеров дорогого вина повеселевшая горничная вновь вернулась к работе. Протирая пыль на журнальном столике, она украдкой следила за отражением своего мачо в стоящем рядом серванте. Тот опрокинул для храбрости еще один фужер и исчез в туалете. Разочарованная девица начала с остервенением тереть ненавистный столик, проклиная нерешительность этого прыщавого юнца. В самый разгар своих нелестных тирад она вдруг почувствовала жаркие ладони на своей талии. Они медленно скользили вверх, быстро разжигая в ней огонь желания. Она замерла, с трудом удерживая равновесие и боясь потерять даже малейшую частичку той сладостной невесомости, которой его

касания наполняли грудь. Юнец от волнения тоже еле держался на ногах. Сквозь воздушную материю сшитой на заказ униформы он чувствовал каждый изгиб ее манящего тела. Она игриво откинула голову назад и, изогнув свое стройное тело, подарила ему лукавую улыбку. Сквозь жемчужные зубки показался кончик нежно-розового язычка. Воодушевленный мачо крепко прижал ее к себе.

— Что это у тебя в кармане? Огурец? Или ты просто рад меня видеть?! — рассмеялась она в ответ.

Минутой позже они уже лежали на полу, и горничная усердно полировала хозяйский паркет своей изысканной униформой...

С каждым новым визитом распутница все больше очаровывала свою жертву, и мечты о скором замужестве уже не казались такими эфемерными. Сегодня она сделает еще один шаг к своей цели. Надев свежееукраденные украшения, она вышла из дома. Теплый вечер ласково обнял ее, и тело соблазнительницы заняло в томном ожидании. Ей не терпелось покрасоваться новыми серьгами и кольцом с опалами. Конечно, она была немного расстроена. Но вовсе не содеянным.

«Черт меня дернул взять это простенькое колечко! — ругала себя воровка. — Как я так обмешурилась?»

Она до сих пор не могла понять, почему предпочла это кольцо тому, другому, которое было намного богаче. Какое-то затмение нашло на нее в тот момент, рука сама потянулась к этому недорогому украшению: «Какая я дура! С тем кольцом мой мачо полюбил бы меня еще больше!»

Ее разочарование усилилось, когда дверь открыла грозная хозяйка. Расстроенный юноша бросал на подругу безнадежные взгляды из глубины гостиной и морщился от ора матери.

— Как ты убираешься?! — разносилось по всему дому. — Посмотри на эти огромные хлопья пыли!

— Я не виновата! Это надувает из кондиционера, — оправдывалась горничная.

— И что? Я должна его чистить? — не унималась хозяйка. — Похоже, мне придется подыскать новую домработницу.

— Я все сделаю! — не дала ей договорить напуганная девица и тут же поспешила за тряпкой.

Пока кондиционер не включился, она решила его быстренько обтереть. Грозный рев хозяйки смягчался убаюкивающим звоном мерно покачивающихся сережек. Горничная начала подпевать им в такт и, открыв защитную сетку, засунула руку с тряпкой внутрь агрегата. Ее рука наполовину утонула в пасти электрического монстра, прежде чем она смогла дотянуться до лопастей вентилятора.

Негромко щелкнуло реле и включило очередной цикл кондиционера. Звук проснувшегося мотора потонул в ласкающем пере-

звоне сережек. Ни о чем не подозревая, охотница за хозяйским сыном стала стирать клочья пыли приставшие к металлическим лопастям. Неожиданно вентилятор ожил и стронулся с места, увлекая за собой тряпку. Рука соскользнула с протираемой лопасти и провалилась вглубь. Горничная в панике попыталась выдернуть руку обратно, но украденное кольцо за что-то зацепилось и не отпускаяло. Тихий ужас сковал ее. Она стояла в оцепенении, перед ее глазами плыла нарисованная скорая помощь, внутри которой она видела свое обескровленное тело. Дикая боль в пальцах вернула ее в действительность. Вентилятор гнал холодный воздух в ее искаженное от боли лицо. Брызги крови покрывали ее побелевшие щеки озорными веснушками. Безжалостный вентилятор, как плохая мясорубка, никак не мог справиться с сухожилиями. Освежающий поток, вырывающийся из кондиционера, не давал своей жертве упасть в спасительный обморок. Сережки весело трепетали на искусственном ветру и пели свою победную песнь.

Наконец, агрегат выплюнул то, что осталось от руки воровки, и горничная рухнула на пол. Уже не нарисованная, а настоящая карета скорой помощи неслась к месту происшествия. Но кровь из артерии, красиво зовущейся лучевой, вытекала быстрее. Она гасила последний лучик надежды на беззаботную жизнь с так искусно покоренным ею мачо.

— Вины без наказания не бывает! — нашептывали обгаренные кровью сережки.

Что-то выпало из кондиционера и звякнуло под самым носом. На нее пустыми глазницами смотрело изуродованное кольцо. Гнезда из-под опалов плакали красными слезами. Маленькие золотые усики, которые раньше удерживали сверкающие камни, шевелились как ресницы вокруг окровавленных глазниц и, казалось, подмаргивали ей...

Масса губительной энергии, висевшая над Гаити, издала оглушительный стон. Орудие мести черных сестер было повержено. Победа виккианской воительницы в такой близости от сердца потусторонних сил была дерзким вызовом завоевателям мира. Налетевший в ту ночь ураган разогнал курортников по номерам.

— Это тебе даром не пройдет! — надрывался под окнами шквальный ветер.

Черные сестры жаждали реванша. Они хотели вновь увидеть осмелевшую воительницу в своих краях. И ожидание их не было обмануто...

Ничего не подозревающая Вича была несказанно рада, что следующую вылазку на Карибы было решено совершить всей коммунальной. После долгого многообещающего ожидания веселая компания отправилась в Доминиканскую Республику. Страна эта имела сухо-

путную границу с Гаити, но кроме Вичи никто не придал этому значения. Друзья подгадали свой отпуск под день рождения Дичи и собирались по-особому его отпраздновать. Это был первый раз, когда они справляли его не дома. Нарядные и счастливые, они сидели между колоннами в ресторане без стен, и теплый морской бриз играл салфетками на их столике. Праздничный ужин подходил к концу, они уже ждали сладкое. Найдя в меню десерт с абсурдным названием «жареное мороженое», друзья, конечно же, не могли его не попробовать. Заказав необычное блюдо, они стали весело гадать, что это может быть?

— Жаль, с нами нет «щепетильного»! — смеялся Паша. — Уж этот всезнайка все бы нам разложил по полочкам.

И они наперебой принялись вспоминать их недавнее знакомство. Началось оно с того, что у них пропало полотенце. По традиции Пашина жена, по натуре жаворонок, с раннего утра занимала для всех самые хорошие места на пляже. Она стелила полотенца на тех лежаках, которые были поближе к морю и стояли в тени грибков из пальмовых листьев. Так было удобнее всем, а особенно Виче. Она никогда не жаловалась, но все видели, как ей трудно добираться до воды по вязкому песку. До того дня трюк с полотенцами всегда работал. Но в этот раз одно из них пропало. Неожиданно возникшая проблема шумно обсуждалась возмущенной коммуной. Громче всех удивлялся такой наглости Паша:

— Зачем брать чужое? Всем же выдали по полотенцу? Мало того, что теперь вытираться нечем, так с нас за это еще и штраф возьмут!

— Тебе ли удивляться?! — подколола его Вича. — Ты же сам никогда не проходишь мимо того, что плохо лежит.

— Интересно, кто мог его взять? — задал риторический вопрос Дича.

— Надо искать русских. Ну, или хохлов! — взглянув на Пашу, продолжила маленькая язва.

— Ребята, вам нужно полотенце? — неожиданно услышали они русскую речь. — У меня совершенно случайно завалялось лишнее.

Из второго ряда шезлонгов сильно обгоревший здоровяк протягивал им полотенце.

— А вот и ответ на твой вопрос, — с озорной смешинкой прошептала Вича. — Я в этом никогда не ошибаюсь!

— Ну-у-у, если оно вам не нужно, то спасибо! — поблагодарил Паша.

— А от штрафа за утерю полотенца можно отбрехаться! — продолжал незнакомец. — Я здесь не первый раз отдыхаю и на местных порядках уже собаку съел!

— А здесь что, есть корейский ресторан? — уже вконец разошлась Вича.

Здоровяк непонимающе похлопал выбеленными солнцем ресницами, но решил не отвлекаться.

— Прикиньте, они меня тут за лоха держат! Мне в номер не принесли обещанные в путевке бесплатный ром и сигары, — с совковым апломбом начал он свое выступление. — А я в этом плане очень щепетильный!

Заметив интерес к своей персоне, он повысил голос на пару октав:

— Так я закатил им хороший скандалец! После этого мне в номер начали ящиками носить пиво с сигарами и задобрили бесплатной майкой!

Наш щепетильный соотечественник с гордостью выпятил грудь и продемонстрировал готовую лопнуть на нем футболку с яркой надписью по-испански, сделанную разноцветными блестками. Паша довольно сносно знал испанский и шепотом перевел друзьям значение играющей на солнце надписи. Слушатели хитро переглянулись, а Вича еле сдержалась, чтобы не расхохотаться. На груди у «щепетильного», как они прозвали его между собой, красовалось издалека заметное утверждение: «Я — самая прекрасная принцесса!»

— Гляньте, нет ли у него в шезлонге горошины! — давилась от смеха Вича, когда тот ушел купаться.

За этими веселыми воспоминаниями их и застало «жареное мороженое». Но попробовать его они так и не успели. Хохочущая от души Вича неожиданно затихла и замерла в полусогнутом положении. Лицо ее побелело, на глазах выступили крупные слезы.

— Все! Мне крышка! — с неподдельным страхом прошептала она.

У Дичи оборвалось сердце. Он опустил на колено и испуганно заглянул ей в лицо:

— Что?! Что случилось?!

— По-моему, опять порвалось легкое?! Что же теперь делать? — жалобно спросила она.

Ее голос дрожал, руки нервно тряслись.

— Ничего страшного, — как можно спокойнее сказал Дича. — Если ты не потеряла сознание, значит, легкое спалось чуть-чуть. Давай-ка я отнесу тебя в номер.

— Не надо. Я сама.

Он осторожно помог ей подняться и медленно вывел из ресторана. В номере он сразу же дал ей сильное обезболивающее и уложил в постель. Под действием наркотика Вича успокоилась и попыталась вспомнить, когда ее легкое рвалось последний раз.

«По-моему, прошло без малого шесть лет! — удивилась она,

чувствуя, как отступает боль и дурнеет голова. — Я даже позабыла, что я чувствовала тогда. Может это и не пневмоторакс вовсе?»

То, что происходило с ней сейчас, очень напоминало перелом ребра, и она поделилась своими соображениями с Дичей. Тот ухватился за эту мысль и не переубеждал ее.

«Скорее всего, это пневмоторакс, — полагал он. — Но моей малышке будет не так страшно думать, что это ребро».

Вича догадывалась, что без поисков черных сестер здесь не обошлось: «Недаром все шло так гладко последнее время. И недорогие путевки, и быстрый беспересадочный перелет, и шикарный прогноз погоды на всю неделю, все как будто завлекало меня сюда. И в изощренности выбора дня им тоже не откажешь!»

— Дича, прости меня за испорченный день рождения! — чуть не плакала она от досады и боли.

— Не болтай ерунды! Давай-ка попробуем заняться дыхательной гимнастикой. Почисти-ка хорошенько свои легкие, это и будет мне лучшим подарком.

Оставшиеся дни Дича жил как на вулкане. Его нерадостный диагноз подтверждался. Виче становилось легче день ото дня. Это говорило о том, что легкое потихоньку расправляется. Но оно могло в любой момент снова спастись, особенно при перепаде давления в самолете, и это не давало ему покоя. По дороге в аэропорт его тщательно скрываемая тревога передалась и Виче. Она была вся на взводе. Чтобы избежать долгого стояния на таможне, Паша с женой побежали занимать нескончаемую очередь. Эта живая человеческая река постоянно росла, пополняясь ручейками из вновь прибывавших автобусов. Пока Вича с Дичей доплелись до входа в аэропорт, от друзей их уже отделяла целая демонстрация. Где извиняясь, где ругаясь, а где просто работая локтями, Дича медленно освобождал дорогу жене, оберегая ее больной бок.

— Давай передохнем, — пыхтя, попросила она.

— Конечно, давай.

Они остановились и Дича приобнял свою малышку, прикрывая ее от снующих туристов. Немного отдохнув, они снова начали вгрызаться в толпу, как вдруг за спиной послышалась родная речь.

— Сразу видно, что русские! — со злобой прошипела задетая ими женщина.

— Сразу видно, что еврейские! — в тон ей выпалила Вича.

Пока пораженная гражданка переваривала услышанное, они уже были далеко впереди. У заведенной Вичи как будто открылось второе дыхание и теперь уже Дича едва поспевал за ней.

Чем дальше улетал самолет, тем лучше Вича себя чувствовала и веселела прямо на глазах. По приезде домой она даже отказывалась идти к врачу. Но муж настоял и почти насильно отвез ее на

рентген. Следующие три дня вылились для Вичи в продолжение полного пансиона с трехразовым питанием. Только почему-то в этот раз кормежка ей пришлась не по вкусу. То ли капризную отдыхающую разбаловали шикарные рестораны на курорте, то ли выбор блюд был небогатый, то ли кулинарное вдохновение покинуло больничных поваров. А скорее всего и то, и другое, и третье. Хотя на третье здесь давали очень вкусный компот.

Время остановилось

Третьи сутки, отпущенные Виче врачами, подходили к концу. Позабыв мензурку с ледяной водой, невропатологи покинули несчастный тринадцатый бокс. После их ухода впустили Пашу. Он застал Дичу бездумно вытирающим Вичино ухо от вытекающей наружу воды. Вид друга объяснил все. Не проронив ни слова, Паша сел у стены. Вскоре к нему присоединился и Дича. Вместе они как обреченные сидели и ждали последнего слова. Время шло, а к ним так никто и не приходил. Они не знали, что Сю, которая уже была на пути из Чикаго, позвонила дежурному по реанимации и попросила подождать до ее приезда. Хорошо знавший бывшую коллегу пульмонолог не возражал.

Дича молча придвинул стул к кровати. Положив голову на Вичину подушку, он закрыл глаза и задумчиво перебирал ее безжизненные, но на удивление теплые пальцы — мозговая горячка не сдавалась, несмотря на охлаждающее одеяло с циркулирующей водой. Он вспоминал их прошлые больничные дни, когда они вот так же, голова к голове, мирно дремали. Но в те дни ее руки были всегда холодными, и он нежно согревал их в своих ладонях. Дича не видел, как приехала Сю. Слыша ее голос, он не понимал, сон это или явь. Открыв глаза, он увидел озабоченные лица друзей, которые тихо разговаривали, глядя в их с Вичей сторону. Заметив, что он проснулся, Сю грустно улыбнулась и обняла его.

— Ну, как вы здесь?

— Все очень плохо, — прошептал Дича и запнулся, боясь рыдаться.

— Держись! Мы все молимся за нее.

Он лишь кивнул в ответ: «Когда это, интересно, Сю успела стать религиозной? За последние дни он слышал эту дежурную фразу уже пару десятков раз. Кому нужны эти молитвы? Не надо было издеваться над человеком, создав его таким!»

«Всевышний один, а нас много, за всеми ему не уследить», — вспомнилась стандартная отговорка.

Опустошающая скорбь вдруг сменилась необъяснимой злостью, которой он раньше за собой не замечал.

«Да о чем говорить, если Всевышний даже своего наместника

на земле проворонил!» — вспомнил Дича новость, услышанную по дороге в больницу.

Местное радио сообщило о кончине патриарха Московского и Всея Руси. Из новостей было трудно догадаться о причинах его смерти, что рождало самые невероятные слухи. И как это нередко бывает, самые невероятные предположения были ближе всего к истине. Мысли о растущем господстве сатаны были не такими уж сумасбродными. Черные сестры давно пытались расколоть и ослабить мир, а патриарх мешался своими стараниями примирить православные церкви разных стран. Какова же была настоящая роль темных сил в случившемся, оставалось только гадать. Корреспондент, ссылаясь на достоверные источники, говорил об острой сердечной недостаточности, развившейся у патриарха после многочисленных инфарктов. Алексей уже давно не полагался на своего вышестоящего патрона и лечился у грешных врачей. Причем не у родных, православных, а у чужеземных, католиков.

«Вот уж воистину на бога надейся, а сам не плошай, или, перифразируя старую поговорку, служба службой, а табачок врозь!»

Сю обнимала напряженные плечи Дичи и даже не подозревала о богохульных мыслях, рождающихся в его голове. Она жалела, что их группа не сумела уговорить Дэниса переехать с ними в Чикаго. Многие из них хорошо знали Виронику и не раз навещали ее, особенно когда та была в больнице.

«Да, в Чикаго холодные зимы, но как часто Вироника ходит на улицу в зимнее время? — в который раз спрашивала она себя. — А летом у нас порой даже жарче, чем в Балтиморе, но зато нет такой удушающей влажности. Ну, да что теперь говорить!..»

Выпустив убитого горем друга из своих объятий, Сю подошла к кровати. Лицо Вироники было слегка отвернуто от нее. Ей показалось, что даже в коме та встретила ее с холодком. За все годы их знакомства Сю так и не удалось сломать этот лед. Она всегда чувствовала ревностное отношение к себе и никогда не понимала причины. Сю посмотрела на окрашенные красными всполохами кудри Вироники, которые были неумело собраны в хвост.

— Дэнис, это ты делал?

— Да. У нее жар и шея все время потеет под волосами. Вот я их и убрал.

— Хочешь, я сделаю красиво? Как бы ты хотел?

— Две косички. В последнее время она любила их заплетать. Вича тогда становилась похожа на маленькую девочку из Швеции, и я дразнил ее Хельга.

Он отвернулся и промокнул глаза. Сю сама едва сдерживала слезы. Склонившись над Вичей, она распустила ее златокудрый хвост и принялась плести косички. Сю всю жизнь мечтала о девоч-

ке, но родила двух мальчишек. Подруги завидовали ей, ведь теперь она была в почете у родни, и ее имя будет увековечено в генеалогическом древе семьи. В провинции, откуда был ее муж, женщина, не родившая мальчика, не заслуживала внимания и не вносилась в семейную летопись. А Сю до семейной иерархии не было никакого дела, она просто хотела девочку.

* * *

Вича чувствовала присутствие соперницы. Конечно, «соперница» — это было громко сказано. Во-первых, Сю была старше ее лет на пять, ну а во-вторых, она была некрасива. По крайней мере, в этом убеждала себя Вича.

«И что только мой Дича в ней нашел?» — не раз спрашивала она себя, хотя и догадывалась, что дело вовсе не в Сю, а в ее детях.

Она видела, с каким интересом муж возится с ее китайчатами и учит их играть в шахматы. Каждому из них он подарил членский билет Американской шахматной федерации, и теперь они все вместе участвовали в официальных турнирах. Дича часто возил мальчишек на соревнования, проходившие обычно по выходным, и не раз звал Вичу с собой.

— Мне там неинтересно, — отвечала она после первой поездки.

Она не говорила мужу, но ей было больно смотреть на счастье полноценных семей, для которых эти турниры превращались в клуб по интересам. Пока дети играли, их матери без остановки щебетали обо всем и ни о чем. Отцы же, в большинстве своем шахматисты-любители, обсуждали последние новинки теории и компьютерные программы. Дича там отдыхал душой, отвлекаясь от невеселых будней. Наблюдая за баталиями своих учеников, он переживал за них больше, чем за свои собственные.

Неосознанная ревность и страх потерять мужа не давали Виче покоя. Не выдержав, она начала проверять его карманы.

— Что это? — с испугом спросила она, обнаружив однажды трубочку из-под нитроглицерина с каким-то порошком.

— Мои таблетки раскрошились, — спокойно ответил Дича, даже не поинтересовавшись, как она обнаружила флакончик.

Ее беспокойство достигло предела, когда пришло известие о гибели их общего друга, который был свидетелем у них на свадьбе. Узнав о его мучительной смерти от некроза поджелудочной железы, Вича тихо заплакала. Всю неделю она была подавлена. Дича тяжело переносил смерть друга, с которым буквально за несколько дней до трагедии болтал по телефону. В это же время он стал замечать, что жена стала уделять ему больше внимания. Она забросила Интернет и просто тихо сидела рядом, когда он был чем-нибудь занят. Его это только радовало, а Вича была охвачена непонятным

беспокойством. Она стала безотчетно бояться, что Дича может уйти к другой женщине, которая сможет родить ему ребенка. Смерть свидетеля была угрожающим знаком для безопасности ее семьи...

Наступили школьные каникулы, и Дича зачастил с китайчатами на шахматные турниры. Вича скучала дома одна, и недовольство росло с каждым днем. И вот однажды она решилась. Достав альбом, она нашла фотографию с вечеринки у Сю. Выхваченный вспышкой вид застолья вернул ее в прошлое лето.

Они сидели на открытой веранде, наслаждаясь закатом и ленивой беседой. Как ни странно, она понимала английскую речь с грубым китайским акцентом лучше, чем плавно текущую из уст коренных американцев. На той вечеринке она позволила себе выпить лишнего. А началось все с партнера мужа Сю по бизнесу, который приехал на переговоры из Китая и имел странное имя Ципро. Именно так называлось ее лекарство, подавляющее рост бактерий в легких. Так вот, этот мужчина-антибиотик постоянно подливал ей водки и, чокаясь, приговаривал:

— Дном вверх, дном вверх! — что, очевидно, являлось китайским эквивалентом русского «пей до дна».

По китайским традициям ставить на стол недопитую стопку, если уже с кем-то чокнулся, означало оскорбить собутыльника. Вича азартно приняла вызов и не отставала от Ципро, хоть и разбавляла водку апельсиновым соком. И она победила. Когда поверженный соперник заперся в ванной, Вича гордо покинула поле боя. Она сумела сама дойти до машины и, помахав всем рукой, плюхнулась на сиденье. Но, как только гостеприимный дом пропал из виду, улыбка исчезла с ее лица и она тихо прошептала:

— Мне очень плохо!

Дича тут же остановился у обочины. Выскочив из-за руля, он побежал к багажнику за пластиковым пакетом. С пакетом в руках он рванулся к пассажирской двери, но опоздал на какое-то мгновение. Победный фонтан непереваренного ужина хлынул на пол любимой Вичиной машины. Если бы это сделал кто-то другой, то был бы убит на месте, да и саму себя она сейчас тоже не пощадила бы, будь в состоянии.

— Что же я наделала?! Какая я дрянь! — причитала Вича в полузабытье, пытаясь вырвать носовой платок, которым Дича вытирал ей лицо. — Отдай тряпку, я сейчас все уберу!

В ответ Дича лишь крепче затянул на ней ремень безопасности.

— Не бери в голову, это всего лишь коврик, вымоем его водой из-под шланга, и делов-то! — успокоил он ее, хотя понимал, что одним шлангом здесь не обойтись.

Дома, обтертая влажным полотенцем, Вича принимала воздушные ванны. Время от времени она приходила в себя и благодарила

своего Дичу, не забывая каждый раз признаваться ему в любви, а он настойчиво отпаивал ее содовым раствором, лучшим средством от перепоя.

— Не хочу пить эту гадость! — отбрыкивалась полуобнаженная пьянчужка. — У нее вкус половой тряпки...

Вернувшись из смутных воспоминаний, Вича сосредоточилась на лице соперницы. Через какое-то время перед глазами закружились белые хлопья снега. Они падали на неподвижное тело Сю, лежавшее на пожухлой траве. Похоже, снегопад только что начался, и трава была еще нетронута белой порошей: «Ну что ж, подождем до первого снега»...

Пришла зима, но вместо снега постоянно моросил дождь. Дороги были мокрыми, и тем волнительнее были ежедневные ожидания мужа с работы. В один из вечеров он не появился в обычное время. Уже все сроки вышли, и Вича не находила себе места, как вдруг раздался телефонный звонок. Она рванулась к аппарату и застыла в нерешительности. Поднимать трубку было страшно! Пересилив себя, ответила. У нее тут же отлегло от сердца. Это был муж. Он звонил из приемного покоя шок-травмы, куда только что доставили Сю.

— Сегодня же не было снега! — выдохнула Вича.

— Какого снега? Ты о чем?

— А почему ты с ней? — оправилась она от неожиданности.

— Потому, что ее муж сейчас на переговорах в Китае.

— А что случилось с Сю?

— Вот с этого и надо было начинать!

И он вкратце рассказал о перипетиях того дня. Отвезя детей в школу, Сю попала в пробку и опаздывала на утреннюю конференцию. Разыскивающий ее шеф в нетерпении позвонил ей на мобильник. Отвлекаясь, та поздно сбросила скорость на повороте, и ее вынесло в кювет. Дича взял с собой лаборанта, и они вдвоем вытолкали ее машину из придорожных кустов. За руль расстроенную Сю не пустили и, оставив машину на обочине, отвезли на работу.

Вечером Дича довез китайку до брошенной утром машины. Тогда-то и обнаружилось, что не хватает колпака на одном колесе. В поисках потери они направились к тем кустам, куда утром вынесло машину Сю. В это время из-за поворота вылетел красный спортивный кадиллак и соскользнул в кювет, точь-в-точь повторяя утреннюю траекторию китайки. Только на этот раз в кювете были люди. Низко сидящий автомобиль просвистел мимо Дичи и ударил Сю прямо под колени. Подброшенное тело взмыло в воздух. Китайка упала лицом в мокрую траву и затихла. Дича бросился к ней, выхватывая на ходу мобильник и набирая 911.

Примчавшиеся paramedici, следуя правилу не двигать сбитого

человека, методично разрезывали верхнюю одежду и по частям снимали ее с пострадавшей. Из распотрошенного пуховика крупными хлопьями разлетался гусиный пух. Ветер, давно соскучившийся по снегу, закручивал маленькие вихри из белых пушинок и гонял их по пожухлой траве...

Вича как сейчас помнила то двоякое чувство, которое охватило ее тогда. С одной стороны, она не жалела о случившемся, но с другой, холодный ужас подкрался к ней под самое сердце: «Почему Дича оказался рядом с ней? Вдруг он бы тоже угодил под колеса орудия мести?»

С тех пор она зареклась насыпать проклятия на тех, с кем Дича был близок. А что до китайки, так та отделалась легким испугом да двухнедельной хромотой.

«Может, оно и к лучшему, — успокоилась Вича. — Когда меня не станет, будет, кому позаботиться о Диче».

Присутствие Сю больше не вызывало в ней былой ревности и злости. Мягкие прикосновения рук китайки несли материнское тепло и заботу, затмевая новую волну беспрерывных воспоминаний.

Семьдесят два часа

Вскоре после приезда Сю в тринадцатый бокс зашел заведующий и пригласил всех на беседу. В сопровождении семейного адвоката Дича, Паша и Сю прошли в комнату для совещаний и сели по одну сторону длинного стола, заведующий — по другую.

— Мы знаем, что людьми нас делает кора головного мозга, — обратился он к мужу больной, положив перед собой сцепленные в замок пальцы.

Дича не хотел его слушать, слова врача острым ножом врезались в его сердце и разрушали остатки надежды. Он видел только побелевшие от напряжения костяшки пальцев заведующего и ни на что не реагировал.

— Дэнис, сколько лет вы были женаты? — поменял тактику врач.

— Восемнадцать, — глухо прозвучал ответ.

— В моей семье совсем недавно была похожая ситуация. У моего отца внезапно повторился инфаркт, и остановилось сердце. Моя мать тоже делала искусственное дыхание и закрытый массаж сердца до приезда «скорой».

Увидев, что муж умирающей его слушает, врач вернулся к основному разговору.

— К сожалению, мы больше не видим целесообразности в поддержании жизненных функций Вироники. Прошло трое суток, и ни один из ее рефлексов не восстановился.

«А ведь не он первый говорит мне о трех днях! Теперь понят-

но, почему с таким рвением их местная лечебница перевела Вичу сюда. Чтобы не ухудшать свои показатели смертности, вот зачем!»

Заметив отсутствующий взгляд собеседника, доктор повысил голос.

— Более того, те рефлексy, что остались, продолжают угасать. Сегодня утром невропатологи снова отключали аппарат и проверяли ее дыхательную функцию. И если вчера она самостоятельно делала два-три вдоха в минуту, то сейчас совсем перестала дышать. Мне очень жаль, но мы сделали для твоей жены все, что могли. Это не значит, что мы отключим ее от аппарата прямо сейчас, но вы должны быть готовы к этому. Мы будем поддерживать Веронику до тех пор, пока семья не примет решение.

— Можем ли мы подождать до понедельника? — безнадежно спросил Дича.

— Решение здесь ваше, — со скрытым недовольством ответил врач. — Но как я уже сказал, те два дня, о которых ты просишь, ничего не изменят.

— Я понимаю, — со следами агрессии в голосе, ответил Дича. — Но отца Вероники здесь нет, а без него я не могу принимать такое решение.

Все это время Вича оставалась в боксе одна. И надо было такому случиться, что именно в этот момент резиновое одеяло с циркулирующей водой дало трещину и буквально затопило пациентку.

* * *

Распластавшись в соленой воде, Вича смотрела в хмурое небо Ямайки и злилась на погоду. Уже прошло пол-отпуска на этом недружелюбном острове, и только один из дней выдался по-настоящему теплым и солнечным. Сегодня море опять было прохладным, она уже замерзла, не покупавшись и пяти минут. Ее давняя мечта о Ямайке наконец-то стала явью, но только ожидаемого счастья это почему-то не принесло.

Она не могла уже и припомнить, как давно мечтала побывать здесь. Началось все еще в те времена, когда они жили в льготных таунхаусах. Именно тогда ее подруга Леля на халяву съездила на Ямайку. Лелин бой-френд в то время набрал столько кредитов, что на их выплату уже не хватало всей его зарплаты. По местным законам в такой ситуации можно объявить себя банкротом и не платить больше ни цента. Единственное неудобство состояло в том, что в ближайшие годы уже никто не даст тебе новый кредит. Тогда-то Лелин бой-френд и купил им тур на Ямайку, разумеется, в кредит. Американец-то он американец, а русскую пословицу «семь бед — один ответ», видно, знал хорошо.

После возвращения из отпуска Леля при каждом удобном слу-

чае взახлеб рассказывала о своей поездке. Еще тогда Вича задумалась: «А не вражья ли это сила пытается завлечь меня туда?»

Этот остров находился в опасной близости от Гаити, лишь небольшой пролив отделял его от пристанища черных сестер. Огромное облако губительной энергии все время висело по соседству и служило неисчерпаемым источником для черных сестер Ямайки. Несмотря на свои опасения, Вича все равно грезилась этим кусочком тропического рая. Ее всегда тянуло именно туда. И вот мечта сбылась! Она понадеялась на свои силы и согласилась на отдых по соседству с рассадником черных сил.

Купив билеты, Дича веселился:

— Не могу поверить, что мы будем отмечать день седьмого ноября, красный день календаря, на Ямайке!

Но праздновать день революции на Ямайке не получилось. В октябре у Вичи началось обострение, и поездку пришлось отложить.

Она корила себя за проблемы, связанные с возвратом путевок и переносом отпуска. Вся коммуна заново перекраивала расписание на работе. Целый месяц Вича чувствовала себя ужасно. Мало того, что болезнь душила ее, так еще и эти передрыжки с отпуском.

— Конец моим страданиям и разочарованиям! — имитировал Винни-Пуха ликующий Дича. — Спасибо тебе, любимая, за спасенный отпуск!

— Что произошло? — недоумевала Вича.

— Только что передали, что в Карибском море творится дурдом!

— Что? Кубинцы празднуют седьмое ноября на все Карибы?

— Хуже! Праздник отменяется. Ураган «Палома» идет на Кубу и Ямайку. Прикинь, в какой бы мы там сейчас попали переплет.

Ее Дича был просто волшебник. Как же умел он облегчить ее страдания! Груз с души упал, и Вича быстро пошла на поправку. Вскоре они снова собирались на юга.

— Обещай, что к нашей юбилейной поездке мы купим новые чемоданы, — пыхтела она, мучаясь с заевшей молнией.

— И как скоро юбилей? — поинтересовался Дича, помогая застегнуть чемодан.

— Еще пару раз, и будет десять.

— Когда это мы успели столько наездить? Так вот почему мы до сих пор не миллионеры!

Он всегда путался, где и сколько раз они побывали, а Вича помнила все в мельчайших подробностях. Да и как было не помнить эти маленькие проблески счастья в их нелегкой жизни. Даже смурная погода Ямайки не могла испортить праздника души. Каждую минуточку они были вместе и наслаждались жизнью как дети. Все горести и печали остались в Балтиморе и, наверное, уже скучали по ним. А Виче с Дичей не было до них никакого дела. Если бы

эти печали там усохли от скуки, никто бы переживать не стал!

Безмятежность Вичи, однако, продлилась недолго. На второй день по возвращении с пляжа она ощутила присутствие черной энергии, которая была искусно рассеяна по их комнате.

«Не иначе, проделки горничной», — забеспокоилась виккианская воительница.

Вичины подозрения подтвердила сложенная из полотенец фигурка, восседавшая на кровати. Многие курорты славились своими скульптурками из полотенец. После каждой уборки отдыхающие находили у себя в номерах усыпанных розовыми лепестками павлинов, лебедей, слоников и даже человечков. Сидя на кроватях, они радостно приветствовали возвращение курортников с пляжа. Вичу же встретила полотенечная курица со свешенной набок головой. А розовые лепестки соцветий тропических кустов были разложены так, что не требовалось много воображения, чтобы увидеть вытекающую из клюва кровь...

На следующий день повторилось то же самое. Вича теперь первая входила в номер и успевала поправить неизменную скульптурную композицию, пока муж заносил пляжные вещи. Поэтому Дичу всегда встречала статная наседка с гордо поднятой головой, усеянная розовыми брызгами заката.

— Как будто кто-то знает, что здесь живет моя Цыплюха! — весело вспомнил Дича детское прозвище жены.

Однако как Вича ни старалась поднимать голову цыплюхе, происки черных сестер не прошли бесследно. Однажды прямо во время обеда у нее пошла горлом кровь. Все бумажные салфетки на столе моментально стали алыми, и Дича с Пашей носились по залу в поисках новых. Прячась от глаз окружающих, Вича пыталась как можно незаметнее сплевывать клокочущую в груди кровь. Даже в такой момент она волновалась не за свою жизнь, а за то, что подумают окружающие. Больше всего на свете она ненавидела жалость к себе. Силы духа виккианской воительницы хватило бы на десятерых.

Вича поднесла ко рту свежую салфетку и, собрав волю в кулак, поднялась из-за стола. Голова невыносимо кружилась. Она покачнулась и оперлась о Дичину руку.

— Пошли в номер, — прошептала она сквозь салфетку.

Они медленно добрались до лифта и поднялись на второй этаж. Сквозь раскрывшиеся двери лифта они увидели в конце коридора спину быстро удаляющейся горничной. Оглянувшись на шум лифта, та ускорила шаг и поспешила к наружной лестнице с лепной балюстрадой под старину. Ее волосы были заплетены в тысячи маленьких косичек, которые, как макароны в дуршлагае, дружно подпрыгивали в такт ее быстрым шагам.

— Ты свои украшения закрыла в сейфе? — машинально спросил Дича.

С тех пор как их обокрали в Мексике, они отдыхали только в пансионатах с сейфами в номерах. Вича молчала. В ее глазах вдруг загорелся недобрый огонек. Дича проследил направление ее взгляда и уткнулся в спину горничной, которая уже достигла продуваемой со всех сторон лестнице. Неожиданно косички негритянки взлетели и заиграли на ветру, как у Медузы горгоны. Тут же голова с черными змеями скрылась за балюстрадой, растворившись в лестничном пролете. Вича отпустила руку мужа и поспешила вслед за девушкой в униформе. Остолбеневший Дича смотрел вслед своему умирающему лебедю.

«Как она это делает? Откуда вдруг появилось столько сил и энергии?»

Услышав быстрые шаги за спиной, горничная оглянулась. На верхней площадке стояла хозяйка только что убранного номера и сверлила ее взглядом.

«Зачем я снова оглянулась?!» — вздрогнула всем телом негритянка.

Но было поздно. Она послушалась наставлений, данных гаитянскими сестрами, и теперь могла надеяться только на себя. Пойманная взглядом виккианской воительницы черная сестра была готова дать бой. Не зря ее выбрали для этой опасной миссии. Она была лучшей ученицей самой древней на Гаити ведьмы. Столетняя ворожея еще помнила зеленые леса, которые когда-то покрывали их страну, и не раз рассказывала своей любимой ученице о волшебном шуме пальмовых рощ. Но губительные вихри черной энергии давно убили все деревья в ее некогда прекрасной стране, оставив под собой бесплодную пустошь. Как награду приняла молодая колдунья отправку в зеленый оазис Ямайки. Здесь ее ждала опасная ворожба, и она была готова к ней.

— Упаси тебя дьявол от встречи лицом к лицу со своей противницей! — предостерегала ее дряхлая ведьма. — А коли открытой дуэли не избежать, используй всю свою силу за раз! Только так у тебя будет шанс победить!

— Я не подведу тебя, мудрая ведунья! — вскричала молодая ворожея. — Я исполню свой долг и изведу эту заморскую посланницу!

«Мы должны уничтожить ее! — слышала гаитянка дребезжащий голос наставницы. — Иначе всех нас ожидает непоправимая беда. Слишком близки мы к нашей цели, чтобы потерять господство, возводимое веками. Виккианская вражина пришла в наши владения и подчинила себе нашу силу. Она должна умереть, пока не успела передать украденное искусство своим заморским сестрам!»

Глядя на хрупкую женщину, готовая к бою ведьма никак не могла взять в толк, как этот заморыш может представлять угрозу всему черному сестринству? Отставив в сторону швабру, горничная вытянула вперед ладони, и смертельный вихрь губительной энергии понесся навстречу ее противнице. Он ударился о красивое лицо заморской гостьи и разбросал ее золотистые кудри по сторонам. Златовласка резко отняла ото рта салфетку и в одно мгновение заглотила смертоносный поток. Черная ворожея не верила своим глазам. Вся энергия, накопленная ею в прошлое полнолуние, исчезла внутри виккианской воительницы без следа.

«Этого не может быть! — запаниковала она. — До следующего полнолуния больше недели. Никто не может поглощать черную энергию без помощи ночного светила!»

Гаитянка все еще надеялась, что выплеснутый ею вихрь убьет виккианскую вражину изнутри. Но та продолжала стоять на верхней площадке, а на ее перепачканных кровью губах играла леденящая душу улыбка. Пушистые волосы заокеанской посланницы, как ни в чем не бывало, развевались в морском бризе, то закрывая, то пропуская сквозь себя яркие лучи солнца. Златовласка склонила голову набок и хищно разомкнула губы.

Взгляд черной ворожеи остановился на алом оскале противницы. Окрашенные кровью зубы прямо на глазах превращались в розовые лепестки. Гаитянка нервно потряхнула шевелюрой, но наваждение не исчезло. На верхней площадке сидела гигантская курица из полотенец, и нацеливала на нее огромный кровавый клюв. Горничная почувствовала резкую слабость, прыгающие блики солнца начали меркнуть в глазах. Покачнувшись, она ухватилась за швабру, чтобы не упасть. Сквозь затуманенный взор с облегчением заметила, что курица исчезла, а вместо нее появилась хрупкая девчушка в фартуке. Солнечные блики превратились в прыгающее пламя факела, и над миром сгустилась ночь. Из полумрака ниши верхней галереи замка на нее смотрели огромные, полные ненависти глаза. Помощница кухарки широко открыла рот, как будто собиралась попробовать варево из большого половника.

Черная ворожея почувствовала, как ее волосы-змеи безвольно опали и прилипли к вспотевшему лбу. Рука, державшая швабру, вдруг онемела. Потеряв опору, горничная покачнулась. Она глянула на руку, и непреодолимый ужас окончательно помутил ее рассудок. На ветру развевался пустой рукав униформы...

Вдруг вокруг виккианской воительницы все потемнело, и клочущая черная масса отделила ее от поверженной соперницы. Вича огляделась и с ужасом поняла, что находится внутри крутящейся воронки враждебной энергии. Стены воронки неумолимо сужались. Она снова начала захлебываться, как много лет назад в

самолете над Атлантикой. Однако в этот раз ее было не так просто погубить. Вича из последних сил поглощала удушающую энергию, но воронка не уменьшалась, а наоборот росла в размерах.

— Как я просчиталась! — ругала она себя. — Меня развели как неопытную девчонку! Поймали на живца!

Дышать уже не было мочи, когда цвет воронки вдруг начал меняться. Появившиеся радужные вкрапления открыли путь дневному свету. Теперь кружившая вокруг нее стена напоминала зебру, причем светлые полосы стремительно росли, сдавливая между собой остатки черных ручейков. Вскоре лишь ласковые потоки белой энергии вились вокруг нее.

Отдышавшись, Вича огляделась в поисках своего спасителя. Коридор и лестница были пусты. Даже грохот улетевшей вниз по ступенькам швабры и обмякшее тело горничной, свесившееся через лепнину балюстрады, не привлекли ничьего внимания. Лишь в одинокой тачке, приткнутой в тени соседней пальмы, спал огромного роста чернорабочий. Его ноги были настолько длинные, что не свисали, а просто упирались в землю. Непривычно светлое для аборигена лицо было спрятано за козырьком замусоленной бейсболки. Скользнув по нему взглядом, Вича обернулась к шумевшим дверям лифта: «А где же Дича?»

В этот момент детина в тачке чуть шевельнулся. Из-под козырька бейсболки блеснул иссиня-ледяной взгляд, изучающий спину викианской воительницы.

Вича нашла мужа в лифте сидящим на полу. Одна его нога была вытянута и двери яростно жевали его сандаля. В руках он держал ту самую трубочку нитроглицерина.

— Похоже, я перенервничал, да и солнце напекло голову, — прошептал он заплетающимся языком и нетвердой рукой убрал лекарство в карман.

Теперь уже Вича помогала мужу дойти до номера.

— Битый небитого везет! — грустно пошутил он, не заметив, как жена быстро сбила рукой полотенечную скульптуру кровотокащей курицы с кровати.

В прохладном номере они как убитые завалились на свежееубранную постель и проспали до самого ужина.

На следующий день после пляжа их весело приветствовал сделанный из полотенец слон с победно задранным кверху хоботом. Со старой горничной в пансионате Вича больше не встречалась, зато увидела ее в автобусе, по дороге на базар. Та пряталась на заднем сиденье и бросала косые взгляды в их сторону. Веселая компания не обращала на нее никакого внимания. Они с интересом смотрели на колоритные лачуги, проплывавшие за окном, и обсуждали непривычное левостороннее движение. На одном из поворотов Ви-

ча оглянулась и пристально посмотрела на черную сестру. Ту аж всю передернуло, и она вышла на следующей остановке. Тем больше было удивление Вичи, когда они вновь столкнулись с ней на рынке. Горничная заметила их и подала знак внушительного вида торговке. Толстенная негритянка тут же прицепилась к ним и потащила к своей лавке.

— Меня зовут мама Лючия, — глубоким грудным голосом произнесла она. — У меня самый лучший товар на этом базаре!

Деревянные маски и фигурки в лавке толстухи источали потоки черной энергии, но беззаботные отдыхающие, конечно же, этого не замечали. Другое дело — их хрупкая спутница. Черная торговка видела в ее взгляде грозную силу. И эта сила заморозила вредоносную энергию. Она не давала губительным потокам вырваться наружу из скульптурной композиции, которую вертели в руках двое мужчин. Дича и Паша с интересом рассматривали совокупляющуюся пару, выполненную из черного дерева.

— Эй, красавица! Это непременно поможет твоим прекрасным пальцам, — услышала Вича тягучую английскую речь.

Негритянка показывала на ее обкусанные заусенцы.

— Этот чудо-крем размягчит кожу и уже к утру затянет болячки вокруг ногтей. Вот попробуй!

С этими словами она бережно поставила на прилавок маленькую баночку. От взгляда Вичи не ускользнуло, с какой осторожностью торговка сняла изящную крышечку своими толстыми, как сардельки, пальцами.

— Пробуй! Пробуй! Только для тебя! Снадобье очень хорошее!

— Чего она хочет? — толкнула Вича мужа.

Дича оторвался от созерцания интимных подробностей неприличной поделки.

— Хочет, чтобы ты помазалась ее кремом.

— Так! Всё! Пошли отсюда быстро! — встрепелась Вича и потянула спутников прочь.

— Чего случилось-то? — недоумевал Паша.

— Ты ревнуешь, что ли? — попытался пошутить Дича.

— Хотите сдохнуть, так оставайтесь! — бросила она на ходу, но не отпустила руку мужа и продолжала тащить его к выходу.

Уже на улице Вича попробовала смягчить ситуацию:

— В этом креме могли запросто быть дурманные добавки. Мы бы где-нибудь отрубились, и нас бы обчистили до нитки!

Она не рискнула сказать им правду. Слишком невероятной она показалась бы. Да и кто поверит в зомби, в наши-то дни? А ведь черные сестры издревле используют нервно-паралитический яд морской жабы и морского жалящего червя. Нанесенный на кожу, он медленно всасывается и временно тормозит все жизненные про-

цессы человека. Ядовитая смесь отделяет мозг от тела, но не выключает при этом сознание. Внешне человек отправляется в мир иной и его могут даже похоронить. Когда действие снадобья прекращается, отравленный просыпается взрослым младенцем. Он ничего не смыслит и не помнит прошлого — яд напрочь стирает память. Вот от чего Вича спасла мужа и друзей!

«Все хорошо, что хорошо кончается!» — внутренне успокоилась она.

Остаток отпуска пролетел незаметно и ничем неприятным не ознаменовался, если не считать душегубки в местном аэропорту. Кондиционеры здесь не то чтобы не работали, их просто не было. Вдоль длинного терминала с низкими потолками стояли только вентиляторы. Они обдували исключительно конторки регистрации, позабыв о зале ожидания. За одной из таких конторок Вича с ужасом увидела знакомую горничную.

«Или я схожу с ума, или легенды о создании черными сестрами призраков и двойников не такие уже и легенды!» — содрогнулась она и на всякий случай увела всех в другой конец терминала, где было жарче, но гораздо спокойнее...

Глава 13

ПОДАРОК ЖИЗНИ

Время истекло

Скорбное известие о разговоре с заведующим отделения разлетелось быстро, и бокс номер тринадцать превратился в место встреч старых друзей. Те, кто хорошо знали Вичу, заходили маленькими группами. Через какое-то время их выставляли, чтобы впустить следующих. Они долго не расходились и кучковались перед дверями реанимации не в силах поверить произошедшему.

— Просто в голове не укладывается! — не скрывала слез Леля.

— Ведь не прошло и недели, как сидели за одним столом! — слышалось с другой стороны.

— На мужа больно смотреть! — несло с третьей.

Среди шепота тех, кто находился в этот момент в боксе, легко угадывался чуть заикающийся голос бывшего сменщика Тимохи, который забирал веселую компанию из балтиморского аэропорта после вояжа на Ямайку.

* * *

Устроившись в салоне такси, Вича впервые не отпустила коллестей в адрес иконостаса на приборной доске. После наводненной потусторонней символикой Ямайки общество русских святых по-

началу даже успокаивало. Но только поначалу.

— Что-то я смотрю, у тебя иконок прибавилось. Таксистские грехи замаливаешь? — не утерпела Вича.

— Н-н-нечего мне замаливать! Я с к-к-клиентами обхожусь по-божески.

— То есть ты считаешь, что возить людей десятой дорогой да лишние километры наматывать — это по-божески?

— Это совсем д-д-другое. Это мирское. Вот!

— Кто бы сомневался! — расхохоталась она.

Вернувшись домой, отдохнувшая Вича с радостью впряглась в работу. Надвигались рождественские праздники, и она увлеченно шуршала своими поваренными книгами. Помимо готовки и уборки надо было купить и нарядить елку. Планов на выходные было море. Однако всем им не суждено было сбыться. Дуэль с черной ворожеей не прошла бесследно. В пятницу вечером у Вичи хлынула горлом кровь, и, как мы уже знаем, Рождество она провела в больнице.

А дальше все покатило под гору. В их доме впервые появился генератор кислорода, без которого Вича теперь не могла обходиться. Она начала хандрить, все реже бывала на улице и жила в постоянном страхе повторного кровотечения. Каждое утро, когда Дича целовал ее перед уходом на работу, Вича на всякий случай мысленно прощалась с ним. Борясь со своими страхами, она обнимала плюшевого Тэдди и, надеясь на его защиту, пыталась снова заснуть. Ей предлагали пригласить сиделку из русских пенсионеров, но она категорически отказывалась.

— Я не смогу нормально откашляться при постороннем человеке. А вызвать 911 я и сама сумею!

О другой поездке на юг не могло быть и речи. И, как результат, к весне ей пришлось вспомнить давно позабытую боль сломанных ребер. Это было неприятным подарком к ее дню рождения.

— Как же я буду, такая кособокая, встречать гостей? — злилась на себя Вича. — Вот так всегда. Если со мной что-то случается, так обязательно перед каким-нибудь праздником!

— А может, ну его, к бесу? — успокаивал ее Дича. — Да и вообще, отмечать сорокалетие не принято.

— Сколько мне осталось тех дней рождений? Не могу я ими разбрасываться.

Как муж ее ни убеждал, подготовка к празднику шла полным ходом. Вича не относилась к тем женщинам, которые не любят праздновать свои дни рождения. Кто считает годы, когда есть повод собрать вокруг себя счастливых людей и радоваться, что хоть у кого-то в жизни все хорошо? С гостями дом наполнялся светом, и ее собственная жизнь уже не казалась такой безнадежной. Однако

последнее время веселые компании у них собирались все реже.

— Кому охота окунаться в чужое горе? — философствовала Вича. — Даже медработники лишний раз не заходят к безнадежным больным.

Дича пытался растормошить ее. Он постоянно предлагал поболтать по ее любимым магазинам или сходить в греческий ресторан, от которого она была без ума. Но в бутиках ей уже не хватало сил на переодевания, а ресторанов она стеснялась из-за необходимости носить с собой кислородный баллон.

— Вкусно готовить я и сама умею, а наряды можно покупать в Интернет-магазинах, — уклонялась она.

Несмотря на то, что последнее время Вича сама выбирала себе подарки через Интернет, она знала, что на каждый праздник ее все равно ждет сюрприз. Дича всегда покупал ей что-нибудь неожиданное. Вот и в это утро она высунулась из спальни и увидела какую-то коробочку. Белая с золотым тиснением упаковка выглядела из-за огромной открытки, стоявшей между нежными розами и воздушным шариком в форме сердечка. Шарик прыгал в потоках теплого воздуха газового отопления, и также прыгало и замирало ее сердце. Она не стала спускаться в зал, а с радостным ожиданием вернулась в спальню продолжать свои дыхательные упражнения.

— Интересно, что мой миленок припас для меня в этот раз? — гадала она, натужно откашливаясь.

Дича знал любовь жены к сюрпризам и не переставал удивлять ее. Каждый праздник она находила что-нибудь волшебное на журнальном столике в зале. А иногда небольшие подарки появлялись там и без повода.

— Как это у него получается? — хвасталась она Леле.

— Наверное, за столько лет вместе, он научился чувствовать тебя как себя.

— Наверное, — согласилась Вича и хитро улыбнулась: «А может дело совсем в другом?»

Каждый раз, разворачивая сюрприз, она находила там вещи, на которые когда-то вскользь или мимоходом обращала внимание мужа, будь то в магазине или на страничке в Интернете.

— Тебе нравится это колечко? — звучал невинный вопрос.

— Так себе.

— А мне-то как нравится! — мечтательно произносила она.

Удочка была закинута, и теперь оставалось только ждать ближайшего праздника. Ей, конечно, было стыдно, но зато упомянутое колечко наверняка поселится в ее шкатулке с драгоценностями...

Очистив легкие от накопившейся за ночь мокроты, Вича, наконец-то, спустилась в зал. Она торопливо открыла белую коробочку и нашла там навороченный солнцезащитный крем для лица. Жал-

ко, что Дича был на работе, а то она зацеловала бы его до смерти: «Ну, ничего. Пусть поживет до вечера!»

Она давно мечтала о креме от Диора, но, зная его цену, даже боялась о нем заикаться.

«Приберегу-ка я это сокровище для будущей поездки в Мексику!»

Надежда на то, что к следующей зиме поправится, ни на минуту не покидала ее. Хотя она уже давно ничего не загадывала наперед, хотелось верить, что еще сможет какое-то время протянуть без давно рекомендованной пересадки легких. Все чаще задумываясь о будущем, понимала, что надо начинать исподволь готовить мужа к мысли, что скоро придет ее срок.

«Как он будет один? Он у меня такой беспомощный, — с нежностью думала она. — Без меня он даже не знает, что где лежит. Надо потихоньку приучать его к самостоятельности. Вот поедем в Мексику, заставлю его самого собираться. Пусть хотя бы узнает, где находятся его вещи!»

Отгнав грустные мысли, Вича пошла на кухню готовить что-нибудь вкусненькое к приходу мужа.

— Дича! Ты знаешь, мне стало полегче, и я чувствую силы отпраздновать день рождения в ресторане! — сообщила она за ужином.

— А как же твое ребро?

— Ничего страшного. Давненько мы не чревоугодничали у наших греков!

Так программа праздника была утверждена. В выходные гости собрались у них дома и веселой компанией отправились в прибрежный район Балтимора, где приютился греческий квартал. За столом царило радостное веселье. Подогретая греческим вином компания оживленно беседовала. Как в старые добрые времена, Вича была королевой бала. Она вся светилась, как будто и не было этой ужасной зимы и рождественских праздников в больнице. Душа Дичи ликовала. Он жил сиюминутной радостью и не хотел заглядывать в будущее.

— Зачем вы меня смешите?! — морщилась Вича, пытаясь подавить смех.

Не в силах больше сдерживаться, она схватилась за больной бок и заразительно расхохоталась:

— Вы же знаете, что мне нельзя смеяться!

От смеха у нее выступили слезы радости, вдогонку за которыми поспешили слезы боли от потревоженного ребра. Несмотря на это, в ее глазах сверкали озорные огоньки маленькой плутовки. И все вокруг понимали, что она не прочь прохохотать весь вечер. Острые края сломанного ребра могут сколько угодно тереться друг о друга. Их злобный скрежет не сможет ее остановить.

«Ничего! Мы еще повоюем! — превозмогая боль, улыбалась Вича. — Мое время еще не пришло!»

Да и не могла она позволить себе уйти и бросить своих сестер на растерзание вражьей силе.

«Мне обязательно нужно продержаться как можно дольше!» — твердо решила виккианская воительница.

После надежды

После ухода всех посетителей Дича замкнулся в себе. Он молча держал Вичу за руку и смотрел в ее спокойное лицо. Медсестра что-то говорила ему, но он ее не слышал. Не смогли его расшевелить и вернувшиеся с перекуса Паша и Сю. Чтобы как-то вырвать друга из лап депрессии, они развили бурную деятельность.

— Нам нужно срочно пробивать визу для Яны! — тормозили они Дичу. — Иди, вылавливай семейного адвоката!

— Сделайте это без меня. Я побуду с Вичей, — было все, что от него смогли добиться.

Когда письмо в Американское консульство в Питере было готово, его показали Диче. Одна фраза поразила его своей жестокостью. В письме говорилось, что Вироника активно умирает.

«Как человек может активно умирать?! — закипело внутри. — Что это, особенности английского языка или медицинский жаргон? Как его любимая может активно участвовать в своей собственной смерти? Она всю жизнь активно боролась с ней! Если это такая уловка, то зачем? Что там, в консульстве, не люди, что ли? Неужели они не поймут, что семья должна быть вместе в такой тяжелый момент?»

От злого блеска в глазах у мужа умирающей семейному адвокату стало не по себе, и он осторожно спросил:

— Все в порядке?

«Какой к черту порядок?! — хотелось крикнуть ему в лицо. — Я держу в руках смертный приговор моей Виче, какой здесь может быть порядок?!»

Желваки играли на его скулах, рука с письмом мелко дрожала.

— Успокойся, — тихо сказал Паша и аккуратно вытащил листок из его побелевших пальцев.

Вместе с Сю они отсканировали письмо и отправили в Питерское консульство по электронной почте.

* * *

Ранним дождливым утром Яна уже стояла под закрытыми дверями авиакомпании, прячась под навесом с ярким логотипом авиаперевозчика. Похоже, за этот логотип компания еще не рассчиталась и драла за билеты три шкуры.

«Где те славные советские времена, когда по справке о болезни родственника давали билеты без очереди и по обычному тарифу? — с грустью думала она. — Куда катимся? Капитализм капитализмом, а человеческое сострадание где?»

С этими невеселыми мыслями Яна отрешенно брела по мокрому от дождя Невскому проспекту, где так любила гулять ее сестренка. Вича так мечтала еще хоть раз навестить свой любимый город, да, видно, уже не судьба.

«Последний раз Никуля была здесь четыре, нет, пять лет назад, — вспоминала Яна. — Это был ее третий визит к нам».

Яна как сейчас помнила то нервное ожидание их прилета и сильные переживания мамы. В то время по восточному побережью Америки гулял ураган «Изабелла» и как раз в день отлета сестры подходил к Вашингтону.

— Они не прилетят, вот увидите, — уже в который раз повторяла Эмма, не отходя от телевизора.

В репортажах из Америки показывали разрушения, причиненные ураганом в Северной Каролине и Виргинии. Сообщения о его приближении к столице сквозили озабоченностью. Откуда Эмме было знать, что по настоянию дочери обычный маршрут на родину был изменен, и ребята вылетали из Филадельфии, до которой урагану было еще топать и топать.

Американские гости прилетели в срок и весь отпуск провели, словно на одном дыхании. Все было для них ново в поразительно преобразившемся городе. И не удивительно, ведь они здесь не были целых шесть лет. Посетив все любимые питерские места, Вича вдруг запросилась на дачу.

— Да там же нет никого! — отговаривала Яна. — Сезон отпусков давно закончился, огороды убраны, дети пошли в школу, что мы там будем делать?

— Ну, хоть на денечек! — молила Вича.

— Хорошо. Дайте мне пару дней. Я попробую к выходным найти кого-нибудь из знакомых, кто сможет нас отвезти.

Вича не стала дожидаться, пока Яна найдет машину. В один из будних дней, когда все разбежались выполнять свой трудовой или учебный долг, они с Дичей, как в старые добрые времена, отправились на дачу на электричке. Пришедшую с работы Яну вместо дорогих гостей ждала короткая записка. А сами беглецы появились только под вечер.

— Я уже договорилась насчет машины на выходные, — с обидой в голосе встретила их Яна.

— Ну и отлично! — обняла ее Вича. — Поедем в Петродворец!

Фонтаны уже не работали, и они медленно бродили по аллеям парка, шурша золотыми листьями и вспоминая вылазку в это вол-

шебное место во время их последнего визита. Совсем не верилось, что пролетело столько лет, но здорово вымахавшая Диана была живым тому подтверждением. Долгая разлука еще крепче сблизил сестер, они никак не могли наговориться и насмотреться друг на друга. Счастье кружило вокруг осенним листопадом, и никто из них не мог предположить, что это был последний раз, когда они были вместе. Не зря же восточные мудрецы говорят: «Блажен тот, кто находится в неведении»...

Яна шла по грустившему вместе с ней Питеру, по ее лицу стекали капли дождя, перемешанные со слезами. В памяти всплыл их последний разговор. Тогдашний крик души ее сестренки оказался пророческим.

— Все можно изменить. Любую ошибку можно исправить. Только оттуда никого не вернуть! — с тоской исповедовалась Никуля, и ее взгляд на мгновение потемнел от промелькнувшего облачка страха ранней смерти.

Эти испуганные глаза смотрели теперь из каждой лужицы, отражающей темное небо. Огромное облако страха замерло в них уже навсегда. Яна крепко держалась за ремешок своей сумочки, словно за последнюю нить, связывающую ее с сестренкой. Ведь там лежали билеты до Вашингтона, втиснутые между пудреницей и зонтом, который она так и позабыла раскрыть.

* * *

В покрытом тучами Балтиморе в это время тоже шел дождь. По ночному городу ехала одинокая машина с таким же одиноким водителем. По лобовому стеклу маятниками елозили дворники. На душе было пасмурно и сыро.

— Ямщик, не гони лошадей, мне некуда больше спешить, — сливалось с шумом дождя дрожащее нашептывание старинной мелодии.

По радио опять говорили о смерти патриарха и о том, что даже природа льет по нему слезы.

— Природе больше делать нечего, как плакать по восьмидесятилетнему старику! — раздавалось в машине. — Все должны только радоваться, что патриарх столько прожил. Матушка природа плачет по моей Виче, которая в два раза моложе, а умирает в расцвете... Чуть было не вылетевшее «в расцвете сил» так и осталось на языке.

«Сил-то как раз природа Виче и не оставила».

Необычное поведение приехавшего хозяина удивило собак. Скинув на пол одежду, в которой провел почти сутки, он отправился прямо в ванную комнату, позабыв выпустить их на улицу. Разорвавший тишину ночи телефонный звонок выдернул его из душа.

Разбрызгивая воду по коридору, он подбежал к аппарату.

— Говорите!

В телефоне послышался монотонный голос семейного адвоката:

— У вашей жены начало резко падать давление. Похоже, она умирает. Вам нужно срочно приехать.

* * *

Виче становилось хуже с каждой секундой. В горле устрашающе kloкотало, и уже вся раковина была наполнена кровью. Она не хотела верить тому, что видела. Ведь они только что вернулись с Ямайки, отдохнувшие и окрепшие. Она думала, что теперь у нее хватит сил пережить недолгую балтиморскую зиму. Но ее организм решил по-другому. Она чувствовала резкую нехватку воздуха. В глазах начинало темнеть.

«Услышал ли Дича мой зов о помощи? Где же мой любимый?!»

Обратный отсчет

Голос семейного адвоката пропал. В телефонной трубке повисла шуршащая тишина. В этой стране невозможно уловить момент, когда твой собеседник вешает трубку. Вместо привычных коротких гудков о конце разговора возвещает тишина или в лучшем случае статическое потрескивание.

Бася вился под ногами, то и дело ступая в мокрые следы хозяина. Теперь весь пол был усыпан отпечатками его лапок. Все еще держа трубку у уха, хозяин быстро вытерся и начал одеваться.

— Только обязательно дождись меня! — молил он свою любимую. — Мне так много надо успеть сказать!

«Пусть говорят, что она ничего не чувствует и не слышит. Откуда они это могут знать?! Человеческий мозг — большая загадка, и никто не знает, что происходит с человеком в коме. Вича должна выслушать меня, во что бы то ни стало!» — лихорадочно думал он, ведя машину.

На трассе было пусто, и она осталась позади за считанные минуты. Город встретил пустынными улицами и бессмысленными для такого часа светофорами. Их ненавистные красные огни крали драгоценные минуты.

«Ты же знаешь, что беседа с полицейским украдет еще больше времени, а с нашей «удачей» в неотвратимости такой беседы нет никакого сомнения», — подсказывал внутренний голос.

На очередном светофоре что-то надломилось в душе, и машина рванула на красный свет...

В тринадцатом боксе стоял семейный адвокат и что-то нашептывал себе под нос. Он вздрогнул от неожиданности, когда в бокс вихрем влетел муж пациентки.

— Я же просил! Она не католичка! — закричал он с порога. — Неужели трудно понять?

Взглянув на тревожно плачущий кардиомонитор, мужчина осекся. Индикатор верхнего давления приближался к пятидесяти.

— Дэнис, вы же понимаете, что Вироника уже не в состоянии эффективно снабжать свои органы кислородом, — слышался за спиной чей-то голос.

— Максимальные лечебные дозы медикаментов, поддерживающие ее сердце, больше не работают, — продолжал дежурный врач, встав рядом с ним. — И повышать их мы уже не можем.

— Группа из ассоциации «Подари Жизнь» хотела бы побеседовать с вами, — спокойным голосом, как будто бы ничего не случилось, произнес семейный адвокат, уступая место у изголовья больной.

— Что?! Еще одна религиозная секта?

— Нет-нет! Это медицинская организация.

В дверях появилась крупная женщина:

— Я сожалею о том, что произошло с Вироникой. Врачи сообщили нам, что они бессильны помочь вашей жене, но сама Вироника может помочь другим, если станет донором, — раскатам ее громового голоса было тесно в небольшом боксе.

— Донором?! — не скрывая удивления, переспросил муж пациентки. — Но ведь у нее генетическое заболевание. Кому нужны ее органы?

— Ее анализы показывают, что функции почек и печени в норме, а если высокая доза кардиостимуляторов не окажет токсического эффекта, то и сердце может кого-то спасти.

— Да, но у нее были в почках камни!

— Похоже, что больше камней не осталось, — пророкотала женщина.

Дича не мог поверить в такую несправедливость. Буквально прошлой осенью, когда они снова ездили в Южную Каролину, в знакомый уже курортный городок, у Вичи начал болеть бок. Она думала, что опять прихватило легкое, но спустя неделю у нее неожиданно вышел камень. Очевидно, восьмичасовая тряска в автомобиле сдвинула камень с места, а вечерние посиделки в горячей джакузи помогли продвижению камня наружу...

— Вот видишь! Твой ежедневный травяной чай сделал свое дело. И тот камень был последним, — погладил Дича плечико жены.

Он горько размышлял о превратностях судьбы. Получалось, что Вича старалась не только для себя, но и для того, кого спасут ее ухоженные почки. В боксе повисла неловкая тишина. От него ждали ответа.

— Я не вижу в этом ничего плохого. Очередь моей жены на пе-

пересадку легких давно подошла, но она все не решалась на операцию. Если она могла получить чьи-то легкие, я не вижу причины, почему она не могла бы тоже помочь кому-то.

— С этого момента вы не несете никаких финансовых обязательств перед больницей, хотя и будете находиться здесь, пока ищут реципиентов! — обрадовано сообщила громогласная представительница ассоциации «Подари жизнь».

— Как долго? — с надеждой на отсрочку спросил Дича.

— До понедельника, когда все операционные будут работать в полном режиме. А сейчас нам нужно закончить с формальностями.

— Вот видишь, у нас есть еще два дня! — прошептал Дича своей малышке.

Его пригласили в ту самую комнату, где сутками раньше убили призрачную надежду на Вичино пробуждение. После того, как бумаги о дарении органов были заполнены, представительница донорской организации положила перед ним большой медальон.

— Этот медальон принадлежит теперь Вирони́ке. За ее геройское желание помочь смертельно больным людям.

С медальона на Дичу смотрело золотое древо жизни на скорбно-черном фоне. Борясь с подступающими слезами, он думал, что все бы отдал, чтобы этот медальон вручили тому, чьи легкие предназначались бы для его любимой.

«Вича ты Вича! Как я упустил тебя? Почему не настоял на пересадке раньше? Ведь был же шанс!» — корил он себя.

Еще этой весной наблюдавший ее хирург предупреждал, что тянуть нельзя, что следующее кровотечение может стать последним:

— Легкие придется ждать около двух месяцев. И я не уверен, что у нас есть эти два месяца!

— Зачем? — испугалась тогда Вича. — Ведь я чувствую себя лучше день ото дня. Придет лето, и я буду снова здорова, как в прошлом году!

— Врач знает, что говорит! — убеждал ее Дича.

И тут она застала его врасплох:

— Вот если ты сейчас скажешь, что надо, тогда я соглашусь!

— Ну, если хочешь подождать до лета, давай попробуем, — пошел он на попятную.

Теперь он не простит себе той минутной слабости до конца своих дней. Хоть хирург и ошибся в деталях, он оказался прав в главном. Вича прожила не два месяца, а семь, да и кровь из легких шла еще не раз, но это кровотечение, похоже, стало последним.

— Следующей весной у нас будет ежегодное чествование всех доноров, ушедших от нас в этом году, — вернул его в скорбную действительность басовитый женский голос. — Имя Вирони́ки будет увековечено на Стене Чести, которая находится на первом эта-

же главного корпуса больницы...

Как только все формальности были соблюдены, медсестры ассоциации «Подари Жизнь» оккупировали тринадцатый бокс и начали подключать одну за другой капельницы с растворами, составленными уже не для лечения, а для поддержания организма как носителя донорских органов. Сердце Вичи забило веселее, показатели на мониторах стали возвращаться в норму.

* * *

Вича вновь была в прошлом декабре. Сознание быстро возвращалось и ей становилось легче с каждой минутой. Привезенный «скорой» кислород творил чудеса. Она уже отчетливо понимала, что находится у себя дома, и ясно различала склонившееся над ней испуганное лицо мужа. Вича вспомнила, как он оттащил ее от полной крови раковины и уложил на кровать. В тот момент ей казалось, что все это происходит не с ней, и что она наблюдает за всем со стороны.

Поток живительного кислорода поставил все на свои места. Она слабо подняла руку и погладила Дичу по щеке.

— Не волнуйся, милый. Мне уже лучше.

Он прижался к ее ладони и печально улыбнулся.

— Тебя забирают в больницу, — после длинной паузы прошептал он дрожащими губами.

Она видела, что он держится из последних сил, и ненавидела себя за случившееся.

— В какую?

— В ближайшую.

— В этот гадюшник не поеду! Только в больницу Хопкинса!

Она увидела, как резко переменился Дича. Минута слабости прошла. Он снова был человеком действия. У него появилась новая задача. Нужно было, во что бы то ни стало уговорить парамедиков ехать в любимую Вичину больницу. Однако переговоры ни к чему не привели, и им пришлось провести ночь в местной лечебнице. Утром Вича подписала отказ от госпитализации, и Паша забрал их домой, но как мы уже знаем, ненадолго.

Тридцать шесть часов до срока

Когда бумажная работа по дарению органов закончилась, за окном уже была глубокая ночь. Машина плавно скользила по улицам города, выбираясь на автостраду. Среди потухших окон жилых кварталов одиночество ощущалось еще острее. Глубоко засевшая тоска постепенно начала вытесняться странным чувством облегчения. Трудно было понять, отчего именно оно возникло. То ли причиной были те два дня, которые давали Виче еще один шанс про-

снуться, то ли то, что в конце своего тяжелого сражения с болезнью она поможет таким же, как она сама, бойцам с тяжелыми недугами. А может, душу грело то, что ее имя навсегда останется в стенах больницы, которой она была так преданна. А скорее всего, все вместе взятое...

Среди ночи Дичу разбудил кот. Он истошно орал, как будто кто-то тянул его за хвост. Слушая кошачьи вопли, сразу вспомнилось, что в последнее время Виче все чаще снился этот горлопан и что добром это обычно не кончалось — днем у нее шла горлом кровь. Вича перестала рассказывать о своих снах, чтобы, не дай бог, они не сбылись. Но это мало помогало. Тогда она стала записывать сны на клочках бумаги и торопливо сжигать их в туалете.

— Успеть надо до полудня! — объясняла она. — Иначе сон вступает в силу.

Работало это или нет, трудно сказать, но психологически наверняка помогало.

— Я уже не спрашиваю, что тебе приснилось! — учуяв запах гари, говорил Дича. — Может, сделаем его уличным котом? Держат же другие котов на улице. Пусть только жрать домой приходит.

— Он всю жизнь жил в доме, ну как мы его выгоним?! Я лучше с ним поговорю.

В тот день у Вичи с котом состоялся серьезный разговор.

— Еще раз приснишься, станешь котом, который гуляет сам по себе! — строго смотрела она ему в глаза.

Кот понимал ее, но по-другому поступить не мог. Он должен был предупреждать хозяйку об опасности!

«Такой же понимающий, но настырный взгляд я уже где-то видела!» — думала Вича, проваливаясь в пучину упрямых кошачьих глаз.

Вот уже третий день Венди и Дерек пробирались на восток. Они шли ночами, а в дневные часы скрывались от посторонних глаз в лесу и отдыхали. В один из таких привалов на опушку вышла кошка, с которой Венди делила свое ложе на кухне в замке герцога, и, как ни в чем не бывало, стала тереться о ее ноги. Девушка взяла свою питомицу на руки и заглянула ей в глаза.

— Уходи, милая, откуда пришла! Что, как меня не станет? Съедят тебя тут лисы с волками! — Она опустила кошку на землю и слегка подтолкнула в сторону дороги.

Она не знала, сколько еще протянет, но знала, что недолго. Их переходы становились короче, а остановки длиннее. Днями Дерек ходил в близлежащие деревни в поисках провианта. Придворный лекарь умолчал о пропаже сына, и его пока не искали. Но это невнимание не могло длиться вечно, им нужно было спешить. Однако их

продвижение замедлялось с каждым часом. Венди уже еле шевелила ногами, и юноша все чаще нес ее на руках. У нее начался жар, не отпускавший даже ночью. Целуя Венди, Дерек все чаще ощущал привкус крови на ее потрескавшихся губах. На последнем привале он истратил остатки монет на коровье масло и аккуратно смазал покрытые кровяной коростой губы любимой. Она слабо улыбалась в ответ и целовала его заботливые пальцы, несущие облегчение.

Устав от ночного перехода, они отдыхали на цветущей поляне. Несмотря на теплый день, девушку бил озноб. Дерек сидел, прислонившись к дереву, и смешино морщил нос, жмурясь на яркое солнце. Прижавшись к нему, Венди смотрела на своего любимого и не хотела покидать мир, в котором был он. Сквозь густые заросли за помощницей кухарки следили чьи-то заботливые глаза. Девушка обернулась. Кошка не шелохнулась. Она настырно смотрела Венди в глаза, как будто говорила: «Я сама вольна в своих решениях! И никто мне не указ!..»

~ ~ ~

Вича потрянула головой, отгоняя непрошеное видение. Кот вздрогнул от неожиданности и чуть не оцарапал хозяйку. Пошел ли тот разговор впрок, трудно сказать, но Дича перестал замечать запах гари по утрам...

Наступало лето, и Вича набиралась сил с каждым днем. Кошачьи страхи позабылись. Кровь в мокроте появлялась все реже, и тревоги потихоньку отступили. Она все чаще обходилась без кислорода и стала подумывать о вылазке на ближайший пляж. Так, спустя много лет, они снова оказались на балтиморском заливе.

— По-моему тут мусора прибавилось, — заметила Вича.

— Кто бы удивлялся! Это закон природы! — ответил Дича. — Разве не видишь, как почернел здешний контингент!

— Да еще и плюнуть где! — присвистнул Паша, глядя на забитый до отказа пляж. — Видно, дальние поездки на океан при подорожавшем бензине стали кусаться!

— Кто о чем, а вшивый все о бане! — заметила Вича. — Ты можешь хоть здесь не думать о бабках!

— О бабках могу, а о деньгах нет! — пыхтел, нагружая себя, Паша.

Мужчины долго бродили в поисках подходящего места. Вича сидела поодаль на лавочке и жестами руководила поисками. Задача осложнялась тяжелым кулером, где вместо обычных пива и лимонада лежал кислородный баллон. Нагруженные как верблюды, они, наконец, нашли свободное место и разложили шезлонги. К всеобщей радости, Вича смогла, пусть и с остановками, но своим ходом

добраться до лежаков. Отдышавшись, она впервые за последнее время улыбнулась. Даже тень от пляжного зонта не могла скрыть счастья, которым светилось ее лицо. В тот день у нее появилась надежда — надежда на то, что с наступлением лета жизнь вернется в прежнее русло. Это был один из немногих радостных дней последних месяцев.

К полудню Вича совсем осмелела и, взяв Дичу с Пашей под руки, зашла в воду. Она медленно присела на мелководье и, зачерпнув со дна песок, задумчиво пропускала его сквозь дрожащие от восторга пальцы. Муж сидел рядом и не мог отвести от нее счастливых глаз. Но счастье было недолгим. Когда они вернулись к шезлонгам, там не оказалось полотенец и кулера. На все вопросы окружающие негры лишь пожимали плечами. Вича заметно занервничала.

— Что же я буду делать без кислорода, если вдруг пойдет кровь!

— Ничего страшного, возьмем у спасателей, — показал Дича на ближайшую вышку с парнем в красной форме.

— Нет! Я тут не останусь ни минуты! Скорее домой!

Всю обратную дорогу Вича не проронила ни слова. Она сидела, не шелохнувшись, со страхом прислушивалась к себе. Ее напряжение ощущалось на расстоянии. Это был самый долгий час в жизни друзей, хоть они и летели по трассе, превышая скорость. Дича проклинал тех, кто украл баллон, и гуманизм в этот момент напрочь отсутствовал в его пожеланиях. Вору несканзано повезло, что не его проклятия настигли их первыми.

Пляжные воришки в это время разбирали свой улов. Расстроенные, что тяжелый кулер не был доверху набит пивом, они выложили зеленый баллон и в сердцах бросили его к масляным тряпкам в багажник.

— Пойдет какому-нибудь аквалангисту, — распрощавшись с мечтами о холодненьком пивке, сплюнул главарь.

Громко захлопнув багажник, они вернулись на пляж за новой добычей. Кто мог знать, что оставленный в багажнике баллон не имеет к подводному снаряжению никакого отношения? Куда более образованные люди не имеют понятия о зеленой маркировке кислорода в Америке.

Когда машина была доверху забита пляжными трофеями, бригада воришек отправилась к знакомому барыге. В раскаленном на солнце багажнике баллон с трудом удерживал в себе взрывоопасный газ. Громкий рэп, наполнявший салон автомобиля, заглушал слабый свист подтравливающего клапана. Нагретый кислород тонкой струйкой вырывался наружу. Машина тем временем заехала в бандитский квартал и пробиралась сквозь выбоины и трещины в

асфальте к дому барыги.

Раздувающий щеки баллон подпрыгивал и все глубже зарывался в промасленную ветошь. Вот нос баллона коснулся жирного пятна и недовольно фыркнул. Громоподобный взрыв сотряс окрестные дома. Послышался звон выбитых окон. Со всех сторон заверещала сигнализация припаркованных машин – это разгневанный баллон снарядом прошел сквозь заднее сиденье, ворвался в салон и выплеснул наружу все свое негодование.

Крыша автомобиля в одно мгновение раскрылась рваными металлическими лепестками. Выглянувшие на шум обитатели квартала увидели под окнами дымящийся бутон железного тюльпана с мясисто-кровавой сердцевинкой...

— Вовремя уехали, — сказал Паша. — Похоже, гроза начинается.

Но Вича даже ухом не повела. Она неотрывно смотрела на дорогу и молила свои легкие потерпеть до дома.

Больше ее на пляж было не вытянуть.

— Смотри, как здорово ты себя стала чувствовать! — радовался Дича. — Может, съездим-таки на залив?

— Зачем? Позорится? — показывала она на выпяченный живот.

— Давай сходим к хирургу. Если опять что-то растет, так убежим! Нам не привыкать!

— Я не думаю, что достаточно окрепла для операции...

Вопли кота под дверью прервали воспоминания не на самом приятном месте.

— Как ему это удастся? Почему он всегда там, где одни неприятности?

А в том, что кот приносил не только мистические неприятности, но и реальные, Дича убедился, когда убирался за ним. Кот с интересом наблюдал, как хозяин занимается непривычным для себя делом и неуклюже чистит его лоток.

«Как я не замечал этого раньше?» — качал головой Дича.

Каждое движение совка сквозь искусственный песок поднимало густой столб пыли. Песчаное облако висело в воздухе и щекотало ноздри, пробивая себе дорогу вглубь дыхательных путей...

Дича провалился в тревожный сон, только когда кот успокоился. Ему снилось, что Вичу привели к корейскому целителю, у которого любили лечиться таксисты.

— М-м-может сходишь к нему! — советовал Виче бывший сменщик Тимохи.

— А он что, генной терапией занимается? — был саркастичский ответ.

И вот теперь от безысходности она, наконец, согласилась. Кореец, осмотрев пациентку, сказал, что сможет спасти только одно

легкое. Не прошло и минуты, как Вича порозовела. Она стояла и улыбалась, несмотря на то, что ее поливали из кастрюли крутым кипятком.

— Этого не может быть! — удивился Дича. — Она же позабыла, что такое горячий душ, после того как заметила, что от него появляется кровь в мокроте.

Вслед за кипятком на Вичу посыпались тонюсенькие макароны и стали ложиться эполетами на ее плечи. Протерев пальцами запотевшие от пара очки Дича увидел, что «макаронами» были белые мочалистые корешки подорожника. Волшебный отвар из корешков превратил Вичу в молоденькую неокрепшую девушку, а чудодейственный пар явил вместо корейца стройного юношу в странном кафтане с рюшечками на рукавах.

Он продолжал поливать обнаженную девушку горячей водой и о чем-то жарко рассказывал на незнакомом, но, как ни странно, понятном языке.

— Хотел притащить сюда лохань, в которой моются фрейлины, но она оказалось слишком громоздкой, — доносилось из горячего тумана, — и не пролезла через винтовую лестницу, а по улице я нести не рискнул!

— Ничего страшного, любимый. В котле даже удобней, — прозвучало в ответ с тяжелым придыханием.

Только теперь стало заметно, что девушка еле дышит. Она стояла в огромном закопченном чане, вцепившись в края побелевшими от напряжения пальцами, и на ее истощенном теле можно было сосчитать каждое ребрышко. Руки девушки дрожали, и было видно, что она держится из последних сил.

Эта картина показалась до боли знакомой.

~ ~ ~

«А ведь девушка очень похожа на Вичу!» — видя этот странный сон во сне, Дича без чьих либо объяснений знал, что здесь происходит.

Девушка была слишком слаба, чтобы ходить на реку вместе со всей челядью, а мыться в замке до наступления холодов слугам запрещалось. Поэтому-то она и моется тайком на кухне, где, кстати, и живет.

Тем временем юноша пытался развеселить девушку:

— Хорошо, что герцог не знает, что в этом котле готовится ночью! А то бы обязательно пришел полюбоваться на мою нимфу!

Густой пар от очередной порции горячей воды скрыл за собой средневековую кухню...

~ ~ ~

Когда пар рассеялся, Вича снова была на приеме у корейца. Несмотря на странное лечение, безмерное счастье наполнило душу: «Теперь у нас будет время дожидаться донорских легких, и моя любимая сможет наконец-то узнать, что такое жизнь без ежедневного кашля!»

Эти мысли прервал требовательный звонок в дверь очередного клиента восточного целителя...

Пока рука тянулась к будильнику, в носу защипало. Холодная реальность вонзилась в сердце зазубренным клинком.

— Прости, прости, прости! — Надрывный шепот заглушала влажная от слез подушка.

Тридцать два часа до срока

Весь путь до больницы был омрачен чувством обманутой надежды, подаренной странным сном.

В тринадцатом боксе уже находился посетитель. Зосим сидел рядом с дочерью и держал ее за похудевшую, почти невесомую, руку.

— Самое страшное позади, самое страшное позади, — шептал Зосим как заведенный.

— О чем это вы?

— О том, что нам самим не надо принимать решение об отключении Никули от аппарата. Природа сделала это за нас!

В этом он был весь. Вича не раз говорила, что за отца все всегда решала мать, и его жизнь текла легко и спокойно. Многие мужчины занимают такую же жизненную позицию, хотя мало кто в этом признается. Однажды вкусив безответственности в армии, они находят покой в этой вязкой рутине, когда за тебя думают и решают другие.

Ничего не ответив тестю, Дича склонился над Вичей и открыл ей тайну:

— Знаешь, любимая, а ведь у нас для тебя сюрприз. Помнишь то дорожущее кольцо с опалами, которым ты бредила? Так вот, мы сложились с Пашей и папой и купили его тебе на Новый год. Это будет нечестно с твоей стороны, если ты уйдешь от нас, так и не порадовавшись ему. Ну, пожалуйста, просыпайся! Вон и папа уже с утра ждет!

* * *

Рука отца грела Виче ладошку, совсем как в далеком детстве. Из рассказов сестры она знала, что Зосим не спускал ее с этих самых рук, когда та болела. Вича всегда чувствовала заботу и поддержку отца. Вот и сейчас она чувствовала его рядом, опять такого

же нервного и растерянного, как несколько дней назад, когда он сидел у них на кухне и пил одну чашку крепкого кофе за другой. В его уже налаженную и устроенную жизнь с другой женщиной снова ворвалась проклятая приживалка. Стоило ей появиться на пороге и Зосим, как зомби, в чем был в том и ушел за ней. Ни мольбы брошенной среди ночи женщины, ни увещевания родни не подействовали.

— Вот и не верь после этого в привороты! — загудела молва.

«А ведь действительно! — слишком поздно задумалась и Вича. — Не она ли стояла за всеми нашими несчастьями первых лет жизни в Америке? Похоже, стервятники начали собираться в предвкушении скорой добычи!»

— Доча! Налей-ка мне еще кофейку, — прервал ее страшные догадки отец.

Она встала и отошла к буфету. В его зеркальной дверце отразилась неожиданно изменившееся лицо отца. Сейчас, когда его никто не видел, нервозность и растерянность сменилась полной безучастностью. Вича в спину смотрели полные тоски и обреченности глаза человека, не ждущего от жизни уже ничего.

«Как я ее упустила? — сокрушалась Вича. — Ведь эта стерва не раз бросала здесь отца и по полгода гуляла в Питере на его же деньги! Нужно было приговорить ее еще тогда, когда она была в другой части света, и папу бы не зацепило!»

Она подала отцу кофе и придвинулась поближе.

«Он ведь уже далеко не мальчик, — думала она, глядя на дрожжащую кружку в его руках. — Кто позаботится о нем? У меня сил становится все меньше, мне его просто не потянуть!»

— Не смей уходить к приживалке! — неожиданно вырвалось у нее. — Не дай бог с тобой что-нибудь случится, она сразу же смоемся, и останешься один как перст!

Конечно, не так она представляла себе свой последний разговор с отцом, но жизнь играет по своим правилам, и никто не в силах их изменить. Вича надеялась, что одно из ее последних посланий на родину поможет вырвать отца из лап этой стяжательницы. Как только приживалка в очередной раз бросит его, в Питере ее будет ждать послание, отправленное сразу же после разговора с отцом.

Тем вечером Вича выкопала из кошачьего песка давно зарытую фотокарточку. При виде истлевшего фото приживалки перед ней возник знакомый образ огромной собаки. Волкодав вцепился в катающуюся по земле медведицу и, злобно урча, косился в сторону стоявшей поодаль женщины в черном. Мгновение — и перед глазами уже была не медведица, а та, кому предназначалось послание.

— Отпусти ее. Я думаю, достаточно.

Пес послушно разжал челюсти, выпуская пожеванную ляжку.

Вилия обрубком хвоста, он весело подбежал к женщине в черном балахоне и уткнулся мордой в ее открытые ладони. Ничего не понимающие хозяева собаки стояли в стороне и никак не могли решиться окликнуть ее. Это был и их, и не их пес. Они никогда не видели и вряд ли когда-нибудь снова увидят, чтобы их зверюга так восторженно виляла хвостом.

«Все это, возможно, случится. Но как знать? Не сообразится ли мое послание с курса над капризной Атлантикой?» — крошила Вича истлевшую фотокарточку обратно в кошачий лоток...

Плачущий Зосим не выдержал траурной обстановки в боксе и ушел, не проронив больше ни слова. Что-то в глубине сознания подсказывало Виче, что они еще увидятся. Но можно ли теперь доверять своей интуиции? Ведь в тот день, провожая издерганного отца, она тоже знала, что обязательно встретится с ним, когда тот будет провожать их в Мексику. Но к вечеру эта уверенность испарилась.

После ухода Зосима пришли соседи, и все вместе, по давно заведенной традиции, стали просматривать видеозаписи их прошлогоднего отдыха на Ямайке. Эти просмотры подслащивали предвкушение приближающегося отпуска. Вича боялась смотреть записи, сделанные в рассаднике Вуду: «Но как я смогу объяснить это мужу и друзьям?»

Полгода назад она, конечно, настояла бы на своем, но сейчас, когда она выкарабкалась из своих болячек и чувствовала прилив сил, понадеялась, что справится с надвигающейся угрозой. На экране тем временем появилась толстенная торговка-негритянка, и комната тут же стала наполняться густыми клубами черной энергии. Слишком поздно Вича осознала свой просчет...

Зрители радостно делились воспоминаниями, навеванными веселыми сценами из прошлого отпуска. Их разговор плавно перетек в обсуждение предстоящей поездки, которая обещала быть еще лучше предыдущей. Увлеченные своими мечтаниями, они не заметили, как переменялась в лице Вича. Она поняла, что отпуск этот так и останется мечтами.

«Да, — обреченно думала Вича, — я отправлюсь в путешествие, но путешествие это будет совсем в другую сторону»...

Двадцать часов до срока

За окном уже стемнело. В боксе зажгли свет.

— Весь этаж готовится к футболу! — оживил обстановку приехавший Паша и включил висящий под потолком телевизор.

Это был очередной воскресный вечер всего мужского населения Америки — начинались игры по американскому футболу. Сегодня балтиморские «Вороны» принимали соседей из столицы. Ва-

шингтонские «Краснокожие» были настроены агрессивно, как и подобало индейцам на тропе войны, так что матч обещал быть интересным. Во всех боксах телевизоры не выключались целый день, и бесконечные прогнозы и обсуждения предстоящей игры лавиной лились с голубых экранов.

Паша незаметно прибавлял звук, пока бодрый голос спортивного обозревателя не оторвал друга от черных мыслей. Увидев на экране Вашингтон, Дича вспомнил, как расстроилась Вича, узнав, что ее любимая певица приезжает с концертом в столицу как раз в то время, когда они будут в Мексике.

— Все твои переживания оказались напрасны, — прошептал он своей малышке. — Видишь, как получилось. Ты не попала ни на море, ни на концерт. Нет в этом мире справедливости!

Перебирая волосы жены, Дича невидящим взглядом смотрел в телевизор.

— А выступление уже вовсю идет, — заикнулся он на пропущенном концерте. — И там наверняка поют твой любимый «Морячок».

Он не заметил, как переключился на игру и втянулся в происходящее на поле. Окружающая обстановка начала походить на плохой сон. В какой-то момент ему показалось, что Вича, как обычно, занята своими делами или просто тихо лежит и дремлет. Она никогда не отвлекала его от футбола, это было единственное, что могло заставить мужа прильнуть к телеэкрану, и эти несколько часов всегда были его. Зато все остальное время Вича была полностью хозяйкой пульта управления, и муж никогда не посягал на ее права.

Сейчас Дича смотрел, как балтиморская команда уверенно ведет в счете, и это не приносило ему радости. Он склонился к Вичиному уху и прошептал:

— Ну, давай, порадуйся за наших. Где твоё «оле-оле-оле»?

Сглотнув предательские слезы, Дича вспомнил, как они с Вичей сидели, обнявшись перед телевизором, и дружно качались из стороны в сторону, громко распевая свое «оле», подбадривая победное шествие их любимого «Зенита» по Европе. В те времена Вича с детским задором дразнила соседа распевкой собственного сочинения:

У болел за Динамо́

Больше чем свистулька?

Ноу!

Ноу-ноу-ноу! Оле-оле-оле!

Как свисток! Оле-оле-оле!

В ответ Паша забавно обижался за свою киевскую команду, и спор, чей клуб лучше, разгорался с новой силой.

— Скорее просыпайся! — молил ее Дича. — Так как ты никто не сумеет отстоять наш «Зенит»?

Но Вича молчала, давая понять, что команда их родного города теряет одну из самых преданных болельщиц.

Шестнадцать часов до срока

В полночь всех посетителей выставили из реанимации. Приехав домой, Паша с Дичей распрощались и разошлись по темным домам. И если одного ждало сонное семейство, то другого встретило холодное одиночество.

Ключ застыл в руке. Заходить совсем не хотелось, хоть ночуй на улице.

«Зачем мне эти хоромы одному?»

Агрессивное рычание за дверью вывело из раздумий. На нижнем этаже был переполох. Нервная мамаша никого не подпускала к щенячьей коробке. Щенок каким-то образом вывалился из своего убежища и призывно пищал на холодном полу. В теплых руках слепой кутеныш сразу утих и, вцепившись беззубым ртом в палец, начал его сосать.

— А ведь тебя не должно было быть. Мы хотели дать твоей мамке отдохнуть, да видно, наша хозяйшкa не углядела за твоими родителями, — ласковый голос хозяина успокоил нервно урчавшую Пешу.

В последнее время Вича и так с трудом управлялась с собаками, а тут приходилось выпускать их на улицу поодиночке. Скорее всего, она не удержала одного из них в доме, пока выпускала другого, и ведь никому не сказала!

«Этот пушистый слепыш, возможно, еще помнит ее руки, — накатила тоска. — Но боюсь, он вряд ли увидит ту, благодаря которой появился на свет».

Горестные мысли не подпускали сон.

«Эта последняя ночь! Последняя ночь моей Вичи с нами. Затем придет расставание, расставание навсегда. Всю жизнь она убегала от своей болезни, но, в конце концов, жестокий недуг настиг ее. Эта гонка на выживание была погоней лисы за зайцем в открытом поле, где у зайца есть только два выбора, как принять смерть. Бежать из последних сил и упасть замертво, не доставив преследователю удовольствия отведать свежей плоти, или замереть в ступоре и закончить все быстро, но при этом чувствовать, как клыки хищника впиваются в живое тело».

Моя Вича выбрала первый путь! Она пыталась убежать от своего недуга как можно дальше, зная, что конец все равно неминуем. Обычным людям трудно представить себе, как страшно жить без будущего. Без будущего просто нет жизни! Так уж устроен чело-

век — он всегда планирует и загадывает наперед, живя мечтою о лучшем завтра. Наверное, поэтому моя малышка так долго оттягивала пересадку легких. Со своими истрепанными легкими она рисковала, но взамен получала надежду на жизнь до тех пор, пока организм в состоянии бороться. А бороться она умела! С донорскими же легкими эта благая неизвестность заменялась безрадостной статистикой, которая гласит, что дольше пяти лет выживают лишь два-три человека из десяти. Вича рискнула и проиграла в этом безжалостном казино под названием «жизнь». Ну а что до всевышнего крупье, так он сам себе судья»...

Восемь часов до срока

С самого утра бокс номер тринадцать был полон народу. Здесь находились многие из тех, кто принимал участие в судьбе пациентки в последние дни. У всех этих людей с мрачными лицами была общая цель — убедиться самим и убедить родственников больной в том, что надежды на спасения больше нет. Предстояло провести несколько тестов, главными из которых были оценка на самостоятельное дыхание и кашлевой рефлекс.

По команде заведующего выключили аппарат искусственного дыхания. Тикали секунды, но ни один мускул не дрогнул на лице пациентки. Она безмятежно лежала, совсем не заботясь об отсутствии воздуха в своих легких. Невропатолог пошевелил торчащую из горла больной дыхательную трубку, пытаясь вызвать кашлевой рефлекс. Кашлять пациентка тоже не хотела. Всю свою жизнь она исправно откашливалась каждое утро. Каждое, но только не это! Через минуту за нее вновь дышал аппарат.

* * *

Виче снова снилась бронхоскопия. Картина этой неприятной процедуры часто посещала ее сон, особенно когда ей не хватало воздуха. Трубка, через которую врач осматривал ее легкие, раздражала горло и вызывала неконтролируемый кашель. Она пыталась проснуться, но зловещий сон не отпускал.

Свистящие хрипы разбудили мужа. Он вскочил и растолкал жену. Включив свет, увидел потерянный взгляд своей любимой. Она беззвучно шевелила посиневшими губами и тянулась к канюле кислородного генератора. Дича усадил ее и подпер спину подушками. Вставив ей в нос канюлю, он побежал к генератору и включил подачу кислорода. Бьющая в нос струя вернула Вичу к жизни.

— Может, съездим в больницу? — с тревогой в голосе спросил он.

— Не надо! Я сама виновата. Решила, что могу обойтись без кислорода, вот и поплатилась. Лучше убавь струю, а то обжигает нос.

Дича вышел в коридор перенастраивать генератор.

— Да и некогда мне болеть! — прокричала вслед жена вернувшимся голосом.

Действительно, времени хворать совсем не было. С пола на нее с укором смотрели пустые чемоданы, с нетерпением ожидавшие поездки в Мексику. А с календаря красным квадратиком подмигивал приближающийся День благодарения.

Утром Дича позвонил на работу и взял отгул, чтобы присмотреть за своей болячкой. А Вича болеть и не собиралась. Сидя на кухне, она усердно перелистывала свои поваренные книги в поисках нового рецепта приготовления праздничной индейки. Здесь эту птицу почему-то называли турчанкой. Наверное, из соображений все той же политкорректности, на которой все были помешаны. Ну, или просто делали вид, что не хотят задеть чувства индейцев. О чувствах турок никто не думал — они далеко, а индейские резервации вон они, под боком!

К Дню благодарения Вича немного раздышалась и уже с утра пропадала у соседей на кухне. Она всегда любила готовить праздничные столы. Несмотря на неважное самочувствие, она уже успела нафаршировать индейку-турчанку гречневой кашей с черносливом и засунуть дичь в духовку. Оставив птицу на попечение соседки, она вернулась домой уставшая, но довольная.

За пару часов, оставшихся до застолья, ей нужно было успеть отдохнуть и нарисовать себе личико. Когда наряженные и красивые Дича с Вичей пришли на праздник, соседский дом уже был полон народа. Разношерстная компания долго не раскачивалась и сразу же набросилась на хрустевшую корочкой индейку. Вича с радостью принимала комплименты своему кулинарному таланту.

Однако одному из гостей, привыкшему быть центром внимания, это не понравилось, и он поспешил распушить свой павлиний хвост. На каждой вечеринке этот тип не забывал всем напомнить, что перед тем, как стать таксистом, он работал танцором в стриптиз-клубе. Вот и сегодня не преминул продемонстрировать свое искусство. Надув грудь, он начал играть мышцами под футболкой, размер которой намеренно был на два размера меньше.

— Он себя в зеркало-то видел? — спросила Вича так, чтобы подвыпивший стриптизер услышал.

— Да я! Да у меня! — полез в бутылку оскорбленный эталон мужской красоты, брызжа через стол слюной.

Бывший продавец своих играющих мышц вскочил и попытался стянуть крепко сидевшую на нем футболку. Невеста «Аполлона» еле сдерживала его, не давая разгуляться. Поняв, что стриптиз не получится, тот сник и плюхнулся обратно на стул. Хлопнув очередную стопку водки, он обнял свою подружку и начал делать вид,

что внимательно слушает ее яростный шепот о правилах хорошего тона.

— На месте этого качка я бы давно собрала чемоданы и бежала от нее без оглядки, — как-то поделилась с друзьями Вича. — Только слепой не видит, что над ней висит венец безбрачия.

История избранницы стриптизера-таксиста не внушала оптимизма. Ее мужа зарезали в пьяной драке, а сестра так вообще уже была дважды вдовой. Темные слухи ходили и о смерти их отца. Да и мальчики в их семьях не рождались. Ничего хорошего мужчин в таком семействе не ожидало. Поэтому Вича не обращала внимания на его откровенное хамство и пьяные выходки.

«Забудь! Нечего тратить на него свои силы, которых и так кот наплакал. Его бы, по большому счету, надо пожалеть. Он уже обречен!»

Ее предсказание не заставило долго ждать. Одной из тех ночей, когда сама она уже лежала в коме, к таксисту-стриптизеру на заправочной станции подошел обдолбанный негр и потребовал пару долларов на поправку здоровья.

— А что, в зоопарке рацион уменьшили?! — пошутил наш мускулистый детина.

Да видно в этот раз он недооценил темпов эволюции. Примат неожиданно выдернул заправочный пистолет из бензобака такси и окатил «брата своего старшего» высокооктановым горючим. Потом, не пожалев тлеющего косяка марихуаны, бросил его в опешившего бледнолицего. Испугавшись огня, как и подобает дикой твари, он скрылся в каменных джунглях Балтимора. Несмотря на старания подоспевшего с огнетушителем работника заправки, эталон мужской красоты в ту ночь был серьезно подпорчен...

Ну а пока ни качок, ни Вича не догадывались о приближающихся ударах судьбы. Они были счастливы. Каждый по-своему. Вича была довольна, что может приносить близким не только проблемы и страдания, но и порадовать их своей стряпней. Бывший стриптизер в это время с наслаждением упивался одновременно и собой, и водкой. Когда алкогольные пары загнали все человеческое в дальний угол его сознания, на сцену выбрался самодовольный самец.

Воспоминания вернули отвергнутую звезду стриптиза в те забываемые времена, когда он как царь зверей vyhаживал среди визжащей толпы подвыпивших дамочек и выбирал себе лучшую львицу. Разгоряченные его видом девы томно порывивали и тянули к нему пушистые лапы. В первые ряды вырывались те, кто хотел похвастаться своим бесстыдством перед подругами. Конкуренцию им составляли одинокие женщины, уставшие от бесплотных мечтаний. Они желали прикоснуться к живой плоти, которая будет

жить в их окрашенных свежими красками мечтах до следующего визита сюда. В руках у них шуршали зеленые бумажки различного достоинства, служившие пропуском к манящим стрингам накаченного парня. Цепкий взгляд стриптизера вылавливал купюры, достоинство которых приличествовало его красоте. К ним-то он и направлял свои мускулистые и стройные стопы.

Предпочтение отдавалось постоянным клиенткам. Им он позволял больше, чем другим. Они не довольствовались одними лишь хлопками по его упругим ягодицам. Засовывая деньги за пояс его стрингов, могли коснуться самой разгоряченной части тела. Увидев это, зал взрывался, а дамы лезли в сумочки, возбужденно заменяя одни зеленые бумажки на другие, достоинством побольше.

«Вот это была жизнь! — умилялся таксист воспоминаниям. — Если бы не тот конфуз, он наслаждался бы такой жизнью и по сей день!»

С горечью и сожалением он окунулся в свой последний вечер невозвратимого счастья. Ничто не предвещало беды. Взгляд стриптизера как обычно скользил по шелестящей листве, произрастающей в лесу наманикюренных рук, пока не уперся в увядающий ствол, на котором весело играл зеленый листочек сотенной купюры. Ноги сами понесли его к подвыпившей леди не первой свежести. Нули на зеленом листочке делали толстый слой ее макияжа не таким заметным, а глубокое декольте с обвисшим содержимым не таким отталкивающим. Встав перед ней на колени, мускулистый парень откинулся назад, демонстрируя себя в лучшем свете. Не веря своему счастью, пьяная женщина схватила его за ягодицы и завизжала в экстазе. Зал подхватил ее вопли недвусмысленным улюлюканьем. Позабыв о руках потасканной львицы на своей заднице, царь зверей с тревогой смотрел на бесхозную сотню, упавшую на сцену.

В этот момент разгоряченная дамочка вошла в раж, взвыла как раненый зверь и рванула стринги вниз. Через мгновение в зале наступила гробовая тишина. Ошалевшая львица с ужасом смотрела на то, что выпало ей в руки из сорванных стрингов. Грохот упавшего тела вывел окружающих из оцепенения. На полу перед сценой живописно распласталась членовредительница со своей страшной добычей в руках. Подбежавшие охранники быстро привели ее в чувство и отобрали искусно сделанный муляж. Зал взорвался оглушительным хохотом. Убегая со сцены, стриптизер-неудачник сам заливался истерическим смехом...

Несмотря на этот инцидент, красота его тела была по достоинству оценена, и кто-то настойчиво приглашал его на фотосессию. Он сидел, погруженный в розовые грезы, и глупая улыбка играла на его лице.

— Пошли фотографироваться! — растолкала его подружка. — Сколько тебя можно звать?!

Сытые гости уже вывалились из-за стола и наперебой уступали друг другу место в первом ряду. Они все как один пытались поставить Вичу в середину их живописной группы. Но она вежливо отказывалась и пряталась за мужа.

— Никто не должен видеть мои глаза, — сказала она Диче, отворачиваясь от фотоаппарата. — Только ты!

По злой воле рока это был их последний снимок вместе. Фотография с той вечеринки запечатлела профиль смеющейся Вичи. Ее любящий взгляд принадлежал только ему. Когда гости расходились, она краем уха уловила чей-то озабоченный шепот:

— Наша Ника совсем плохо выглядит.

Это уже не так обижало ее, как раньше, и давно не пугало. Она знала, но не хотела признаваться себе, что уже давно, как говорят американцы, живет на время, взятое взаймы. Плата по долгам неотступно приближалась...

В тот вечер, придя из гостей, она зажгла свечу на журнальном столике в зале и собрала всех вокруг нее.

— День благодарения – семейный праздник! — объявила она. — В гостях хорошо, а дома лучше!

— А особенно в таком как наш! — обнял ее Дича.

Наигранная веселость хозяйки не обманула собак. Они жались к ее ногам и с тревогой заглядывали в глаза. Даже кот не орал, требуя внимания. Он запрыгнул на спинку дивана, где сидела Вича, положил ей голову на плечо и неожиданно замурлыкал. Она вздрогнула. Ее кот не был особенно ласков. Самое большее, чем он жаловал – было потереться о ноги. Совсем как кошачье мурлыканье внутри все затрепетало от предчувствия скорого расставания. Вича смотрела, как пламя свечи играет в глазах ее любимой семьи, и видела себя далеко от них... Внутри этого пламени...

Эпилог

Два часа до срока

Почти никто на земле не знает точного времени своего ухода. Никто, кроме пациентки бокса номер тринадцать. Окончание ее мучений было назначено на четыре часа дня в понедельник. Операционная была готова, и пациентку уже катили по коридору в сторону оперблока. В отличие от тесного бокса здесь гулял сквозняк, и приятный ветерок обдувал лицо, совсем как в ее последнее полнolie.

* * *

Стоя под лунным ветром, она отдавала свою энергию незримым сестрам, и вместе с ней отправляла им свои заклинания. Как потерявшийся в просторах океана матрос бросает в море бутылку с мольбой о помощи, так и гибнущая виккианская воительница доверяла воздушной стихии свои маленькие просьбы. Она умоляла сестер помочь ей в самый последний и страшный момент.

— Вам, не ведающим болезней, меня не понять. Но когда придет мой час, дайте мне легкой и быстрой смерти!

Вича знала, о чем просить. За годы, проведенные в больницах, она не раз видела, как долго и мучительно умирают люди с ее недугом. Это было выше ее сил — представлять себя беспомощно сидящей в инвалидном кресле, прикованной к кислородному баллону. Смотреть в страдающие глаза родных и близких. Медленно угасать и знать, что спасения нет. Она не хотела никого мучить...

Однажды Вича невзначай выдала свои страхи. Случилось это во время их последнего отпуска в Южной Каролине, куда они уже многие годы выезжали всей коммуной. В тот раз все прошло на удивление гладко. Они отдыхали и душой и телом. Никакие дурные мысли не беспокоили друзей, не в пример их первой вылазке и встрече с полицейским. Не беспокоили до тех пор, пока они не увидели ужасную картину на пляже.

Зрелый мужчина катил к океану свою полнотелую жену на плавающем инвалидном кресле с огромными надувными колесами. Та сидела и радовалась как ребенок. Мужчина зашел по колено в воду и отпустил ее мирно качаться на колесах-баллонах. Неожиданно набежавшая волна подбросила кресло и опрокинула его назад. Испуганное лицо женщины скрылось под водой. В ее глазах застыл ужас, крупные пузыри воздуха прорывались сквозь плотно сжатые губы. Плавающее кресло держало нижнюю часть ее тела на поверхности, прижимая голову ко дну. Подбежавшие отдыхающие помогли мужу вытащить грузную женщину на берег.

— Не дай Бог дожить до такого! — вырвалось у Вичи. — Уж лучше сразу умереть!

Слишком поздно она поняла, что натворила. Дича тут же изменился в лице, и до конца отпуска налет грусти уже не отпускал его. Она смотрела на мужа и не могла представить, через какие муки ему придется пройти, когда ее не станет...

— Пусть он будет рядом в мои последние минуты! — заклинала она сестер, и лунный ветер нежно подсушивал ее влажные глаза. — Я не могу позволить, чтобы мой любимый мучился мыслями о том, что будь он со мной, то спас бы меня от неминуемой гибели! Я помогаю вам, сестры, помогите же и вы мне. Когда я растворюсь в небытии, не оставляйте моего Дичу. Берегите его! Поддержите в трудностях и защитите от несчастий. Мои же силы на исходе и час мой близок!

Нет, Вича еще не сдавалась. Преодолевая страх, она готовилась к пересадке легких. Это могло отодвинуть неминуемое на год, на два, а если повезет, то и на пять лет. Как ни странно, везение играло не последнюю роль в успехе операции. Легкие — очень нежный орган. У врачей просто нет времени проверять их на совместимость с будущим реципиентом. Поэтому легкие подбирают по размеру и группе крови, а остальные факторы совместимости превращаются в лотерею. Вича тянула до последнего еще и потому, что боялась потерять свою силу.

«Смогут ли новые, генетически нормальные легкие пропускать сквозь себя потоки темной энергии? Что будет, если сестры останутся без моей поддержки? Пока я сама хожу, рисковать не стоит!» — убеждала она себя, не находя ответа.

Теперь ответить на эти вопросы ей уже вряд ли придется...

Виккианские сестры не забыли свою бесстрашную воительницу, они исполнили ее последние желания. Если верить врачам, то от быстрой потери крови сознание Вичи отключилось еще до того, как она стала чувствовать жестокое удушье, и ее Дича был рядом с ней до последнего вздоха. Не забыли они и о своем новом подопечном. Измученный за последние дни Дича дремал у кровати жены, когда видения последних минут жизни его малышки в который раз предстали перед глазами. Он снова боролся за ускользающую жизнь Вичи и снова проигрывал. Она снова была кулачком по одеялу и снова не могла вдохнуть! Она снова...

Тут картина замерла, и убаюкивающий голос любимой вернул его в прошлый декабрь: «Помнишь? Я тогда тоже потеряла сознание и очнулась в реанимации?»

Он вспомнил, как грустно она смеялась потом над разговорами о загробной жизни.

— Ничего там нет, — не то с жалостью, не то с печалью говорила она. — Только черная пустота.

Дича очнулся от дремоты и склонился над женой:

— Пусть, в этот раз ты тоже думала, что после черной пустоты опять очнешься в реанимации, — убеждал он ее и себя.

«По-другому нельзя! Нельзя, чтобы человек жил всю жизнь без надежды и ушел тоже без нее!» — взмолился он, поднимая глаза вверх.

Конечно, так было бы легче всем, а особенно его ненаглядной. Но какая мысль промелькнула последней в ее свесившейся набок как у обиженного цыпленка головке, никто никогда не узнает...

Один час до срока

Семейный адвокат пригласил мужа Вироники, а также ее отца и друга семьи в комнату ожидания. Там аккуратными стопками были сложены четыре комплекта стерильной униформы.

— Как только все хирургические бригады будут готовы, я отведу вас в оперблок, — сообщила старшая сестра.

Потекли невыносимые минуты ожидания. Четверо мужчин сидели во всем белом. Покруженный в себя Дича слышал только стук собственного сердца. Шум текущей по сосудам крови превращался в шелест падающих песчинок в часах Вичиной жизни. Теперь эти часы были в руках врачей, готовящих ее к донорскому подвигу. Не в силах больше слышать этот шелест Дича закрыл уши руками и к шуршанию песка добавился шум прибоя, который принес знакомый шепот.

— *Если мой недуг спалит меня, — шептал девичий голос, — обещай, что ты спалишь его вместе со мной!*

— *Тебе рано об этом думать, — успокаивал ее тоже знакомый голос, но уже юноши.*

Это были те самые голоса, что он слышал совсем недавно в своем странном сне с умыванием в котле на средневековой кухне. Теперь он знал их имена. Она звала его Дерек, он ее Венди. Вид девушки наводил на мрачные мысли. Похоже, дни ее были сочтены, и никакие силы на свете уже не смогут спасти ее. Изможденная нара только что вышла к берегу широкой реки. Унав под большой сосной, они тут же заснули, как брошенные волчата, зарывшись друг в друга.

Первым проснулся юноша. Его разбудили необычно шумные придыхания девушки. Его спутница дышала через силу. Она вся горела и металась в бреду. Не дожидаясь темноты и рискуя быть замеченными, юноша вынес девушку на берег реки. Положив Венди у самой воды, он начал остужать ее, обкладывая тело прохладным песком. Медленно текущая вода омывала ноги девушки и тоже вытягивала жар.

— *Я знаю, что сейчас тебе больно и тяжело, — шептал он в*

те минуты, когда сознание возвращалось к ней. — Но постарайся выдавить из себя эту липкую флегму. Не дай ей задушить тебя!

— Не могу, — прохрипела она и снова впала в забытье.

Дерек сидел, положив ее голову себе на колени, и без устали расправлял сплывшие от горячки кудри Венди. Его молодой организм стойко выдерживал невзгоды последних дней, но душевных сил становилось все меньше. Собственное бессилие убивало его веру в лекарское ремесло.

— Какой же я лекарь, если не могу спасти свою любимую? — задавался он горьким вопросом. — Уж коли никто не знает, как исцелить мою малышку, то я сам должен был найти средство!

Его горькие мысли могли сравниться лишь с чернотой наступающей ночи. Речная вода сбила мучивший Венди жар, и Дерек отнес ее обратно в прибрежный лес. Он развел маленький костерок, и теперь они сидели, прислонившись спиной к широкой сосне, вытянув ноги к огню. Влажная голова любимой покоилась на его плече. В забытии она беззвучно шевелила растрескавшимися губами. Боясь оставить свою малышку, он не пошел за хворостом, и жизнь огня оказалась не долгой. Пыхтение тухнущего костра походило на прерывистое дыхание Венди. Умирующие язычки пламени едва пробивались сквозь обгорелые ветки, выхватывая из окружающей темноты ее прекрасные черты. Дерек нежно взял ее обессиленные руки и поднес к своим губам. Ее маленькие кулачки крепко сжимали янтарные бусины.

— Ты не будешь скучать в одиночестве, — прошептал он, глядя на играющие в проглядывающем сквозь пальцы янтаре отблески гаснущего костра. — Твоя мама будет ждать тебя!

Дерек утаил от своей малышки страшную весть, услышанную им на рынке два дня назад. Вернувшись в лес к ожидавшей его Венди, он был, как никогда, оживлен. За наигранной веселостью он скрывал от ее пытливого взгляда надвигающуюся беду. В деревне, где Дерек добывал провизию, только и разговоров было, что о предстоящей казни. Днем раньше янтарную ведьму приговорили к повешению. Ее тело должны были придать земле на перекресте двух дорог, положив лицом вниз. Никто, кроме могильщиков, не мог знать места погребения, а те под страхом смерти должны были держать его в тайне. Но неумолимая церковь настояла на публичном сожжении.

«Сегодня это произойдет», — скорбно вздохнул Дерек, глядя на брезжащий рассвет в той стороне, куда им уже не дойти...

Наступившее утро наполнило далекий город зеваками. Казнь известной ведьмы привлекла даже жителей самых отдаленных уголков Померании. К полудню городская площадь была забита до отказа. Все было готово, и по сигналу герцога палач занял свое

место перед приговоренной.

Вдруг привязанная к столбу ведьма встрепенулась. Ее отрешенный взгляд на миг просветлел и тут же наполнился непомерным горем. Крупная слеза скатилась по щеке. Она почувствовала, как давно утраченная колдовская сила возвращается к ней. Это означало лишь одно – та, что владела этой силой, стала слишком слаба, чтобы удержать ее в себе. Горечь скорой утраты наполнила сердце матери.

— Венди! — прошептала она.

По лицу герцога расплылась довольная ухмылка.

— Умри же в страданиях! — воскликнул он и подошел вплотную к поникшей Сидонии.

Их взгляды встретились, и от улыбки герцога не осталось и следа. Убийственный взор ведьмы словно пригвоздил его к месту. Правитель Восточной Померании застыл как вкопанный, не слыша нервного шепота зевак. Он не видел, как толпа расступилась и пропустила вперед неизвестно откуда взявшегося знахаря. Стоявший спиной к зрителям, палач принял многоголосый ропот за выражение удивления. В его руках вместо ожидаемого факела появился двуручный меч. Из уважения к заслугам Ван-Борков перед короной было объявлено о снисхождении. Вопреки желанию герцога король соблаговолил разрешить перед сожжением отрубить янтарной ведьме голову. Свистнул, рассекая воздух, меч.

Провернувшись несколько раз, голубое небо застыло и смотрело на Сидонию своим бездонным взглядом. Налетевший ветерок трепал ее волосы, ласкал ее лицо, убаюкивал и нашептывал, что сохранит ее силу, за которой прилетел. Когда ветер стих, уже не голубое небо, а небесно-голубые глаза мужа смотрели на нее. Пэйтр убрал смоляную прядь, упавшую на ее лицо, и в последний раз погладил ее кудри. Ниточки седины окрасились всполохами алой крови, что делало ее еще моложе и прекрасней. Он целовал ее остывающие губы и шептал о том, как он ее любит.

— Мы скоро обязательно увидимся! — обещал он.

Стражники с трудом оттащили упирающегося знахаря от казненной, а та смотрела ему вслед, безмолвно расставаясь и отпуская его. Ее угасающий взор рвался на волю, в те края, куда ветер унес ее силу, туда, где кружатся вихри колдовской энергии, ждущие своих новых повелительниц. Замершая в ужасе толпа, не дыша смотрела на шевелившую губами Сидонию. Из привязанного к столбу тела все еще извергались алые пульсирующие гейзеры, пытаясь достичь лежащей подле ног головы.

Не выдержав этого зрелища, герцог схватил горящий факел и бросил в неумирающую ведьму. До конца своих недолгих дней он будет сожалеть о том, что приказал оставить один глаз ведьмы

нетронутым. С самого дня казни этот слезящийся от дыма взгляд будет непрестанно сверлить его, обжигая и днем и ночью. Он будет преследовать герцога повсюду, не отпуская ни на миг. С каждой бессонной ночью страдания правителя Восточной Померании будут расти как снежный ком. Лишь шагнув в никуда с самой высокой башни своего замка, проклятый герцог сможет избавиться от мучившего его видения...

Деяния и смерть янтарной ведьмы были настолько ужасны, что последующие поколения долгие годы боялись произносить ее имя вслух. На продолжение охоты за ее детьми отважились немногие. Те же, кто, преодолевая страх, решился порыскать по окрестным лесам, особенно не усердствовали, дав отпрыскам янтарной ведьмы раствориться в соседних лесах русского царства. Выполняя волю отца, дети Сидонии разбрелись по разноязыкой западной Руси, отдыхающей от смутных времен. Вместе с занимающейся зарей ее последней царствующей династии здесь пускали корни и потомки древней колдовской ветви.

Не прошло и года после описанных событий, как точно в такое же туманное утро, каким была казнена Сидония, войска германского императора вероломно напали на Померию. Страна была захвачена в считанные дни. Страдая под гнетом завоевателей, ее жители не раз вспоминали проклятие янтарной ведьмы. И никто из них не сомневался в том, что это Венди околдовала Фердинанда Второго и натравила его на страну, казнившую ее мать, завершив таким образом вендетту своей семьи...

~ ~ ~

Дича отнял руки от ушей и открыл глаза. Сквозь влажную пелену на него смотрел одетый во все красное палач в сдвинутом на затылок остроконечном колпаке. За спиной он держал пропитанный кровью мешок с отрубленной головой. В кровавый образ палача никак не вписывались тонкие очки и хитрая улыбка, спрятанная за белой бородой. Замутненным взглядом Дича обвел комнату. Все стены были разукрашены к наступающему Рождеству. Горькая реальность вернула его в больничную комнату ожидания.

«Я уже стала бояться зимних праздников!» — вспомнил он отчаянное признание Вичи.

Уже не первый год они встречали Рождество в больнице, и этот год не стал бы исключением, если бы...

«Если бы я только успел положить моего малыша вниз головой и выдавить заливающую ее легкие кровь до того, как остановится ее уставшее сердце! — казнил он себя. — Это было бы самое счастливое Рождество в моей жизни»...

По пути в оперблок он с ненавистью смотрел на развешанные

вдоль коридора улыбающиеся лица Санта Клауса. Лишь в стерильной зоне с ее голыми стенами он сумел успокоиться. Когда они вошли в операционную, одинокая лампа выхватывала из темноты столик анестезиолога, рядом с которым стояла женщина средних лет и встречала их усталым взглядом. Как только скорбная группа приблизилась, она удалила интубационную трубку и обтерла лицо пациентки.

* * *

Наконец-то ненавистную трубку вытащили. За несколько часов до этого Виче перестали вводить обезболивающие и снотворное. Врачи хотели разгрузить заторможенный лекарствами мозг и угнетенный дыхательный центр. Это позволяло убедиться в том, что в полном сознании пациентка сможет дышать без помощи аппарата.

Горло ужасно саднило. Каждое глотательное движение посылало молнию боли по всему измученному телу. Дича склонился над ней, нежно держа за руку. Взволнованным голосом он просил потерпеть совсем чуть-чуть:

— Если будешь умницей, то, может быть, до Нового года успеем выписаться!

— Молодец! Совсем неплохо, — слышалось с другой стороны кровати.

Молодая женщина в белом халате оценивала ее самостоятельные вдохи и выдохи. Дыхательная трубка не давала двигать головой, и Вича не могла видеть лица говорившей. Скосив в ее сторону глаза, она наткнулась на огромную янтарную брошь, которая выглядывала из-под лацкана халата. Сквозь медовую пелену янтаря на нее задорно глядел знакомый комарик. Она протянула руку, пытаясь его погладить, и с удивлением заметила в своей ладони несколько янтарных бусин. Веселый комарик самым чудесным образом перебрался в одну из них и вдруг ни с того ни с сего загрустил в своем новом жилище. Взгляд его потускнел, а смешно шевелившийся хоботок бессильно поник.

Он помахал Виче одним крылышком, как будто прощался, и сбжавшая с хоботка слезинка застыла внутри янтарного шарика не в силах просочиться наружу. С отрешенным спокойствием Вича вдруг поняла, что не дышит. Ее пальцы разжались, и янтарные бусинки солнечными слезами упали в сухую хвою прибрежного леса. Она ничего не чувствовала, кроме горячих слез своего любимого, которые падали на ее лицо из недостижимой выси...

Резкая боль в горле и небывалый приступ тошноты вырвали ее из небытия. Впервые за последние дни она смогла свободно сомкнуть губы. Ее голова тоже обрела свободу. Вича повернулась и увидела улыбающуюся докторшу, которая держала в руке удален-

ную трубку.

Прошлогодние воспоминания исчезли так же внезапно, как и возникли, уступая место недавним событиям. Вича снова переживала то ужасное утро, снова пыталась откашлять заливающую легкие кровь. В глазах опять начинало темнеть. Она как рыба хватала ртом воздух, но быстро сворачивающаяся кровь забивала тромбами дыхательные пути. Чтобы отвлечься от нарастающего удушья, она начала с остервенением бить кулаком по одеялу.

«Почему Дича выключил свет?!» — каплей упала последняя мысль.

* * *

В России в это время наступила полночь. Яна неожиданно проснулась и со слезами в голосе прошептала:

— Всё!

Перед глазами стоял еще не растаявший сон. Она находилась в середине просторной белой комнаты и из последних сил сжимала кулаки, посылая свою энергию борющейся со смертью сестренке. Вдруг снующие вокруг люди в белых халатах остановились и, глядя мимо нее, спросили: «Что вы здесь делаете? Ваша помощь больше не нужна».

— Что случилось? — сквозь сон пробурчал проснувшийся муж.

— Всё! — тихо повторила она и с болью прошептала: — Я опоздала на три дня!..

Срок

Аппарат искусственного дыхания продолжал ритмично выбрасывать дыхательную смесь в воздух операционной. Пациентка лежала задрапированная до самых ключиц, и лишь ее правая рука была открыта для прощальных прикосновений. Дича ничего не видел вокруг, его взгляд был прикован к слегка приоткрытым глазам Вичи. Ему казалось, что она просто вздремнула от дневных забот. Сквозь капельки слезинок на очках он тщетно пытался найти в ее затуманенном взоре хоть какие-то признаки жизни. Перед глазами вновь всплыли их последние мгновенья вместе. По злой воле судьбы в тот момент звучали совсем не те слова. Вместо нежного шепота: «Я люблю тебя, малышка, и никогда не забуду!» Дича в страхе умолял: «Дыши носом!»

А в ответ вместо сердечного: «Я люблю тебя больше жизни и благодарна тебе за все!» донеслось еле уловимое: «Не могу!»

Захотелось крикнуть на весь мир: «Люди, берегите друг друга, признавайтесь друг другу в любви каждый день, ибо он может быть последним на этой грешной земле!..»

Прошло пять минут, но сердце донора продолжало биться. Группа кардиохирургов тихо покидала операционную. Сердце, которое работало столько времени без кислорода, уже не могло быть пересажено. За спинами уходивших хирургов яростно метались вихри черной энергии. Энергетические сгустки сталкивались и разбивались друг о друга, чтобы снова собраться в невидимый кулак и нанести очередной удар. Черные сестры не могли допустить, чтобы гибнущая виккианская воительница продолжала жить в других. Слишком много сил было потрачено на борьбу с ней, и кто знает, в кого превратятся те, кто будет нести в себе ее частичку?

Неокрепший отряд виккианских сестер пытался защитить свою неустрашимую предводительницу. Они не могли покинуть ту, что незримо помогала им выжить в этом вражьем логове и пожертвовала собой ради сестринства. Приняв неравный бой, они не выдержали первого удара, и теперь бесстрашное сердце их хрупкой воительницы не сможет помочь никому. Казалось, что победа черных сестер близка, и скоро они полностью уничтожат столь ненавистную им иноземку.

Но праздновать победу было рано! В самый критический момент противостояния из-за драпировки, отделяющей лицо виккианской воительницы от хирургов, начали всплывать радужные сферы белой энергии. Они разбивали губительные потоки черных сестер, оставляя виккианскую энергию нетронутой. Будущим властительницам мира требовалось все больше усилий, чтобы пробиться к умирающей предводительнице малочисленного отряда сестер Старого Света.

Действия ее защитниц становились все стройнее и целенаправленнее, и вокруг виккианской воительницы начинал расти непроницаемый энергетический кокон. Темные силы черных сестер раз за разом разбивались о невидимую преграду. Кокон медленно рос, вытесняя атакующую энергию за пределы операционной. Над больницей нависли тучи, закружился колючий вихрь. Черные сестры тщетно зывали о помощи. По иронии судьбы, все темные силы были стянуты на далекую родину виккианской воительницы, где хоронили патриарха. На похороны съехалось духовенство со всего света. Даже в смерти патриарх продолжал свое дело объединения религиозных общин и конфессий, тем самым неся угрозу грядущему господству сатанинских сил.

Оставшись без подкрепления, черные сестры оказались бессильны. Защитный кокон рос без помех, и вскоре вся больница оказалась внутри огромной полусферы. Теперь и сама воительница, и все, кому она поможет в этот день побороть смертельный недуг, были укрыты под невидимым крылом виккианских сестер...

Дича не замечал ни тестя, ни Пашу, ни запредельного нервного напряжения в оперблоке. Он склонился над Вичей и из последних сил держался на ногах, опираясь локтями о край операционного стола. Неистово сжимая виски, он боролся с неимоверной головной болью. Вены на его шее набухли до предела.

Его пурпурно-синее лицо могла видеть только Вича, и в какой-то момент сквозь пульсирующие красные круги ему показалось, что глубоко в ее зрачках мелькнуло удивление. Ее Дича испускал радужные потоки белой энергии сквозь перекошенный болью рот. Вот его лицо просветлело. Боль отступила. Он отпустил виски, и из его пальцев выскользнула пустая трубочка из-под нитроглицерина. На нижней губе у Дичи угадывались следы белого порошка.

Опершись о стол, он тяжело приподнялся. Стол слабо качнулся в ответ, и, как бы не веря увиденному, в такт столу покачала головой и Вича. Все растворилось в бесконечной пелене времени. Далекие звезды мерцали в бескрайнем пространстве. Прилетевший откуда-то ветерок поднял прядку Вичиных волос. Взвившийся локон коснулся лба Дичи и стал медленно опускаться, нежно касаясь его лица. Задержавшись на влажной щеке, золотая прядь прильнула к его губам, и время остановилось...

Они были одни в этом мире. Он и все еще его Вичинька. Дича гладил ее лицо, целовал ее невидящие глаза и шептал в ее не слышащие уши о том, как он ее любит. Он умолял ее проснуться, но она смотрела сквозь него своими бездонными глазами, безмолвно прощаясь с ним и отпуская от себя. Ее гаснущий взор рвался на волю, туда, где нет ни боли, ни страданий.

Издалека донесся едва уловимый запах костра. Во рту появился привкус крови от их последнего поцелуя, во время которого он так отчаянно дышал за нее до приезда парамедиков. Прямо на глазах ветвистые тени складок сморщенной простыни операционного стола стали превращаться в сухой валежник. В ночное небо поднимался нежный дымок, завиваясь совсем как локоны спящей на хворостяном ложе красавицы. Набирающие силу язычки пламени пробились сквозь аккуратно сложенные ветки, выхватывая из темноты прекрасные черты ее лица. Это видение вдруг оживило далекое прошлое.

Он сидел, прислонившись к высокой сосне, и сторожил тревожный сон своей малышки. Осенние сумерки сгущались. Вместе с темнотой подкрался тягучий сон. Он не знал, как долго пробыл в тревожном забытье. Непривычная пугающая тишина пробудила его. Хрипы Венди больше не разносились над речной гладью, и только плеск играющих рыб нарушал безмолвие ночи.

Склонившись над ней, Дерек с ужасом осознал, что вместе с

хрипами пропало и слабое дыхание. Он охватил ее рот губами и попытался вдохнуть в нее уходящую жизнь. В ответ грудь Венди послушно расправилась и тут же безжизненно опала. Во рту появился уже привычный привкус крови, который за последние дни все глубже проникал в его существо. Частичка крови любимой теперь текла и в его жилах, и наступающее одиночество уже не так пугало. Его малышка оставалась с ним. Она теперь была частью его, и будет жить до тех пор, пока живет его измученное сердце.

— Ты не уйдешь бесследно! — возбужденно воскликнул Дерек.

Он вытащил кинжал и занес руку над животом Венди. Кесарево сечение — так называл отец то, что он собирался сейчас сделать.

«Так по воле божьей появился на свет король Шотландии и основатель династии Стюартов! — звучал в голове голос отца. — Придворный лекарь шотландского двора успел освободить из чрева умершей матери наследного принца!»

Рука Дерек дрогнула: «Моя малышка просила предать ее тело огню, но ни словом не обмолвилась о дите! Вдруг оно будет таким же немощным? Хотела бы она обрекать на такие же мучения ни в чем не повинную душу? Раз уж providение так распорядилось, в праве ли я противоречить ему?»

Кинжал блеснул в свете луны, разгоняя сомнения...

С отрешенной аккуратностью Дерек соорудил для Венди последнее ложе из валежника. Когда он нежно уложил ее на приготовленную постель, ни одна ветка не хрустнула под ее невесомым телом. Глядя на спокойное лицо любимой, он не заметил, как из ее безжизненной руки выпало несколько янтарных бусин. Звук их падения растворился в легком гудении набирающего силу огня. Вскоре по прибрежному лесу разнесся еле уловимый запах костра. В ночное небо поднимался нежный дымок. Достигнув верхушек деревьев, он поворачивал в сторону реки и сопровождал ее быстрые воды до самого моря. Стройные сосны танцевали в отблесках огня, отражая прекрасный профиль покидающей их Венди. Не замечая обжигающего жара, Дерек склонился над ней, и подбирающиеся к ее лицу язычки пламени превращали его слезы в легкие облачка.

— Я сделал все, как ты наказывала! — разносились по лесу его рыдания, и ночные звуки леса стихали, скорбя вместе с ним.

Обессиленный, он осел на землю, и тут что-то нежное коснулось его пальцев. Янтарные бусины подкатились, будто просясь в его ладонь. Они еще несли тепло ее рук и передавали ему последнее прощанье. Он поднял их и спрятал в складках рубища, в которое был завернут тихо посапывающий младенец.

Сидя около растворяющейся в огне любимой, он одиноким вол-

ком был на полную луну. Казалось, что сила его голоса достигла небес и расколола металлическое мерцание ночного светила на множество стеклянных лун...

~ ~ ~

В полумраке оперблока единственным ярким пятном оставался столик анестезиолога. Его свет отражался от висящей под потолком многоокой операционной лампы и холодным металлическим блеском падал вниз десятками маленьких лун. Дича продолжал смотреть вверх. Где-то там вихри черной энергии бессильно разбивались о невидимую преграду. Он опустил глаза, и ему почудилось, что едва уловимая улыбка победительницы коснулась лица виккианской воительницы. Никто, кроме него, не заметил этого. Весь персонал был прикован к кардиомонитору. Шла двадцатая минута, а сердце упорной пациентки продолжало биться наперекор всему.

— Ты победила любимая! Что же держит тебя здесь? — сорвался с его губ отчаянный шепот.

Перед глазами вспыхивали и гасли электрические волны ее сердца. Промежутки между ними неотвратимо увеличивались. В глазах рябило. Что-то в кардиограмме бегущей по монитору было не так.

В какой-то момент он скорее почувствовал, чем увидел едва уловимые вкрапления тончайших зубчиков, которые с завидной регулярностью пытались пробиться на поверхность из глубины сигналов Вичиного сердца. Очки чуть съехали с вспотевшего от напряжения носа и, отразившись в металлической душе, свет ножом резанул по глазам, напомнив только что пережитое видение.

«Не может быть!» — обожгла внезапная догадка.

Нарушая полученные перед входом в операционную инструкции, он откинул полог, за которым сгрудились в ожидании своего часа хирурги, и судорожно обвел их взглядом. Ни на одном из них не было того, что он искал. Его продвижение к обнаженному и уже обработанному антисептиками животу Вичи преградил высокий анестезиолог с блокнотом для стенографирования процедуры удаления органов. На шее у него было то, что он искал. Дича, не раздумывая, сорвал фонендоскоп. Не будь он в такой спешке, то наверняка обратил бы внимание на знакомый иссиня-ледяной блеск глаз анестезиолога. Вставив фонендоскоп в уши, он с силой вжал его в желтый от йода живот и весь превратился в слух.

«Не может быть! Не может быть!» — металось в голове.

Стук его собственного сердца мешал слушать. Он глубоко вдохнул, пытаясь унять сердцебиение. На пике вдоха его сердце замерло, и он отчетливо услышал тиканье еще одного — маленького сердечка. Не раздумывая, он схватил скальпель с ближайшего ин-

струментального столика. Оправившись от неожиданности, ближе всех стоявший хирург перехвати его руку и требовательным движением высвободил скальпель из сжатых добела пальцев.

— У нас нет времени! — взмолился Дича. — Там!..

— Я понял! — перебил его хирург. — Оставь это профессионалам.

— Свет! — крикнул он анестезиологам.

Под потолком вспыхнула операционная лампа. Дича зажмурился. Его оттеснили от стола ассистенты хирурга. Открыв глаза, он попытался заглянуть через их плечи, но резкая боль в левом боку остановила его. Боль была настолько всепоглощающей, что он даже не смог вскрикнуть, но рефлекторно схватился за источник боли. Рука наткнулась на шприц! Теряя контроль над собственным телом, с трудом повернул голову. Перед ним стоял тот самый анестезиолог, у которого он забрал фонендоскоп. Сквозь щель натянутой до глаз маски вырывался леденящий душу взгляд, такой, что, казалось, ресницы смотрящего покрываются инеем. Из последних сил Дича протянул к нему руку и стянул маску. Тот не противился, да и не мог. Его руки были заняты. Одной он прижимал к себе приговоренного, а другой продолжал выдавливать содержимое шприца в область селезенки. Сквозь пелену боли Дича вспомнил, где он впервые наткнулся на этот взгляд.

«Если они все знали с тех самых пор, почему только сейчас?» — Его молчаливый вопрос остался без ответа.

Перед глазами возник салон самолета и его Вича, захлебывающаяся в омуте черной энергии, затопившей авиалайнер. Еще мгновение, и его любимая погибнет! Вот тогда он впервые нарушил обет, данный братству диссипаторов. Полный ледяной пустоты взгляд экзекутора не отпускал его. Именно эти глаза привлекли внимание Вичи в толпе встречающих в Нью-Йорке. А он-то, глупый, надеялся, что нарушение клятвы высоко в небе вдали ото всех останется незамеченным!

«Почему ты не убил меня тогда?» — подумал Дича, не в силах вырваться из черной бездны зрачков палача.

Тогда он наивно полагал, что ему это сошло с рук, и лишь после повторного использования силы, которой его наделило братство, он начал серьезно опасаться возмездия.

Но шло время, а ночное приключение Вичи и ее подруги на кладбище, осталось незамеченным, и превратилось лишь в забавное воспоминание: «Ага! Блажен, кто верует! Хотя, постойте! Не этот ли взгляд следил за мной из кучи картонных коробок на заброшенной аллее? Но если братство простило меня дважды, то после третьего раза расплаты было не миновать!»

Он вспомнил совсем недавнее противостояния его обескров-

ленной Вичи с гаитянкой, пышущей силой. Спящий в тачке под пальмой рабочий был необычайно высок для жителя Ямайки. А его взгляд!..

«Почему именно сейчас? — повторил он свой немой вопрос. — Дайте мне хотя бы пять минут! Я должен видеть!..»

В этот момент палач оглянулся. Из глубины операционной нетвердой поступью приближался высокий старик в белом халате. Он держал руки в карманах, но по волнам, расходившимся по полам его халата, можно было догадаться о старческом треморе.

«Почему ты не защищался, когда сам был атакован черными сестрами? — пытался понять старик. — Зачем ты рисковал собой? Ты уже нарушил клятву? Нарушил бы еще раз!»

Он пристально смотрел в искаженное болью лицо ренегата. Изможденные глубоко посаженные глаза старика жмурились от яркого света операционной лампы, длинные седые ресницы мелко дрожали. Он видел, как все существо мужчины тянулось к происходящему на операционном столе, но спазмированные эликсиром возмездия мышцы не давали ему повернуть голову. Старик посмотрел на полупустой шприц. Дозы эликсира, который уже был введен, было более чем достаточно для мучительной смерти от болевого шока или остановки дыхания. Однако, приговоренный все еще стоял и пытался повернуть голову в сторону умирающей жены.

«Какая неведомая сила помогает тебе?» — И тут страшная догадка осенила старика.

Он стремительно выдернул руку из кармана и быстро сжал кисть палача: «Мы не можем казнить его!»

В глаза бросился громадный перстень Магистра диссипаторов на дрожащей руке старика, тыльная сторона которой была изуродована запоминающимся рубцом.

«Я знаю этот шрам!» — Память о судьбоносной встрече была сильнее боли.

Этот перстень принадлежал человеку, скрывающемуся за черным пологом с золотым позументом в глубине той странной квартиры. Квартиры, в которой он попался в ловушку много лет назад. От боли в глазах у Дичи было темно, темно как тогда, когда он впервые увидел этот перстень. Ему показалось, что он снова оказался в той роковой комнате.

«Что здесь происходит? — пытался понять он. — Меня же сюда вызвали для транспортировки беременной, у которой отошли воды».

По квартире в это время разносились слова, смысл которых он слабо понимал, но хорошо запомнил. Еще он помнил точно, что тогда рука Магистра так не тряслась и твердо лежала на его голове. Пока ничего не подозревающий водитель «скорой» безмятежно

дремал в машине, в квартире на последнем этаже шло посвящение молодого фельдшера в диссипаторы.

— Не ведая того, ты сблизился с одной из тех, кто будет вершить судьбы черных сил планеты, — звучал за гардиной приглушенный голос. — Отныне ты не принадлежишь себе! Входя в наше братство, ты наделяешься способностью контролировать баланс черных сил.

С этими словами из-за гардины появилась чья-то огромная рука с трубочкой из-под нитроглицерина, наполненной магическим порошком. После того как трубочка исчезла в кармане посвящаемого, Магистр продолжил:

— Но помни! Только тогда, когда возникает угроза захвата мирового господства одной из сторон, тогда и только тогда ты можешь вмешаться в ход событий и использовать наш порошок! Вот основной закон нашего братства. Нарушивших его ждет ужасная кара! Так поклянись же, что ты будешь следовать ему под страхом смерти!

— Клянусь! — прокатилось по пустынной квартире в ту далекую ночь и теперь эхом отозвалось в разрываемой болью голове Дичи.

Эхо стихло, а вместе с ним стихла и боль. Тут же подумалось: «Наверное, смерть действительно приносит облегчение!»

Он опустил руку и не нашел шприца у себя в боку. Две высокие спины в белых халатах маячили у выхода из операционной.

— Что произошло?! — ледяным голосом поинтересовался палач.

— Мы не можем убить его! — не слыша вопроса, повторил Магистр. — Иначе сами нарушим клятву!

— ???

— Он теперь один из них!

— Из них — кого?

— В нем ее кровь!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	3
ГЛАВА 1	Познание себя.....	28
ГЛАВА 2	Приобщение.....	47
ГЛАВА 3	Родственные души....	69
ГЛАВА 4	Логово врага.....	89
ГЛАВА 5	Выживание.....	110
ГЛАВА 6	Возвращение.....	132
ГЛАВА 7	Возрождение.....	154
ГЛАВА 8	Выход в люди.....	175
ГЛАВА 9	Хорошее место.....	199
ГЛАВА 10	Передышка.....	221
ГЛАВА 11	Бабье лето.....	243
ГЛАВА 12	Начало конца.....	265
ГЛАВА 13	Подарок жизни.....	289
ЭПИЛОГ	315

